
Новая история
Сергей Плохий
Чернобыль
История ядерной катастрофы
1П
2П

Сергей Плохий

Чернобыль

История ядерной катастрофы

Новое издательство
Москва
2021

Serhii Plokhy
Chernobyl
The History of a Nuclear Catastrophe

Детям атомного века

Предисловие к русскому изданию

Чернобыль оставил зарубку в геологической памяти Земли, как никакое другое событие новой и новейшей истории. Пройдут десятки тысячелетий, а ученые все еще будут находить в скальных отложениях следы ядерного облака, которое накрыло бóльшую часть Европы в апреле и мае 1986 года. XX век с большей вероятностью останется в памяти потомков эпохой Чернобыля, чем эпохой двух мировых войн, революций и развала империй.

Уже сегодня память о Чернобыле принадлежит не только отдельным людям и странам, пережившим крупнейшую ядерную аварию современности, но всему миру. Успех телесериалов, компьютерных игр, документальных фильмов, научных книг и романов на эту тему — веское тому подтверждение. По мере того как память непосредственных участников, очевидцев и современников аварии превращается в абстрактную память новых поколений, чрезвычайно важно не упустить и не забыть реальных людей, реальный контекст событий. Важно не только отдать долг памяти тем, кто оказался в самом центре катастрофы или пострадал от ее последствий. Необходимо восстановить исторический контекст, чтобы не повторять ошибок прошлого. Ведь Чернобыль — это трагедия рукотворная; катастрофа, созданная человеком.

О Чернобыле написано и сказано очень много. Но память тех, кто его пережил, и тех, кто узнал о нем из компьютерных игр или кинофильмов, одинаково фрагментарна. Перед нами всплывают образы «биороботов» или шахтеров, роющих лопатами «подкоп» под реактор, но что именно произошло, почему это стало возможным и к чему привело, остается загадкой. Как раз такого рода загадки я пытался разгадать в этой книге, главная цель которой — превращение фрагментарной памяти в целостную историческую картину. Эта картина не ограничивается восстановлением логики, а зачастую — алогичной цепочки событий до и во время катастрофы. Она включает также политический и общественный контекст аварии, а главное, ее последствий.

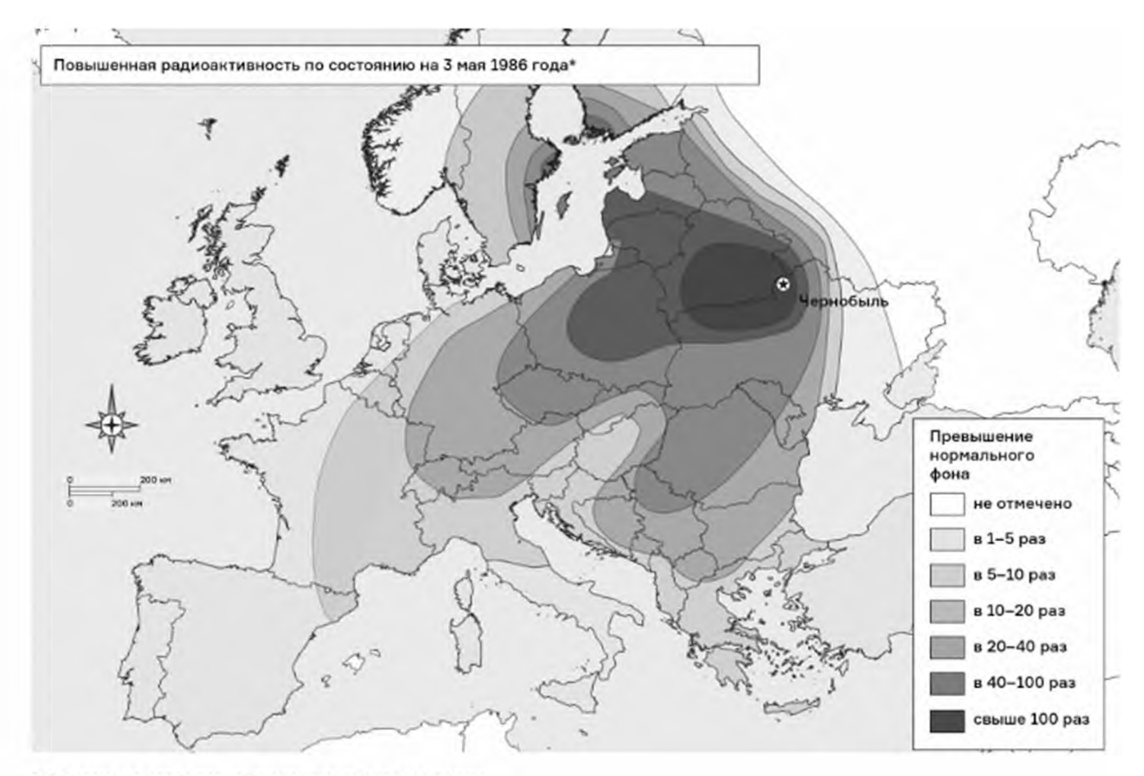
Одно из наиболее значимых и до конца не осмысленных ни современниками, ни потомками последствий Чернобыля — влияние атомной катастрофы на распад Советского Союза. Было бы ошибкой считать, что, не будь Чернобыля, Советский Союз существовал бы и сегодня, но попытка

воссоздать, а главное, осмыслить его распад, не принимая во внимание Чернобыль, была бы ошибкой вдвойне. Распад СССР — создателя, главного бенефициара, а потом и одной из главных жертв чернобыльского реактора — привел к фрагментации памяти о Чернобыле. О том, что происходило после аварии в Белоруссии, сегодня известно главным образом в Беларуси, о происходившем в Украине знают в Украине, о событиях в России — в России.

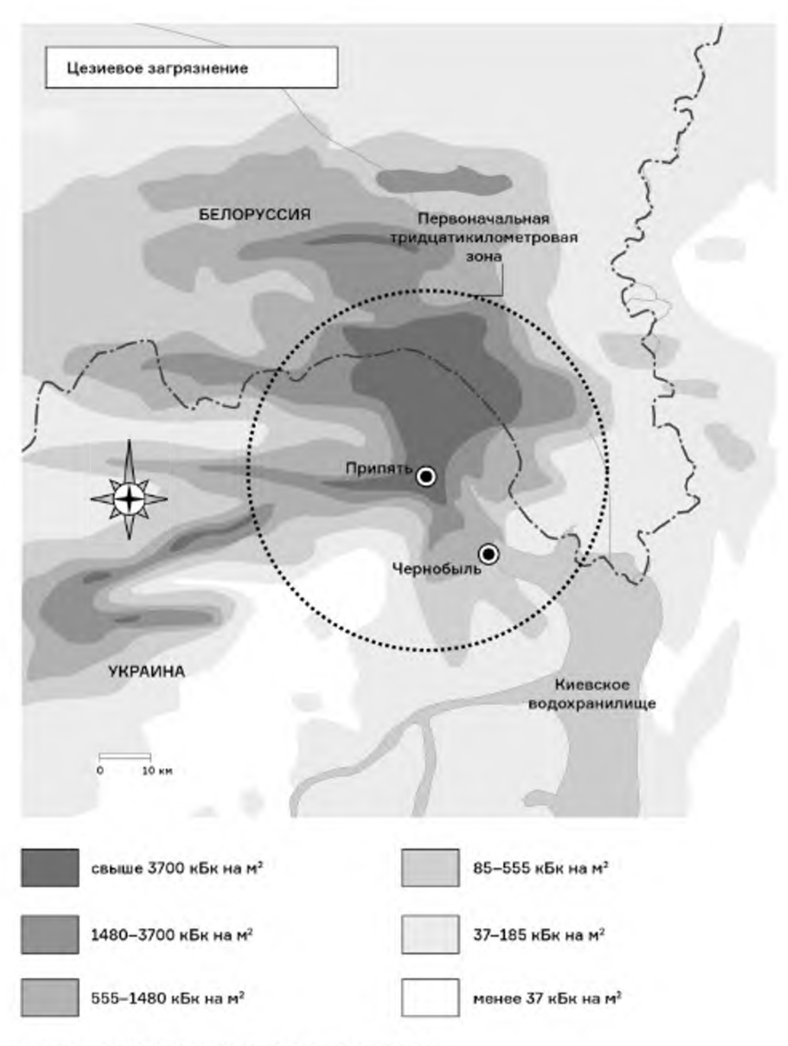
В своей книге я помещаю катастрофу в международный контекст, но в то же время стараюсь удержать фокус на истории реактора и Чернобыльской станции с 70-х годов прошлого века до наших дней. А это означает, что вместе с реактором в центре внимания оказывается Украина, и я надеюсь, что как раз украинские сюжеты, связанные с ролью Чернобыльской аварии в мобилизации украинского национального движения, окажутся для российского читателя среди наиболее интересных и неожиданных.

В заключение хотелось бы упомянуть о необходимости связать нашу память о Чернобыле не только с прошлым, но и с будущим. Чернобыльская эпоха еще далека от завершения как с точки зрения последствий аварии для природы и здоровья людей, так и с точки зрения угрозы, которую несет миру развитие ядерных технологий. РБМК — реакторы того самого типа, который взорвался в Чернобыле, — продолжают эксплуатироваться и сегодня. Их придумали в 60-х годах прошлого века как временную, несовершенную, но зато относительно дешевую замену более надежным и безопасным реакторам ВВЭР, для строительства которых еще не существовало производственной базы. Но нет ничего более постоянного, чем временное.

Большинство из примерно дюжины реакторов типа РБМК, которые продолжают работать на Курской, Ленинградской и Смоленской АЭС, должны быть выведены из эксплуатации в этом десятилетии. Но пока этого не произошло, Чернобыль остается больше чем памятью. Рано думать, что мы перевернули эту страницу истории.

* Показана на современной политической карте Европы.

1 микрокюри (мкКи) равен 37 килобеккерелям (кБк).

Введение

Мы едем в Чернобыль ввосьмером. (У меня карта на украинском — там он «Чорнобиль».) Кроме меня, в микроавтобусе три будущих инженера из Гонконга, которые путешествуют по России и Восточной Европе. Остальные — британцы, насколько могу судить по их выговору, — трое мужчин и одна женщина, никому из них нет и тридцати. Скоро я узнаю, что насчет женщины ошибся: ее зовут Аманда, и она гордится своей ирландской родословной. Никаких проблем в общении с англичанами это не создает.

Пару месяцев назад Аманда предложила мужу (это один из троих британцев, по имени Стюарт) спланировать отпуск, и он сказал, что хотел бы побывать именно здесь. Вот они и нагрянули, прихватив Стюартова брата, а также друга семьи. Интерес к Чернобылю у них пробудили две компьютерные игры. «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля» переносит геймера в Зону отчуждения после второго, вымышленного ядерного взрыва. Там ему надо бороться за жизнь, расстреливая орды чудовищ. В «Call of Duty 4: Modern Warfare» главный герой (капитан Джон Прайс) попадает в заброшенный город Припять в погоне за Имраном Захаевым, вожаком радикальной группировки. Стюарт и компания решили взглянуть на эти пейзажи собственными глазами.

Наш украинский гид, юная жизнерадостная Вита, сначала везет нас в 30-километровую зону отчуждения, а затем и в 10-километровую, охраняемую строже. В центре двух окружностей возвышается остановленная атомная электростанция. Мы видим «Дугу» — огромный радар, построенный в разгар холодной войны. Незамысловатая по сегодняшним меркам система должна была засечь баллистические ракеты, выпущенные с восточного побережья США. Затем мы гуляем по самому Чернобылю, атомной станции и Припяти. В этом городе-призраке не так давно жило около пятидесяти тысяч строителей и работников четырех энергоблоков АЭС. Вита вручает нам дозиметры, которые сигналят, когда уровень радиации превышает норму. Кое-где (например, возле уничтоженного взрывом реактора) они трещат без остановки. Вита забирает дозиметры и отключает звук — точно так же как ликвидаторы в 1986 году. Счетчики показывали смертельный

уровень радиации, а людям надо было выполнить поставленную задачу. Да и Вита здесь работает, не прохлаждается. По ее словам, за целый день в зоне мы получим столько же облучения, сколько на пассажирском самолете за час. Мы предпочитаем поверить нашей проводнице.

Всего Чернобыльская авария привела к выбросу радионуклидов активностью свыше пятидесяти миллионов кюри — в несколько сот раз мощнее бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Причиной бедствия стала утечка радиоактивного топлива из разрушенного энергоблока (хотя более половины осталось на месте). Изначально там находилось около ста восьмидесяти тонн обогащенного урана — достаточно для опустошения немалой части Европы. Если бы взрыв повредил остальные три реактора ЧАЭС, так или иначе пострадали бы все живые организмы на планете. После 26 апреля еще несколько недель специалисты не могли уверенно обещать, что Чернобыльский радиоактивный вулкан не взорвется вновь — с намного худшими последствиями. Этого не случилось. Но ущерб от взрыва реактора будет сказываться на отдаленных потомках ныне живущих. Период полураспада плутония-239 — его нуклиды тоже попали в атмосферу, а ветер донес их до Швеции — равен 24 тысячам лет.

Припять иногда называют Помпеями наших дней. Между ними есть очевидное сходство, но и различие велико. Хотя бы потому, что в украинском городе более-менее уцелели не только стены и потолки, но даже стекла в некоторых окнах. Опустошили Припять вовсе не вулканический жар и лава, а невидимое излучение. Население покинуло город, но флора не отступила, а дикие звери вновь господствуют на земле, освоенной было человеком. На улицах многое напоминает о давнем советском прошлом. Коммунистические лозунги остались нетронутыми, в заброшенном дворце культуры стоит портрет какого-то вождя. Наша проводница говорит, что его никому уже не опознать, но мне (в начале перестройки — преподавателю в украинском вузе) знакомо это лицо. Это Виктор Чебриков, глава КГБ с 1982 по 1988 год. Прошедшие тридцать лет ему нимало не повредили. Одна дырочка возле носа — в остальном Чебриков сохранился прекрасно. Мы идем дальше.

«Почему же Вита, такой прекрасный экскурсовод, не знает, кто изображен на портрете?» — недоумеваю я про себя. В заброшенном универмаге она теряется, когда нужно рассказать о

вывесках «Мясо», «Молоко» и «Сыр», прикрепленных над разными отделами. «Почему теперь пишут, – спрашивает Вита, – что в Советском Союзе не было почти ничего?» Я поясняю: Припять жила богаче других городов благодаря атомной станции. Работников ЧАЭС потребительскими товарами снабжали лучше обычных граждан. К тому же вывески «Мясо» и «Сыр» сами по себе ничего не гарантировали. Не забывайте, что через пропасть между реальностью тех времен и трескотней пропаганды можно было только перешучиваться. Старый анекдот: «Если хотите, чтоб у вас был полный холодильник, подключите его к радиоточке». По радио вещали о росте благосостояния, у холодильника были свои данные.

Именно тогда, в Припяти, я решил рассказать историю Чернобыля — ради тех, кто не застал те времена и не видел тех людей своими глазами, но хочет понять, что же произошло в ту злополучную ночь на 26 апреля 1986 года и в те дни, месяцы, годы, что за ней последовали. Советское руководство пыталось было замолчать аварию и масштаб ее последствий, но грохот взрыва услышали многие миллионы людей по обе стороны железного занавеса. Повесть о Чернобыле открыли репортажи, напечатанные по свежим следам катастрофы, а продолжили исследования и романы, документальные и художественные фильмы. Разобраться в причинах бедствия, осознать, чем оно грозило планете, извлечь уроки — все это задача историка, способного понять контекст той эпохи, выстроить факты в определенную схему. Тем не менее даже сегодня, через тридцать лет, эта работа еще не сделана.

Эта книга — исторический очерк и, кажется, первое последовательное изложение событий, начиная от взрыва на четвертом энергоблоке до остановки станции в 2000 году и далее, до ввода в эксплуатацию новой арки укрытия (это произошло одновременно с изданием английского оригинала книги). В исследовании темы мне очень помогло недавнее открытие архивных фондов, связанных с аварией на ЧАЭС. Многие украинские архивы упростили режим работы — увидеть документы компартии и правительственных структур времен перестройки стало легче. А украинский Майдан, народное восстание в начале 2014 года, обернулся «архивной революцией», которая дала невозможный ранее доступ к фондам КГБ.

Я писал эту книгу как историк и одновременно свидетель эпохи. Во время взрыва я тоже жил на берегу Днепра — Чернобыль примерно в пятистах километрах выше по течению. Нашу семью беда как будто обошла стороной. Однако несколько лет спустя врачи в Канаде, куда я уехал работать, сказали, что щитовидная железа у меня не так давно была воспалена — тревожный симптом облучения. К счастью, у жены и детей ничего подобного не нашли. Радиация вообще непредсказуема: моего однокурсника послали в Чернобыль в составе подразделения МВД вскоре после взрыва — и теперь он каждый год не меньше месяца проводит в больнице. А вот коллега по университету, который побывал в зоне заражения примерно в то же время, похоже, не пострадал — он преподает в США историю СССР. Разговоры с ними и другими участниками событий, а также собственные воспоминания помогли мне понять, что двигало теми, кто не щадил здоровья, а иногда и жизни в борьбе с последствиями катастрофы.

С каждым годом она все больше обрастает мифами — и все труднее становится воссоздать реальность, понять, что привело к ядерному взрыву, хуже которого Земля не знала, и чем он нам грозил. Недавно открытые архивные фонды и обнародованные правительственные документы, интервью с очевидцами, книги таких авторов, как Светлана Алексиевич и Юрий Щербак, — все это позволило мне описать политическое, общественное и культурное воздействие чернобыльского взрыва в долгосрочной перспективе. В своем рассказе я перехожу от блока управления и поврежденного реактора к беженцам из зоны отчуждения, а затем в кабинеты первых лиц Киева, Москвы и Вашингтона. Поместив Чернобыльскую аварию в контекст мировой истории, можно извлечь из нее уроки глобального значения.

С точки зрения историка, это повесть о техногенной катастрофе, которая ускорила крах не только советской атомной промышленности, но и советского строя в целом. Она стала началом конца коммунистической державы, не протянувшей после аварии и шести лет. Виной тому был не только идеологический камень на шее СССР, но и ущербность его административной и экономической систем.

Взрыв на ЧАЭС стал испытанием для Советского Союза образца эпохи застоя и навсегда изменил старый порядок вещей. Политика гласности дала средствам массовой информации и

простым гражданам право говорить о политических и социальных проблемах, на критику власти. Толчком для нее стали апрельские дни 1986 года. От Кремля требовали все более полной информации, и броня секретности треснула. Именно Чернобыль вынудил правительство позволить обычным людям объединяться в организации для защиты окружающей среды, что нарушило монополию КПСС на политическую деятельность. Первые массовые движения, затем и партии времен перестройки уходят корнями в экологический активизм — он охватил крупные города Советского Союза, сильно загрязненные выбросами заводов и фабрик.

Радиация не обошла стороной ни простых рабочих, ни вождей, поэтому Чернобыль резко обострил этнические и социальные конфликты в Советском Союзе. В Украине это ощутили, как нигде, — ведь уничтоженный взрывом реактор находился в Киевской области. У двух враждебных друг другу сил — компартии Украины и нарождавшейся демократической оппозиции — появился общий противник в Москве, а именно генеральный секретарь компартии Михаил Горбачев. 1 декабря 1991 года жители Украины проголосовали за независимость и тем самым отправили сверхдержаву на свалку истории (Горбачев признал роспуск СССР через несколько недель). Отводить Чернобылю главную роль в становлении гласности или подъеме национальных движений в Украине и в других республиках было бы неверно. И все же в ряду причин этих взаимосвязанных явлений он занимает далеко не последнее место.

Легко винить в атомной трагедии прогнивший государственный строй или конструктивные ошибки реакторов типа РБМК, к которым принадлежал и чернобыльский, — подразумевая, что сегодня подобное невозможно. Но это самообман. Факторы, способные привести к взрыву ядерного реактора, никуда не исчезли. Властителей, которые, лицемерно выражая заботу об окружающей среде, готовы любой ценой добиваться экономического роста, бороться с энергетическим и демографическим кризисами, стало еще больше. Может ли подобная ядерная катастрофа повториться? Ответа никто не знает. Но мы должны понять одно: правильные выводы из того, что произошло в Чернобыле, уменьшат вероятность очередного апокалипсиса.

Пролог

28 апреля 1986 года в седьмом часу утра Клифф Робинсон позавтракал, почистил зубы в умывальной и отправился в раздевалку, куда пройти можно было только через детектор радиации. Робинсон, двадцатидевятилетний химик, работал на атомной станции Форсмарк в двух часах езды от Стокгольма, и это была обычная процедура. Но не в этот раз. Внезапно сработала сигнализация. «Что за чепуха? Я даже не входил в контрольную зону, значит, и облучиться не мог», — подумал Робинсон. Он еще раз прошел через детектор — сигнализация сработала снова. На третий раз, впрочем, она смолкла. Теперь стало ясно, что это был просто технический сбой.

По должности Робинсону полагалось наблюдать за уровнем радиоактивного заражения на станции. «Забавно, что детектор решил продемонстрировать свою бдительность на мне», — подумал он. Главное, впрочем, что аппарат чудил совсем недолго. Клифф занялся обычными делами, почти забыв об этом. Но два-три часа спустя, когда он вернулся к раздевалке, перед детектором стояла целая очередь — работники растерялись, поскольку сигнал тревоги не умолкал. Проверять исправность механизма Робинсон не стал. Он снял с одного из коллег ботинок и отнес на компьютерный анализ. От результата его бросило в дрожь. «Я увидел то, чего никогда не забуду. Обувь получила громадную дозу. Столбики уровня радиации стремительно ползли вверх».

Сначала он решил, что взорвалась бомба: на обуви оказались радионуклиды, нехарактерные для атомной электростанции. Робинсон доложил начальству, а оно уведомило Стокгольм — Управление по радиационной безопасности. В столице решили, что утечка могла произойти на самой АЭС. Работников Форсмарка спешно эвакуировали. Началась проверка помещений, которая, однако, ничего не дала. Около полудня стало ясно, что искать источник заражения на станции не стоит. Предположение о взрыве бомбы тоже отбросили, радиоактивные элементы в таком случае были бы иными. Высокий уровень радиации обнаружили и в других местах, где имелись необходимые приборы. Сомнений не осталось — зараженные частицы попали в Швецию из-за рубежа.

Расчеты синоптиков указывали на ветер с юго-востока — со стороны одной из двух ядерных сверхдержав. Какое несчастье могло ее постигнуть? СССР хранил молчание. Управление по радиационной безопасности связалось с коллегами из Москвы, но те уверяли: на их территории не происходило ничего, что могло бы вызвать радиоактивное загрязнение. При этом инспекторы в скандинавских странах и далее отмечали необычно высокий уровень радиации. На территории Швеции гамма-излучение превышало норму на 30–40 процентов, Норвегии — вдвое, Финляндии — в шесть раз.

Над полуостровом плыли облака ксенона и криптона — двух газов, выделяющихся при расщеплении ядра урана. Их обнаружили и в Дании. Тесты показывали, что источник радиоактивного заражения, где бы он ни находился, продолжал выделять в атмосферу опасные вещества. Шведы настойчиво звонили в три советских ведомства, ответственных за ядерную энергетику, но слышали тот же ответ: сведениями об аварии или взрыве не располагаем. Биргитта Даль, министр окружающей среды, заявила, что виновная в радиоактивном заражении страна нарушает международные договоры, скрывая от мирового сообщества жизненно важную информацию. Реакции не последовало. Дипломаты обратились к Хансу Бликсу. Этот шведский политик, на тот момент обитатель Вены, возглавлял Международное агентство по атомной энергии. Но и МАГАТЭ пребывало в неведении.

Никто не знал, чего ждать дальше. Уровень радиации был высоким, но пока не представлял прямой угрозы для жизни людей и живой природы. Но что, если облучение продолжится с той же или еще большей интенсивностью? И что все-таки случилось за железным занавесом? Вспыхнула третья мировая либо произошла авария чудовищного масштаба? Как бы то ни было, остальной мир не мог остаться в стороне. Он уже получил дозу радиации. Но Кремль упорно отмалчивался.

Часть I

Горькая полынь

Глава 1
Съезд

Холодным утром 25 февраля 1986 года (ночью температура упала до —10°С) пять тысяч тепло одетых мужчин и женщин шли через Красную площадь, украшенную огромным портретом Ленина, к Кремлю. Среди них были партийные и государственные чиновники, офицеры, ученые, директора крупных заводов и простые люди из цехов и с колхозных полей — представители «трудящихся масс». Все они были делегатами партийного съезда. Этот съезд КПСС был уже двадцать седьмым по счету с конца XIX века, когда партию основала небольшая группа социал-демократов — апостолов светлого будущего. Многие в Москве и Советском Союзе надеялись на завершение застоя и начало новой эпохи. Съезду предстояло проложить курс, которым сверхдержава будет идти до начала 1990-х годов [1].

Поток людей проходил сквозь ворота Кремля и вливался в распахнутые двери Дворца съездов — отделанного мрамором параллелепипеда из стекла и бетона. Его воздвигли в 1961 году на месте кремлевских казарм и на фундаменте палат, построенных еще при Борисе Годунове. Хрущеву не давал покоя открытый в Пекине двумя годами раньше Дом народных собраний. Колосс, сооруженный по воле Мао Цзэдуна, располагал залом на десять тысяч человек. Обуреваемый завистью, первый секретарь ЦК приказал увеличить зал Дворца съездов в полтора раза — до шести тысяч мест. Здание выросло в глубину, а партер оказался под землей. Что касается партийных съездов, проводимых раз в пятилетку, для них установили лимит: не более пяти тысяч участников, как бы ни разбухала партия (в ее ряды тогда стремились многие). Добавить в партер, ложи и на балкон кресел значило бы вынудить делегатов толкаться локтями. Кроме стадионов, в Советском Союзе не было ни одного столь просторного места для собраний [2].

Строители преподнесли Хрущеву готовый дворец как раз к XXII съезду КПСС. На съезде постановили убрать из мавзолея тело Сталина и приняли новую программу — создания материально-технической базы коммунизма (на это отводилось двадцать лет). Теперь, в 1986 году,

настало время подвести итог. Успехи, мягко говоря, удручали. Численность населения возросла, экономика забуксовала, перспектива глубокого кризиса выглядела как никогда реальной. Рост валового внутреннего продукта, в 1950-е годы оцениваемый в 10 процентов в год, к 1985-му упал до 4 процентов. По мнению ЦРУ, дела Советского Союза шли еще хуже и реальный показатель роста составлял 2–3 процента. Позднее американские аналитики снизили его до одного процента [3].

Коммунизмом и не пахло — на горизонте маячил только экономический крах. В то же время Китай становился на рельсы рыночных механизмов и готовился уйти далеко вперед, Америка под началом весельчака Рейгана лидировала не только в экономике, но и в гонке вооружений. На их фоне казалось, что руководство КПСС сбилось с пути. Народ и вовсе пребывал в унынии, уже не веря в коммунистический эксперимент. Но стоило красной религии пошатнуться, как явился ее новый пророк — относительно молодой, бодрый, обаятельный Михаил Горбачев.

Пятидесятипятилетний лидер впервые выступал на партийном съезде в роли генерального секретаря. Он ощущал на себе миллионы пристальных взглядов — ближайшего окружения, простых сограждан, жителей стран всего мира. Предыдущие годы вошли в историю под именем гонки на лафетах. В ноябре 1982 года, после 18 лет правления Союзом и долгой болезни, умер Брежнев. Его преемнику Юрию Андропову, бывшему председателю КГБ, больничная палата надолго заменила рабочий кабинет. Он умер в феврале 1984 года. Через год с небольшим за ним последовал Константин Черненко, самый дряхлый из трех генсеков. Вожди ложились в могилу и, казалось, тянули за собой целую страну. Пустые полки магазинов были не так страшны, как цинковые гробы из Афганистана, где советская армия с 1979 года увязла в безнадежной войне. Противостояние же с НАТО грозило ядерным армагеддоном. Оперативникам КГБ за границей велели, бросив прочие дела, отслеживать малейшие признаки подготовки к началу третьей мировой.

Поэтому теперь и в партии, и в народе многим хотелось верить, что Горбачев, полный смелых, нестандартных идей, сумеет вытянуть СССР из болота. Открытого, способного на компромисс лидера в нем видели и на Западе. Рейган, устав от бесконечных похорон в Москве,

ждал, что за стол переговоров наконец-то сядет достойный партнер. Маргарет Тэтчер, верная союзница, обрадовала президента США — Горбачев производил впечатление именно такого человека. Первая встреча глав двух держав-гигантов произошла в ноябре 1985 года в Женеве. Не все прошло гладко, но саммит дал начало диалогу, который со временем становился все более и более содержательным. Рейган и Горбачев обменивались репликами не только с глазу на глаз или через дипломатов, но и в публичных выступлениях. В январе следующего года генсек выдвинул неожиданное для американца предложение: полностью ликвидировать ядерные арсеналы. Ожидалось, что в речи на XXVII съезде Горбачев продолжит призывать Рейгана к разоружению [4].

Ломая голову над тем, как вывести страну из острого кризиса сразу на нескольких фронтах, Горбачев тщательно трудился над речью. Выкроив себе зимой 1985/86 года отпуск, он вызвал в Пицунду ближайших помощников: незаменимого Валерия Болдина и Александра Яковлева, бывшего посла в Канаде. Перестройка, чьим крестным отцом потом назовут Яковлева, еще не начиналась. Главным лозунгом тогда было «ускорение». Считалось, что система в целом работоспособна, — надо лишь смазать ее механизм, ускорив «научно-технический прогресс».

За несколько дней до первого заседания Горбачев заперся дома, много раз подряд зачитывал речь вслух и разбивал ее на удобные отрезки. Чтения было на добрых шесть часов — без учета перерывов. Пока генсек упражнялся в ораторском мастерстве, делегаты сбивались с ног, не желая упустить в Москве ни дня. Бегали они преимущественно не по театрам и музеям, а по магазинам. Болдин, один из соавторов той речи, вспоминал: «Приехавшие со всей страны, они заняты собой. Им нужно купить многое себе, домашним, знакомым, которые заказали столько вещей, что их нелегко перевезти даже поездом» [5].

Большинство делегатов приехало из провинции, терзаемой дефицитом. В 1980-е годы еду, одежду и прочее советские люди обычно не покупали, а доставали. Политбюро не могло снабдить товарами простых людей, но вот о партийной номенклатуре тщательно заботилось. В гостиницах, где селили делегатов, открывали особые филиалы универмагов — туда свозили с разных концов страны то, что в самих этих регионах запросто купить было нельзя. В продаже были модные

костюмы и платья, обувь, икра, ветчина, колбаса и, конечно же, бананы. Все на зависть простым обитателям не только глуши, но даже Москвы, Ленинграда и Киева, которые снабжались куда лучше. Открывали и специальные почтовые отделения для делегатов, тоннами посылавших покупки на малую родину.

Перед партийными бонзами и директорами крупных предприятий, которые и дома имели доступ к дефицитным товарам, маячили другие возможности. Им следовало напомнить о себе московскому начальству, выпросить поставки и финансирование для областей, городов или заводов. Они старались поддерживать теплые отношения со старыми приятелями и заводили новые выгодные знакомства. Это почти неизменно подразумевало попойки, редко когда умеренные (неизбывную хворь номенклатуры). Горбачев, напуганный разгулом пьянства в Советском Союзе, уже в 1985 году дал старт антиалкогольной кампании. Карали за пьянство всех, не делая поблажек членам партийного и государственного руководства.

Виталий Врублевский, первый помощник Владимира Щербицкого (первый секретарь ЦК КПУ возглавлял в феврале 1986 года украинскую делегацию), запомнил случай, когда сотрудники КГБ, проверявшие пропуска делегатов на каком-то партийном съезде в Москве, учуяли запах водки. Об этом донесли на самый верх. Виновным оказался один из секретарей обкома с востока Украины («в шахтерском крае и нравы рабочие»). Наказание было суровым. «В этот же день на Секретариате ЦК украинского делегата исключили из партии — домой он вернулся уже беспартийным», — рассказывает Врублевский. Он и сам с трудом избежал взыскания после загула с космонавтами, своего рода советскими рок-звездами. На утро запахло жареным: «Сидевший в президиуме Владимир Щербицкий все время посматривал в сторону своей делегации. А у меня, как назло, голова постоянно падала». Выручил Врублевского друг, который незаметно сжимал ему колено, как только тот начинал засыпать [6].

В составе украинской делегации приехал на съезд и Виктор Брюханов, пятидесятилетний директор Чернобыльской АЭС им. В.И. Ленина. Долгое членство в партии, работа на одном из самых ответственных постов в отрасли принесли ему (впервые) и такую награду. Среди пяти

тысяч делегатов новички составляли три четверти, но директоров вроде Брюханова насчитывалось немного — около семи процентов. Невысокий, стройный, с курчавыми темными волосами и несколько смущенной улыбкой, Брюханов производил приятное впечатление. Подчиненные ценили в нем опытного инженера и уравновешенного руководителя. Он почти не пил — его страстью была работа. Приходил рано, уходил поздно, говорил мало и пользовался редкой в Советском Союзе славой: начальника, у которого дело спорится, а подчиненные довольны [7].

Поездка в Москву означала признание заслуг того, кто стоял у руля третьей крупнейшей атомной станции в мире. Брюханову поручили командование ЧАЭС в то время, когда она существовала почти только на бумаге. А теперь у него работали четыре энергоблока, каждый мощностью по тысяче мегаватт. В 1985 году шло сооружение еще двух, но станция и без них перевыполнила план, выдав на-гора 29 миллиардов киловатт электроэнергии. За плодотворный труд директора наградили двумя орденами. Казалось, на подходе и звезда Героя Социалистического Труда с орденом Ленина в придачу. В конце 1985 года Верховный Совет Украинской ССР поздравил Брюханова с пятидесятилетием, он стал делегатом партийного съезда. Такая награда была не хуже, если не лучше иных медалей.

Накануне юбилея в гости к директору приехал киевский журналист — взять интервью о достигнутых успехах и планах на будущее. Немногословный Брюханов на этот раз охотно отвечал на все вопросы. Вспомнил зиму 1970 года, когда он приехал в Чернобыль (города Припять еще не было) и остановился в гостинице. Ему не исполнилось и тридцати пяти, а его прочили в директора атомной электростанции, которую еще только предстояло построить. Брюханов не стал скрывать, что поначалу робел. Но это в прошлом. Теперь он руководил коллективом из нескольких тысяч управленцев, инженеров и рабочих. Фактически на нем лежала ответственность и за весь атомград Припять с населением в пятьдесят тысяч человек — главным образом работников ЧАЭС и строителей. Брюханов даже посетовал репортеру на то, что постоянно вынужден расходовать ресурсы станции на городское хозяйство, отвлекать людей. Но непростая роль отца города давала

и определенные преимущества. Уже в ходе подготовки к съезду множество его портретов появилось на страницах местных и областных газет, включая чернобыльскую [8].

На фотографии делегатов Киевской области, снятой в дни съезда на Красной площади, и на другой — уже по возвращении в Украину — Брюханов позирует в модной ондатровой шапке и короткой дубленке, с мохеровым шарфом на шее. Такая одежда говорила о высоком статусе — ее было трудно достать и стоила она дорого. У Брюханова не было необходимости охотиться за дефицитом. Свободное время в Москве он тратил на встречи с коллегами по атомной промышленности и лоббирование через членов ЦК и сотрудников Министерства энергетики и электрификации, которое заведовало атомными станциями. Головной боли бюрократия ему почти не доставляла — во многих партийных и министерских кабинетах заседали бывшие сослуживцы по Чернобыльской АЭС [9].

Утром 25 февраля 1986 года Виктор Брюханов и еще несколько тысяч человек заняли свои места в Кремлевском дворце съездов. Новички вроде него, впервые попав в партер огромного зала, внимательно следили за обрядом, исполняемым в президиуме, — он сохранился со сталинских времен почти без изменений.

В десять утра в президиум проследовали первые лица страны во главе с Горбачевым. Брюханов, как и обычные граждане, знал их только по изображениям, развешанным на тысячах стендов по всему Советскому Союзу. Среди них шествовал и Виктор Чебриков — председатель КГБ, чей портрет сохранился до наших дней в припятском дворце культуры. Делегаты вскочили с мест; разразились бурные аплодисменты. Когда шум стих, генеральный секретарь взошел на трибуну. Дрожащим от волнения голосом он объявил: «Товарищи делегаты! На съездах компартий союзных республик, краевых, областных партийных конференциях на XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза избрано пять тысяч делегатов. Прибыло на съезд 4993 делегата. Отсутствуют по уважительным причинам семь человек. Это дает нам основание начать работу съезда». Возражений ни у кого не возникло, работа съезда началась [10].

В числе первых пунктов повестки дня была минута молчания в память умерших за предыдущие пять лет. Назвали имена Брежнева, Андропова, Черненко, еще троих членов политбюро, зарубежных политиков. Почтив покойных, можно было перейти к штурму новых вершин. Доклад генсека, с перерывом на обед и прочими паузами, занял целый день. Профессиональные дикторы зачитывали его потом по радио в течение шести часов. Впрочем, Горбачеву не удалось побить рекорд Фиделя Кастро — две недели тому назад тот витийствовал на съезде компартии Кубы семь часов десять минут. Теперь Кастро сидел в ряду почетных гостей за трибуной, внимательно слушая перевод слов Горбачева. За последние тридцать лет в Кремле едва ли хоть раз звучала настолько суровая критика советской действительности [11].

«В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни, — признал генеральный секретарь. — Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления». Так жестко коммунистический строй, не делая скидку и высшим руководителям, не оценивал никто из вождей после Хрущева в 1956 году. Горбачев позднее заметил, что хрущевский «секретный доклад» прозвучал 25 февраля, в последний день XX съезда, — и он на XXVII съезде выступил тоже 25 февраля. Слово «застой», сокращенный вариант «застойных явлений», стало общепринятым названием упадка советской экономики во второй половине 1970-х и в 1980-е годы.

Горбачев призывал членов партии «как можно быстрее преодолеть негативные явления в социально-экономическом развитии общества, придать ему необходимый динамизм и ускорение, в максимальной степени извлечь уроки из прошлого». Он ставил перед обществом и плановым хозяйством цель, достижимую лишь полным напряжением всех сил: до конца века (то есть за пятнадцать лет) удвоить валовой внутренний продукт путем неуклонного повышения производительности труда. Главным мотором такого стремительного движения вперед Горбачев считал научно-техническую революцию, внедрение инноваций, а также постепенную замену

углеводородного топлива (угля, нефти, газа) атомной энергией. Он заявил: «В текущей пятилетке будет введено в два с половиной раза больше, чем в прошлой, мощностей атомных электростанций, а также осуществлена массовая замена устаревших агрегатов на тепловых станциях».

Брюханова эти цифры не удивили — они значились в Энергетической программе СССР, принятой задолго до съезда. Но теперь о необходимости достичь таких показателей заявили с самой высокой трибуны. Пройдет пять лет, и на очередном съезде подведут итоги, а Кремль, если понадобится, накажет виновных в невыполнении столь важного задания. Таким образом, выполнить и перевыполнить план должны будут не только четыре энергоблока теперешней ЧАЭС, но и те два, которые достроят и подключат к электрической сети еще нескоро. На левом берегу Припяти со временем планировали возвести еще два или даже четыре энергоблока. Реакторы новых энергоблоков будут в полтора раза мощнее старых. Брюханов уже пятнадцать лет умудрялся руководить и стройкой, и эксплуатацией энергоблоков — изнурительная акробатика. Но партия сказала, что надо дать еще больше атомной энергии. Ему оставалось только взять под козырек.

В своем докладе Горбачев упоминал атомное оружие намного чаще мирного атома. Он призвал товарищей по партии по-новому взглянуть на контроль над гонкой вооружений, подчеркнул, что НАТО и страны Варшавского договора накопили ядерные арсеналы, способные уничтожить на Земле все живое (и не один раз). Выход из тупика советский вождь видел в полном их уничтожении к концу XX века. Он сообщил съезду, что Рейган уже прислал ответ на это предложение. Горбачева письмо президента США не обрадовало. Не отвергая идеи полного ядерного разоружения, американский президент настаивал на продолжении развития Стратегической оборонной инициативы (СОИ), известной как программа «звездных войн». Она включала размещение в космосе систем перехвата баллистических ракет. Интонация Михаила Сергеевича выдавала разочарование в партнере по переговорам: «Сокращение стратегических ядерных арсеналов обусловливается нашим согласием с программами „звездных войн“, сокращениями, кстати односторонними, советского обычного оружия» [12].

Советский лидер хорошо понимал, что для участия в новом этапе гонки вооружений у страны не хватит ни финансов, ни технологий, и СССР неизбежно проиграет в ней, если Америка воплотит СОИ в жизнь. Материальные ресурсы и усилия конструкторских бюро следовало перенаправить с изобретения сверхсовременных видов оружия на модернизацию дряхлеющей советской экономики. Представители научной номенклатуры в целом были на стороне генсека. Для них были важны усиление финансирования и ставка на отечественные разработки, даже если западные технологии и оборудование показывали лучшие результаты и стоили дешевле. Не стоило забывать, что в условиях холодной войны страны Запада налагали эмбарго на продажу Москве сверхсовременных разработок. Военно-промышленный комплекс (ВПК) охотно расширил бы поле деятельности, частично перейдя на мирные рельсы и не утрачивая в то же время монополии на сферу высоких технологий. Многие (среди них и Горбачев) думали, что в преодолении трудностей советской экономики ВПК принесет наибольшую пользу.

О чаяниях и тревогах ВПК и его научного крыла съезду поведал Анатолий Александров, президент Академии наук СССР. Он стал первым делегатом от интеллигенции на трибуне, что свидетельствовало не только о его месте в государственной иерархии, но и о надеждах, возлагаемых на ученых новым руководством [13].

Высокий, выбритый налысо, с высоким лбом и крупным носом, Александров в свои 83 года был старше всех членов политбюро. Он появился на свет раньше трех генсеков, похороненных недавно один за другим. Но никто не дерзнул бы назвать его дряхлым или указать на «застойные явления» в Академии наук или в Институте атомной энергии, который он также возглавлял. Александров был бодр, крепок и полон идей. Его, одного из отцов советской ядерной программы, глубоко уважали и в партийных, и в промышленных, и в научных кругах. Партия хотела получить волшебное средство против экономической отсталости у тех, кто двигал вперед науку и технику, — а значит, и у Александрова и его коллег. Именно от них Кремль ждал чуда [14].

Александров начал со ссылки на наивысший авторитет — поручение Ленина Академии наук об ускорении развития народного хозяйства. Впрочем, упор президент АН сделал на историю

советской ядерной отрасли, у истоков которой стоял Курчатов — директор упомянутого Института атомной энергии. Александров, его преемник, подчеркнул, что «под научным руководством Курчатова И.В. были созданы первые атомные, а затем — раньше, чем в США, — и водородные бомбы. Безопасность Советского Союза была обеспечена». Докладчик не стал упоминать о роли агентов МГБ, хотя ядерная бомба у СССР появилась во многом благодаря им и данным, полученным от сотрудников Манхэттенского проекта. Но Александров говорил и о чисто советских достижениях: «В 1954 году, вскоре вслед за созданием оружия, в СССР была создана первая в мире атомная электростанция. Я хочу поаплодировать ее создателям». Делегаты ответили ему овацией.

О достижениях ядерной программы академик напомнил не только ради похвал предшественнику (а косвенно и самому себе). Бдительности терять было нельзя, ведь Запад оставался грозным противником Советского Союза. Докладчик предостерегал от покупок зарубежных технических решений и оборудования: «Фирмы ФРГ прекратили поставку в СССР труб, когда мы начали строить газопроводы… Когда мы объявили о строительстве больших газопроводов из Сибири до западной границы… нам сразу же прекратили поставку оборудования для газоперекачивающих станций». Александров просил инвестировать в развитие отечественной науки. Он привел в пример производственный цех в собственном институте. «У нас в Институте атомной энергии создан небольшой участок, на котором автоматизировано все производство… Мы теперь делаем на этом участке столько деталей, что нам их некуда девать. Мы по всему министерству объявили: пожалуйста, товарищи, если заказываете детали, то заказывайте нам…» Директор института вновь сорвал аплодисменты [15].

Горбачев слушал и не уточнял у Александрова, какое министерство он имеет в виду. Генсеку и так было понятно, что президент Академии наук говорит о сверхсекретном Министерстве среднего машиностроения. Ефим Славский, глава этого ведомства с неуклюжим названием, сидел в президиуме за спиной докладчика. Настоящий гигант, выше и полнее Александрова (и пятью годами старше), он превосходил авторитетом почти всех коллег по Совету министров. Работу над ядерной программой Славский начал в конце 1940-х годов под руководством Курчатова, а

министерство возглавлял уже 27 лет. Громадное учреждение отвечало за пополнение ядерного арсенала, а позднее — за использование атомной энергии в мирных целях. Министр, занявший свое кресло в первые хрущевские годы, казался незаменимым. Он распоряжался значительными ресурсами, от его воли зависело финансирование Института атомной энергии — таким образом, ему фактически подчинялась Академия наук. Заместители Александрова то и дело ходили в приемную к Славскому, уговаривая подписать очередную смету. Уговорить его было не так уж просто [16].

Сам президент Академии наук был на дружеской ноге с министром. Оба были родом из Украины, где Александров, сын уважаемого судьи из Таращи, в Гражданскую войну дрался с большевиками на стороне белых, а Славский был выходцем из простонародья. Уроженец Макеевки, он служил в Первой Конной. То, что полвека назад они вполне могли стрелять друг в друга, теперь не мешало им думать и действовать в унисон. Говорят, в начале 1960-х годов их вызвали к Хрущеву. Первый секретарь требовал догнать Америку в области атомной энергетики и запальчиво, переходя порой на украинский, отметал любые возражения. Как придумать новый реактор, да еще так срочно? Славского озарило, когда по телевизору Райкин (в образе горе-рационализатора) воскликнул: «Балерину видали? Она вертится — аж в глазах рябит. Привяжи к ноге динаму. Пусть она ток дает в недоразвитые районы!» Эта шутка как будто и навела Славского с Александровым на мысль использовать реактор, предназначенный для производства оружейного плутония, — присоединить к нему огромные турбину и генератор, чтобы выделяемое при работе реактора тепло давало электроэнергию [17].

Что бы ни вдохновило министра и президента Академии наук на самом деле, новый реактор (названный РБМК — реактор большой мощности канальный) стал плодом сотрудничества Министерства среднего машиностроения с Институтом атомной энергии. Главным конструктором выступил Николай Доллежаль, также уроженец Украины и один из корифеев ядерной отрасли. Он уже довольно долго руководил Научно-исследовательским и конструкторским институтом энерготехники, разработал первый советский реактор для производства оружейного плутония и первую в СССР ядерную силовую установку для подводных лодок. Первые РБМК строились и

проходили испытания под началом Славского. Александров в прошлом работал над созданием реактора для подводного флота, а в проекте РБМК занимал пост научного руководителя. Он уверял всех и каждого в том, что безопаснее их с Доллежалем детища не найти. По слухам, Александров даже прибавлял, что реактор «можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара» [18].

У стен Кремля, само собой, реактор монтировать не стали, но после испытаний на одном из подведомственных Славскому заводов сочли вполне надежным. И передали задачу сооружать энергоблоки, оборудованные РБМК, Министерству энергетики и электрификации, хотя оно и не имело опыта управления атомными станциями. Мало кто сомневался, что применение открытий фундаментальной науки на практике и покровительство, которое оказывал развитию атомной индустрии ВПК, принесет огромную пользу стране. СССР получил долгожданную экологически чистую энергию, когда реакторами этого типа стали оснащать атомные станции в европейской части страны. Электрическая мощность в тысячу мегаватт делала их грозными конкурентами для ВВЭР (водо-водяных энергетических реакторов), спроектированных под общим руководством того же Александрова и пущенных в ход в середине 1960-х годов. К тому же для строительства ВВЭР не хватало производственных мощностей. В 1982 году более половины электроэнергии, вырабатываемой советскими АЭС, приходилось на канальные реакторы. Ленинградская АЭС располагала четырьмя такими энергоблоками, Курская и Смоленская — двумя. На Чернобыльской АЭС Брюханов запустил четвертый энергоблок в 1983 году [19].

Последнее время на директора ЧАЭС жестко давили сверху — требовали без промедления запустить пятый энергоблок, готовый на 70 процентов. В январе 1986 года припятский горком партии не остановился даже перед выговором за долгострой заместителю Брюханова. Новость попала в местные газеты, и директор знал, что, если не ускорит монтаж энергоблока, следующим будет он сам. Теперь с трибуны съезда глава Совета министров Николай Рыжков предостерегал подчиненных от задержек при сооружении новых реакторов: «Минэнерго СССР в одиннадцатой пятилетке допустило срыв ввода в действие мощностей на атомных электростанциях, что вызвало дополнительную потребность в органическом топливе. Учитывая напряженность в топливном

балансе страны и возрастающую роль атомной энергетики, подобные срывы в дальнейшем недопустимы». Благ мирного атома жаждали не только в Москве — региональные руководители выказывали не меньшее рвение. Брюханов не мог не заметить, как первые секретари выпрашивали для своих областей деньги на возведение атомных электростанций. Такую просьбу озвучил на съезде, например, нижегородец Христораднов. Пронягин, еще один высокопоставленный чиновник, упрекал Минэнерго за отказ от идеи открыть АЭС у них в Томской области. Приобщиться к атомной энергетике хотели все [20].

Ключи от врат атомного рая были в руках непосредственного начальника Брюханова. Анатолий Майорец возглавил Министерство энергетики и электрификации менее года тому назад. Пятидесятишестилетний министр горел желанием показать себя в деле. Задание ему дали труднейшее: за пять лет увеличить пуск новых реакторов на атомных станциях в два с половиной раза. При этом проектирование АЭС и полный цикл работ от рытья котлована до запуска реактора занимали семь лет. Майорец уверял делегатов, что этот срок можно сократить на два года, если начинать постройку станции еще до завершения ее проекта. Брюханов знал, как трудно следовать недоработанному документу — бумаге, в которой забыли про овраги. Поскольку на деле мало кто мог уложиться и в семилетний срок, сократить его до пяти казалось невозможным. Но раз партия приказала, а правительство потребовало, у руководителей АЭС не оставалось выбора.

Майорец завершил речь на бравурной ноте: «Разрешите заверить, что энергетики и энергостроители, воодушевленные решениями XXVII съезда КПСС, выполнят грандиозные планы партии и внесут достойный вклад в создание материальной базы коммунизма» [21]. Министр, видимо, забыл о том, что коммунизм партия уже не строит. С другой стороны, новичку в правительстве не мешало проявить кипучий энтузиазм.

Это вполне гармонировало с общей атмосферой съезда. Делегаты как будто прониклись лозунгом «вижу цель — не вижу препятствий». В рядах непоколебимых оптимистов был и Горбачев. Его доклад приняли на ура, его идею ускорения экономического развития за счет достижений научно-технического прогресса горячо поддержали, наконец, его самого избрал

генеральным секретарем уже не только пленум ЦК, но и съезд. Авторитет Горбачева окреп, полномочия на проведение кардинальных реформ увеличились.

Сверх того, генсек пополнил состав политбюро преданными ему людьми. Одним из них был первый секретарь Московского горкома — Борис Ельцин. Решительный, как мало кто из начальства, он говорил с трибуны о том, о чем боялись спросить другие: «Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово „застой“? Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?» Его речь потрясла аудиторию, в основном состоявшую из тех, кто занимал свою должность со времен Брежнева. Слово «перестройка» в докладе Горбачева звучало десятки раз, но редко само по себе, как лозунг новой эпохи: почти всегда за ним следовало название отрасли, подлежавшей перестраиванию. Упор пока что делали на «ускорение», введенное в язык партийного официоза сразу же после прихода Горбачева к власти весной 1985 года. Большинство делегатов верило, что страна в порядке. Надо было только встряхнуться, выйти из застоя и вернуться к подлинному марксизму-ленинизму [22].

Заключительное заседание съезда провели 6 марта. Брюханов и его земляки собрали вещи и уехали домой в Украину. Перспективы атомной промышленности, да и страны в целом казались им радужными. Тем не менее директору ЧАЭС не давало покоя одно обстоятельство. Вечером по телефону из гостиничного номера он дал интервью тому же киевскому журналисту, который посетил его месяца три назад, накануне пятидесятилетия. После дежурных фраз о заботе партии и ее огромном внимании к развитию советского топливно-энергетического комплекса Брюханов со вздохом добавил: «Надо надеяться, что это будет способствовать и большему вниманию к надежности и безопасности атомной энергетики и нашей Чернобыльской АЭС в частности. Это для нас — самое актуальное». В газете интервью с Брюхановым вышло без этого предостережения [23].

Глава 2
Путь к Чернобылю

Вечером 6 марта 1986 года Михаил Горбачев, воодушевленный успехом, принимал в Кремлевском дворце зарубежных гостей съезда — главным образом посланцев компартий, командированных в Москву за счет хозяев, а советские делегаты на самолетах, поездах и автомобилях разъезжались по домам. Виктор Брюханов в компании других представителей Украины сел на ночной поезд в Киев.

Утром их торжественно встретили местные официальные лица. Вернувшихся обнимали, пожимали им руки, а женщинам вручали цветы — на следующий день, субботу, выпало 8 марта. На фотографии, снятой газетчиками на киевском вокзале утром 7 марта, Брюханов запечатлен в тех же дубленке и ондатровой шапке, в окружении других делегатов; у одной женщины в руках букет гвоздик. Директору ЧАЭС нужно было и самому раздобыть цветы для супруги и подумать о планах на выходной. Время для этого было — дорога от Киева до Припяти (около 150 километров) занимала добрых два часа [1].

Из Припяти за начальником прислали машину. Водитель выехал по проспекту на автостраду Р-02, которая шла на север, вдоль огромного водохранилища, созданного для Киевской гидроэлектростанции в 1960-е годы. Затем они свернули на северо-запад, к Иванкову, и начались березовые рощи. Ближе к Чернобылю потянулись сосновые леса.

Впервые Брюханов проделал этот путь на автобусе в 1970-м, когда Припяти еще не существовало. Он был молод и полон энтузиазма. Мало кого назначали директором атомной электростанции в столь несолидном возрасте, но пока у него ничего не было, даже директорского кресла. Перед Брюхановым стояла задача возвести энергоблоки, административные здания и жилые дома для работников. В том числе для собственной семьи: жены Валентины и двух детей (девятилетней Лилии и годовалого Олега). Он поселился в единственной гостинице в Чернобыле — городе, именем которого назовут электростанцию. Директор изучал разложенную на кровати

проектную документацию и договоры на первые, временные здания, запланированные на месте будущих ЧАЭС и Припяти. Строительство начнут лишь год спустя [2].

Тем временем семья перспективного руководителя оставалась в Донецкой области. Их домом все еще был Славянск, где Брюханов проработал несколько лет. Город получит недобрую славу в 2014 году: именно там произойдут первые бои в ходе русско-украинского конфликта и появятся первые жертвы. Для воюющих сторон Славянск имел большое значение как транспортный узел (там сходятся железные и автомобильные дороги) и промышленный центр. Брюхановы переехали туда в 1966 году, когда город стал интенсивно развиваться. Виктор получил должность на тепловой электростанции, работавшей на донбасском угле.

Первой электростанцией в карьере молодого инженера была Ангренская, близ Ташкента. В Ташкенте он и родился 1 декабря 1935 года. Виктор был старшим в многодетной рабочей семье переселенцев из Саратова. Он пережил войну, о которой помнил только, что ни разу не наедался досыта. В 24 года он закончил Ташкентский политехнический институт и уехал в Ангрен. Там он познакомился с Валентиной, тоже работницей ТЭС и студенткой вечернего техникума. Позднее он вспоминал, что его пленили глаза девушки — в них можно было утонуть.

Валентина впервые увидела имя будущего мужа в местном журнале — он уже слыл сведущим и добросовестным инженером (довольно скоро его повысили до начальника цеха) — и подумала: «Какая дурацкая фамилия — не дай Бог…» Но после знакомства с Виктором, юным, стройным и целеустремленным, смешная фамилия ее уже не смущала. Он добился ее любви, щедро заставляя подоконники дикими тюльпанами, которые привозил из командировок с соседнего Кураминского хребта. Через год они сыграли свадьбу и зажили в Ангрене счастливой семейной жизнью.

Идиллия на фоне тюльпанных полей закончилась ранним утром 26 апреля 1966 года — ровно за двадцать лет до Чернобыльской катастрофы. В этот день мощное землетрясение почти стерло с лица земли центр узбекской столицы. Лежали в руинах (в лучшем случае — требовали капитального ремонта) более 230 административных зданий, семьсот магазинов, столовых и чайных. Как ни странно, погибло всего восемь человек, но пострадавших было много, а крова

лишились триста тысяч — каждый пятый житель Ташкента. Среди них оказались и родители Брюханова, чей кирпичный дом покрыли глубокие трещины. Брюхановым пришлось оттуда съехать. Ангрен от Ташкента отделяют немногим более ста километров, поэтому Валентина больше не желала оставаться в Узбекистане. Что, если другое землетрясение точно так же разрушит их город? Что постигнет их семью, уже из трех человек? Надо уезжать. Послушав жену, Виктор стал искать место на электростанциях в разных уголках Союза. Как выяснилось, в Украине не хватало именно такого человека. Брюхановы уехали в Славянск, где Виктора без особого промедления назначили начальником турбинного цеха, а затем главным инженером электростанции [3].

В 1966 году, когда они туда перебрались, Славянскую ТЭС еще достраивали. Как раз возводили новый цех — крупнейший в СССР, как позднее вспоминал Брюханов. Он решительно взялся за дело и вскоре вновь проявил себя как способный инженер и отличный организатор. Запускать новые цеха было крайне трудно, но между молотом строителей, неспособных уложиться в сроки, и наковальней плана выработки электроэнергии Брюханов держался стойко. Он знал свое дело, отдавался ему целиком, говорил мало, но умел найти общий язык с рабочими. Казалось, это прирожденный руководитель производства. Его заметили в Киеве и весной 1970 года предложили работу, для которой требовались те же качества. Но масштаб ее был уже иным: власти поручили ему построить новую электростанцию и в дальнейшем руководить ею. Для этого выделили участок у Чернобыля, далеко от угольных шахт. Новой станции уголь не понадобится — его заменит ядерное топливо.

Молодой инженер не мог решиться на такое сходу. Он спросил совета у жены. Валентина настороженно восприняла приглашение на АЭС специалиста по турбинам, не знакомого ни с ядерными реакторами, ни с атомной энергетикой в целом. Но в Киеве Брюханова заверили, что все электростанции похожи друг на друга. Так думали и в Москве. Инженеров, подготовленных к постройке атомных станций, практически не было: мирный атом для Советского Союза был еще в новинку. Брюханов отбросил колебания. Но прежде всего ему пришлось в полевых условиях учиться делу вроде бы более понятному — строительству громадных зданий. Задача оказалась

трудной и поначалу неблагодарной. Директор призрачной тогда еще станции чуть не раскаялся в своем выборе, но позднее понял, что не ошибся. В интервью по случаю пятидесятилетнего юбилея (в 1985 году) он заявит корреспонденту, что ни о чем не жалеет [4].

Еще меньше причин о чем-либо жалеть было у Брюханова в марте 1986 года, когда он на служебном автомобиле ехал с киевского вокзала в Припять. Перед ним лежала узкая автострада в две полосы. Снабжение ЧАЭС и прилегающего к ней атомграда во многом зависело от этой дороги.

Водитель Брюханова мог бы проехать по ней с закрытыми глазами — директор то и дело мотался между Припятью и Киевом. Партийное начальство, руководители министерств и главков находились в столице Украины, и Брюханов часто ездил туда на совещания. Подписи и печати под официальными документами можно было получить только в Киеве. Добрых два часа за окном проплывали пока еще заснеженные леса, и вот наконец показался райцентр. На въезде в Чернобыль они миновали знакомый бетонный знак с названием города, потом — памятник Ленину. Немного дальше простиралась центральная площадь, довольно большая для городка с населением, не превышавшим 14 тысяч человек.

Несмотря на строительство атомной электростанции, на стремительное развитие Припяти в десяти минутах езды на северо-запад, Чернобыль загадочным образом почти не изменился за предыдущие двадцать, а то и сорок лет — с тех времен, когда его имя мало кому что-нибудь говорило. Атомград служил символом будущего — научно-технического прогресса и социализма, — а райцентр пребывал в плену аграрного прошлого. И сам городок, и пристань на реке, которая кормила многие поколения чернобыльцев, пестрили дореволюционными зданиями.

Первое упоминание о Чернобыле в Киевской летописи датируется 1193 годом. Он стоял в охотничьих угодьях киевских князей, чьи предки правили огромной страной от Карпат до Онежского озера. Происхождение топонима летописи никак не поясняют, но исследователи позднее укажут на изобилие в окру́ге полыни обыкновенной — Artemisia vulgaris. Этот кустарник легко узнать по темному стеблю, потому в народе его окрестили «чорнобыль» (ударение падает на

предпоследний слог). Растение дало название городу, из-за чего потом Чернобыльскую аварию стали увязывать с библейским пророчеством о звезде Полынь.

Откровение Иоанна Богослова гласит: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». В этих стихах речь идет не о полыни обыкновенной, в честь которой назван город, а о полыни горькой — Artemisia absinthium. Тем не менее очень многие (в том числе Рональд Рейган) поверили, что автор Апокалипсиса предсказал Чернобыльскую катастрофу [5].

Что бы ни говорилось в Библии, Чернобыль долгие века оставался одним из центров Полесья — обширного и малолюдного региона, сплошных лесов и болот. После киевских им стали править великие князья литовские, а затем — польские короли. В середине XVII века городом овладели казаки Богдана Хмельницкого, но Чернобыль остался в пределах Речи Посполитой и в собственности магнатов. История обошла вниманием большинство его жителей и даже хозяев — за исключением красавицы Розалии Любомирской. Она родилась в семье Ходкевичей, которым и принадлежал город, вышла за князя Любомирского и на свою беду уехала в охваченный революцией Париж. Якобинцы отдали ее под суд как заговорщицу: слишком уж тесные знакомства она завела среди французских аристократов. Розалия Любомирская сложила голову на гильотине двадцати шести лет от роду, в июне 1794 года. Ее изображение сохранилось на стене в одном старинном чернобыльском здании — позднее там разместили неврологическое отделение больницы [6].

Если самую известную в мире уроженку Чернобыля погубила Французская революция, то 1917 год стал роковым для немалой части простых горожан. На рубеже XIX и XX веков среди населения 60 процентов составляли евреи — двумя столетиями ранее их предков пригласили туда польские магнаты. До революции Чернобыль был центром хасидизма. Местных евреев окормляли цадики из династии, основанной во второй половине XVIII века учеником Баал Шем Това (создателя хасидского учения) по имени Менахем Нахум Тверский. Книга рабби Тверского «Меор

Эйнаим» («Свет глаз») стала для хасидов классическим текстом, а его потомки основали династии раввинов во многих городах Украины.

Чернобыльские раввины славились сбором денег на благотворительность. В начале XX века в городе насчитывалось, помимо синагоги, несколько молитвенных домов, училище для еврейских девушек и еврейская богадельня. Революция и Гражданская война не пощадили чернобыльских евреев. Их громили не только проходившие военные части, но и бандиты, среди которых преобладали местные крестьяне-полещуки [7].

Из еврейской молодежи много кто подался в красные — ведь эта грозная сила показала себя самой дружественной к местечковой бедноте. Большевики предлагали евреям кратчайший путь к эмансипации. Лазарь Каганович, один из архитекторов безжалостных советских реформ и правая рука Сталина, родился в 1893 году неподалеку от Чернобыля. В 1925 году Кагановича избрали генсеком КП(б)У. Под его началом коммунисты проводили политику коренизации — борьбы с обрусением народных масс и поддержки развития национальных культур (на украинском, идиш и других языках).

Но Сталин повел Советский Союз иным курсом, и Кагановичу пришлось сыграть в истории Украины намного более зловещую роль. Он выступил одним из организаторов Голодомора — катастрофического голода, жертвами которого только в УССР стали около четырех миллионов тех, кто уцелел во время Гражданской войны, а также их детей. Только Киевская область (в границах 1932–1937 годов) потеряла около миллиона жителей. В Хабенском районе, на малой родине Кагановича, смертность достигла 168 человек на каждую тысячу. Многие его земляки не дожили до того, как Хабное переименовали в Кагановичи Первые, а Кабаны, где он появился на свет, — в Кагановичи Вторые. Так в 1934 году диктатор наградил Кагановича за то, что тот принес в жертву Кремлю жизни и здоровье своих земляков [8].

Новые бедствия принесла Вторая мировая война. Вермахт занял Чернобыль 25 августа 1941 года. Три месяца спустя, 19 ноября, оккупанты приказали евреям, которых в городе оставалось около четырехсот, собраться у синагоги. Оттуда их под конвоем отвели в еврейский колхоз «Нае Велт» («Новый мир»), расстреляли и погребли в противотанковом рве. Среди жертв были и те, кто

летом копал этот ров по приказу красных командиров, пытавшихся остановить немецкое наступление. Еврейская община сильно пострадала, но не исчезла полностью, хотя времена, когда к ней принадлежало большинство горожан, ушли безвозвратно. В 1970 году, когда в Чернобыль прибыл Брюханов, там жило полторы сотни еврейских семей. В здании синагоги располагался военкомат.

Некоторые евреи сумели укрыться у партизан в соседних лесах. Организованные коммунистами отряды, набранные из местных крестьян (украинцев и белорусов), действовали в окру́ге с осени 1941 года. Местные же кадры пополняли созданную оккупантами полицию. Стычки между ними приводили к жестоким вендеттам. Население сгоняли на казни партизан, а когда удача отвернулась от Рейха, их место заняли полицаи. Эти зрелища усугубляли травму мирных жителей. Сведение счетов между родными и близкими солдат «малой войны» затянется на долгие годы после победы над нацизмом [9].

Красная армия отбила у немцев этот уголок Полесья осенью 1943 года после долгих и кровопролитных боев. Порт на Припяти (основа местной экономики), мосты через реку, железнодорожная станция — все это имело значение для обеих сторон. Красная армия несла огромные потери. Только героев Советского Союза в боях погибло десять человек. Долгожданное освобождение от нацистов обернулось для чернобыльцев новыми страданиями. Когда власть в очередной раз сменилась, годное к службе мужское население немедленно призвали. Многие из тех, кто пережил оккупацию, теперь очутились на поле битвы без подготовки, часто без оружия и обмундирования. Случалось, что «чернопиджачники» погибали прямо на окраине родного села или города.

На выезде из Чернобыля Брюханов увидел в окно машины знакомый силуэт. Справа у дороги возвышалась статуя красноармейца, установленная в память уроженцев Копачей, которые не вернулись с войны, и воинов, павших при освобождении села в 1943 году. Первых было намного больше. Там, где были погребены погибшие в ходе полуторамесячных боев за город, позднее разбили Парк славы. Аллея героев вела к обелиску (в позднесоветское время там горел вечный огонь). Надпись на одном из памятников в парке гласила: «Воинам-освободителям — от

трудящихся Чернобыльского района. 9 мая 1977 г.» По сторонам — таблички с именами генералов и названиями войсковых частей, которые изгнали оккупантов [10].

Брюханов много раз принимал участие в торжественных мероприятиях ко Дню победы, проходивших 9 мая в чернобыльском Парке славы. Культ героев Великой Отечественной войны (на языке того времени — ни в коем случае не «Второй мировой») распространялся лишь на тех, кто носил форму Красной армии. О жертвах «окончательного решения» еврейского и других вопросов старались лишний раз не вспоминать. Им не ставили памятников. Да и упоминания о Голодоморе находились под строгим запретом.

Миновав статую солдата, водитель и пассажир почти сразу же увидели белеющую на горизонте громадную градирню Чернобыльской АЭС. Там, говоря языком коммунистического официоза, рассеивались тени прошлого, а чудеса технического прогресса вели прямиком в светлое будущее. Справа от канала, вдоль которого ехал Брюханов, маячили гигантские строительные краны, под ними виднелись стены строящегося пятого энергоблока. Затем показались белые стены рабочих энергоблоков. Третий и четвертый находились в одном огромном здании, первый и второй стояли порознь.

Участок возле Копачей выбрали для возведения атомной станции в сентябре 1966 года, а искать подходящее место начали годом раньше. Толчком к этому послужила докладная записка, поданная в ЦК КПУ заместителем председателя Совета министров Украины Александром Щербанем. Бывший вице-президент Академии наук УССР и один из первых энтузиастов мирного атома указывал на недопустимо низкую мощность украинских электростанций. Если не найти как можно скорее новые источники энергии, предупреждал он, экономическое развитие республики может забуксовать.

Щербань знал, что в РСФСР в 1964 году запустили две АЭС, и предлагал соорудить в Украине целых три: на юге, на западе и в районе Киева. Его поддержало начальство: глава правительства Владимир Щербицкий и первый секретарь (и одновременно член Президиума ЦК КПСС) ЦК Петр Шелест. Шелест обратился в Москву с просьбой включить проект Щербаня в

общесоюзный план постройки атомных электростанций. Столица дала добро только на одну АЭС. Такая скупость разочаровала Киев, но не слишком — республика все же приобретала ядерные реакторы, то есть новейшую, престижную, окутанную секретностью технологию [11].

В сентябре 1966 года Совет министров издал постановление, которым приказывал начать подготовительные работы у села Копачи — там предстояло выстроить АЭС, тогда фигурировавшую под названием Центрально-Украинской. В ноябре сформировали комиссию, и та быстро утвердила участок возле Копачей. Село было довольно крупным, насчитывало более тысячи жителей, зато вокруг простирались почти безлюдные дебри. Копачи лежали далеко от больших городов и мест отдыха — еще один участок забраковали именно из-за соседства с курортом. Важное преимущество для АЭС давала и близость Припяти, при этом болот на участке не было. Не менее полезна была и станция железной дороги, проложенной еще в годы первой пятилетки, под общим руководством уроженца Чернобыльщины Кагановича.

Недостатки, само собой, у Копачей тоже нашлись. Подземные воды залегали неглубоко, и по этой причине укрепление грунта при закладке фундаментов требовало масштабных земляных работ. Помимо песка, местность не располагала никаким строительным материалом — даже камнем. Но комиссия не придавала таким трудностям особого значения. С точки зрения сельского хозяйства район Копачей выглядел малоперспективным, поэтому превращение его в промышленную площадку не наносило ущерба местной экономике. Согласно проекту, водоем-охладитель АЭС должен был стать самым крупным объектом на территории станции и города атомщиков. Всего для них выделили 1400 гектаров заливных лугов, 130 гектаров леса и около 150 гектаров обрабатываемых земель, из которых треть приходилась на огороды, а остальное — на пашни.

Комиссия выбрала это село из шестнадцати предложенных вариантов. Название электростанции позднее изменили на Чернобыльскую — Центрально-Украинская выглядела бы нелепо на севере, у самой белорусской границы. (Мнения Минска, скорее всего, никто не спрашивал.) [12]

Работы по возведению станции начались уже под руководством Брюханова. Летом 1970 года директор переехал из номера чернобыльской гостиницы в вагончик-бытовку площадью менее шести квадратных метров. Оттуда он командовал растущим корпусом инженеров и бригадами строителей, оттуда же мотался то в Киев, то в Москву. Григорий Медведев, назначенный в 1971 году заместителем главного инженера первого энергоблока ЧАЭС, сохранил приятные воспоминания о станции и атомграде на заре их существования: «Вокруг — редкий молодой сосняк, как нигде в другом месте пьянящий воздух. Песчаные холмы, поросшие низкорослым лесом, проплешины чистого желтого песка на фоне темно-зеленого мха. Снега нет. Кое-где — пригретая солнцем зеленая трава. Тишина и первозданность» [13].

Тишине, впрочем, настал конец. Экскаваторщики, работая круглые сутки, вырыли котлованы общим объемом в семьсот тысяч кубометров. В августе 1972 года министр энергетики и электрификации СССР Петр Непорожний, лично прибыл на первую заливку бетона в фундамент. Звучали громогласные речи, принимались социалистические обязательства… Однако сооружение корпусов и монтаж реактора потребовали намного больше времени, чем планировали в верхах. Электростанция должна была дать первый ток уже в 1975 году, но поставки деталей реактора и прочего оборудования запаздывали. В апреле 1975 года, когда подходил установленный срок сдачи объекта, Щербицкий (в то время — уже первый секретарь ЦК КПУ) обратился за помощью лично к Косыгину. Это дало результат — необходимые поставки наконец пошли без перебоев. В августе 1977 года ядерное топливо впервые загрузили в активную зону реактора. В сентябре уже рабочую электростанцию подключили к энергосистеме, а в декабре Брюханов подписал акт приемки первого энергоблока в эксплуатацию [14].

После этого директор стал заведовать уже не столько строительством, сколько работой атомной электростанции как таковой. «1977 год войдет в историю советской атомной энергетики как год рождения энергогиганта на Припяти», — заявил он в статье, опубликованной в одной из ведущих украинских газет через две недели после подписания акта. Слова о начале новой эры не были пустой риторикой. В декабре 1978 года к энергосистеме подключили уже второй энергоблок.

Ровно через три года — третий. Наконец, в декабре 1983 года произошел запуск четвертого энергоблока [15].

Подключение каждого из них к энергосистеме именно в декабре не было случайностью. Перед завершением отчетного периода на работников АЭС оказывали огромное давление сверху, поскольку партийным руководителям и министру не терпелось отрапортовать об успехах в годовых отчетах. С другой стороны, невыполнение годового плана оставляло строительные бригады и коллектив станции без премии — важной статьи семейного бюджета.

Ни один из энергоблоков не был готов в установленное время. Инженер-атомщик Анатолий Дятлов, приехав в 1973 году на Чернобыльскую АЭС, увидел на здании столовой лозунг — призыв сдать первый энергоблок в 1975 году. Рабочие призыву не вняли, и пятерку со временем переделали в шестерку. Дятлов вспоминает: «До 31 декабря говорить вслух о невозможности пуска в этом году нельзя. Потом приезжает эмиссар и начинается составление новых нереальных планов и графиков». Представитель министерства требовал уложиться в такой график, хотя все понимали, что это невозможно. «В первое время начинается нервотрепка из-за жесткого контроля выполнения графика, невыполнимого с момента составления, — продолжает Дятлов. — Жесткие оперативные совещания, ночные вызовы на работу. Неизбежное отставание увеличивается, контроль спадает, начинается нормальная работа. До следующего приезда руководителя» [16].

Брюханову пуск каждого из четырех энергоблоков запомнился на всю жизнь. Как правило, директор винил в задержках и недостатках строителей. На собрании припятского горкома партии Брюханов критиковал подчиненных: «Отсутствие культуры на производстве, то есть в цехах комбината, переносится на строительные площадки, и в брак деталей, и в брак в работе. Возьмем такую простую вещь — геометрию углов. Кривые дверные и оконные проемы, криво прибитые отделочные детали, невыдержанные углы наклона при монтаже сантехнических узлов». Положение руководителя ЧАЭС было непростым — ведь именно ему приходилось подписывать акты об успешном завершении работ. Начальство хотело скорее доложить на самый верх о выполнении плана, рабочих волновали разве что премии, в то время как на Брюханова ложилась ответственность за безопасное и бесперебойное производство энергии атомной станцией. Что еще

хуже, власть одновременно была и подрядчиком, и заказчиком. И строительный трест, и АЭС находились в подчинении одних и тех же центральных комитетов партии в Киеве и Москве. Стоило Брюханову перегнуть палку с нареканиями на качество и темпы работы строителей, его могли бы просто уволить [17].

Машина директора наконец подъехала к Припяти — городу, возникшему у него на глазах и при его деятельном участии. Иногда Виктор Петрович думал, не уехать ли ему оттуда. Жизнь в Припяти утомила — хотелось попробовать что-то новое. В Москве у него спрашивали, нет ли желания поработать за границей. Например, на Кубе, где в 1983 году начали постройку первого ядерного реактора под началом советских инженеров-атомщиков и конструкторов. Но мысли об этом были лишь минутной слабостью. Брюханов остался в Припяти.

Припять лежала в каких-то трех с половиной километрах от энергоблоков. Дорога вела от станции прямо на главную улицу города — проспект Ленина, украшенный деревьями и цветами, высаженными на разделительной полосе. Широкий проспект выходил на центральную площадь, на которой стояли горком партии, горисполком, дворец культуры «Энергетик», гостиница «Полісся» — напоминание о том, где находился город. Две главные городские артерии — вышеупомянутый проспект Ленина и улица Курчатова — пересекались на центральной площади. На углу, фасадом к площади, возвышался девятиэтажный «белый дом» — самый престижный во всей Припяти [18].

На четвертом этаже, по соседству с другими представителями элиты, обитали Брюхановы. Для них это было уже второе жилье в городе. В свое время они въехали в первый многоэтажный дом, построенный в Припяти — в 1971 году — на том же проспекте Ленина, но ближе к станции. Тогда новоселье требовало благословения киевского партийного начальника. Квартиры на заре существования Припяти можно было пересчитать по пальцам, а власти никоим образом не хотели обделить рабочих при раздаче благ и привилегий. Атомграду надлежало стать эталоном социалистического быта, поэтому там не было места частному сектору. В многоквартирных домах к 1975 году планировалось поселить около двенадцати тысяч строителей и работников АЭС.

Предполагалось, что пять лет спустя, когда ток будут давать уже четыре энергоблока, число горожан достигнет восемнадцати тысяч. А затем слегка упадет — до семнадцати тысяч, и в течение еще пяти лет будет оставаться неизменным. На самом же деле Припять росла куда более стремительно и к 1986 году насчитывала уже около пятидесяти тысяч жителей. Жилья по-прежнему не хватало [19].

Центральный комитет ВЛКСМ объявил возведение атомной электростанции и города атомщиков Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, привлекая на Чернобыльскую АЭС молодежь из разных уголков страны. Как правило, уговаривать людей не приходилось — Припять манила многих. От дефицита жилья страдали чуть ли не все города СССР, но далеко не в каждом дома строили с таким рвением и столь качественно. Город обладал особым статусом в республике и в стране — снабжение потребительскими товарами было на высоте. Мирный атом все еще грелся в лучах славы военно-промышленного комплекса, щедро наделенного различными привилегиями.

К середине 1980-х годов достать колбасу или сыр стало нешуточной проблемой почти везде. Зато в Припяти их по-прежнему выкладывали на полки магазинов. Вывески в местном универмаге не лгали. Хуже обстояло со свежим мясом, которое продавалось с «нагрузкой» в виде костей и сала. Но хорошее мясо и молоко можно было купить в окрестных селах. Припять слыла благополучной, поэтому тысячи людей, особенно из тех самых ближних сел, мечтали о переезде в город. Отыскав вакансию — обычно на стройке, — они стремились перейти затем на атомную станцию, где за выполнение и перевыполнение плана давали премии.

Приезжали в Припять главным образом молодые люди, часто — холостяки и незамужние девушки. В 1986 году средний возраст горожанина составлял 26 лет. Одинокие занимали комнаты в общежитиях, молодые семьи селились в малосемейные общежития и квартиры-гостинки. У молодых родителей и дети были маленькие. В пяти начальных школах города число параллельных классов доходило до пятнадцати — в каждом три десятка учеников, если не больше. В то же время сельские школы, как правило, с трудом могли наскрести на один-два

параллельных класса, а обычные городские — на три или четыре. Припяти такая перспектива не грозила: каждый год население города пополняла добрая тысяча новорожденных младенцев [20].

Для занятий спортом имелось два стадиона и несколько плавательных бассейнов, один из них — олимпийского класса. Брюханов гордился зданиями, построенными за счет Чернобыльской АЭС. Но необходимость постоянно тратиться на городские нужды его раздражала. Ответственность за Припять несли горком партии и горисполком, однако их казна вечно пустовала. Поэтому местная власть не могла удержаться от соблазна запустить руку в громадную кубышку предприятия-спутника. Отцы города беспрестанно досаждали Брюханову просьбами раскошелиться на очередной объект, но этим еще можно было пренебречь. Другое дело — областное или республиканское начальство, которому он подчинялся. Особенную склонность к волюнтаризму проявил Григорий Ревенко (второй, затем и первый секретарь Киевского обкома партии, в 1991 году — руководитель аппарата президента СССР). Ревенко велел Чернобыльской АЭС выделить средства на постройку бассейна, подходящего для международных соревнований. Брюханов протестовал, но тщетно. «Я ему: такие бассейны предусмотрены нормативами только в городах-миллионниках. А он: строй! И строили», — вспоминает Брюханов. Позднее секретарю обкома пришла на ум идея разнообразить досуг горожан еще больше — преподнести им крытый каток [21].

Директор ЧАЭС понимал, что бассейны и площадки для занятий спортом принесут немалую пользу его работникам. Не помешают и торговые точки — ведь план города предусматривал только один универмаг. Брюханов находил на это деньги, для чего иногда даже водил за нос Госбанк — брал кредиты для станции, а тратил их на Припять. Беседуя с репортером в конце 1985 года, незадолго до съезда, Брюханов в сердцах брякнул: «Привыкаем к ненормальному, оно уже вроде как нормальное воспринимается. Вот что страшно!» Городские дела отвлекали его от станции, тогда как все время и силы нужно было отдавать ей — в том числе чтобы гарантировать безопасность. Брюханов не особенно подбирал слова: «На таком фоне второстепенным главное становится — обеспечение надежности и безопасности нашей работы. Что ни говори, мы все же

не обычное предприятие. Не приведи Бог, что-то серьезное стрясется у нас, — боюсь, не только Украине, но и всему Союзу с этой бедой не справиться» [22].

Но сейчас можно было отвлечься от этих тревожных мыслей. Брюханов наконец-то вернулся домой. Завтра — 8 марта, возможность поздравить жену, провести время в кругу друзей. Дочь Лилия уже вышла замуж и жила отдельно; они с мужем оканчивали мединститут. Поздравлять ее с праздником придется по телефону, но родители надеялись, что молодая семья скоро навестит их в Припяти. Виктор и Валентина ждали появления первого внука. Брюханову пришлось добиваться всего в жизни упорным трудом, однако жизнь его труд щедро вознаграждала. Казалось, 1986 год сулит только успехи. Во-первых, директор ЧАЭС побывал в Москве на партийном съезде. Во-вторых, поговаривали о вручении ему звезды Героя Социалистического Труда. Само собой, план обязательно надо будет выполнить и перевыполнить — но этим Брюханова было не испугать. Он не раз с этим справлялся [23].

На следующее утро, в праздничный день, в главной областной газете напечатали фотографию руководителя Чернобыльской АЭС среди других делегатов съезда — днем раньше, на киевском вокзале. Брюханов сдержанно улыбался, выглядел усталым, но вполне довольным. Как человек, который сам строит свою жизнь и жизнь тех, кто его окружает [24].

Глава 3
Электростанция

В марте 1986 года для Брюханова, его коллег и подчиненных ничего не было важнее всесоюзного совещания представителей заводов, снабжавших Чернобыльскую АЭС строительными материалами и оборудованием. На трехдневном совещании, созываемом в конце месяца, надлежало согласовать планы руководства атомной электростанции, строительного треста и предприятий-поставщиков. А также придумать, как выйти из тупика, в который зашло сооружение нового энергоблока — пятого. План по строительным работам на 1985 год выполнен не был, и надежда на запуск реактора в наступившем году понемногу таяла. С другой стороны, на XXVII съезде партия велела строителям в течение следующей пятилетки воздвигать ядерные объекты вдвое быстрее [1].

Из отцов-основателей Припяти от успеха встречи с поставщиками больше всех выиграл бы Василий Кизима — пятидесятичетырехлетний начальник управления строительства Чернобыльской АЭС. Именно он командовал постройкой каждого энергоблока атомной станции. Он обладал огромной властью и авторитетом в Припяти — даже большими, чем Брюханов. Если Брюханов жил в квартире, пусть и в лучшей девятиэтажке Припяти, то Кизима имел собственный дом — хотя частный сектор в городе вообще не предполагался. В середине 1970-х годов на чернобыльскую стройку пожаловал сам Щербицкий, и Кизима показал себя так, что первый секретарь ЦК КПУ велел провести молодого управленца в Верховный Совет УССР. Таким образом, начальник управления получил не только прибавку к зарплате, но и очередную «звезду на погоны» — гарантию большей независимости от местных партийных и государственных чиновников. В 1984 году Кизиме присвоили звание Героя Социалистического Труда. Брюханов, несмотря на участие в съезде партии, такой награды пока только ждал [2].

Картина довольно нелепая, если взглянуть на результаты работы обоих — главным образом на соблюдение коллективами Брюханова и Кизимы назначенных им сроков. Строители под началом Кизимы не сдали вовремя ни одно из четырех зданий для ядерных реакторов, а вот

инженеры-атомщики Брюханова исправно тянули лямку и план обычно даже перевыполняли. Не стал исключением и 1985 год, когда Чернобыльская АЭС произвела 29 миллиардов киловатт электроэнергии — столько же, сколько все электростанции Чехословакии. Этого тока хватало на тридцать миллионов квартир, а значит, он покрывал годовые потребности в электричестве половины советских граждан. Таким образом, план выполнили почти на 110 процентов, как сообщала припятская «Трибуна энергетика». В том же январском номере дали заметку под названием «Почему не выполнен план 1985 года по АЭС?». Заголовок умалчивал, что провалили поставленное задание не атомщики, а строители [3].

Тем не менее Кизиму берегли от взбучки в газете, и он все так же ходил у начальства в любимцах. Объяснить это нетрудно: при вечной нехватке материалов и опытных работников командование строительным трестом в глазах властей выглядело куда более головоломной задачей, чем руководство электростанцией. И Кизима справлялся с ней лучше и быстрее, чем многие его коллеги.

Он появился на свет в крестьянской семье в январе 1932 года на Киевщине (в селе Затонском). Младенцем пережил Голодомор. Василию повезло больше других — Таращанский район, его малая родина, потерял каждого третьего. Соседний Володарский район пострадал еще сильнее: до 1934 года не дожило 47 процентов населения. Дети и старики от голода умирали первыми. Подростком пережил он и ужасы нацистской оккупации 1941–1944 годов. Окончив местную школу, Василий поехал в Киев учиться на инженера, а боевое крещение принял на строительстве тепловых электростанций в западных областях УССР. В 1971 году, уже опытным прорабом, он вернулся на Киевщину и взвалил на себя ответственность за объекты, не сулившие ему легкой жизни, — будущие атомград и атомную электростанцию [4].

С самого начала Кизима прямо заявил вышестоящим начальникам: на стройке отдавать приказы будет только он сам. Посланцам из столичных министерств делать там нечего. Эмиссары убрались, но в Припяти все равно сохранялось двоевластие — Брюханов и остальная верхушка АЭС никуда не делись. Если Брюханов пользовался уважением за профессионализм, но слыл человеком холодным, то Кизима обладал и хваткой истинного командира производства, и

харизмой политика. На вышестоящее начальство он производил двоякое впечатление: широта мышления нравилась, ловкость настораживала. Рабочие принимали Кизиму за своего парня, а помощники знали, как он бывает суров.

Таким образом, Брюханова просто уважали, а Кизиму или боготворили, или боялись. Сами они в итоге научились работать слаженно, не наступая друг другу на ноги и делая, по сути, общее дело — ведь управление строило здания для атомной станции. Благополучие начальника управления и директора АЭС во многом зависело от их синергии.

Каковы бы ни были личные отношения Кизимы с Брюхановым, их подчиненные время от времени конфликтовали на почве производственной, социальной или культурной. Инженеры-атомщики, как правило, происходили из крупных русских городов, имели дипломы лучших вузов страны и принесли с собой не только профессиональные навыки и знания, но и любовь к комфорту, городскую культуру, а порой и барство. В строительный трест шли главным образом местные колхозники. У первых родным языком был русский, у вторых обычно украинский. На улицах города часто звучал суржик — смешанная русско-украинская речь.

Отделение милиции старалось не допускать трений между двумя группами. Порой приходилось разнимать драки с участием «несознательной молодежи» (прежде всего — «рексов», как прозвали сельских парней, которых сотнями нанимал на стройку Кизима). Самые горячие дни совпадали с выплатой аванса и получки. Обычай требовал их непременно обмыть — понятное дело, в компании. Милиционеры бдительно следовали за каждой группой молодежи числом более пяти человек. Но даже такая страховка помогала не всегда. В 1985 году горячие головы побуянили на славу — переворачивали машины, били окна [5].

Тем, кто попал на атомную электростанцию (молодым или нет), строители обычно завидовали — работа у них была почище, зарплату получали высокую, и в многоквартирные дома из общежитий перебирались быстрее тех, кто эти дома строил. Работяги верили, что у них на стройке царят искренность, прямота, братство, зато на станции сплошь лицемеры и прохиндеи. Большинство атомщиков придерживались другого мнения [6].

Кизима заведовал своим управлением по-старосветски. Начальники подразделений трепетали, получив приглашение на тарелку борща в «Ромашку» — одну из столовых ЧАЭС. Во главе длинного стола, словно глава семьи, восседал Кизима, по обе стороны ютились его «дети». Один из киевских журналистов воспроизводит эту картину так: все молча хлебают борщ, и вдруг тишину прерывает резкий, требовательный голос Василия Трофимовича. Такая-то мехколонна не доставила вовремя на стройку кран или такой-то бетонный завод не выполнил в полном объеме заявку бригады бетонщиков. Кизима, с его цепкой памятью, не только знал свой многочисленный персонал по имени и отчеству, но и мог подробно изложить поставленные каждому участку задачи, перечислить наличные материалы и оборудование [7].

Начальника управления знали как патриота Припяти, способного найти средства для сооружения не только энергоблоков, но и общественных зданий, жилых домов, объектов инфраструктуры города. Сверх того, он не уступал давлению сверху и наспех здания не строил. Когда партийные бонзы упрекали его тем, что дворец культуры в городе атомщиков никак не окончат, Кизима привел в пример Владимирский собор в Киеве: воздвигали храм не один десяток лет, зато и стоит он долго. Начальник управления не побоялся такой параллели, хотя в одном месте народу прививали социализм, а в другом — пичкали «опиумом». Василий Трофимович не торопился еще и потому, что хотел одарить город лучшим в Украине дворцом культуры. Он правдами и неправдами доставал мрамор, алюминий (этот металл тогда отпускали только с разрешения Совмина СССР), красное и черное дерево для паркета. Паркет настилали те же мастера, что работали в Мариинском дворце и здании Верховного Совета УССР [8].

Сооружение пятого энергоблока ЧАЭС обернулось невиданными ранее трудностями. За пятнадцать лет Кизима научился руководить строительством зданий для ядерных реакторов и даже сокращать отставание от плана до минимума. Но теперь — после съезда в Москве, где партия сделала главную ставку на мирный атом, — план по запуску нового реактора отводил ему не три, а всего лишь два года. Работы над пятым энергоблоком начали в 1985 году и к концу следующего должны были закончить. Анатолий Майорец, новый союзный министр энергетики и

электрификации, горел желанием войти в историю отрасли — ведь именно он заверил делегатов съезда, что ничто не мешает сократить время возведения атомной электростанции с семи до пяти лет.

За три месяца до XXVII съезда Майорец приехал на ЧАЭС для ознакомления с ходом строительства. И для раздачи подзатыльников, поскольку работы уже отставали от графика. В его присутствии киевский обком партии формально обратился к строителям с призывом трудиться прилежнее. Власти применили свое главное оружие — шквал выговоров чиновникам, назначенным козлами отпущения. Выговоры делали устно, письменно и с занесением в учетную карточку партии. Если не помогало и это, виновным грозило увольнение. Если же помогало, выговоры снимали, чиновников поощряли — и так по кругу. В январе 1986 года досталось управленцам из Припяти, в том числе заместителю Брюханова Соловьеву, ответственному за строительство (иными словами, за взаимодействие с людьми Кизимы). Горком партии вынес нерадивому чиновнику худший вид выговора — с занесением. Кизиме и его окружению снова удалось избежать показательной порки.

Кизима с невиданным для советского функционера упорством отказывал партийным начальникам, когда те пытались оторвать его и его людей от работы на возводимой им атомной электростанции и строительстве обожаемого им города — рук и так не хватало. Изуродованное коллективизацией сельское хозяйство неизменно плелось в хвосте союзной экономики. Наверху придумали выход: крупные промышленные предприятия и научные учреждения брали над колхозами «шефство». На деле это значило периодическое обращение горожан в крепостных крестьян. Припяти скидки не делали: и рабочие со стройки, и атомщики со станции должны были ездить на поля, а местная газета — печатать о них вести с тех самых полей. Хотя Брюханов и выражал свое недовольство, сотрудники Чернобыльской АЭС регулярно трудились в близлежащих колхозах. Кизима же просто сказал «нет».

Однажды, когда очередной партийный деятель настойчиво поучал Кизиму, тот побагровел и велел секретарше соединить его с первым секретарем обкома КПУ. Объяснив секретарю ситуацию, Василий Трофимович отрезал: «Вы уж решите там: или я начальник, или он». И

бросил трубку. Этим и кончилось. Атомная энергетика имела такое значение, что партии приходилось закрывать глаза даже на подобные выходки. Начальник управления, конечно, играл с огнем [9].

Одним из приемов, которые он пускал в ход против давления сверху, было использование средств массовой информации. Таким образом можно было повлиять на власти, чтобы те заставили смежников вовремя давать стройке все необходимое. Кизима научился играть в эту игру задолго до наступления эпохи гласности, провозглашенной Горбачевым. Весной 1980 года Кизиму и Брюханова вызвали в Москву — отчитаться перед заместителем председателя Совета министров о готовности третьего энергоблока. На совещание прибыли и делегаты с других АЭС, но худшие показатели были именно у Чернобыльской. Если в среднем план по строительству был выполнен почти на 90 процентов, у гостей из Припяти не набралось и 70. Не хватало квалифицированных работников, оборудования, материалов. Кизиме и Брюханову приказали наверстать упущенное за месяц — фантастический срок, при том что они уже отставали где-то на квартал [10].

Уложиться в новый срок было невозможно, а неисполнение приказа высшего государственного руководства грозило выговором. Что делать? Кизима позвонил в «Киевскую правду», орган обкома КПУ, и пообещал интервью журналисту Александру Болясному. Главный редактор ждал кипучего энтузиазма и клятв о выполнении плана в кратчайшие сроки, но беседа приняла совсем другой оборот. Болясный долго сидел в приемной Кизимы, а тот собственноручно писал ответы на вопросы интервью. Кизима заявил, что к установленному сроку энергоблок введен в строй не будет, поскольку необходимых ресурсов просто нет. Чудес не бывает и в социалистической экономике. Партийное начальство должно надавить на поставщиков и заставить их соблюдать обязательства. Шокированный главный редактор обзвонил партийную верхушку УССР, но там нехотя дали добро на публикацию. В конце концов, она могла послужить страховкой от критики из Москвы [11].

В начале 1986 года сооружение пятого энергоблока буксовало по тем же причинам. Рабочей силой управление располагало, а вот оборудование и материалы не подвозили. Ускорить темпы

строительства Кизиме велели задолго до того, как за вышеупомянутое постановление проголосовали на XXVII съезде — зато проектную документацию на ЧАЭС получили только в июле 1985 года. По этой причине заказы поставщикам составили лишь к осени, а начало работ как таковых затянулось до зимы. К тому же не все поставки прибывали вовремя — рабочие снова и снова вынужденно простаивали.

Любовь Ковалевская из припятской «Трибуны энергетика» предложила Кизиме сверстать специальный выпуск, целиком посвященный проблемам с поставками, на что он с радостью согласился. Более того, пренебрегая инструкциями, Кизима позволил журналистке изучить собранные вычислительным центром АЭС данные о количестве и качестве уже поставленного в Припять. Ковалевская получила шанс на сенсационный материал, хотя далеко не все одобряли щедрость Кизимы. Руководство вычислительного центра, не забывая о бдительном КГБ, отвело ей на изучение таблиц всего лишь пятнадцать минут — в надежде на то, что у корреспондентки, выпускницы филфака, просто закружится голова. В итоге она проработала в центре полчаса и успела записать много интересного.

Изучив свой конспект, журналистка поняла, насколько плохо идут дела на стройке. 70 процентов оборудования, присланного одним из заводов, имело серьезные дефекты. Изъяны обнаружили в металлических комплектующих, предназначенных для хранилища ядерного топлива, общим весом в 356 тонн. Другой завод прислал бетонные плиты не того размера — пришлось подгонять их прямо на участках. Сильнее всего поражало, как много деталей до сих пор не привезли, из-за чего другие, даже приемлемого качества, лежали без пользы. На стройке не хватало металлических конструкций общим весом в 2435 тонн. Кизима дал статье зеленый свет. Подписанная Л. Станиславской (псевдоним Ковалевской) она вышла в «Трибуне энергетика» 21 марта 1986 года, в пятницу. На следующий понедельник было назначено начало всесоюзного совещания по вопросам снабжения Чернобыльской АЭС [12].

По мнению Анатолия Дятлова, заместителя главного инженера станции, люди Кизимы работали на совесть. Кроме того, они стойко выдерживали шквал критики со стороны начальников, которые

требовали от них совершить невозможное в смехотворно короткие сроки. Дятлов пишет, что Кизима и его монтажники «…все эти наезды всерьез не воспринимали, хотя виду не показывали… Иначе в тех условиях работы нельзя долго выдержать» [13].

Дятлов давно понял, что проблема не в организации строительства, а в отсутствии заводов и фабрик, без продукции которых атомные станции не могли существовать. Чернобыльскую АЭС и ее сестер вывели из подчинения Министерству среднего машиностроения. Огромная и богатая вотчина Ефима Славского — важнейшая часть военно-промышленного комплекса — была подлинным государством в государстве. Производственные мощности министерства пополняли ядерный арсенал Советского Союза и могли обеспечить почти всем необходимым электростанции, работающие на ядерных реакторах. Сооружение первого энергоблока такой станции в Сосновом Бору близ Ленинграда в декабре 1973 года стало заслугой именно команды Славского. После этого, однако, мирный атом доверили Министерству энергетики и электрификации, в военно-промышленный комплекс не входившему. Его руководители, не обладавшие и малой долей влияния и престижа легендарного Славского, располагали слабой производственной базой.

Мемуары Дятлова открывают печальную картину: «В правительственном постановлении было указано, что нестандартное оборудование для четырех блоков первых очередей этих станций будет изготовлено теми же заводами, что и для Ленинградской. Но для Минсредмаша правительственное постановление не указ даже и в то время, когда еще немного слушались правительства. Говорят, у вас есть свои заводы, вот и делайте, чертежи дадим». Ни один глава Совета министров не мог убедить Славского распылить ресурсы, предназначенные для выпуска ядерного оружия. Атомным электростанциям, вроде Чернобыльской, на его протекцию надеяться было нечего. Дятлов продолжает: «Был я на некоторых заводах вспомогательного оборудования Минэнерго — оснащение на уровне плохоньких мастерских. Поручать им изготовление оборудования для реакторного цеха — все равно, что плотника заставлять делать работу столяра. Так и мучились с изготовлением на каждый блок» [14].

Наверху отмахивались от жалоб на бесчисленные трудности при возведении энергоблоков. В конце концов, Чернобыльскую АЭС снабдили такими реакторами, какие в теории мог выпускать любой машиностроительный завод — даже на окраинах Советского Союза, с какой угодно рабочей силой, при минимальных затратах. Большинство АЭС планировалось оборудовать водо-водяными энергетическими реакторами (ВВЭР). На Западе подобный агрегат называют Pressurized Water Reactor. Как и в Соединенных Штатах, ВВЭР стал побочным продуктом разработки атомных двигателей для военно-морского флота. В реакторах такого типа стержни с топливом помещены в воду, циркулирующую под давлением. Вода, одновременно охлаждая реактор, служит надежной страховкой от аварии. Перестань она циркулировать, нагрев и кипение реакцию остановят — чем больше воды испарится из ядра реактора, тем слабее будет нейтронное замедление быстрых нейтронов, производимое той же водой. Таким образом, реакция без воды продолжаться не сможет. На испытаниях, проведенных рядом советских атомных станций, ВВЭР показали себя хорошо. Но индустриальной базы для массового изготовления ВВЭР пришлось ждать до середины 1980-х.

Неудивительно, что в кулуарных интригах победу одержал РБМК — реактор большой мощности канальный. Его конструкция использует воду только для охлаждения, а для регулирования реакции — графит. РБМК не только вдвое превосходил мощностью первый вариант ВВЭР, но и обходился дешевле в постройке и эксплуатации. Если изначально для ВВЭР требовался обогащенный уран, то РБМК разработали сразу для урана почти природного — обогащенного изотопами урана-235 только на 2–3 процента. Еще одно важное преимущество: конструкция позволяет монтаж РБМК на месте из компонентов, произведенных на обычных машиностроительных заводах. Таким образом, отпадает нужда в предприятиях по выпуску высокоточного оборудования для атомной отрасли. С точки зрения партийного руководства, РБМК выглядел идеально. Если другие страны делали ставку на водо-водяные реакторы, в Советском Союзе первое место временно отвели РБМК. Достались они в итоге и Чернобыльской атомной станции.

Когда наверху решили отдать предпочтение канальному реактору, тот еще не прошел всех испытаний. Зато на чашу весов РБМК лег огромный авторитет Славского. Александров, директор Института атомной энергии, выступил научным руководителем при разработке обоих реакторов, поэтому знал их сильные и слабые стороны. Если Александров и говорил, что РБМК не опаснее самовара, на самом деле он тоже, как и остальные, предпочел более надежному реактору — более дешевый и мощный. Разработчики, упирая на безопасность РБМК, предложили удешевить его дополнительно — не заключать в герметичную оболочку из железобетона, которая поглощает излучение в случае аварии. Конструкция РБМК делала такую задачу просто невыполнимой. Таким образом, Чернобыльскую АЭС лишили одного из главных защитных механизмов.

У такого подхода нашлись и критики, но их вынудили замолчать или просто не услышали. Самым влиятельным из них оказался Доллежаль — не кто иной, как главный конструктор РБМК. Он не отрекся от плода своих трудов, но предупредил, что в Европейской части СССР возводить атомные станции в будущем было бы опрометчиво: слишком уж велик риск. Доллежаль предлагал строить мегакомплексы АЭС в малонаселенных районах страны. Свои опасения он собирался подробно изложить в научном журнале. Власти же дали добро на статью в «Коммунисте» — рупоре партийной идеологии. Конструктор не стал возражать. Само собой, в партийном издании нельзя было позволить себе той же откровенности, что в научном. Тем не менее число потенциальных читателей росло — а с ним и шансы на начало широкой дискуссии [15].

Статью под названием «Ядерная электроэнергетика: достижения и проблемы» Николай Доллежаль написал вместе с другим ученым — Юрием Корякиным. «Коммунист» опубликовал ее через несколько месяцев после аварии на атомной электростанции Три-Майл-Айленд. 28 марта 1979 года утечка охладителя привела к частичному расплавлению ядра одного из реакторов американской АЭС и выбросу радиоактивных газов. Принудительную эвакуацию не объявили, но 140 тысяч человек сами покинули свои дома. Соавторы указали на семи-, а то и восьмикратный рост затрат на постройку АЭС в Соединенных Штатах — именно ради обеспечения их безопасности, — тогда как Советский Союз американскому примеру не следовал. Их крайне тревожило качество оборудования на отечественных станциях, несоблюдение процедур при

перевозке ядерных отходов и топлива. В СССР неутомимо возводили новые АЭС, и поэтому, как утверждали соавторы, вероятность аварий становилась с каждым годом только выше. Тревогу вызывали и изменения климата, вызванные работой ядерных реакторов. Каждая советская атомная станция выбрасывала в атмосферу очень много тепла. В электричество превращали всего лишь треть, если даже не четверть производимой энергии. Доллежаль и Корякин предлагали размещать атомные станции не в Европейской части СССР, а в малонаселенных районах Крайнего Севера — неподалеку от залежей урана [16].

Статья Доллежаля поставила атомную отрасль в чрезвычайно неловкое положение. Работы по сооружению ряда объектов шли полным ходом именно там, где авторы статьи их вести не советовали. На кону стояли не только капиталовложения в миллиарды рублей, но и репутация корифеев советской науки. А вот передача электроэнергии на большое расстояние была чревата ее потерями, поэтому несложно было оценить, чем обернется постройка АЭС на Крайнем Севере. Здравый смысл требовал удалять их от крупных городов не более чем на 500–600 километров — именно по такому принципу было выбрано место для Чернобыльской АЭС. Александров опубликовал «ответ» в журнале «Проблемы мира и социализма», предназначенном главным образом для читателей в Восточной Европе. Ввиду того что Москва строила ядерные реакторы и в странах «народной демократии», полезным показалось не только возразить Доллежалю с Корякиным, но и уверить зарубежных клиентов в неустанной заботе о качестве и этого, и любого другого оборудования, поставляемого Советским Союзом. Надо заметить, что у партнеров по соцлагерю монтировали не РБМК, а ВВЭР — водяные реакторы без использования графита [17].

В Украине призыв Доллежаля задуматься о рисках при возведении атомных станций вообще (и особенно — АЭС, оснащенных канальными реакторами) привлек внимание министра энергетики и электрификации Алексея Макухина. Его ведомству вместе с общесоюзным министерством энергетики надлежало следить за работой Брюханова и его коллектива. Как и другие люди, слабо знакомые с мирным атомом, Макухин хотел убедиться в безопасности недавно запущенных реакторов и вынужденно полагался на мнение экспертов. Министр знал, от чего предостерегает

Доллежаль, задолго до выхода статьи в «Коммунисте». Он решил узнать мнение Медведева, заместителя главного инженера первого энергоблока Чернобыльской АЭС:

— На ваш взгляд, реактор выбран удачно или?..

Медведев ответил, что больше подошел бы водо-водяной реактор нововоронежского типа (имея в виду станцию в российском Черноземье).

— Вы читали статью академика Доллежаля в «Коммунисте»?

— Доллежаль прав…

В доказательство инженер рассказал министру, что РБМК зарекомендовали себя «с грязной стороны». Макухин не поверил:

— Какие у чернобыльского реактора проектные выбросы?

— До четырех тысяч кюри в сутки.

— А у нововоронежского?

— До ста кюри. Разница существенная.

— Но ведь академики… Применение этого реактора утверждено Совмином. Анатолий Петрович Александров хвалит этот реактор как наиболее безопасный и экономичный. Вы сгустили краски. Но ничего, освоим… [18]

Без мощной промышленности и компетентных инженеров ведомства Славского воздвигать атомную станцию на берегах Припяти оказалось крайне тяжело. Начальник управления строительства и директор АЭС, как и партийные сановники над ними, предпочитали докладывать об успехах. В то же время КГБ, задачей которого было сохранить тайну секретных разработок и проследить за безопасностью объекта, то и дело указывал на изъяны конструкции и безалаберность строителей. Хитроумный Кизима порой обращал управление КГБ по Киеву и области в еще один рычаг манипулирования властью. Чекисты могли донести до вождей жалобы начальника управления строительства на поставщиков и лоббировать интересы строителей. Например, в августе 1976 года, когда приближался срок запуска первого энергоблока, киевское управление КГБ доложило своему начальству, что предприятия-смежники не дали ЧАЭС все необходимые детали и механизмы. К тому же среди продукции, оказавшейся в Припяти, выявили

много брака. Республиканский КГБ передал эти сведения в Центральный комитет компартии Украины [19].

Органы надзирали не только за поставщиками, неспособными соблюдать сроки или производить качественный товар. От них не ускользала и халтура, сработанная подчиненными Кизиме строителями, и потворство Брюханова такой работе. В феврале 1979 года на Лубянку попал доклад украинских коллег о проблемах при сооружении второго энергоблока Чернобыльской АЭС. Теперь уже в Центральном комитете КПСС узнали о царившей в Припяти халатности — доложил об этом сам Андропов, председатель КГБ и будущий генсек. Одного из заместителей Кизимы назначили виновным в закладке фундамента энергоблока без необходимой гидроизоляции, в погрешности до десяти сантиметров при установке опор и до пятнадцати — при возведении стен [20].

Работникам Чернобыльской атомной станции повезло — неаккуратность строителей как таковая ни разу не привела к серьезной аварии, такой как, например, инцидент 9 сентября 1982 года, который произошел по другим причинам. В тот день завершился плановый ремонт первого энергоблока и операторы начали выводить его на полную мощность. Ничто не предвещало беды, пока реактор не разогнали до семисот мегаватт (свыше двух третей максимальной мощности). У всех реакторов типа РБМК на этой отметке нередко происходит какой-нибудь сбой. Один из топливных каналов лопнул, и диоксид урана высыпался из топливных сердечников. Прошло около получаса, прежде чем операторы заметили непорядок в активной зоне реактора и остановили его. Согласно отчету КГБ, в результате аварии бета-излучение на зараженных участках превысило норму в десять раз [21].

Комиссия по расследованию происшествия установила вину одного из ремонтников — он якобы закрыл клапан на трубопроводе, по которому в эту часть реактора шла вода. Поэтому топливный канал и лопнул. Брюханов уцелел на своем посту, уволили же второго человека на станции — главного инженера. Как бы то ни было, инциденты там случались реже, чем на других АЭС подобного типа, и в целом (по меркам советской атомной отрасли) Чернобыльская станция

показывала неплохие результаты. Через год директора наградили орденом Октябрьской Революции [22].

Но неполадки и сбои не прекратились. В начале 1986 года, когда Брюханов ездил в Москву на XXVII съезд и слушал там призывы партийных вождей вдвое ускорить темпы возведения атомных станций, КГБ сообщал об очередных проблемах на предприятии. Строители нового энергоблока не соблюдали технические требования. Для изготовления бетона нужен щебень определенной величины, но в Припять его не поставили, и руководство решило пустить в дело тот камень, что оказался под рукой, — в два раза крупнее положенного. Из-за этого при заливке бетон был слишком вязким, и в конструкции возникали пустоты. Начальник управления КГБ докладывал: «Предположительная площадь перекрытия, непригодная к эксплуатации, равна 300 кв. метров. Выявленные нарушения технологии производства бетонных работ в процессе эксплуатации энергоблока могут привести к серьезным аварийным ситуациям, в том числе с человеческими жертвами». Никакой реакции на это предупреждение не последовало [23].

В конце марта 1986 года всесоюзное совещание представителей заводов, снабжавших пятый энергоблок Чернобыльской АЭС строительными материалами и специализированным оборудованием, заняло три дня и окончилось успехом — так утверждали в Припяти. Василий Кизима стал одним из главных докладчиков. В город прибыли посланцы двадцати восьми предприятий-поставщиков (всего их насчитывалось тридцать) [24].

Виктор Брюханов предпочел остаться в тени — от ЧАЭС выступал Николай Фомин, главный инженер. Именно он и отвечал за взаимодействие с управлением строительства и запуск нового энергоблока. Месяцем раньше о Фомине узнали далеко за пределами Советского Союза — в англоязычном журнале Soviet Life вышла статья о Чернобыле. Текст оживила цитата главного инженера: станция настолько безопасна, что в пруду-охладителе разводят рыбу. Даже если произойдет авария, уверял Фомин, автоматика немедленно остановит реактор [25].

Об аварии 1982 года не было ни слова. Проговориться о ней значило потерять самое меньшее работу. Летом 1985 года запрет на освещение подобных происшествий подтвердил своим

приказом новый министр энергетики и электрификации Анатолий Майорец. Текст гласил: «Не подлежат открытому опубликованию в печати, в передачах по радио и телевидению сведения о неблагоприятных результатах экологического воздействия на окружающую среду энергетических объектов (воздействие электромагнитных полей, облучение, загрязнение атмосферы, водоемов и земли)» [26].

На совещании главный инженер АЭС, обычно бодрый и деятельный, в основном молчал. Виной тому была не цензура, а травмы — в конце 1985 года он попал в автокатастрофу. Уже тот факт, что Фомин снова вышел на работу, казался чудом. Коллеги видели, как трудно ему вникать в обсуждаемые вопросы, да и просто поддерживать разговор. Москву на совещании представлял Григорий Медведев (сотрудник уже не Чернобыльской атомной станции, а центрального аппарата Министерства энергетики и электрификации). Медведев с трудом узнал бывшего сослуживца, «внутренне всегда сжатого, как пружина, и готового для прыжка». И говорил тот уже не «приятным напористым баритоном». По словам гостя из Москвы, Фомин сильно сдал: «Во всем облике его была какая-то заторможенность, печать перенесенных страданий». Он посоветовал главному инженеру взять отпуск еще на несколько месяцев, чтобы восстановиться. Но Фомин твердил, что дело важнее.

Медведев поделился опасениями и с Брюхановым, но тот ответил: «Ничего страшного, в работе скорее дойдет до нормы». Директор поддерживал своего главного инженера морально — как умел. Секретарь парткома убедил Фомина выйти на работу досрочно, поскольку его начальник уезжал в Москву на съезд. Само собой, в отсутствие директора руководить атомной станцией следовало главному инженеру. Изнуренный вид самого Брюханова тоже бросался в глаза. Он признался Медведеву, что его волнуют течи в трубопроводах — станция теряла до пятидесяти кубометров радиоактивной воды в час. Выпарные установки пока справлялись с ее дезактивацией, но работали на пределе. Директор видел единственный выход из тупика: остановить реакторы и провести капитальный ремонт. Но это поставило бы под угрозу выполнение плана. Брюханов не хотел навлечь на себя гнев партийных начальников — ведь их заботили только графики и проценты. И уже не скрывал свои мысли о переводе куда-нибудь в

другое место. Раньше командировка за границу, подальше от Чернобыльской станции, ее руководителя не прельщала, но теперь, вероятно, он стал об этом задумываться [27].

Тревожные сигналы звучали не только из Припяти, но и из Киева. На следующий день после завершения совещания поставщиков Любовь Ковалевская (сотрудница «Трибуны энергетика») достигла нешуточного успеха: ее статья о проблемах с возведением пятого энергоблока вышла в новой редакции в газете «Літературна Україна» — органе Союза писателей УССР. В значительной части статья повторяла текст из «Трибуны энергетика», но уже в переводе на украинский.

Однако аудитория центральной газеты была намного шире, и статья затрагивала более широкий круг проблем. Ковалевская, отдав неизбежные почести социалистическому строю и партии, которая семимильными шагами вела народ в светлое будущее, показала на ряде примеров невыносимое положение строителей-чернобыльцев. По ее словам, из 45,5 тысячи кубометров сборного железобетона, заказанного управлением строительства в 1985 году, 3200 кубометров так и не доставили, а еще шесть тысяч оказались некомплектными. 326 тонн щелевого покрытия для хранилища ядерных отходов и 220 тонн колонн для машинного зала нового энергоблока также забраковали. Корреспондентка отважилась на критику не только поставщиков, неспособных прислать в срок нужные комплектующие и оборудование, но и самого управления строительства, которому подчинялась «Трибуна энергетика». Текст гласил:

> *Неорганизованность ослабила не только дисциплину, но и ответственность всех и каждого за общий результат работы. Невозможность, а то и неумение инженерно-технических работников организовать работу бригад ослабили требовательность. Дала о себе знать «усталость», изношенность оборудования, машин и механизмов, нехватка средств малой механизации, инструментов и т. п. Словом, обострились и обнажились все недостатки строительного механизма, увы, — типичные. Это время совпало с моментом начала перестройки экономики, что, как известно, требует прежде всего перестройки сознания людей* [28].

Ковалевская ждала ответа на статью, но ее встретили молчанием и в Киеве, и в Припяти. Горком партии давно раздражала манера Ковалевской совать нос куда не следует и выносить сор из избы. Ходил слух, что начальство подумывает отобрать у нее партбилет, что было почти равнозначно изгнанию из журналистики. Тем не менее никто пока не делал резких движений. Мировые же средства массовой информации обратят внимание на Ковалевскую и ее статью только через месяц — после 26 апреля 1986 года [29].

Часть II

Геенна огненная

Глава 4
Поздний вечер пятницы

25 апреля 1986 года, в пятницу, жители Припяти радовались концу рабочей недели. На прошлых выходных отдохнуть особенно не удалось, ведь власти сделали 19 апреля субботником (ежегодный ритуал в честь дня рождения Ленина). Будь основатель большевистского государства и вправду «вечно живым», как его называла пропаганда, 22 апреля ему стукнуло бы 116 лет. Не юбилей, но тоже праздник.

Выход на ленинский субботник изображали как порыв трудящихся, обуреваемых высокими чувствами. На деле же трудящихся просто ставили перед фактом. Горбачев это мероприятие пропустил по уважительной причине — он находился с официальным визитом в ГДР, где рассказывал о преимуществах стратегии ускорения. На родине генсека не подвели. Политбюро объявило, что по всему Советскому Союзу на субботник вышли 159 миллионов человек — более половины советских граждан [1].

Всеведущая «Трибуна энергетика» — припятская газета — уверяла, что граждане с энтузиазмом приняли участие в коммунистическом субботнике. В статье, озаглавленной «Праздник труда», представитель местной власти докладывал, что перед соблазном добровольно потрудиться не устояло более 22 тысяч горожан. Работники атомной станции и других предприятий атомграда произвели товаров и услуг на сто с лишним тысяч рублей, тогда как строители — более чем на 220 тысяч. Главный трудовой подвиг, разумеется, совершили на пятом энергоблоке. Между тем из документов, предназначенных для партийной верхушки, следовало, что надежда на своевременное завершение строительства таяла с каждым днем. Зато газетчики отрапортовали, что на субботнике работали с удвоенной энергией — одна бригада строителей сумела залить тридцать кубометров бетона. Это был очевидный успех, поскольку бригаду увенчали лаврами в статье «С полной отдачей» [2].

На следующие выходные ничего подобного не планировали. Немало молодых пар собирались играть свадьбу как раз 26 апреля, в субботу. Воскресенья обычно посвящали записи

новорожденных. Городские функционеры охотно оказывали помощь в организации бракосочетаний — это событие давно стало не только светским, но и заидеологизированным. Негласный ритуал требовал от новобрачных возложения цветов к памятникам Ленину и героям Великой Отечественной войны. Поскольку Горбачев начал антиалкогольную кампанию, партия и комсомол призывали к свадьбам без спиртного. В Припяти на такое гулянье смотрели кисло. Для начальства важнее всего было, чтобы свадьба не приводила к драке между работниками АЭС и «рексами».

Звали горожан на свадьбу или нет, в наступающие выходные их ждала хорошая погода. Весна выдалась на диво теплой. Многие предвкушали два-три дня на природе: пикники, походы, рыбалка на берегах Припяти и других рек. Чернобыльские леса не зря впервые были удостоены упоминания в летописи как охотничьи угодья Рюриковичей. Сезон охоты наступал еще нескоро, зато лов рыбы уже начался. 25 апреля «Трибуна энергетика» дала на последней полосе снимок молодого жителя Припяти с огромным сомом в руках. Под ним значилось: «С таким уловом — только в красный уголок». Судя по снимку, рыбина тянула килограммов на двадцать.

В газете сообщались крайне интересные для читателей сведения о сезоне рыбалки. Вообще запрет на вылов длился до первых чисел июня, то есть до конца нереста. Но там, где рыба на нерест не шла, посидеть на берегу с удочкой не возбранялось. Заметка, которую украшало фото счастливца с сомом, перечисляла именно такие места на берегах Днепра, Припяти и Ужа. Члены обществ охотников и рыболовов имели право ежедневно ловить до трех килограмм «ценных пород» рыбы, вроде карпа и леща, и до десяти килограмм рыбы попроще: карася, уклейки и т. п. Те, кто в этих обществах не состоял, должны были ограничиться двумя и пятью килограммами соответственно. О рыбалке в пруду-охладителе Чернобыльской АЭС, который главный инженер станции Фомин не так давно назвал прекрасным местом для разведения рыбы, газета не упоминала. Официально это ни в коем случае не допускалось, хотя запрет отпугивал далеко не всех. Работники станции нередко промышляли в пруду с лодок — по ночам, когда рыбинспекторы спали [3].

Если «Трибуна энергетика» обращалась к образованным жителям атомграда, которых ждал приятный уик-энд на природе, то чернобыльская газета «Прапор перемоги» («Знамя победы») советовала колхозникам, как извлечь из выходных побольше пользы: собирать березовый сок и сажать картофель — одну из главных статей экспорта и едва ли не главное блюдо на крестьянском столе. Чернобыль, расположенный километрах в пятнадцати к юго-востоку от Припяти, оставался центром традиционно земледельческого района. Субботний выпуск предлагал материалы, посвященные обеим темам. Как выяснилось, в березовом лесу возле Дитяток — села южнее Чернобыля, именем которого позже назовут главный пункт пропуска в зону отчуждения, — местная бригада лесников заготовила девяносто тонн сока. Колхозы участвовали в социалистическом соревновании по посадке картофеля. На первое место вышел колхоз с подходящим названием — «Победа». Его правление было расположено в Стечанке — селе, чья история подходила к печальному концу. Совсем скоро его жителей принудительно выселят [4].

Безусловно, выше всего читатель «Знамени победы» ценил сведения о том, какой сорт картофеля выбрать при посадке. Сильные и слабые стороны различных сортов анализировали два эксперта: один из киевского НИИ, другой из чернобыльского центра картофелеводства. Занимал этот предмет и многих жителей Припяти. У некоторых были дачи с огородами, где сажали картошку и всякую зелень. Но большинство в этой группе составляли нанятые на стройку Кизимой юноши и девушки. На выходных молодежь возвращалась в родные села — помогать родителям в огороде. Полезные советы о том, какому сорту отдать предпочтение при посадке, были очень кстати: зимой немалую часть рациона этих свежеиспеченных горожан составлял именно урожай родительских приусадебных участков [5].

Вишенкой на торте выглядели предстоящие майские праздники. Первое мая, день международной солидарности трудящихся, был выходным. Четыре дня спустя наступала православная пасха — власти ее праздником не признавали, но народ отмечал довольно широко. За ней следовал День победы — не только официальные торжества, но и всплеск искреннего энтузиазма обычных граждан. В свете этого 25 апреля казалось едва ли не последним шансом

закрыть хвосты на работе. Когда жителями атомграда овладевала тяга к рыбалке или картошке, сделать что бы то ни было до середины мая было почти невозможно.

Как и все горожане, Виктор Брюханов с нетерпением ждал наступающих выходных. Он очень устал. Вернувшись из Москвы, директор работал с утра до вечера и домой приходил только переночевать. Теперь он мог насладиться теплой погодой и чистым воздухом. Когда-то, купаясь в реке ранней весной, они с женой Валентиной увидели двух лосей — незабываемая встреча. Кто знает, не попадутся ли им звери и на этот раз? Но сильнее всего Брюхановых радовал приезд из Киева дочери и зятя [6].

Как обычно, пятница у директора выдалась напряженной — однако не настолько, чтобы испортить ему выходные. Проблема с трубопроводами сохранялась, но утечку радиоактивной воды удавалось держать под контролем. По состоянию на 25 апреля починка и замена труб не требовали остановки ни одного из реакторов, как это произошло недавно на Запорожской АЭС. 7 апреля на этой станции (два энергоблока были запущены недавно, третий строился) обнаружили 14-кратное превышение нормы радиоактивного заражения отработанной воды-охладителя. Для устранения проблемы пришлось заглушить реактор на две недели, остановив и стройку нового энергоблока. Поскольку второй действующий реактор как раз в это время был на ремонте, выработка электроэнергии на станции упала до нуля. Нет тока — нет и премий. Зато у партийных и государственных чиновников возникает много вопросов [7].

Чернобыльская АЭС план выполняла. Станция слыла одной из лучших в атомной отрасли. Аварии и отказы оборудования случались довольно редко (и с каждым годом все реже). Четвертый энергоблок должны были скоро отключить — для проверок и ремонта согласно эксплуатационному регламенту. Такая пауза могла длиться не один месяц, если того требовало состояние реактора. Впрочем, дату остановки утверждало Министерство энергетики и электрификации. Анатолий Майорец, новый министр, горел желанием войти в историю и заслужить похвалу партийных вождей, поэтому велел подчиненным сократить сроки простоя реакторов и реже производить предусмотренный нормами эксплуатации ремонт. Наверху ждали

трудового подвига. В 1985 году Чернобыльская АЭС перевыполнила план почти на 10 процентов — в немалой степени за счет сокращения времени, отведенного на плановый ремонт. В 1986 году подобный трюк выглядел уже слишком рискованным, а значит, станция должна была выдать меньше электроэнергии, что очень огорчало горком партии [8].

Тем не менее закрывать глаза на требования регламента не могли ни партийные начальники, ни министр. Четвертый энергоблок должен был встать на ремонт в конце апреля. Инженеры из команды Брюханова готовились не просто заглушить реактор, но и, как принято в таких случаях, протестировать работу его систем на низкой мощности. Одно из испытаний, запланированных на четвертом энергоблоке перед остановкой, относилось к турбогенератору. Задачей было выяснить, как дополнительно обезопасить энергоблок при нажатии кнопки АЗ-5 (аварийной защиты пятого уровня), то есть при введении в ядро реактора всех поглощающих стержней одновременно. Этот механизм должен был прекратить реакцию в случае какой-либо аварии. К тесту подтолкнули соображения безопасности: при срабатывании аварийной защиты энергоблок обесточивался, хотя в электричестве все еще нуждался — для закачки воды в перегретое ядро реактора, чтобы избежать его расплавления. Проект предусматривал обеспечение непрерывной работы насосов за счет аварийных дизель-генераторов. Тем не менее запускались они только через 45 секунд после заглушения реактора. Даже столь краткий интервал в подаче воды таил потенциальную угрозу. Проблему надо было устранить.

Инженеры из научно-исследовательского института Донтехэнерго, расположенного в Горловке, предложили выход. Они указали на такой факт: не только реактор охлаждался не сразу после обесточивания, но и ротор турбогенератора не застывал на месте моментально. Какое-то время он вращался под воздействием остатков пара. Его можно было использовать для выработки электричества, чтобы закрыть промежуток в 45 секунд. Сколько мог длиться такой выбег ротора и сколько энергии он производил, горловские инженеры не знали — ответ на этот вопрос как раз и должны были найти на Чернобыльской АЭС при остановке четвертого энергоблока. Суть испытания сводилась именно к этому.

Хотя конечной целью испытаний было усовершенствование механизмов автоматической остановки реактора, сейчас эти механизмы следовало отключить, симулируя таким образом аварийное обесточивание энергоблока. Это грозило выходом реактора из-под контроля в ходе самого теста. Впрочем, такое развитие событий казалось маловероятным. Руководство атомной станции считало тест необходимым еще и потому, что он давал возможность ввести в действие дополнительную аварийную защиту, до сих пор ни разу не запущенную. Тем более к этому обязывали инструкции министерства. Одна попытка на ЧАЭС уже была предпринята, но она оказалась неудачной из-за дефекта турбогенератора. Теперь генератор работал исправно. Казалось, успеху ничто не должно помешать [9].

Подготовка к тесту началась в марте и в середине апреля шла уже полным ходом. С точки зрения проверки оборудования четвертого энергоблока наибольшие трудности мог представлять турбогенератор, но внимания требовал не только он. Составление графиков проведения всех испытаний поручили одному из самых бывалых инженеров Чернобыльской АЭС — Виталию Борцу. Ему не исполнилось и пятидесяти, но он уже показал себя в деле на электростанциях по всему Советскому Союзу. С Припятью он познакомился весной 1974 года, накопив двенадцатилетний опыт работы в атомной отрасли. Большую часть этого срока Борец провел в Томске-7, атомграде в Западной Сибири. В отличие от Томска как такового, Томск-7 на советских картах найти было невозможно. Город выстроили вокруг первой в СССР промышленной атомной электростанции — она дала ток еще в 1958 году. Впрочем, она служила для производства оружейного плутония, а электричество стало лишь ее побочным продуктом. В декабре 1963 года Борец был одним из тех, кто запустил на этой станции энергоблок АДЭ-4. Реактор, как и установленный на Чернобыльской станции РБМК, использовал графит для замедления нейтронов, которые сталкиваются с ядрами атомов обогащенного урана. На ЧАЭС Борец проработал более десяти лет, затем его перевели в организацию, ответственную за наладку реакторов, их запуск и остановку на ремонт [10].

Когда Борца попросили составить график проведения испытаний, он не предвидел особых трудностей. Электростанцию он знал как свои пять пальцев. Четвертый энергоблок подключили к

сети последним, в завершение второй очереди строительства, и, как полагали многие в Припяти, заслуживал звания самого надежного на АЭС. Первые два энергоблока располагались в отдельных зданиях, а третий и четвертый — под одной крышей. Максимальная мощность обоих составляла тысячу мегаватт электроэнергии, причем тепловой энергии реактор вырабатывал втрое больше. Третий энергоблок запустили в декабре 1981 года, четвертый — двумя годами позже. Протокол комиссии, которая его осмотрела и приняла, Николай Фомин подписал 18 декабря 1983 года.

Протокол перечислял основные характеристики реактора. Ядро реактора — графитовый цилиндр семь метров высотой и диаметром около двенадцати метров, заключенный в стальной кожух и размещенный в бетонной шахте шириной около двадцати двух метров и высотой в двадцать шесть метров. Графитовые блоки, из которых составлена активная зона, замедляют нейтроны и предотвращают затухание цепной реакции — столкновения нейтронов с ядрами урана. Ядра же, расщепляясь, высвобождают новые нейтроны. Вверху и внизу кожуха реактора расположены две громадные металлические плиты, которые служат для биологической защиты. Верхняя плита (формально: «схема Е», неформально: «Елена») пронизана трактами технологических каналов — для топливных и нейтронопоглощающих стержней. Реактор четвертого энергоблока насчитывал 1661 топливный канал. В такой канал помещали сборку из 18 таблеток с диоксидом урана, в котором 2–3 процента составлял уран-235. Система управления защитой имела 211 стержней с поглотителем нейтронов — карбидом бора. Поглотитель, не позволяя части нейтронов врезаться в ядра урана, замедляет цепную реакцию. Если же реакцию надо подстегнуть, то регулирующие стержни из активной зоны реактора выводят. По контуру проходит охлаждающая вода, частично выкипая за счет выделяемого при реакции тепла. Пароводная смесь попадает в сепаратор, откуда вода возвращается в реактор, а пар выходит к турбине, которая генерирует электричество.

Как было принято в Советском Союзе, единственной защитой окружающей среды от потенциального выброса радиации служила бетонная оболочка, в которой находился реактор. В 1983 году комиссия нашла состояние реактора удовлетворительным — хоть и с оговорками.

Имелись неисправности, которые следовало устранить. Среди прочего было рекомендовано улучшить конструкцию стержней с поглотителем. Как выяснилось, когда стержни вводят в ядро, они дают увеличение реактивности — разгоняют цепную реакцию, хотя должны ее замедлить. Причиной этому были прикрепленные к стержням снизу графитовые вытеснители. При усовершенствовании стержней комиссия советовала взять за образец третий энергоблок, где это уже было сделано. Эта проблема («концевой эффект») впервые дала о себе знать еще в 1975 году на Ленинградской атомной станции. Положительный коэффициент реактивности привел к потере управления реактором, скачку мощности, разрушению одного из каналов и утечке ядерного топлива. Подробности аварии, которая поставила реактор на грань взрыва, скрывали от сотрудников других атомных станций, но Борец хорошо представлял себе картину происшедшего — он тогда находился как раз на ЛАЭС [11].

30 ноября 1975 года, приехав из Чернобыля на стажировку вместе с группой коллег, Борец оказался свидетелем худшего на тот момент инцидента в истории РБМК. В тот день он решил провести на Ленинградской станции две смены подряд, чтобы понаблюдать за изменением режима эксплуатации реактора — «переходными процессами на малой мощности с малым запасом реактивности». Вскоре Борец увидел, что дело принимает скверный оборот: скорость разгона мощности реактора самопроизвольно возрастала. Оператор пытался замедлить ядерную реакцию стандартным способом, то есть вводом в активную зону стержней с поглотителем — ручного регулирования и автоматических. Однако РБМК Ленинградской станции повел себя неадекватно. Даже мастерство оператора («виртуоза», по мнению Борца) не сумело привести реактор в норму. Неконтролируемый рост реактивности в итоге привел к аварии.

Борец понял, что в активной зоне мог произойти взрыв. Богатый опыт управления ядерной реакцией в Томске-7 позволил ему верно предсказать наихудший сценарий. На следующий день, пытаясь вразумить одного из руководителей станции, Борец так описал свои ощущения: «Представьте себя за рулем автомобиля. Заводите мотор, трогаетесь, плавно разгоняетесь, переключаете передачи. Скорость 60 километров в час. Снимаете ногу с педали газа. И вдруг

автомобиль начинает самостоятельно разгоняться: 80, 100, 130, 150 километров в час. Тормозите — никакого эффекта, разгоняется. Как вы будете себя чувствовать?» [12]

Вышедший из-под контроля реактор Ленинградской АЭС все же был дважды остановлен системой аварийной защиты. Взрыва удалось избежать, но скачки мощности привели к расплавлению топливного канала и попаданию топлива в активную зону. Реактор заглушили, его активную зону на следующий день продули азотом, загрязнив таким образом атмосферу — инцидент привел в итоге к выбросу радионуклидов суммарной активностью полтора миллиона кюри. Активность в один кюри эквивалентна распаду 37 миллионов атомов в секунду. Такой активности хватит для заражения десяти миллионов литров молока. Согласно МАГАТЭ, территория считается безопасной при уровне загрязнения до пяти кюри на квадратный километр. Никому точно не известно, какой эффект выброс полутора миллионов кюри оказал на побережье Финского залива и на местных жителей — включая ленинградцев. ЛАЭС находится примерно в полусотне километров от северной столицы России [13].

Виталию Борцу так и не объяснили, что именно произошло на энергоблоке, а сам он не мог знать, каким был изъян в конструкции реактора, давший подобный эффект. Эти сведения держали в тайне. Конструкторы решили, что РБМК и дальше может работать в таком виде — достаточно будет усовершенствовать регулирующие стержни. Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники выпустил инструкцию, не указывая в ней, почему возникла нужда в такой переделке. Документ в итоге повлиял на текст предписаний комиссии, которая обследовала четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС. Однако комиссия не придала проблеме со стержнями большого значения — уроки из аварии на Ленинградской станции не извлекли. РБМК можно было улучшать и улучшать, но от сотрудников атомной станции ждали производства энергии, а не доработки старых реакторов или разработки новых. Модификацию отложили на потом.

У офицеров КГБ, неусыпно следивших за атомной станцией, состояние двух энергоблоков второй очереди тревоги в общем не вызывало. Наверх докладывали о том, что третий и четвертый в среднем надежнее первого и второго. В итоге они пришли к выводу, что уровень безопасности в целом повышается, несмотря на ряд серьезных проблем. Если в 1982 году на трех энергоблоках

произошло три аварии и 16 отказов в работе оборудования, то за первые девять месяцев 1984 года уже на четырех энергоблоках аварий не случалось, а отказов насчитали десять [14].

Казалось, ни у Борца, ни у других инженеров-атомщиков не было причин вспоминать инцидент на Ленинградской АЭС при подготовке к тестированию и остановке реактора четвертого энергоблока. Борец просто выполнил поставленную задачу: опросил различных специалистов о планируемых испытаниях, составил график и передал его лаборатории научно-исследовательского отдела, ответственной за остановку. Борец предложил начать остановку реактора 24 апреля в десять вечера. Таким образом, к часу дня 25 апреля персонал мог бы выполнить программу испытаний и затем заглушить реактор.

Из лаборатории ответили, что закончить надо к десяти утра, иначе мощность реактора упадет ниже допустимого уровня. Все согласились. Николай Фомин, главный инженер, утвердил график испытаний. Позднее он говорил, что вначале остановку реактора запланировали на 23 апреля, но потом решили перенести ее на выходные. Документ так и не дали завизировать представителям союзного Министерства энергетики и электрификации и завода, выпустившего реактор. Это предписывала инструкция, но ее мало кто соблюдал. Предполагалось, что к последним выходным апреля реактор четвертого энергоблока будет благополучно остановлен [15].

Подготовка к остановке реактора началась не 24-го, как предложил Борец, а 25 апреля, еще затемно — когда на четвертом энергоблоке приступила к работе новая смена операторов. Около пяти утра тепловую мощность реактора снизили наполовину и зафиксировали на уровне 1600 мегаватт [16].

В восемь утра, по окончании ночной смены, остановку реактора продолжила дневная — под началом Игоря Казачкова. В свои тридцать с небольшим лет Казачков был одним из самых опытных руководителей среднего звена на Чернобыльской АЭС. В 1974 году, окончив Одесский политехнический институт, сразу же уехал в Припять и дорос на станции до начальника смены. В декабре 1985 года областная газета даже посвятила ему заметку с фотографией: герой дня стоит у экрана одной из ЭВМ станции в белом халате, белом колпаке, в очках и с бородкой и выглядит

весьма умудренным для своих лет. В заметке его хвалили за «четкую организацию и трудовую дисциплину» [17].

Смена Казачкова приняла ответственность за реактор, в активную зону которого были введены почти все регулирующие стержни — для торможения ядерной реакции. Около пятнадцати стержней еще пребывали в верхнем положении — таким образом, у Казачкова оставалось пространство для маневра, хотя в такой ситуации инструкции завода-изготовителя предписывали заглушить реактор. Однако и ночная смена, и дневная инструкцией пренебрегли — следуя графику, утвержденному вышестоящим начальством. Они не успели еще провести тест выбега ротора турбогенератора, как и многие другие испытания и замеры. Что еще важнее, сотрудники энергоблока имели право заглушить реактор и отключить его от энергосистемы только при серьезной аварии. В противном случае директору станции требовалось разрешение диспетчера из Киева.

Позднее Казачков так объяснял свои действия: «Почему ни я, ни мои коллеги не заглушили реактор, когда уменьшилось количество защитных стержней? Да потому, что никто из нас не представлял, что это чревато ядерной аварией. Мы знали, что делать этого нельзя, но не думали… А если я аппарат заглушу — мне холку здорово намылят. Ведь мы план гоним…»

На вопрос о том, что случилось бы, заглуши он реактор согласно инструкции, Казачков ответил: «Я думаю, с работы выгнали бы. Определенно бы выгнали. Не за это, конечно. Но придрались бы к чему-нибудь. Именно этот параметр — количество стержней — у нас не считался серьезным» [18].

Итак, не забивая себе голову тем, как мало регулирующих стержней осталось вне ядра реактора, Казачков выполнял график испытаний. Для проведения теста выбега ротора турбогенератора он отключил систему аварийного охлаждения. Процесс остановки реактора должен был длиться всего несколько часов, и вероятность того, что прочие системы охлаждения откажут, представлялась Казачкову такой же, как вероятность падения самолета кому-нибудь прямо на голову. Отключение аварийной системы было делом непростым и отнимало много времени — операторам приходилось вручную перекрывать задвижки на громадных трубах. Над

каждой задвижкой трудилась группа из двух-трех человек, и даже так на нее уходило сорок пять минут. К двум часам дня эту задачу выполнили. Внезапно последовал звонок от директора — приказ удерживать тепловую мощность реактора на том же уровне в 1600 мегаватт. Испытание, для которого требовалась мощность в 700 мегаватт, и заглушение реактора откладывались.

Руководство АЭС заставило подчиненных отступить от графика после звонка из Киева — от диспетчера управления Южными энергосистемами, ответственного за распределение произведенного на станции электричества. Это был единственный клиент Чернобыльской атомной станции. Игнорировать распоряжения диспетчера можно было бы разве что в случае аварии. Как выяснилось, на Южно-Украинской атомной станции (в Николаевской области) один из энергоблоков неожиданно отключился. Диспетчер требовал от Чернобыльской удерживать текущий уровень выработки тока до вечера, когда потребление упадет, и только затем остановить реактор. Сотрудников четвертого энергоблока не порадовал такой приказ, отданный за пятнадцать минут до начала следующего этапа остановки, при отключенной системе аварийного охлаждения. Но им ничего не оставалось, как выполнять. Электричества, производимого лишь одним энергоблоком ЧАЭС, хватало для снабжения всего Киева, поэтому отключить энергоблок от системы по своей воле было нельзя. Сотрудники станции уже не раз жаловались на подобные коллизии, но это ничего не дало [19].

В феврале 1986 года недовольство коллектива Чернобыльской атомной станции действиями руководителей энергосистемы отразилось в докладе, отправленном в республиканское КГБ, а затем и в Москву. Только в 1985 году по команде диспетчеров чернобыльцам 26 раз пришлось изменять мощность реактора. За первые три недели января следующего года имели место еще девять подобных случаев. Само собой, это мешало выполнению плана. Специалисты утверждали, что РБМК сконструирован для работы в стабильном режиме, а регулярное понижение мощности в конечном итоге приведет к аварии. По той же причине возрастало и загрязнение окружающей среды. Ответ из Москвы показывал, что КГБ не может повлиять на устоявшуюся практику, — союзные ведомства просто принимали подобные сигналы к сведению [20].

В четыре часа дня на энергоблок заступила вечерняя смена. Ее начальника Юрия Трегуба с графиком проведения испытаний не ознакомили, ведь к этому времени реактор должны были уже заглушить. Трегуба возмутила команда диспетчера — она выглядела просто произволом. Через несколько месяцев, рассказывая о том фатальном дне, Трегуб недоумевал: «Вообще-то я удивляюсь такой постановке вопроса, когда атомной станцией командует диспетчер. Ведь у нас даже при авариях, разрывах разных, мог диспетчер не дать разрешения на остановку. Но ведь это же не тепловая станция, не котел простой, который лопнет в помещении… Всегда очень трудно с диспетчерами… там куча пререканий» [21].

Начальник смены и его инженеры сделали все, чтобы разобраться в ситуации. Им достался энергоблок не только с реактором, чью тепловую мощность уменьшили до 1600 мегаватт, но и с выведенной из строя системой аварийного охлаждения. «Как вывели?» — спросил Трегуб Казачкова. Тот ответил: «На основании программы [испытаний], хотя я возражал». И добавил, что диспетчер энергосистемы должен дать отмашку где-то в шесть вечера. Таким образом, тест выбега ротора турбогенератора, ради которого и отключили систему аварийного охлаждения, откладывали допоздна. Понимая, насколько трудоемким будет включение аварийных насосов и повторное отключение, Трегуб решил ничего не трогать. Оставалось ждать разрешения из Киева. Он обсудил положение с начальником смены станции — оба пришли к выводу, что отступать от утвержденного графика тестов нельзя. Трегуб внимательно изучил его, то и дело натыкаясь на невразумительные пункты. При этом советоваться было не с кем, да и у самого начальника смены дел хватало. Он провел несколько предусмотренных программой тестов, для которых полная остановка реактора не требовалась. Перед глазами у него был блочный щит управления, на котором светились четыре тысячи датчиков.

После шести часов вечера никаких сигналов от диспетчера не поступило. Около восьми Трегуб снова позвонил начальнику смены станции — ничего. Начальник советовал обязательно вызвать на испытания Анатолия Дятлова, заместителя главного инженера. Дятлов руководил эксплуатацией реакторов, именно на нем лежала ответственность за их остановку. Трегуб позвонил Дятлову — оказалось, тот ушел с работы около четырех. Застав Дятлова дома,

обеспокоенный начальник смены сказал: «У меня есть вопросы, много вопросов». Дятлов отрезал: «Это не телефонный разговор. Без меня не начинать». Затем на энергоблок неожиданно позвонил главный инженер станции. Фомин подтвердил, что следует дождаться Дятлова. Около девяти часов киевский диспетчер наконец-то дал добро на отключение реактора четвертого энергоблока. Соответственно, испытание выбега ротора назначили на десять. Когда Трегуб об этом узнал, он позвонил Дятлову. Изабелла, его жена, ответила, что Анатолий уже вышел на работу [22].

К финальному этапу остановки реактора все было готово. Испытания должны были продолжаться недолго — никак не больше двух часов, — и Трегуб рассчитывал уложиться в свою смену, до наступления полуночи. Надо было торопиться… Но где же Дятлов?

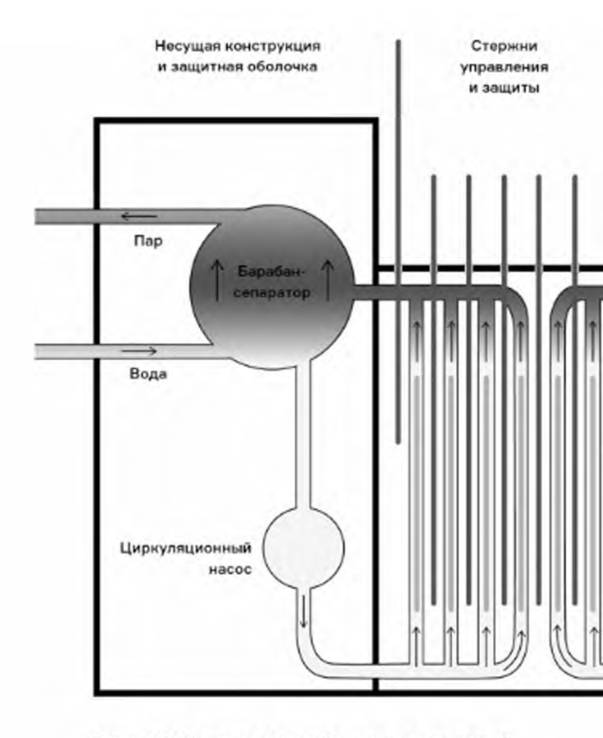
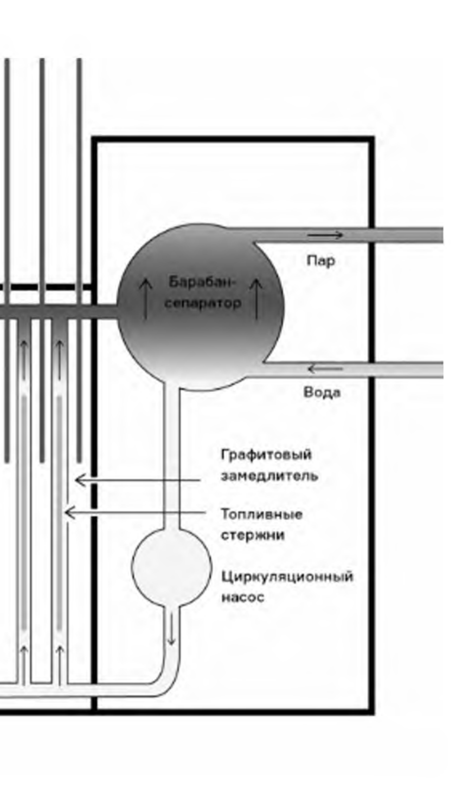

Схема РБМК (реактора большой мощности канального)

Барабан-
сепаратор
Пар
Вода
Графитовый
замедлитель
Топливные
стержни
Циркуляционный
насос

Глава 5
Взрыв

Анатолий Дятлов, пятидесятипятилетний заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС, на работу добирался как обычно — пешком. Высокий, седой, крепко сложенный, он стремился сохранить хорошую форму. «На работу и с работы всегда ходил пешком, четыре километра в один конец. Это давало в месяц двести километров, — рассчитал Дятлов. — Прибавить километров сто регулярных пробежек трусцой — вполне достаточно для поддержания в норме организма. А главное, может быть, в ходьбе — это сохранение нервной системы. Идешь, отключился от всяких неприятных мыслей. Полезло что-то в голову — добавь скорость» [1].

Вечером 25 апреля он шагал привычным маршрутом так же, как и в любой другой день. Мрачные предчувствия его не мучили — по крайней мере, позднее он ни о чем таком не припоминал. Казалось, все в порядке и под контролем. График остановки реактора несколько изменили, но это случалось и раньше — заурядная ситуация. Дятлов, как и все в Припяти, радовался наступлению выходных и возможности побыть с родными, особенно с внучкой. В будни семья его почти не видела. Ценитель русской поэзии, способный прочесть по памяти многие стихи Блока и Есенина, он непременно нашел бы время посидеть где-нибудь в тишине с книгой в руках. Но сперва дело. Ответственность за остановку реактора четвертого энергоблока лежала не столько на директоре или главном инженере, сколько на заместителе последнего.

Дятлов жил в Припяти уже давно и слыл одним из лучших атомщиков на станции. Сибиряк, он окончил техникум в Норильске, затем — Московский инженерно-физический институт, ведущую советскую школу в области практического применения ядерной физики и других наук. В Украину переехал в сентябре 1973 года. Этому предшествовали четырнадцать лет работы на судоверфи в Комсомольске-на-Амуре, где Дятлов отвечал за ядерные реакторы для подводных лодок. Он и его семья устали от регулярных выходов в море — инженер тестировал двигатели, смонтированные на субмаринах его коллегами. У Дятлова не было опыта работы на мощных реакторах вроде РБМК, установленных на Чернобыльской АЭС. Тем не менее он довольно скоро

приобрел необходимые навыки и знания. Позднее заместитель главного инженера переманит с Дальнего Востока в Припять немало бывших коллег.

Карьеру на ЧАЭС Дятлов начал на посту заместителя начальника реакторного цеха. За хорошую работу его не только повышали в должности, но и дважды награждали. Когда Николай Фомин попал в автомобильную аварию и получил травму, у Дятлова, вероятно, появились шансы занять место шефа. Это казалось абсолютно логичным. И Виктор Брюханов, директор, и Фомин пришли на Чернобыльскую станцию с обычных теплоэлектростанций, работавших на угле. Ни один из них не был инженером-атомщиком, в отличие от Дятлова. На станции он был самым авторитетным экспертом по ядерным реакторам и отвечал за их обслуживание, в том числе — за запуск и остановку.

Для реакторов, как для самолетов, опаснее всего взлет и посадка. Дятлов должен был лично руководить тестом выбега ротора турбогенератора на четвертом энергоблоке (Фомин утвердил тест 24 апреля) и полной остановкой реактора. Подготовка к испытаниям началась в марте, но только в середине апреля Фомин созвал совещание инженеров станции и представителей научно-исследовательских институтов и смежников. Там и согласовали программу всех испытаний — Виталий Борец выполнил эту задачу именно по указанию Дятлова. Дятлов же первым завизировал составленный Борцом документ [2].

Работники Чернобыльской станции знали и тяжелый, резкий характер Дятлова. Один из его знакомых вспоминает: «Дятлов был сложным в общении человеком, прямой, имел собственную точку зрения и никогда не менял ее по желанию начальника, убеждал, не соглашался, в конце концов подчинялся, но оставался при своем мнении. Точно так же он мало считался с мнением подчиненных. Как понимаете, такого человека не все любят». Другой сослуживец оценивает дятловский стиль руководства выше: «Тех же, кто стремился слукавить, уползти от выполнения задания, спрятаться за надуманными причинами, а тем более — скрыть допущенное нарушение инструкций, Дятлов вычислял мгновенно. И тогда уж получай по заслугам. Многие возмущались, обижались, понимая в душе справедливость оценки» [3].

Руководство высоко ценило в Дятлове как требовательность, так и умение выполнить поставленную задачу. На этом фоне можно было закрыть глаза на неуступчивость и жалобы подчиненных. Люди, неплохо знавшие Дятлова, хвалили его за чувство юмора и прекрасную память. В его голове хранилась целая библиотека не только поэзии, но и технической документации. Это не раз сослужило инженеру-атомщику хорошую службу.

В ночь на 26 апреля Дятлов никуда особенно не торопился. Около девяти вечера Юрий Трегуб позвонил ему домой. Изабелла Дятлова сказала, что муж уже ушел на работу. Корпус третьего и четвертого энергоблоков стоял приблизительно в четырех километрах от их дома, Дятлов ходил быстро, поэтому начальник смены ждал его прихода минут через сорок. Но вот уже одиннадцатый час, запрет Киева на проведение теста и остановку реактора снят, а заместителя главного инженера все нет. Только в одиннадцать (или немного раньше) Трегубу позвонили коллеги с третьего энергоблока — Дятлов у них. «Он по дороге зашел на третий блок и, видимо, нашел какой-то недостаток в смысле дисциплины; прорабатывал их», — припоминает Трегуб. Другой атомщик дополняет: «За ошибки персонала и непослушание наказывал строго, применяя метод окриков и нагнетания нервозности» [4].

Дятлов никуда не спешил — действовал по плану. Когда процесс остановки реактора задержали по требованию киевского диспетчера, он попросил Геннадия Метленко (старшего группы консультантов из Донтехэнерго, прибывших для теста выбега ротора турбогенератора) связаться в 22:30 с начальником смены и узнать, все ли готово к проведению испытания. Еще полчаса горловские инженеры потратили бы, чтобы дойти до энергоблока, — поэтому и Дятлову не стоило туда мчаться. Заместитель главного инженера явился в зал управления четвертого энергоблока чуть позже одиннадцати, вслед за ним — и группа Метленко. Наконец можно было начинать. У Трегуба накопились вопросы о процедуре остановки, но Дятлов обсуждать ее не захотел. Трегуб догадался, что шеф (вполне разумно) решил перенести испытания на следующую смену. В десять минут двенадцатого начальник смены приступил к снижению мощности реактора.

К полуночи ее уменьшили вдвое — до 760 мегаватт, как и предписывала программа испытаний [5].

Эстафету управления четвертым энергоблоком приняла новая смена. Руководил ей Александр Акимов, инженер с многолетним опытом работы на Чернобыльской станции. К тридцати трем годам Акимов обзавелся хорошей репутацией. Коллеги считали его дружелюбным, начальники — исполнительным, и те и другие — компетентным. Он уже входил в горком партии и делал неплохую карьеру. Начальником смены его назначили в июле 1984 года. Относительным новичком выглядел двадцатипятилетний Леонид Топтунов. Подобно Акимову, он был близорук, носил очки и усы. Топтунова не так давно назначили старшим инженером управления реактором. Эта работа была настолько сложной, что если инженер управления реактором уходил в отпуск, по возвращении к нему на время приставляли дублера. Иначе было не справиться с десятками кнопок и рычажков — все равно что пианисту играть без репетиции (так шутил Трегуб, поднаторевший в этой работе). У напарников Акимова и Топтунова, старших инженеров управления блоком и турбиной, опыта хватало [6].

Акимов и его люди работали в предыдущую ночную смену. Именно они начали процедуру остановки реактора рано утром 25 апреля, поэтому рассчитывали на то, что к ночи на 26 апреля реактор уже будет заглушен более опытными сотрудниками и смена выдастся тихой. На деле же полную остановку реактора взвалили как раз на коллектив Акимова. Прибыв за полчаса до полуночи, он пытался понять, что ему делать. Заглушить реактор было делом непростым, передача контроля над блоком происходила в спешке. В зале управления скопилась толпа народу: прежняя смена, новая смена, управленцы и инженеры из других отделов. Кто-то был задействован в испытаниях выбега ротора турбогенератора, кто-то просто хотел проследить за поведением «своего» оборудования во время остановки. Всего набралось около двадцати человек.

Трегуб потратил немалую часть своего дежурства на то, чтобы вникнуть в программу остановки реактора и проведения тестов. Акимову пришлось разбираться на ходу. Начальник новой смены стал расспрашивать Трегуба, которому было чем поделиться. Трегуб охотно объяснял, но не знал ответов на все вопросы — например, что делать с производимым реактором

электричеством после прекращения подачи пара на турбогенератор. Дятлов не стал обсуждать это с Трегубом, поэтому начальник прежней смены просто изложил свое мнение. Трегуб остался в зале в роли простого наблюдателя — ему было интересно, как пройдут испытания. Залом управления формально командовал Акимов, однако на него давил авторитет заместителя главного инженера. Дятлов, старший на энергоблоке, с подчиненными не церемонился [7].

Разим Давлетбаев, заместитель начальника турбинного цеха, в ту ночь тоже находился в зале управления. По его словам, произошло следующее:

> *Сразу после приема смены Дятлов начал требовать продолжения выполнения программы. Когда Акимов присел на стул, чтобы эту программу изучить, — начал упрекать его в медлительности и в том, что он не обращает внимания на сложность ситуации, создавшейся на блоке. Дятлов окриком поднял Акимова с места и начал его торопить. Акимов, держа в руках ворох листов (видимо, это была программа), начал обходить операторов БЩУ и выяснять соответствие состояния оборудования выполняемой программе [8].*

Приступили к остановке реактора. Мощность (к тому времени — 760 мегаватт) стали снижать до двухсот. Топтунов делал это согласно программе, постепенно вводя в ядро, или активную зону реактора, регулирующие стержни. Чем глубже они туда входили, тем больше нейтронов останавливал поглотитель, замедляя таким образом реакцию. Все шло по плану, но вдруг прозвучал сигнал тревоги: расход воды упал до недопустимо низкого уровня. Юрий Трегуб поспешил на помощь Топтунову. Молодой инженер, видимо, растерялся и не вспомнил, что надо послать слесаря на проверку, а операторов — открыть клапан и увеличить подачу воды. За него это сделал Трегуб. Он вспоминает: «И вот когда я щелкал на пульте, чтобы узнать расход воды, я услышал возглас Акимова: „Лови мощность!“ или „Держи мощность!“ Я рядом с Топтуновым стою. И вижу: мощность медленно падает».

Как выяснилось, при переключении с одного автоматического регулятора стержней на другой из-за разбалансировки на какое-то время вышли из строя все. Мощность (до инцидента — 520 мегаватт) упала настолько, что это грозило заглушением реактора задолго до окончания испытаний. Чуть позже, в 28 минут первого, компьютер зафиксировал ее на уровне всего лишь в тридцать мегаватт. Кое-кто из свидетелей говорил, что она едва не достигла нуля. Топтунов с помощью Акимова отключил автоматический регулятор стержней и стал выводить их из активной зоны вручную, чтобы вернуть ядерную реакцию к жизни. Помогал и Трегуб. «Что же ты неравномерно тянешь? Вот здесь надо тянуть», — говорил он Топтунову, который извлекал их из квадрантов реактора. Вдвоем они подняли мощность до уровня, на котором реактор мог работать стабильно. Уже в 42 минуты первого ее показатель с тридцати мегаватт вырос до ста шестидесяти. Раздался общий вздох облегчения. Трегуб признает: «Этот момент с удержанием мощности был несколько нервным, но в целом, как только вышли на мощность двести мегаватт и стали на автомат, все успокоились» [9].

Перед инженерами встал очередной вопрос: остановить ли реактор от греха подальше или поднять мощность до уровня, позволявшего проведение испытаний? Первый вариант означал, что проверку выбега ротора турбогенератора, который готовили так долго, вновь отложат. Это никого не устраивало. Дятлов во время провала мощности в зале управления отсутствовал. Теперь, вернувшись в зал, он разрешил поднимать ее и далее. Кое-кто запомнил, как он вытирал пот со лба. Заместитель главного инженера говорил с Акимовым, который, видимо, пытался его в чем-то убедить, размахивая бумагами. Дятлов утверждает, что именно Акимов предложил ему не поднимать мощность до предусмотренных программой семисот мегаватт, а ограничиться двумястами. (Подобное отступление от программы могло грозить аварией, но атомщики, вероятно, полагали, что удержат реактор под контролем и смогут провести тест.) Так ли это на самом деле, не приказал ли начальнику смены удерживать столь низкую мощность сам Дятлов, мы не знаем. В любом случае, он позднее не отрицал, что испытание при двухстах мегаваттах проходило с его ведома. Он был старшим, прочим работникам оставалось только выполнять его приказы [10].

Дятлов был твердо намерен провести злополучные испытания. Подчиненные запомнили, как он их подгонял. Без четверти час он велел операторам заблокировать сигнал остановки двух турбин, который давала аварийная защита. Эти турбогенераторы и следовало испытать. Немного позже, в три минуты второго, для увеличения подачи воды в реактор включили один из резервных насосов, а за ним и второй. Все согласно программе испытаний, но без учета одного факта: при столь низкой мощности излишек воды дополнительно дестабилизирует активную зону. Поскольку воды стало больше, а пара меньше, мощность реактора снизилась — ведь вода, в отличие от пара, поглощает нейтроны и замедляет ядерную реакцию. В 1 час 19 минут прозвучал другой сигнал тревоги: низкое давление пара. Операторы отключили сигнал, а за ним и резервные насосы.

Чем ближе подходило время начала теста, тем труднее оказывалось управлять реактором на низкой мощности — она не держалась на уровне в двести мегаватт и продолжала падать. Резкое снижение мощности в половине первого ночи и продолжительная работа реактора при самое большее двухстах мегаваттах привели к накоплению в активной зоне ксенона-135. Это продукт распада урана-235, который, поглощая нейтроны, замедляет реакцию — как говорят атомщики, «отравляет» реактор. Чтобы не допустить дальнейшего падения мощности, Топтунов извлекал из ядра всё новые регулирующие стержни. На многочисленные сигналы, предупреждавшие о нестабильном состоянии реактора, просто закрывали глаза. Довольно скоро из почти двухсот регулирующих стержней в ядре осталось девять, если не еще меньше. Почти полное их отсутствие дополнительно затрудняло управление реактором, делало его поведение еще менее предсказуемым.

Однако в 1 час 22 минуты компьютер указал на повышение скорости реакции — этого не предвидели. Вода в контуре, которую подавали только четыре насоса, закипела. Пар, как известно, не имеет той же способности поглощать нейтроны. Чем больше пар замещал воду, тем больше в ядре оставалось нейтронов — это и дало всплеск реактивности. Топтунов, взглянув на распечатку данных ЭВМ, понял, что происходит, и доложил Акимову. Мощность росла угрожающими темпами. Но Акимов сосредоточился на испытаниях турбогенератора, которые должны были начаться через несколько секунд [11].

Давлетбаев, заместитель начальника турбинного цеха, так описывает сцену в зале управления:

> *Начальник смены 4-го блока Александр Федорович Акимов… подошел к каждому оператору, в том числе кратко проинструктировал старшего инженера управления турбинами Игоря Киршенбаума о том, что по команде о начале испытания ему следует закрыть пар на турбине № 8. Затем Акимов запросил операторов о готовности, после чего представитель испытаний от предприятия «Донтехэнерго» Метленко скомандовал: «Внимание, осциллограф, пуск».*

Это произошло в 1 час 23 минуты 4 секунды. Давлетбаев продолжает:

> *По этой команде Киршенбаум закрыл стопорные клапаны турбины, я стоял рядом с ним и наблюдал по тахометру за оборотами ТГ-8. Как и следовало ожидать, обороты быстро падали за счет электродинамического торможения генератора… Когда обороты турбогенератора снизились до значения, предусмотренного программой испытаний, генератор развозбудился, то есть блок выбега отработал правильно, прозвучала команда начальника смены блока Акимова заглушить реактор, что и было выполнено оператором блочного щита управления.*

1 час 23 минуты 40 секунд [12].

Испытание длилось 36 секунд. Эти полминуты с небольшим стали для людей на четвертом энергоблоке роковыми. Контроль над мощностью реактора был утрачен. Ситуацию осложнили запаривание контура, из-за чего снизилось поглощение нейтронов водой, и отсутствие регулирующих стержней в активной зоне — их вывели, чтобы не допустить полного затухания реакции. Система автоматического регулирования пыталась замедлить реакцию своими двенадцатью стержнями, но почти все прочие стержни к тому времени были извлечены вручную.

Топтунов, отслеживая данные компьютера, почуял неладное и прокричал, что мощность резко подскочила. Дятлов затем вспоминал, что под конец теста слышал голоса его и Акимова: «Я находился от них метрах в десяти и что сказал Топтунов не слышал. Саша Акимов приказал глушить реактор и показал пальцем — дави кнопку. Сам снова обернулся к панели безопасности, за которой наблюдал». Этой кнопкой была АЗ-5 — ввод в активную зону всех стержней с поглотителем, что вело к неизбежной остановке реактора. Топтунов сорвал с опечатанной кнопки бумагу и надавил. Дятлов и все люди из акимовской смены в зале управления наконец могли вздохнуть с облегчением. Сложные испытания завершены. Никто не сомневался в том, что красная кнопка АЗ-5 немедленно прекратит реакцию. Это была чрезвычайная мера, но и ситуация сложилась экстренная [13].

При нажатии кнопки 187 регулирующих стержней стали входить в активную зону. Они были длиной в семь метров, двигались со скоростью в сорок сантиметров в секунду и содержали карбид бора — поглотитель нейтронов, замедляющий реакцию. Однако снизу к ним крепились графитовые вытеснители. Вероятно, именно ввод этих вытеснителей в крайне нестабильный реактор стал последней каплей. При движении вниз они вытесняли из верхней части активной зоны воду, которая поглощает нейтроны, и таким образом не замедляли реакцию, а разгоняли ее. Это и был концевой эффект — фатальный просчет в конструкции РБМК. Возможно, именно он едва не уничтожил реактор на Ленинградской атомной электростанции в 1975 году. Теперь он проявился вновь.

Ввод графитовых вытеснителей, прикрепленных снизу к регулирующим стержням, резко подстегнул реакцию — а значит, и температуру в активной зоне. Скачок температуры повредил тепловыделяющие элементы. Эти трубки, диаметром в 13,5 миллиметра, были заключены в оболочку из циркониевого сплава толщиной менее миллиметра. Из-за деформированных топливных каналов регулирующие стержни заклинило, когда они опустились в ядро только на треть с небольшим. Таким образом, поглотитель в этих стержнях не подействовал на среднюю и нижнюю части активной зоны, и реакция там развивалась неконтролируемо. Мощность реактора, мгновенно подскочив в два с половиной раза — до пятисот мегаватт, вскоре превысила норму в

десять раз, составив больше тридцати тысяч мегаватт. Стремительно растущее число свободных нейтронов «выжгло» ксенон-135, который еще несколько минут назад также играл роль поглотителя. Теперь реакцию нельзя было остановить ничем. Топливные стержни распались, диоксид урана из тепловыделяющих элементов попал в контур, по которому еще недавно циркулировала вода. Объем пара стремительно рос, деваться ему было некуда [14].

В зале управления реактором услышали необычайный звук. По словам Разима Давлетбаева, это был «гул очень низкого тона, похожий на стон живого существа». Юрий Трегуб приводит другое сравнение: «Как если бы „Волга“ на полном ходу начала тормозить и юзом бы шла — такой звук: ду-ду-ду-ду». Потом что-то громыхнуло, стены задрожали. «Но не как при землетрясении, — уточняет Трегуб. — Если посчитать до десяти секунд — раздавался рокот, частота колебаний падала, а мощность их росла. Затем прозвучал удар». Таковы были последствия взрыва контура, когда пар разрушил оболочку реактора. Лежавшую на реакторе двухсоттонную плиту («схема Е биологической защиты», она же «Елена») подбросило так, что она пробила крышу энергоблока. Плита, сквозь которую проходила вся инфраструктура ядра реактора, упала обратно, но не закрыла полностью активную зону. Образовалась брешь — началось радиоактивное загрязнение атмосферы. Часы показывали 1 час 23 минуты 44 секунды.

Еще через две секунды прогремел второй взрыв, намного мощнее первого. Давлетбаев вспоминает: «Сильно шатнуло пол и стены, с потолка посыпались пыль и мелкая крошка, потухло освещение, затем раздался глухой удар, сопровождавшийся громоподобными раскатами. Освещение появилось вновь…» Инженеры в зале управления ощутили и услышали взрыв, но не могли понять его причину. Им и в голову прийти не могло, что взорвался сам реактор. Смена шла очень трудно — то и дело раздавались сигналы тревоги, — но такое бывало и раньше. Если где-то произошел взрыв, то либо в контуре, либо в турбине, но не в реакторе. Они были уверены, что реактор с его многочисленными системами защиты был полностью застрахован от такого сценария. Ни в одном учебнике не встречалось и намека на возможность взрыва. Изображая сцену в зале управления, после того как лампы загорелись снова, Трегуб признается: «Все были в шоке. Все с вытянутыми лицами стояли. Я был очень испуган. Полный шок» [15].

Промелькнула мысль о землетрясении. Атомщики не сразу осознали, что виновны в этом землетрясении люди — они сами. Первый взрыв произвел пар. Разрушение тепловыделяющих сборок, попадание диоксида урана в контур и резкое увеличение объема пара привели к тому, что контур этим паром просто разорвало. Пар и сбросил с ядра реактора двухсоттонную плиту («Елену»), что еще больше повредило топливные каналы и разъединило контур. Активную зону вода теперь не охлаждала вообще, и тепловая мощность реактора снова подскочила. Произошел второй взрыв, еще более мощный.

Этим вторым взрывом частично разрушило уже бетонную шахту реактора. Графитовые блоки, из которых было составлено его ядро, подбросило высоко в воздух — а с ними и часть топлива. Эти радиоактивные куски графита упали на крышу третьего энергоблока; их разнесло по всей территории станции. Внутри полуразрушенного реактора графит загорелся, и радиоактивные продукты горения немедленно попали в атмосферу.

Первыми картину катастрофы снаружи увидели рыбаки. Той теплой апрельской ночью у пруда-охладителя Чернобыльской АЭС их собралось немало. Пруд давно уже превратили в садок для разведения рыбы (как мы помним, Фомин в связи с этим похвалялся экологической чистотой на станции). Два рыбака оказались довольно близко от четвертого энергоблока — метрах в двухстах пятидесяти от его турбинного зала. Внезапно в ночной тишине раздался глухой звук взрыва, потом другой. Под ними задрожала земля, языки пламени осветили все вокруг. Но если охрана и заметила рыбаков, никто по их душу не явился. Огонь над зданием энергоблока вздымался все выше, а они все так же сидели с удочками на берегу. Им было невдомек: на землю пала ядерная звезда Полынь, отравляя почву, воду, их улов и самих ловцов. Они смотрели, но ничего не видели. Эти два человека стали первыми в длинном ряду тех, кто оказался ослеплен случившимся: смотрел, но не видел, видел, но не понимал [16].

Глава 6
Пожар

Для бойцов военизированной пожарной части № 2 день 25 апреля ничем не отличался от других — разве что это была пятница. Разговоры вертелись вокруг планов на выходные. Многочисленные уроженцы окрестных городков и сел собирались к родным — помогать сажать картошку. У жителей Чернобыля были свои приусадебные участки. В общем, настроение царило картофельное. Большинство инженеров и техников атомной электростанции переехали в Припять из России или других областей Украины, но среди пожарных, как и строителей, преобладали выходцы из близлежащих районов Полесья, расположенных по обе стороны границы с Белоруссией. Молодые селяне устраивались на работу с такой зарплатой, о какой в колхозе могли только мечтать.

Смена у пожарных длилась сутки, с восьми утра. Еще полчаса уходило на пересменку. Таким образом, сдав часть новому караулу, в полдевятого утра 26 апреля они должны были разойтись по домам на двое суток отдыха. Очередная смена ждала их 28 апреля. Днем они сидели над инструкциями и отрабатывали пожарную тревогу на недостроенном пятом энергоблоке, а вечером могли расслабиться. Кто-то дремал, кто-то смотрел телевизор. В девять вечера показывали программу «Время».

Главной новостью стало недавнее заседание политбюро, на котором Горбачев с членами ЦК обсуждали увеличение производства потребительских товаров — важнейший вопрос для общества, терзаемого бесконечным дефицитом. Права на покупку желанного личного автомобиля приходилось ждать много лет. Кое-кто из пожарных постарше имел машины, молодежь ездила на мотоциклах. Что касается международного положения, то внимание обозревателей занимал американо-ливийский конфликт. 15 апреля президент Рейган приказал нанести по владениям Каддафи ракетно-бомбовые удары. Это стало ответом Белого дома на взрыв, устроенный на дискотеке La Belle — одном из любимых мест расквартированных в Западном Берлине американских солдат. Карательную акцию резко осудили не только страны соцлагеря, но и многие

на Западе. Советское телевидение получило превосходный подарок: возможность показать манифестации против американской военщины по всему миру [1].

Поздним вечером пятницы зрители с нетерпением ждали окончания новостей и начала развлекательных передач. С десяти минут двенадцатого на первом канале союзного телевидения шла «Песня-86». По второму каналу показывали гимнастику — любимый многими спорт, предмет гордости всей страны. В то время блистала Елена Шушунова. Два года спустя она выиграет золотые, серебряные и бронзовые медали на сеульской олимпиаде — первой за двенадцать лет, в которой соревновались команды СССР и США. Московскую олимпиаду 1980 года американцы бойкотировали в ответ на вторжение в Афганистан. Советский Союз отплатил им бойкотом следующих игр — в Лос-Анджелесе [2].

Пока другие смотрели телевизор, общались или спали, командир — двадцатитрехлетний Владимир Правик — склонился в кабинете над письменным столом. Можно было подумать, что молодой лейтенант занят конспектами, ведь он хотел поступить в высшую инженерную пожарно-техническую школу. Иногда Правик писал жене — такая у него была привычка. Первый год совместной жизни они провели раздельно: он служил в Чернобыле, Надежда доучивалась в Черкассах. Два города объединяют Припять и Днепр, но разделяет их более трехсот километров. В Черкассах они и познакомились. Владимир поступил в тамошнее пожарно-техническое училище, Надежда занималась в музыкальном. Полюбили друг друга с первого взгляда, но в семнадцать лет избраннице курсанта еще рано было замуж. Владимир вернулся в родной Чернобыль один. Свадьбу сыграли только в 1984 году. Вскоре Надежда перебралась в Припять, но ее муж и теперь предпочитал доверять свои мысли и чувства бумаге. Смена длилась целые сутки, и письма скрашивали разлуку.

Всего две недели тому назад у них родилась дочь. Назвали ее Натальей. Лейтенант Правик хотел проводить больше времени с семьей и просил начальство перевести его на должность инспектора, чтобы не нужно было дежурить по ночам. Правику обещали перевод, но заменить его было некому. Надо было ждать. Он любил службу, заботился о подчиненных и всегда думал о том, что бы еще сделать для части. С помощью одного из пожарных лейтенант разработал и установил

на гаражах ворота с дистанционным управлением — редкость для того времени. 25 апреля он принес на службу магнитофон, чтобы записать музыкальное поздравление с наступавшими праздниками для своей команды. В два часа ночи его должны были сменить на дежурстве, позволив отдохнуть до восьми утра. 26 апреля они с Надеждой и маленькой Наташей собирались в гости в Чернобыль, к родителям Владимира. Как и все пожарные, лейтенант хотел помочь отцу и матери в огороде [3].

Правика и его людей нельзя было назвать любимчиками командования. Вот как о них вспоминает Леонид Телятников (в свои тридцать пять — майор и начальник военизированной пожарной части № 2): «Третий караул не был таким идеальным, как пишут в газетах. И если бы не этот случай, никогда, конечно, о нем не писали бы. Это был очень своеобразный караул. Это был караул личностей, так можно сказать. Потому что каждый был сам по себе. Очень много ветеранов там было, очень много своеобразных ребят». Правик в карауле оказался моложе всех. Пожарным платили хорошую зарплату, и устроиться в их часть было довольно трудно. Большое значение имели семейные связи. Братья, отцы и сыновья формировали сообщества, в которые ход был заказан даже опытным, видавшим виды офицерам. Лейтенант верил, что должен воспитывать пожарных на собственном примере. Телятников же требовал относиться к ним пожестче, не давать водить себя за нос и отлынивать.

Правик нередко докучал майору, передавая просьбы подчиненных об улучшении жилищных условий или отгулах. Однажды он открыто выступил против решения командира наказать бойца, пропустившего смену. Человек, мол, просто перепутал числа и, по мнению Правика, заслуживал снисхождения. Они спорили с Телятниковым об этом случае не один раз. Майор даже побеседовал с молодой женой лейтенанта — верил, что Надежда благотворно влияет на Владимира. Это ничего не изменило, Правик и дальше упорно отстаивал интересы подчиненных. Это стоило ему и отсроченного отпуска, и долгого пребывания в звании лейтенанта. Зато ветераны и «своеобразные ребята» своего командира любили. Например, Леонид Шаврей, которому тогда было тридцать пять, так отзывается о лейтенанте: «Правик был очень хороший парень. Башковитый, грамотный. Хорошо разбирался в радиотехнике, любитель был крепкий.

Цветомузыку сделать, приемник отремонтировать, магнитофон — вроде как мастер был. И с караулом житейски обходился. Достойный начальник. Любой вопрос мог решить, обратись к нему…» [4]

Леонид был старшим из трех братьев (все пожарные), родом из белорусской деревни у самой границы с Украиной. Припять от их деревни отделяет менее двадцати километров, тогда как до Наровли, районного центра, почти втрое дальше. Леонид и Иван служили в карауле Правика, и оба в ту ночь были на дежурстве. Самый младший брат, Петр, имел уже звание лейтенанта и отдыхал дома. Посмотрев телевизор, Леонид пошел вздремнуть. Именно ему предстояло сменить Правика на посту в два часа ночи. Иван с другими бойцами вышел на воздух поболтать. Внезапно раздался хлопок. Иван сразу же опознал звук: выброс пара на энергоблоке. Он едва обратил на это внимание — такое время от времени случалось [5].

Но как только Иван зашел в здание, раздался взрыв, за ним — еще один. Что происходит? Иван увидел над четвертым энергоблоком огненный шар. Завыла сирена, вскочил с места и Леонид. Сослуживцы, указывая на станцию, кричали: «Вон, смотри — горит!» Над крышей энергоблока, ярко освещенного прожекторами, вздымался грибообразный столб дыма. Внизу красный, дальше он становился синим и на самом верху расползался в черное облако [6].

Бойцы не успели опомниться, как уже мчались к месту аварии — четвертому энергоблоку. Леонид Шаврей сидел рядом с лейтенантом Правиком, Иван ехал в другой машине. Когда все три подъехали к воротам, уже не было видно ни огненного шара, ни облака дыма, хотя времени прошло совсем немного. Пожарные высадились у административно-бытового корпуса энергоблоков второй очереди. За всеми энергоблоками, примыкая к их тыльной стороне, тянулся громадный машинный зал. В этом здании, высотой не менее тридцати двух метров, располагались турбогенераторы. Третий и четвертый энергоблоки находились в одном корпусе и делили одну на двоих вентиляционную трубу. Эта труба головокружительной высоты маячит почти на всех фотографиях Чернобыльской атомной электростанции. Крыша здания энергоблоков второй очереди, откуда начиналась труба, поднималась над землей на целых 72 метра — сопоставимо с

небоскребом этажей в семнадцать, то есть средним по меркам Соединенных Штатов 1920–1930-х годов. Когда бойцы посмотрели вверх, их поразили масштабы катастрофы. Крыша четвертого энергоблока была разрушена, как и немалая часть одной стены. Другие стены лизали языки пламени.

Потрясенный лейтенант передал по радио сигнал тревоги номер три — самый высокий. Это значило, что на пожар должны были немедленно выехать расчеты из городов всей Киевской области. Правик действовал как привык — брал ответственность на себя. Леонид Шаврей запомнил его слова: «Ну, Михайлыч, нам будет жарко. Нам придется тут поработать». Шаврей сразу понял, что дела плохи. «У меня аж волосы дыбом стали», — признавался он позже. На часах было около половины второго. С момента взрыва прошло минут пять.

Правик и Шаврей побежали от машины по транспортному коридору через третий блок — на разведку. В коридоре им попался телефонный аппарат внутренней связи, но на звонки никто не отвечал. Шаврей заметил двоих крайне встревоженных техников. Пожарные стали допытываться у них, где именно горит. Техники точно не знали — предполагали, что на крыше машинного зала. Правик сразу понял, насколько это опасно. В машинном зале находилось много легковоспламенимых материалов и ценное оборудование. Охвати огонь все здание, он мог бы перекинуться с него на каждый из четырех энергоблоков [7].

Нужно было действовать быстро. Правик приказал Леониду Шаврею вернуться к машине и объехать машинный зал со стороны первого энергоблока. Сам лейтенант остался внутри, чтобы разобраться в картине аварии и составить план действий. Шаврей выполнил приказ. Вместе с Владимиром Прищепой он поднялся на крышу машинного зала — нелегкое дело, ведь они карабкались в касках и брезентовых робах по высокой лестнице, которая раскачивалась под их весом. Наверху они увидели нечто похуже простого пожара. Через две недели Прищепа так описал эту картину: «Когда я вылез на крышу, то увидел, что перекрытия нарушены, некоторые упали. Ближе к постоянному торцу на четвертом энергоблоке я увидел очаг загорания крыши. Он был небольшой. Я хотел к нему подойти, чтобы потушить, но перекрытия шатались. Я

возвратился и пошел вдоль стенки по пожарному водопроводу, подошел к очагу и засыпал его песком, так как рукавную линию проложить не было возможности».

Из воспоминаний Леонида Шаврея также видно, что пожар тушили без воды: «Старались сбивать пламя брезентовыми рукавами. На крыше противопожарное водоснабжение, и там рукава лежали в ящиках — вот этими рукавами мы и сбивали… В крыше были дырки, если бы мы воду начали лить, могло бы и коротнуть и… Рукавами сбивали пламя и ногами затаптывали». В нарушение всех правил безопасности крыша машинного зала, на которой находились пожарные, была залита битумом — весьма горючим нефтепродуктом. Шаврей продолжает: «Ходить было трудно, битум на крыше расплавился. Жарища такая… Чуть малейшее что, битум сразу же загорался от температуры… Наступишь — ногу нельзя переставить, сапоги вырывает… И вся крыша усеяна какими-то кусками, светящимися, серебристыми. Ну, их отшвыривали в сторону. Вроде лежит, и вдруг раз — воспламенился» [8].

То, что Шаврей и Прищепа пинали ногами, было кусками графита и ядерного топлива. Они облучали все вокруг, и в первую очередь бойцов из караула Владимира Правика, не имевших ни инструментов для измерения уровня радиации, ни защитной экипировки. Их учили тушить обычные пожары и входить в задымленные помещения. Никто не объяснял им, как противостоять радиации, хоть их часть и охраняла атомную электростанцию. Поэтому у них было довольно смутное представление о том, чем пожар в ночь на 26 апреля отличается от прочих и откуда именно исходит угроза. Из-за невыносимого зноя на крыше машинного зала оба стали понемногу избавляться от боевой формы. Шаврей признается: «Температура большая была, дышать тяжело, мы порасхристаны, каски сняли, положили». Они не знали, что снизу им рукоплещут наблюдатели — те самые рыбаки, стоявшие на берегу пруда-охладителя. Действия бойцов привели их в восторг. Один из них воскликнул: «Каску снял! От дает! Герой!» [9]

Ответственность за город Припять лежала на военизированной пожарной части № 6. В ту ночь Людмилу — жену Василия Игнатенко, одного из бойцов, — разбудил шум за окном. Как и некоторые другие молодые пожарные, супруги Игнатенко жили в общежитии части. Под ними, на

первом этаже, находился гараж. Василий как раз дежурил, поэтому Людмила выглянула на улицу и увидела, как муж садится в машину. «Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду», — крикнул Василий. Людмила посмотрела на юго-восток и увидела зарево над атомной электростанцией. «Все словно светилось… все небо… высокое пламя, копоть, жар страшный», — вспоминает она.

Машины выехали из гаража и помчались к четвертому энергоблоку. Командовал караулом лейтенант Виктор Кибенок, двадцати трех лет. Он окончил пожарно-техническое училище в Черкассах на два года позже Правика. Караул содержал в образцовом порядке. Подчиненные были примерно того же возраста, что командир, и он водил дружбу со многими из них, включая Василия Игнатенко. Игнатенко, двумя годами старше, успел заслужить звание мастера спорта СССР, побеждал на соревнованиях. Жены тоже были подругами, семьи проводили вместе выходные. Теперь Виктор и Василий вместе ехали на пожар [10].

Кибенок и его люди прибыли на ЧАЭС без четверти два, минут через десять-пятнадцать после караула Правика. Некоторые бойцы части № 2 уже тушили пожар на крыше машинного зала, поэтому следовало без промедления заняться крышей третьего энергоблока. Взрыв на соседнем, четвертом, стал причиной пожара и там. Возведение двух энергоблоков в смежных зданиях экономило средства — вентиляционную трубу сделали одну на двоих, как и некоторые другие узлы. Но теперь их близость представляла угрозу. Кибенок, Игнатенко и остальные бойцы подключили рукава к сухотрубам (трубопроводам на стенах здания) и гидрантам. Затем стали карабкаться по пожарным лестницам наверх — непростая задача, ведь они были в спецодежде, а от земли до крыши третьего энергоблока насчитывалось 72 метра. Сверху им открылась инфернальная картина: развороченный взрывом реакторный зал и рвущиеся снизу языки пламени. Они знали, где на крыше должны храниться рукава, подключили их к сухотрубам и стали заливать водой огонь.

Лейтенант Правик довольно скоро пришел на помощь Кибенку и его команде на крыше третьего энергоблока. Он знал, что Шаврей и Прищепа держат пожар на крыше машинного зала под контролем. Бойцы, оставшиеся внизу, видели, как Правик взобрался по пожарной лестнице

сначала на машинный зал, а оттуда на третий энергоблок. Сражение развернулось вокруг основания вентиляционной трубы. Кто-то, в том числе Игнатенко, заливал огонь из рукавов. Другие сбрасывали с крыши куски графита — не задумываясь над тем, что графит извергло взрывом реактора и уровень его радиоактивности был смертельным. Их заботило одно: не допустить новых возгораний на крыше от раскаленных обломков [11].

Командир части № 2 майор Телятников, начальник Правика, мирно спал у себя дома, когда его разбудил телефонный звонок. Дежурный по части сообщил ему, что атомная станция горит. Телятников тогда был в отпуске, но это не имело значения — долг велел ехать на пожар и брать на себя руководство. Только вот на чем? Все пожарные машины были уже на станции. Майор позвонил в милицию и ему прислали газик. На ЧАЭС Телятников добрался примерно в то же время, что и караул Виктора Кибенка. Он увидел полуразрушенный четвертый энергоблок и пожар, который захватывал третий, — языки пламени до двух метров в высоту. Где еще горит? Первые несколько минут, точно так же как Правик, Телятников бегал по станции, стараясь оценить положение [12].

У стены машинного зала он наткнулся на Леонида Шаврея, бойца караула Правика, который как раз спустился с крыши, чтобы протянуть туда рукав с водой. Шаврей сказал майору:

— Леонид Петрович, тут же и провода оборваны, могло убить.

— Ну, не убило — значит остался жив. Где Правик?

Телятникова не слишком беспокоили кабели, свисавшие со стен четвертого энергоблока, зато тревожило положение молодого лейтенанта. Ответ Шаврея его приободрил. Позднее Телятников говорил с гордостью: «Когда авария случилась, несмотря на какие-то трения в карауле, несмотря ни на что, весь караул пошел за Правиком, пошел без оглядки» [13].

Майор наконец-то увидел Правика, когда тот спустился с крыши третьего энергоблока в компании Кибенка и членов его караула. Правик доложил, что пожар там в основном потушен. Но сам лейтенант явно пострадал. «С ним еще семь человек, им было плохо, всех тошнило», — вспоминал Телятников. Он остановил проезжавшую мимо машину скорой помощи и отправил Правика и остальных в больницу. На часах было около половины третьего. Бойцы провели на

крыше менее получаса, но чувствовали себя уже очень плохо. Все уже понимали, что виной тому не только пожар. Когда Правика сажали в скорую, он сказал: «Передайте Наде и всем-всем-всем: пусть плотно закроют окна, двери и не выходят на улицу». Скорая умчалась в Припять. Иван Шаврей, взойдя на крышу машинного зала, как раз наткнулся на спускавшихся сверху людей Кибенка. Всех тошнило. Особенно плохо было Игнатенко — он уже не мог стоять на ногах. Кибенок в порванной гимнастерке шел медленно, держась за стену. Им помогли сойти на землю, откуда, как сказано выше, скорая повезла их в больницу [14].

В Припяти в ту ночь работал единственный дежурный врач — двадцативосьмилетний Валентин Белоконь. Он ездил на скорой по срочным вызовам. Один из них в ту ночь был к мужчине, который так напился, что выпрыгнул из окна. А потом позвонили с атомной станции. Белоконь приехал на ЧАЭС, прихватив обезболивающие — думал, что придется лечить ожоги. На месте он встретил Кибенка (еще до того, как тот оказался на крыше третьего энергоблока). Доктор спросил:

— Есть обожженные?

— Обожженных нет. Но ситуация не совсем ясна. Что-то моих хлопцев немножко подташнивает.

Белоконь позднее вспоминал, что лейтенант выглядел «немного возбужденным, взвинченным» [15].

Через какое-то время к Белоконю привели рабочего лет восемнадцати, из тех, кто трудился на третьем энергоблоке и мог заходить и в четвертый. Тот жаловался на резкую головную боль и рвоту. Врач в ответ спросил, что он ел, как вечер провел. В ночь с пятницы на субботу, видя состояние пациента, он заподозрил алкоголь, не радиацию. Но парень оказался трезвым, спиртом от него не пахло. Состояние тем временем ухудшалось: он побледнел, язык у него заплетался. Те, кто его привел, восклицали: «Ужас, ужас!» Белоконь ввел ему успокоительные: реланиум (более известный как диазепам) и аминазин [16].

Вскоре к Белоконю обратились за помощью еще несколько рабочих. Симптомы все те же: головная боль, сухость в горле, рвота. Доктор ввел им реланиум и отослал машину с ними в

Припять. Затем к нему привели пожарных, едва державшихся на ногах. Только отправив их в больницу, Белоконь наконец осознал, что происходит. Он позвонил начальству и попросил доставить йодид калия — лекарство для защиты щитовидной железы от радиации. На том конце провода не сразу поверили. Однако, когда в больнице увидели первых жертв аварии, вопросы исчезли — Белоконю прислали нужные таблетки. В том, что люди пострадали от радиоактивного облучения, сомнений больше не возникало. Но никто еще не знал, насколько высок уровень радиации.

Белоконь стал напряженно вспоминать годы учебы, но в мединституте о радиации рассказывали не так много. Даже работники атомной электростанции лишь смутно понимали, как серьезна эта угроза. Белоконь призывал терзаемых рвотой людей садиться в машины и ехать в больницу, но те отвечали, что просто переволновались от взрыва. Их больше беспокоило, что коллеги увидят, как их рвет [17].

Майор Телятников сбился с ног. Он направил подкрепление на крышу третьего энергоблока. В полчетвертого ночи у него появились те же симптомы, что и у остальных; не давало покоя горло. Настало время ехать в Припять и Телятникову [18].

К этому времени на пожар прибыл Петр Шаврей, младший брат Леонида и Ивана, уже давно боровшихся с огнем. Леонид держал под контролем крышу машинного зала, Ивана послали на крышу третьего энергоблока. Вместе с другими бойцами он сменил там Кибенка и часть его караула. Петр приехал с еще одним офицером, той ночью отдыхавшим, — Юрием Хилько. Шаврей, в обычной гражданской одежде, подошел к машинному залу и услышал голос самого старшего из братьев — Леонида: «Рукава давайте, нет рукавов!» Расплавленный битум прожег рукава на крыше. Петр вспоминает: «Я сразу туфли снял, кирзовые сапоги надел, фуражку бросил в машину. Два рукава под мышки, и по лестнице наверх. И это все средства защиты — а что, в сапогах же! Какая там защита — счет на минуты шел, чтобы дальше не полыхнуло».

На крышу машинного зала доставили новые рукава, но они были сухими. Насосы для подачи воды стояли обесточенными. Петра Шаврея осенило: в дело пойдет пруд-охладитель. Однако

добраться с рукавом до пруда оказалось совсем не просто. Вокруг царил хаос. Словно после бомбежки, повсюду валялись куски железобетона, оконного стекла, графита, топливных стержней. Проехать к воде, не повредив колеса, было сущей головоломкой. Петр вспоминает: «Я бежал впереди машины — освещения нет, обломки, все завалено. Я как заяц петлял — машина за мной. И все равно колеса попробивали. Я руками вытягивал из колес арматуру, выбивал ее ногами. Потом кожа с рук слезла — радиоактивная была арматура». В итоге пожарные достигли цели, и вода по рукаву пошла на крышу машинного зала. Огонь отступил.

Команду «отбой» бойцам дали только в семь утра. Два брата Шаврея могли наконец-то уйти с атомной станции. Ивана еще раньше увезли на скорой. Он ощущал сладкий привкус во рту, головную боль, обморочную слабость. Потом его рвало. Леонид сам слез с крыши машинного зала, но симптомы у него были те же. Петр приехал на станцию позже, тем не менее ему тоже стало дурно: «У меня была рвота и ужасная слабость. Ноги не слушались, будто ватные». И страшно мучила жажда. Он выпил из рукава немного воды из пруда-охладителя, ему сразу полегчало. Напарник воскликнул:

— Что ты делаешь? Она же грязная!

— Посмотри: прозрачная.

Петр продолжает: «А вода была радиоактивная, я понимал это, но мне казалось, что если я не сделаю два глотка, я упаду и не поднимусь. Потом слизистая была повреждена». Те два глотка чернобыльской воды обошлись лейтенанту недешево [19].

Еще один молодой лейтенант, Петр Хмель, прибыл на ЧАЭС одновременно с Петром Шавреем. Как и у Шаврея, у него оказался на пожаре «семейный подряд». Отец, Григорий Хмель, служил водителем в районной пожарной части в Чернобыле. Его машина добралась до станции одной из первых, после того как Правик дал сигнал тревоги номер три. Сын же был офицером пожарной части № 2 — это он должен был сменить караул Правика в восемь утра 26 апреля. Приехав на станцию, Петр Хмель узнал, что Правика уже увезли в больницу. «Я ушел в разведку на крышу машинного зала — крыша полностью разрушена, там и сям пламя, правда, невысокое… — вспоминает Хмель-младший. — Подали ствол… Через какое-то время я там остался один.

Запросил по рации, что делать. Ответили: „Жди замену“». Сколько пришлось ее ждать, Хмель не знает — так спешил, что часы оставил дома. Позднее ему предстояло осознать, какое значение имела каждая минута, проведенная на той крыше [20].

Пока сын был на крыше, отец, Григорий Хмель, работал у стен машинного зала. Он видел, как Правик карабкался вверх по пожарной лестнице. Немного позже, услышав, что Правика и Телятникова увезли на скорых, он забеспокоился о сыне. Он и не сомневался, что Петра вызовут по тревоге. Под утро, когда огонь уже в общем потушили, а людям стали давать в столовой таблетки йодида калия, Григорий начал его искать. «Пети нема?» Ему ответили, что нет. Но вот кто-то сказал: «Дед, Петю Хмеля повезли на подмену туда». Само собой, на крышу. У старика екнуло сердце. «Думаю: все, гаплык».

Григорию и другим велели сбросить одежду и мыться. Выйдя из бани, он наконец-то увидел сына: «Бачу — Петя мой идет, в форме, в плаще, пояс пожарный, фуражка, сапоги на нем яловые». Петр едва успел спросить: «Ты тут, батько?», как его увели на обеззараживание. Григория, должно быть, охватила примерно та же тоска, как у гоголевского Тараса Бульбы, когда перед казнью, глядя на толпу чужеземцев, Остап воскликнул: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?» Отец настоял на том, чтобы дождаться выхода Петра из душевой. Вид его никак не радовал. Петр вспоминает: «В душевой мне стало плохо. Я вышел оттуда — отец меня ждет: „Как себя чувствуешь, сынок?“ И я, уже почти ничего не слышал, услышал только: „Держись“» [21].

Людмила Игнатенко не находила себе места в комнате над гаражом пожарной части № 6. Василий, муж, уехал на пожар в половине второго ночи. Она ждала первого ребенка, срок уже был большим, но беспокоило ее не только это. Людмила догадалась: творится что-то неладное. Время шло, а машины в часть не возвращались. «Четыре часа… Пять часов… Шесть… — вспоминает она. — В шесть мы с ним собирались ехать к его родителям. Сажать картошку». Около семи ей сказали, что Василия привезли в больницу. Людмила побежала туда, но здание уже оцепила милиция. Только скорые мчались на атомную станцию и обратно. Собравшимся запрещали приближаться к машинам.

Людмила в отчаянии бросилась к знакомой, которая работала в больнице и как раз выходила из скорой.

— Пропусти меня!

— Не могу! С ним плохо. С ними со всеми плохо.

Людмила умоляла врача позволить ей просто взглянуть на мужа. Та все же согласилась. Вид у него был пугающий: «Отекший весь, опухший… Глаз почти нет…» Она спросила:

— Васенька, что делать?

— Уезжай отсюда! Уезжай! У тебя будет ребенок… Уезжай! Спасай ребенка!

Людмила запомнила, что доктора твердили об отравлении газами. Игнатенко, однако, должен был понимать, что речь идет о радиации. Пожарные-ликвидаторы не сразу осознали, откуда исходит смертельная угроза, но теперь они хотели только одного: чтоб их семьи уехали подальше от Припяти. Огонь побороли, но с излучением ничего поделать не могли. Эта чудовищная отрава только начинала разъедать тела людей [22].

Родители Владимира Правика несколько часов напрасно ждали сына — он так и не приехал помочь им в огороде. Когда им наконец сообщили, что лейтенанта доставили в припятскую больницу, они сразу же поехали к нему. Через окно сын велел родителям немедленно садиться на мотоцикл, взять Надю и маленькую Наташу, закутав внучку в несколько одеял, и отвезти их на железнодорожную станцию. Владимир считал, что жене и дочери надо перебраться к родителям Надежды, в Черкасскую область. Так и поступили. Перед отъездом жена оставила ему на столе записку. Их долгий роман в письмах завершится именно этим письмом — ответа на него уже не будет [23].

Глава 7
Ослепленные

Виктор Брюханов спокойно спал в своей квартире в элитном доме углу проспектов Ленина и Курчатова, когда около двух часов ночи раздался телефонный звонок. Начальник химического цеха с явной тревогой в голосе сказал: «На станции что-то случилось». Он слышал какой-то грохот, видел вспышки, поэтому решился прервать сон директора — в нарушение всех писаных и неписаных правил. Брюханова новость застала врасплох.

Других подробностей собеседник не знал. Положив трубку, директор позвонил начальнику смены — никто не ответил. Он торопливо оделся и выбежал на улицу. Вскоре подъехал дежурный автобус станции. Что могло произойти? Кроме того, что пар мог разорвать одну из труб, ничего в голову не приходило. Такая авария — дело весьма хлопотное, но в общем заурядное. Когда автобус въехал на территорию ЧАЭС, Брюханов понял, что все гораздо хуже — верхушка здания четвертого энергоблока исчезла. Сердце дрогнуло. «Это моя тюрьма», — вырвалось у него [1].

Надежде не осталось места. Пришло время распрощаться с прежней жизнью: успешной карьерой, креслом в зале Дворца съездов, государственными наградами. Брюханов знал, что отвечать придется ему, кто бы ни был виноват. В 1930-е за аварии на производстве тысячи руководителей приговаривали к длительным срокам заключения (если не к расстрелу) по ложным обвинениям в измене родине или вредительстве. Режим смягчился, но какое бы бедствие ни случилось, директор предприятия непременно становился козлом отпущения. Брюханов, человек и так немногословный, погрузился в полное молчание. Те, кто видел его в ночь на 26 апреля, запомнили, что он выглядел не только напряженным, но и подавленным. «Он был в состоянии шока, заторможен» [2].

Как бы ясно Брюханов ни понимал, что его дела плохи, ему следовало точно оценить обстановку и установить причину аварии. Оказавшись у себя в кабинете, он набрал номер Бориса Рогожкина — начальника ночной смены станции. Но Рогожкин не брал трубку. Затем директор велел созвать в административный корпус руководителей подразделений всех служб и цехов.

Дежурная телефонистка по приказу Рогожкина уже обзванивала их по очереди. Брюханов спросил, почему не включено аварийное оповещение — передача записанного сообщения всей номенклатуре. Телефонистка ответила, что не знает, какую пленку ставить, ведь никто ничего толком не объяснил. Он приказал объявить «общую аварию» — высший уровень угрозы. Это значило, что последствия могли выйти за пределы атомной электростанции. Брюханов до сих пор не знал, что случилось, но увиденное производило тяжелое впечатление.

Так и не найдя никого, кто рассказал бы подробно об аварии, Брюханов решил разобраться лично и побежал к четвертому энергоблоку. Споткнувшись по пути несколько раз о куски графита (и даже пнув один из них), он гнал мысль о том, что графит могло выбросить взрывом в активной зоне — это казалось невероятным. Добравшись до здания баллонной системы аварийного охлаждения реактора, директор увидел, что оно разрушено; этого было достаточно, чтобы понять масштаб аварии. Брюханов тем же путем вернулся на рабочее место.

Наконец начали собираться первые начальники подразделений, поднятые с постели звонком дежурной. Директор приказал открыть бункер под административным корпусом — убежище и командный пост на случай войны или другой чрезвычайной ситуации. Подчиненным он велел выяснить, что происходит, и доложить. Начался обзвон участков. Директор взял на себя самое неприятное: известить партийное и министерское начальство в Москве и Киеве. «Сообщал то, что видел сам», — вспоминает Брюханов. На четвертом энергоблоке произошла серьезная авария, здание частично разрушено, что именно произошло, он пока не знает. В ответ он услышал, что на Чернобыльскую АЭС едут ответственные лица, а ему следует как можно скорее разобраться в ситуации [3].

Затем Брюханов наконец дозвонился Рогожкину. Начальник смены станции только что вернулся к себе в кабинет — осматривал машинный зал. Побывал он и в зале управления четвертого энергоблока, где расспросил Александра Акимова, начальника смены блока, инженера Леонида Топтунова и заместителя главного инженера Анатолия Дятлова — ответственного за испытания выбега ротора турбогенератора. Все они были напуганы и растеряны. Дятлов сказал ему, разводя руками: «Боря, мы нажали кнопку АЗ-5, а через двенадцать-пятнадцать секунд блок

взорвался». Рогожкин увидел обваренных паром и помог эвакуировать одного из них — Владимира Шашенка. Нескольких человек пока не могли найти. Вот суть того, что Рогожкин сообщил директору, предложив соединить его с Дятловым. Брюханов ответил, что уже находится на станции и позвонит тому сам [4].

В зале управления четвертым энергоблоком никто не мог понять, что случилось, — включая Анатолия Дятлова. Когда после второго взрыва заработали аварийные генераторы и над головой вновь зажегся свет, он подумал: что-то произошло с деаэраторами. Эти огромные емкости, расположенные в «этажерке» над залом управления, содержали более ста кубометров горячей воды и пара. Если взорвались они, через трещины в крыше в зал вот-вот хлынет кипяток. Дятлов велел подчиненным перейти к резервному щиту управления, но услышали его далеко не все. Люди в недоумении уставились на датчики: лампы бешено мигали, стрелки метались в разные стороны. Тут уж не до начальника. Поскольку вода нигде не протекала, пар не просачивался, команду Дятлов повторять не стал. Но если взрыв не связан с деаэратором, в чем же дело?

Он бросился к пульту и стал изучать показания индикаторов — однако часть приборов сломалась, а другие выдавали нечто невразумительное. Датчики давления и циркуляции воды в контуре показывали ноль. Это само по себе грозило тяжелыми последствиями. Реактор Дятлов считал заглушенным, но знал, что без охлаждения водой активной зоны тепловыделяющие элементы расплавятся за минуту. Поэтому громогласно дал новую команду: «Расхолаживаться с аварийной скоростью!» Систему аварийного охлаждения теперь следовало запустить от аварийных дизель-генераторов, а задвижки, с таким трудом перекрытые 25 апреля, — открыть заново и в рекордный срок. Времени скорее всего не хватило бы и расплавления топливных сердечников было не избежать, но Дятлов не видел другого выхода. Он приказал Акимову немедленно связаться с электриками и включить насосы.

На остановке подачи воды в активную зону беды не закончились. Очередной сюрприз преподнесли стержни с поглотителем, который должен был остановить реакцию. Датчики показывали, что те застряли, не войдя в ядро и наполовину, и что реакция до сих пор идет — без

какого-либо охлаждения водой! Акимов обесточил муфты сервоприводов в надежде, что стержни просто упадут вниз. Но их заклинило. Дятлов приказал Виктору Проскурякову и Александру Кудрявцеву, двум стажерам старшего инженера управления реактором, бежать в реакторный зал и опускать регулирующие стержни вручную. Едва они скрылись из виду, Дятлов осознал нелепость этой идеи — если стержни не падают в активную зону при отключенных муфтах сервоприводов, то и ввинчивать их бесполезно. Он выскочил в коридор, но слишком поздно. В задымленном коридоре столбом стояла пыль. Дятлов вернулся в зал и приказал включить вентиляторы [5].

Теперь надо было понять, что происходит в машинном зале (выход был на противоположной стороне), где вспыхнул пожар. Эту жуткую новость в зале управления узнали от одного из машинистов, как раз после того, как Дятлов приказал охлаждать реактор в аварийном порядке. Еще раньше на пожар прибежал Разим Давлетбаев. Представшая перед ним картина потрясла его до глубины души. Кровля над одной из турбин рухнула. Замначальника турбинного цеха вспоминает: «Часть ферм свисала, одна из них на моих глазах упала на цилиндр низкого давления турбогенератора-7. Откуда-то сверху доносился шум истечения пара, хотя в проломы кровли не было видно ни пара, ни дыма, ни огня, а видны были ясные светящиеся звезды в ночном небе» [6].

Ужаснулся при виде этого и Дятлов. «Там картина, достойная пера великого Данте! — восклицает он в мемуарах. — Из поврежденных труб в разные стороны бьют струи горячей воды, попадают на электрооборудование. Кругом пар. И раздаются резкие, как выстрел, щелчки коротких замыканий в электрических цепях». Тем временем к седьмому турбогенератору сбегались люди с огнетушителями и пожарными шлангами в руках. При взрыве падающие обломки крыши повредили трубопроводы — оттуда вытекало масло. Окажись на полу десятки тонн горючего материала, пожар мог бы превратить в преисподнюю машинный зал, а следом — и все четыре энергоблока (машинный зал примыкает к каждому из них). Давлетбаев и его люди стали отключать маслонасосы, чтобы слить масло в аварийные цистерны. Кроме этого, работники машинного зала производили вытеснение водорода из турбогенераторов, расположенных возле поврежденного седьмого — взрыв грозил и с этой стороны [7].

В реакторном зале Дятлов увидел первую жертву аварии — оператора, обваренного паром из разорванных труб, — и приказал вести его в медпункт, куда должна была уже приехать скорая. Когда он вернулся в зал управления, Петр Паламарчук внес на руках инженера Владимира Шашенка, своего коллегу-наладчика. Во время теста тот наблюдал за приборами на отметке 24 метра и его также обварило водой и паром. Дятлов вспоминает: «Володя сидел в кресле и лишь незначительно перемещал глаза, ни крика, ни стона. Видимо, боль превысила все мыслимые границы и отключила сознание». Рогожкин (он как раз прибыл в зал управления) помог унести Шашенка в медпункт на носилках. Еще троих сотрудников, в момент взрыва находившихся в центральном зале реакторного цеха, пока что не нашли.

Тем временем Акимов выбивался из сил, стараясь обеспечить охлаждение реактора водой. Он считал, что активная зона стремительно перегревается. Внутренние телефоны молчали, поскольку при взрыве оборвались кабели, но вот на городские номера, как ни странно, можно было дозвониться. Акимов, набрав электриков, умолял снова подключить насосы, чтобы продолжить подачу воды. Электрики обещали сделать все возможное. Начальника вечерней смены Юрия Трегуба — тот так и не ушел с энергоблока — Акимов попросил открыть злополучные задвижки системы охлаждения реактора. Трегуб и еще один инженер, Сергей Газин, побежали вверх по лестнице на двадцать седьмую отметку. Наверху они почувствовали себя плохо («язык не глотает», как выразился Трегуб), но это было только начало беды. Как только Трегуб открыл рывком дверь помещения, где находились задвижки, его ошпарило. Из-за пара ничего нельзя было сделать — пришлось вернуться в зал управления. У Акимова екнуло сердце. Не подозревая о том, что реактор уже взорвался, он с ужасом думал, к чему может привести его перегрев [8].

Стажеры Проскуряков и Кудрявцев, напрасно отряженные Дятловым опускать регулирующие стержни, явились в зал управления с очередной плохой новостью. Они хотели подъехать в реакторный зал на лифте, но шахта превратилась в груду развалин. Тогда они стали подниматься на отметку 36 метров по лестнице. Ступеньки завалило обломками, так что карабкаться приходилось с трудом. Из разорванных труб били струи воды и пара, горячим и влажным

воздухом невозможно было дышать. До регулирующих стержней Проскуряков и Кудрявцев не дошли — слишком велики оказались разрушения в центральном зале и вокруг него. Но им удалось подойти к реактору настолько близко, что это стоило им жизни. Вернувшись в зал управления, стажеры отчитались Дятлову и Акимову. Начальники только укрепились в уверенности, что реакция в активной зоне продолжается, но без охлаждения. Дятлов понимал, чем это грозит, но старался об этом не думать.

Проскуряков наткнулся на Трегуба и сказал тому, что ядро реактора, наверно, расплавилось. Причиной, как он думал, послужили перегрев и возможная утечка диоксида урана из топливных сердечников. Трегуб согласился — парой минут раньше он вышел наружу и увидел «зловещий», как он выразился, свет. Он предположил, что расплавление перегретого ядра вызвало скачок температуры и раскалило двухсоттонную верхнюю плиту биологической защиты («Елену»). Инженеру не могло прийти в голову, что плиту сорвало и подбросило взрывом. Проскуряков нервно спросил: «А почему ж ничего не делается?» Трегуб поделился опасениями с Дятловым. «Пошли», — ответил тот. Они вышли по коридору на улицу. Потрясенный начальник смены воскликнул:

— Это Хиросима!

— Такое мне даже в страшном сне не снилось, — ответил Дятлов после долгого молчания.

В ту ночь Дятлов дважды ходил осматривать полуразрушенное здание снаружи: без двадцати два и в начале третьего. Он никак не мог понять, что же произошло. Предположение о взрыве деаэраторов он отбросил и представил себе картину аварии по-другому: непредвиденный разрыв технологических каналов привел к скачку давления воды и пара в контуре, которые и сорвали «Елену». Мощный выброс пара привел к многочисленным разрушениям, в атмосферу попали радиоактивные частицы, плита же упала на место и вновь закрыла активную зону [9].

Заместитель главного инженера вернулся в зал управления. Он понимал, что распространение аварии за пределы четвертого энергоблока надо предотвратить. Следовало снизить частоту коротких замыканий — а заодно и вероятность пожара на третьем энергоблоке, — поэтому Дятлов велел Акимову и Александру Лелеченко отключать механизмы и разбирать

электросхемы. Давлетбаев и его люди сливали масло из турбогенераторов и труб. Прибыл майор Телятников. Заместитель главного инженера сказал ему, что пожар на крыше машинного зала потушен и теперь надо уберечь от огня крышу третьего энергоблока. Затем он сам пошел туда, в зал управления третьего блока, и велел остановить реактор, пока было возможно.

Что еще осталось сделать? Дятлова осенило: держать в четвертом энергоблоке и вокруг него столько народу нет нужды. Он знал, что возросший уровень радиации представлял угрозу. Дозиметристы делали замеры сразу же после взрыва, но не совсем удачно. Их приборы показывали микрорентгены в секунду. «Рентген» — название единицы измерения гамма- и рентгеновского излучения (от имени физика Вильгельма Рёнтгена, который открыл последнее). Рентгены, миллирентгены и микрорентгены не давали представления о других видах излучения, то есть нейтронах, альфа- и бета-частицах, но позволяли оценить уровень опасности. В распоряжении Дятлова и его подчиненных был дозиметр, способный показать не более миллирентгена в секунду (то есть 3,6 рентгена в час). На одной стороне щита управления прибор показал 800 микрорентген в секунду, на другой — стрелка зашкалила. Дятлов предположил, что там уровень должен составить около пяти рентген в час. На случай аварии инструкция предусматривала для операторов максимум двадцать пять рентген. Таким образом, несколько часов на энергоблоке они продержатся — в конце концов, это авария.

Но если в зале управления уровень радиации был просто высоким, то за его пределами, видимо, чудовищным. Атомщики, которые рискнули выйти наружу на более-менее долгое время, испытывали слабость, кожа их темнела, головная боль обострялась — симптомы лучевой болезни. Требовалось как можно скорее удалить их от источника излучения. Дятлов начал высылать из зала лишних. В их число попали стажеры Кудрявцев и Проскуряков, а также Топтунов и Киршенбаум — инженеры из смены Акимова, которым Дятлов велел перейти на третий энергоблок. Чтобы удержать распространение загрязненного воздуха, он приказал включить всю вентиляцию в машинном зале третьего, а на четвертом — выключить. Казалось бы, удачная мысль. На самом деле воздух снаружи был намного более радиоактивным, чем внутри четвертого энергоблока, и Дятлов таким образом увеличил его приток.

Из троих операторов, которые исчезли сразу после взрыва, одного так и не нашли. Пропал Валерий Ходемчук из смены Акимова — оператор главного циркуляционного насоса. Помещение, где он работал (на двенадцатой отметке), теперь лежало в руинах. Дятлов взял с собой Валерия Перевозченко и еще двух человек и отправился на поиски. У входа в зал провалились перекрытия, пройти внутрь было невозможно. Сверху из разорванных труб потоком лилась вода. Перевозченко, начальник смены реакторного цеха, полез наверх — в комнату операторов ГЦН. Дверь придавило упавшим краном, поэтому оставалось только кричать. На крик никто не ответил. Радиоактивный душ, который принял Перевозченко, стоил ему жизни.

Тогда уже и Дятлов почувствовал упадок сил — «полную апатию». Время от времени неудержимо тянуло на рвоту. Позднее врачи установят, что он получил дозу радиации во много раз выше допустимой в случае аварии. При столь острой лучевой болезни люди редко живут дольше двух месяцев. В любом случае, на реактор пора было махнуть рукой. В мемуарах Дятлов упрекает себя за то, что не сказал никому (даже Акимову) о тщетности охлаждения. Он видел, что спасать реактор поздно… но молчал. «Считал Сашу Акимова грамотным инженером», — поясняет Дятлов. Акимов отказывался признать, что реактор поврежден и закачивать воду незачем. Однако, по словам некоторых свидетелей, он продолжал подачу воды именно по приказу начальника. Возможно, Дятлов и сам не понимал точно, что делает. Рассудок подсказывал, что вода уже бесполезна, но ничего другого в голову не приходило. Так хотя бы создавалась иллюзия того, что они спасают положение. Как раз тогда, когда Дятлов понял, что делать ему на энергоблоке уже нечего, позвонил Брюханов и вызвал его к себе в бункер (штаб гражданской обороны). Туда заместитель главного инженера и направился около четырех утра. Акимов же оставался на месте, даже когда ему на смену пришел Владимир Бабичев [10].

«В чем дело?» — спросил в лоб директор. Дятлов развел руками. Находившемуся там же Сергею Парашину, секретарю парткома АЭС (ему тогда не было и сорока), Дятлов сказал: «Не знаю, ничего не понимаю». И объяснил, что перед взрывом наблюдались резкий скачок мощности и «какая-то неправильная реакция» регулирующих стержней. Он отдал директору диаграммные

ленты — записанные показатели мощности реактора и давления воды в контуре. Брюханов их взял, но разговор продолжать не стал. Заместитель главного инженера чувствовал себя скверно, выглядел не лучше. Его резко потянуло на рвоту. Дятлов выбежал из бункера, и скорая увезла его в больницу [11].

Тем временем на командном посту всех занимала только одна задача — обеспечить охлаждение реактора четвертого энергоблока водой, а также ее откачку. Дятлов знал, что реактор взорвался, но промолчал. Парашин, инженер, делавший партийную карьеру, рассказывает: «В бункере находилось человек тридцать-сорок. Стоял шум и гам — каждый по своему телефону вел переговоры со своим цехом». Брюханов беспрестанно отвечал на звонки то из Москвы, то из Киева, поэтому Парашин взвалил на себя ответственность за наведение на станции хоть какого-то порядка. Он совещался с теми, кто приходил в бункер, думал, как не допустить наихудшего, советовал директору — тот, как правило, охотно соглашался.

Еще в третьем часу ночи, задолго до прихода Дятлова, Брюханов велел пойти на разведку Анатолию Ситникову, заместителю главного инженера, и Владимиру Чугунову, начальнику реакторного цеха первого энергоблока. Оба работали в свое время на четвертом, поэтому выбор пал на них. Парашин убеждал Брюханова: «Нужно их послать — никто лучше их не разберется, не поможет Дятлову». Директор не спорил. Кроме оценки размеров аварии, Ситникову и Чугунову следовало проверить работу системы аварийного охлаждения реактора и помочь в розыске пропавших. Инженеры осматривали полуразрушенное здание, понимая, что им грозит лучевая болезнь. Но уровень радиации оставался загадкой — дозиметры с максимальным показателем в 3,6 рентгена в час были бесполезны. Ситников видел раскаленные топливные стержни и обломки графита, разбросанные взрывом, но все равно решил выйти на крышу четвертого энергоблока. Это решение будет стоить ему жизни. Один из коллег так передает его слова: «Я заглянул сверху в реактор… По-моему, он разрушен… Гудит огнем… Не хочется в это верить… Но надо» [12].

В такой обстановке Ситников и Топтунов пытались выполнить приказ директора — бились над задвижками системы аварийного охлаждения. Хотя Ситников уже знал, что охлаждать больше нечего, он не решался полностью это признать. Но задвижки, закрытые слишком туго, оказались

не по силам двум инженерам, которые из-за отравления радиацией едва стояли на ногах. Чугунов пошел за подмогой. Около семи утра он вернулся на энергоблок в компании троих коллег помоложе. Ситников сидел за столом, уронив голову на руки, — его сильно тошнило. Там же были Акимов и Топтунов (не послушав Дятлова, они дорабатывали смену до конца). Выглядели они жутко. Аркадий Усков, один из новичков, так описывает Топтунова: «растерян, подавлен, стоит молча». Усков с напарником сумели открыть одну задвижку и услышали, как по трубам устремилась вода. Акимов, Топтунов и еще один инженер должны были открывать другую. Дела у них шли неважно: задвижку открыли наполовину, Топтунова рвало, за ним и Акимова.

Чуть позже, когда начальник ночной смены и его подчиненный брели в зал управления, на них наткнулся Виктор Смагин, сменщик Акимова. Он вспоминает: «…отекшие, темно-буро-коричневые, с трудом говорили — испытывали тяжкие страдания и одновременное ощущение недоумения и вины». Радиация сулила им гибель, но тревожило их в первую очередь другое. Акимов еле ворочал языком: «Ничего не пойму. Мы все делали правильно… Почему же?.. Ой, плохо, Витя. Мы доходим» [13].

Команда, ходившая открывать задвижки, вернулась к щиту управления около восьми утра. Акимов и Топтунов сразу побежали в туалет — их сильно рвало. Когда Топтунов вышел, Усков спросил его:

— Как чувствуешь?

— Нормально, уже полегчало. Могу еще работать.

Одному из новоприбывших велели отвести обоих в медпункт. Акимов нес в руках программу испытаний. Должно быть, боялся, что его сделают стрелочником. Начальник ночной смены попросил одного из близких друзей передать этот документ жене лично в руки и сказать, что всего лишь следовал инструкциям. Он, видимо, уже почти никому не доверял. Долгая смена наконец-то кончилась — скорая увезла двух инженеров в больницу. Александр Акимов умрет 11 мая, в один день с Владимиром Правиком. Леонид Топтунов переживет их на три дня [14].

Смагин, Усков и другие остались в здании энергоблока — закрытых задвижек еще было много. Вода поступала в активную зону, но никто не знал, куда именно. Набираясь радиации, она

заливала подземные помещения — кабельные этажи. Выглянув в окно, работники дневной смены не поверили собственным глазам: реакторный зал четвертого энергоблока сильно разрушен, а среди щебня и булыжников на земле валяются квадратные обломки графита из ядра реактора. Усков признает: «Увиденное так страшно, что боимся сказать вслух». Явился Михаил Лютов, заместитель главного инженера станции по науке. Когда подчиненные указали ему на графит, он отмахнулся. Лютов повторял одну и ту же фразу: «Скажите мне, парни, температуру графита в реакторе… скажите — и я вам все объясню». Ему объясняли, что графит уже не внутри, а снаружи, — Лютов упорно не верил. Смагин вспоминает, как стал орать на начальника: «А что же это?!» Тому пришлось признать очевидное: перед ними графит [15].

Отрицать, что на земле разбросаны именно графитовые блоки, перестали — но как он туда попал? Вопрос как будто еще не допускал однозначного ответа. Проверили штабеля графита, из которого планировалось собрать реактор № 5, так и не достроенный. Материал нашли в положенном месте. Обломкам неоткуда было взяться — только из реактора четвертого энергоблока. Это объясняло и необычайно высокий уровень радиации на АЭС. Но мало кто решался допустить возможность взрыва реактора. В тот день Усков записал в дневнике: «Разум отказывается верить, что случилось самое страшное, что могло произойти». Как и Смагина, его злило упрямство Лютова, пренебрежение очевидным фактом. Парашин, размышляя несколько месяцев спустя над поведением коллег, высказался так: «Слишком велик был стресс, и слишком велика была наша вера в то, что реактор взорваться не может. Массовое ослепление. Многие видят, что произошло, — но не верят» [16].

Когда над полуразрушенным четвертым энергоблоком взошло солнце, бункер под административным корпусом стал наполняться киевским начальством. Выше всех по должности был Владимир Маломуж — второй секретарь обкома. Это он три месяца тому назад возглавлял делегацию украинской столицы на XXVII съезде КПСС. Брюханов известил его об аварии ночью — в общих чертах, поскольку и сам тогда мало что знал. Позднее Парашин и Беличенко

(завотделом обкома) подсказали директору, что второму секретарю понадобится письменный отчет о причинах аварии и обстановке на электростанции.

Составить такую бумагу Брюханов поручил Парашину. В итоге у нее оказалось несколько авторов. Подписали документ Брюханов и Владимир Коробейников, начальник лаборатории внешней дозиметрии. В документе приведены общие сведения о произошедшем, упомянуто обрушение кровли четвертого энергоблока. Также назван уровень радиации: 1 миллирентген в секунду на территории ЧАЭС и 2–4 микрорентгена в городе Припяти. Такие цифры слабо отражали действительность — особенно на станции. Директор понимал, что уровень радиации на самом деле выше, но, раз уж доступные дозиметристам аппараты показывали 1 миллирентген (3,6 рентгена в час), он решил остановиться на этой цифре. Коробейников, который делал замеры в городе, поддержал Брюханова. По его словам, обнаружились инертные газы и короткоживущие элементы. Таким образом, ионизирующее излучение, которое, выбивая электроны из атомов, разрушает ДНК клеток человеческого организма, просто не успеет нанести никому заметного вреда. Выяснилось, что ветер пока еще гонит облако радиоактивной пыли в сторону от города [17].

Поскольку Коробейников твердил о невысокой радиационной опасности, Брюханов просто отмахивался от сотрудников атомной станции, пытавшихся поднять тревогу. Начальник штаба гражданской обороны ЧАЭС Серафим Воробьев доложил об истинном положении дел первым — задолго до рассвета, вскоре после того, как открыл по приказу директора тот самый бункер (командный пост). В начале третьего ночи Воробьев включил единственный на станции дозиметр, у которого шкала достигала не 3,6, а 200 рентген в час. Прибор в самом бункере показал 30 миллирентген в час — в шестьсот раз выше обычного фона. Объяснить это можно было только проникновением внутрь благородных газов, поэтому Брюханов приказал включить фильтр-вентиляцию. Исполнив приказ, начальник штаба ГО вышел наружу и произвел новый замер. Уровень радиации оказался в пять раз выше, чем в бункере. Воробьев объехал станцию на машине. Возле четвертого энергоблока дозиметр зашкалил — радиация скакнула за двести рентген в час [18].

Воробьев вернулся в бункер и доложил директору, но тот оказался глух к словам по сути единственного на станции дозиметриста. То же произошло и после второго объезда станции. Брюханов буквально оттолкнул подчиненного, сказав: «У меня есть Коробейников, иди отсюда». Воробьев побежал к Парашину, но и тот его не слушал. Как и Брюханов, он психологически не был готов принять худшее. «Почему я ему не поверил? — задает сам себе вопрос Парашин, осмысливая собственное поведение. — Воробьев по натуре своей очень эмоциональный человек, и, когда он это говорил, на него было страшно смотреть… И я не поверил. Я сказал ему: „Иди, доказывай директору“».

Начальник штаба ГО снова обратился к Брюханову. Зная инструкции, он ожидал от директора приказа оповестить население. Воробьев поясняет: «Требования руководящих документов на этот счет были такие: превысили уровни радиации 0,05 миллирентгена в час — надо информировать население, разъяснить людям, как вести себя в такой обстановке. Более 200 миллирентген — включать сирену, подавать сигнал „радиационная опасность“». Но, сколько бы он ни призывал директора следовать инструкции, тот не слушал. Воробьев получил добро только на доклад в штаб гражданской обороны Киевской области. При этом директор приказал ему: «Никому никаких сведений не давать. Ни вверх, ни вниз» [19].

Дозиметр Воробьева обнаружил на территории станции не что иное, как ионизирующее излучение. Источником такого излучения служат атомы, элементарные частицы либо фотоны, обладающие достаточной энергией и скоростью, чтобы ионизировать атом — оторвать от него один или несколько электронов. Гамма- и рентгеновское излучение вместе называют фотонным (либо коротковолновым электромагнитным) излучением. Второй вид ионизирующего излучения — потоки частиц (альфа-, бета- и других). Конкретно в Чернобыле ионизирующее излучение порождали продукты деления атомного ядра, выброшенные взрывом из активной зоны реактора. Среди них были обнаружены изотопы йода и цезия, включая йод-131 и цезий-137, а также газов вроде ксенона-133. После взрыва радиация достигла чудовищного уровня — неудивительно, что дозиметр Воробьева, рассчитанный на двести рентген в час, зашкалил. Согласно позднейшим расчетам, руины реакторного зала излучали до десяти тысяч рентген в час. Такая радиация

убивает клетки человеческого организма или приводит к различным расстройствам. Чем больше гибнет клеток, тем меньше шансов выжить. Доза в пятьсот рентген в течение пяти часов означает верную смерть [20].

Хотя Брюханов игнорировал Воробьева, он вовсе не был уверен в том, что начальник штаба ГО рассказывает небылицы. После их разговора Парашин спросил директора:

— Как?

— Плохо.

Судьба жителей Припяти сейчас заботила Брюханова больше всего. Под утро, обсуждая обстановку после аварии с городским руководством, он впервые высказал предложение об эвакуации. Председатель горисполкома осадил Брюханова: «Ты что паникуешь?! Приедет комиссия, приедут из области — будут решать». Часов в одиннадцать утра, когда приехал Маломуж, Брюханов обратился к нему с тем же. И получил аналогичный ответ: «Не паникуй!» Директор ЧАЭС не считал возможным оспаривать распоряжения столь высокопоставленного лица. Тем более что сам не так давно подписал справку, из которой следовало, что никаких чрезвычайных мер в общем не требуется.

В начале двенадцатого провели совещание партийного актива Припяти. Брюханов все так же молчал. По его воспоминаниям, «на совещании в основном говорил Маломуж». Второй секретарь обкома рассуждал в том духе, что уровень радиоактивного загрязнения не настолько высок, чтобы принимать экстренные меры. Позднее городские и партийные власти обвинят Брюханова в предоставлении неверных данных. Он возразит: «Установка оставалась той же: „Не поднимать паники! Скоро прибудет государственная комиссия. Разберется — тогда и будут приняты меры!“» Советские управленцы и чиновники поступали так, как им подсказывал многолетний опыт, — всячески уклонялись от ответственности. Никто не хотел получить ярлык паникера, а бремя принятия решений лучше всего было взвалить на вышестоящих. Все они были винтиками советской системы [21].

Ранним утром 26 апреля в больницу города Припяти доставили первых пациентов с признаками

острой лучевой болезни. Всего за день насчитали 132 человека — пожарных, инженеров и рабочих. Пока пожарные машины мчались к атомной станции, а скорые везли людей в больницу, КГБ отключил междугороднюю телефонную связь, чтобы простые граждане за пределами Припяти не узнали о катастрофе. Сотрудникам ЧАЭС, закончившим ночную смену, было строго приказано ни словом не упоминать об увиденном. Само собой, авария для горожан стала секретом Полишинеля, поскольку дым над реакторным залом четвертого энергоблока видел каждый, кто выходил на балкон либо на улицу. К тому же повсюду стояли милицейские патрули. Но что именно случилось? Ничего этакого, казалось большинству горожан. В ту злополучную субботу в городе играли семь свадеб. Грозный столб дыма на горизонте не мешал веселью [22].

Геннадий Петров, начальник отдела Южатомэнергомонтажа (этот трест устанавливал на АЭС оборудование), проснулся около десяти утра. Ночь выдалась бессонной. Возвращаясь на машине в Припять, около половины третьего он увидел огонь над зданием четвертого энергоблока. Петров подъехал к энергоблоку на какие-то сто метров и минуту-полторы рассматривал разрушения и пожарных за работой. Внезапное «ощущение невидимой близкой угрозы» заставило его поспешно уехать домой. Прибежала соседка, чей муж как раз находился на станции. Сказала, что произошла авария (для Петрова уже не новость), и предложила выпить водки «для деактивации организма». Петровы с соседкой «дружно, с шутками» распили бутылку и легли спать. Теперь, при свете дня, тревога утихла [23].

Петров рассказывает: «Вышел на балкон покурить. На улице уже полно ребят. Малыши играют в песке, строят домики, лепят пирожки, постарше — гоняют на великах. Молодые мамаши гуляют с детскими колясками. Жизнь как жизнь». Его сосед, монтажник, вздумал принимать солнечные ванны — на крыше многоэтажки. Петров вспоминает: «Один раз спускался попить. Говорит: „Загар сегодня отлично пристает, просто как никогда. От кожи сразу, говорит, паленым запахло. И бодрит очень, будто пропустил стопарик“». Сосед пригласил его позагорать вместе — «никакого пляжа не надо», — но Петров отказался. Уже вечером любителя жариться на солнце сильно рвало, его увезла скорая. Однако Петрову и в голову не пришло связать это с

происшествием на атомной станции прошлой ночью. «А так во всем был обыкновенный день», — заключает он [24].

Любовь Ковалевская — автор статьи в «Трибуне энергетика» о трудностях возведения пятого энергоблока Чернобыльской АЭС, которую многие предпочли не заметить, — проснулась очень поздно. (Вечером 25 апреля, завершив поэму «Паганини», она выпила снотворного.) Ее ждали на встрече литературного объединения «Прометей» (в свое время журналистка его возглавляла). Имя титана, который похитил огонь с Олимпа и даровал его людям, для Припяти было крайне подходящим — по меньшей мере тогда так казалось. По пути Ковалевской стало ясно, что происходит нечто странное: «Смотрю: там милиционер, там милиционер. Никогда столько милиции в городе я не видела». Это ее не на шутку встревожило. Ковалевская вернулась домой и сказала матери не выпускать из квартиры племянницу и дочь, когда та вернется из школы.

— Да что случилось? — спросила мать.

— Ничего не знаю — я так чувствую [25].

Внутренний голос не подвел. Фоновая радиация в 4 микрорентгена в секунду, обнаруженная Коробейниковым на рассвете, превышала естественный фон в тысячу раз. К двум часам дня ее уровень подскочил еще вдесятеро, а к ночи — до 320 микрорентген в секунду, то есть в восемьдесят тысяч раз выше естественного фона. В ночь на 27 апреля прибывшие из Москвы эксперты по радиационной безопасности оценили уровень биологического ущерба от облучения. При этом использовали такую единицу, как бэр (биологический эквивалент рада, то есть одна сотая зиверта либо 1,14 рентгена). Подготовленный ими документ гласит: «Ингаляционная доза на щитовидную железу при прохождении облака при первом разовом выбросе составила, на расстоянии 3 километров, около 1000 бэр для детей… и, очевидно, около 100 бэр для города Припять». Там же указано, что аварийная доза на щитовидную железу равна всего тридцати бэр. Дети, играя на улицах атомграда, получали дозу облучения в три с лишним раза выше той, которую считали опасной, но допустимой для работников атомной станции в чрезвычайных обстоятельствах [26].

Сотрудники больницы города Припяти, совершенно не подготовленные к лечению жертв ядерной катастрофы, спешно размещали все новых пациентов с одними и теми же симптомами — острой лучевой болезни. Постоянно мыли полы — боролись с радиацией доступным способом. Сменивший Акимова и Топтунова Виктор Смагин довольно скоро составил им компанию. Он вспоминает, как недоуменно ворчал бродивший по коридору дозиметрист: «Моют, моют — а все грязно». Но уборка не могла ничего изменить, ведь излучение шло от самих пациентов. Смагин констатирует: «Нигде в мире подобного не было. Мы были первыми после Хиросимы и Нагасаки». Ходячие пациенты собрались в курилке. Пришли туда и Акимов, и Дятлов. Все пытались понять, что стало причиной взрыва, но терялись в догадках. Ответа не мог дать никто [27].

Часть III

На вулкане

Глава 8
Правительственная комиссия

Тревожная новость из Чернобыля застала самого могущественного в стране человека, генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева дома. По телефону ему сообщили, что на Чернобыльской АЭС произошел взрыв и возник пожар, но атомный реактор при этом остался цел.

Первой реакцией Горбачева было недоумение: как такое вообще возможно? «Ведь ученые всегда заверяли нас, руководителей страны, что реактор абсолютно безопасен, — вспоминал он. — Академик Александров говорил, например, что РБМК можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара». Ранний звонок озадачил и, возможно, даже рассердил генерального секретаря, но особого беспокойства у него не вызвал. «В первые часы и даже в первые сутки после аварии не было понимания того, что реактор взорвался и что произошел гигантский ядерный выброс в атмосферу», — позже рассказывал Горбачев. Не посчитав нужным будить в такую рань других членов советского руководства и созывать в выходной день экстренное заседание политбюро, он тем не менее дал указание создать правительственную комиссию по расследованию причин аварии и устранению ее последствий. Так было принято поступать в случае любой крупной аварии, а чернобыльская с самого начала несла в себе опасность ядерного или теплового взрыва, радиоактивного заражения и пожара [1].

Глава советского правительства Николай Рыжков вспоминал, что в то утро он тоже особо не волновался. Сын донбасского шахтера, он всю жизнь проработал на руководящих должностях в советской машиностроительной промышленности и давно привык к авариям, вызванным неисправностью техники и инженерными просчетами. «Ну что там могло случиться? — думал он тем утром. — Вы знаете, что на любой станции — атомной, паровой, угольной или газовой — обязательно есть турбина, колесо с лопатками всевозможными. Бывало, что у нас разносило, допустим, колесо. Где-нибудь был дефект. Крышу пробивало иногда, выносило кусок турбины прямо на крышу». Трагедии из этого, по словам Рыжкова, никто не делал — просто «меняли

оборудование и продолжали жить». В большой стране аварии случались часто, и чернобыльская казалась просто еще одной в длинной череде [2].

О том, что на сей раз произошло нечто гораздо более серьезное, Рыжков начал догадываться только после утреннего разговора с министром энергетики и электрификации Анатолием Майорцем, в чьем ведении находилась Чернобыльская электростанция. Очевидно, что разрушения не ограничивались крышей, которую проломило сорванной турбиной, и что для возобновления работы станции понадобится как минимум заменить массу оборудования. Делиться с начальством дурными известиями — последнее, чего хотелось Майорцу, и года не проведшему в должности министра. На XXVII съезде КПСС он обязался в следующей пятилетке построить в два с половиной раза больше атомных реакторов и предложил новаторский способ сократить время возведения атомных электростанций: начинать строительство, не дожидаясь окончания проектировочных работ. Во главе министерства Майорец обеспечил рост производства электроэнергии, добившись при этом относительной стабилизации советской энергосистемы, в работе которой прежде происходили разного рода перебои. И надо же теперь случиться такому.

Известие об аварии застало Майорца врасплох. Уже в пять утра прибыв на рабочее место, он попытался разобраться, что же на самом деле происходит в далекой Припяти. К счастью, радиация на станции оставалась в пределах нормы и жертв было не слишком много. Но при этом авария грозила нарушить производственные планы и дестабилизировать функционирование энергосетей. Чтобы ни плановые показатели, ни репутация министра не пострадали, необходимо было как можно скорее восстановить нормальную работу АЭС. В таком относительно оптимистичном ключе и было выдержано донесение, направленное Министерством энергетики в ЦК КПСС.

Подписал донесение первый заместитель Майорца Алексей Макухин, прежде, в годы строительства Чернобыльской АЭС, занимавший пост министра энергетики и электрификации Украины. В основу документа легли сведения, полученные от Виктора Брюханова. Он информировал партийное начальство о том, что в 1:21 на четвертом энергоблоке произошел взрыв, разрушивший крышу и часть стен. В результате взрыва возник пожар, который потушили к 3:30.

Двадцать пять пожарных и девять человек эксплуатационного персонала госпитализированы, однако, по мнению врачей, ни принятия специальных мер по защите работников станции, ни эвакуации населения Припяти не требуется. Персонал производит расхолаживание активной зоны реактора, а министерство изучает причины и последствия случившегося. В целом ситуация находится под контролем [3].

По заведенному порядку для расследования причин аварии надо было сформировать специальную комиссию. Кто-то в ЦК или в Совете министров решил, что ее состав должен быть как можно более представительным. Руководителем комиссии назначили начальника Майорца — шестидесятишестилетнего Бориса Щербину, заместителя Председателя Совета министров, курировавшего энергетический сектор. В комиссию вошел сам Майорец, руководящие работники и специалисты из его министерства, а также сотрудники других министерств, Академии наук СССР и Академии медицинских наук. Первые члены комиссии, не самые высокопоставленные представители различных министерств, вылетели из Москвы в Киев около девяти утра. Оттуда, кого на машине, кого по воздуху, их доставляли в Припять. Позже в тот же день в Киеве сели еще несколько самолетов из Москвы с десятками руководящих работников и специалистов [4].

Майорец вылетел из Москвы в субботу 26 апреля около четырех часов дня. В Припяти он рассчитывал провести самое большее пару дней, уладив все к началу недели. Заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС Владимир Марьин также был настроен оптимистично. Воодушевленный сообщениями о том, что радиационный фон якобы не растет, перед вылетом в Киев он сказал попутчикам: «Удивительно, но грязи нет. И самое главное — реактор цел. Прекрасный реактор!»

Заместитель Майорца по атомной энергетике Геннадий Шашарин, вынужденно прервавший отдых в крымском санатории, в самолете обдумывал создание рабочих групп для оценки ущерба и организации ремонтных работ. Строительное начальство взвешивало варианты восстановления крыши энергоблока [5].

Но как только делегация приземлилась в Киеве, стало ясно, что все далеко не так благополучно. Министр энергетики Украины сообщил Майорцу, что радиационный фон в районе атомной станции повышен. Прилетев в Припять, члены комиссии, к своему удивлению, не увидели среди встречающих никого из руководства АЭС — ни директора Брюханова, ни главного инженера Фомина. Зато тут как тут был всегда энергичный и деловой начальник управления строительства станции Василий Кизима. С аэродрома Майорец в компании местного партийного начальства отправился в горком КПСС, а Марьин и Шашарин сели в газик Кизимы и поехали к аварийному блоку. Там они испытали первый шок. Разрушения оказались куда более масштабными, чем следовало из докладов Брюханова. «Стыдно было смотреть на все. Думалось невольно: неужели это мы привели к этому? Еще по дороге сюда, когда в поле зрения появился разрушенный блок, Марьин стал кричать: мол, вот до чего дожили. Это, стало быть, и наша работа, говорит, в этом ужасе, в одной куче с работой Брюханова и Фомина». Кизима тоже во всем винил Брюханова. По словам Шашарина, он «от размазни Брюханова ничего другого и не ждал. Это, по мнению Кизимы, должно было случиться рано или поздно» [6].

Кизима остановил газик у завала в торце четвертого энергоблока. «Бесстрашный Кизима, — вспоминал Шашарин, — ходил и как хозяин сокрушался, что вот-де, мол, строишь, а теперь вот ходи по разрушенным плодам труда своего». Марьин был в бешенстве от увиденного и в сердцах наподдал ногой по валявшемуся на земле графитовому блоку. Только позже Шашарин осознал, что графит излучал 2000 рентген в час, а куски ядерного топлива — и все 20 000. По его воспоминаниям, среди обломков было трудно дышать, «жгло глаза, душил кашель, появилась какая-то внутренняя суетливость, неотчетливое желание драпануть куда-нибудь». Они вернулись в машину и направились к подземному бункеру, где их ждали руководители атомной станции [7].

Прибытие московских специалистов заметно облегчило положение Брюханова и его подчиненных. Подавленные чувством вины за аварию, они по-прежнему не понимали ее причин. Появление столичного начальства снимало с них ответственность за последующее развитие событий. Теперь они отвечали только за то, что уже произошло. Вновь прибывшие отмечали, что руководители станции выполняли все поручения, но сами никаких решений не принимали.

«Приезд начальников имел большой психологический эффект. А они все очень серьезные — эти большие чины. Вызывают к себе доверие. Мол, вот приехали люди, которые все знают, все понимают… — вспоминал парторг станции Сергей Парашин. — Мы, персонал, что-то делали механически, как сонные мухи» [8].

Марьин с Шашариным могли сколько угодно злиться на Брюханова и Фомина за допущенную аварию, но так же, как они, в упор не видели подлинных масштабов разрушений. Даже надышавшись удушливой гарью и попинав куски графита, которым было неоткуда взяться, кроме как из активной зоны реактора, столичные начальники отказывались признавать, что он взорвался. Мифу о надежности РБМК свято верили все работники атомной отрасли, от самых верхов до самых низов. Кроме того, Марьин и Шашарин понимали, что ответственность за аварию в известной мере ляжет и на них. Марьин как-никак отвечал за атомную энергетику в ЦК, а заместитель министра энергетики Шашарин — в министерстве. Незначительные происшествия можно было обычно списать на подчиненных, но эта авария, последствия которой они видели своими глазами, была слишком серьезной. Признать же, что она еще серьезней, что случилось самое худшее, было почти невозможно. Проще было считать, что реактор цел: в таком случае хотя бы понятно, что делать. Но как быть, если он разрушен, никто не знал: ни в теории, ни на практике к этому никого не готовили.

Тем временем Майорец, как самый старший по рангу, собрал в Припятском горкоме КПСС первое совещание с участием экспертов из Москвы, местного начальства и руководства АЭС. Полученная от местных властей информация о повышенном уровне радиации, которой он не располагал при вылете из Москвы, словно бы прошла у него мимо ушей. Майорец по-прежнему видел свою задачу в том, чтобы за несколько дней уладить проблему, подключить реактор к энергосетям и вернуться в Москву — ведь на носу были майские праздники. Главным докладчиком на совещании был Шашарин, только что с Марьиным и Кизимой вернувшийся после инспекции четвертого блока. Он говорил о том, что в целом ситуация под контролем: в реактор подается охлаждающая вода, а скоро будет налажена подача раствора борной кислоты, который

быстро прекратит горение. Специалисты-физики, по его словам, как раз осматривали реактор с вертолета, чтобы оценить его состояние.

Марьин, находясь под впечатлением от увиденного у четвертого энергоблока, поинтересовался у присутствующих, откуда рядом с ним мог взяться графит. На этот вопрос Майорец попросил ответить Брюханова. Тот, по свидетельству одного из участников совещания, выглядел крайне усталым, лицо у него было «пудрено-бледным, с красными распухшими веками». Публичные выступления и в обычных-то обстоятельствах давались Брюханову нелегко, а теперь ему пришлось вдвойне трудно. Он медленно поднялся на ноги и, немного подумав, ответил министру: «Трудно даже представить… Графит, который мы получили для строящегося пятого энергоблока, цел, весь на месте. Я подумал вначале, что это тот графит, но он на месте… Не исключен в таком случае выброс из реактора». Это попросту означало, что реактор взорвался. Но собравшиеся отказывались осознать это или хотя бы просто поверить в то, что произошло. Когда Майорец спросил у своего заместителя о причине повышения уровня радиации, тот ответил, что она пока неясна. «Похоже было, что всем ответственным за катастрофу хотелось как можно дальше отодвинуть нелегкий момент полного признания, расстановки всех точек над „i“», — вспоминал участник совещания Владимир Шишкин [9].

Затем перед московским министром выступали представители местного руководства. Первый секретарь Припятского горкома партии доложил Майорцу, что обстановка в городе спокойная, жители справляют свадьбы. Однако доклад заместителя министра внутренних дел УССР, статного седого генерал-майора Геннадия Бердова внушал некоторую тревогу. Генерал, прибывший в район АЭС уже в пять утра, рассказал о самоотверженности сотрудников милиции, несших службу в зараженной местности, — ни один из них не оставил своего поста. Затем он заявил, что необходимо перекрыть движение поездов по железной дороге, проходящей всего в полукилометре от аварийного блока. От Бердова же члены комиссии узнали, что к Припяти направляются более тысячи автобусов по приказу республиканских властей на случай, если придется эвакуировать город.

«Что вы мне все про эвакуацию рассказываете?! Паники захотели?» — недовольно спросил Майорец, по-прежнему надеявшийся к Первому мая вернуться в Москву. Тут в разговор вступил Брюханов. Он сказал, что еще утром предлагал эвакуацию и звонил по этому поводу в Москву помощнику Бориса Щербины, но тот велел до приезда Щербины ничего не предпринимать. Начальник штаба гражданской обороны АЭС Серафим Воробьев доложил комиссии о высокой радиации в районе реактора — там зашкаливало единственный имевшийся у него радиометр со шкалой до 250 рентген в час. Воробьев, как всегда растрепанный и взволнованный, требовал немедленной эвакуации. Брюханов пытался его успокоить.

И командировка, в которую Майорец отправился в уверенности, что уровень радиации повысился незначительно, и совещание, начинавшееся с заверений, что ситуация в Припяти находится под контролем, неожиданно приняли самый неблагоприятный оборот. Когда министр захотел поговорить с операторами станции, ему ответили, что все операторы госпитализированы. По словам представителя Министерства здравоохранения, они получили дозы радиации, в три-четыре раза превышавшие смертельные, отчего кожа у них стала буро-коричневой. Не слишком сведущий в области атомной физики, Майорец надеялся, что если остановить реактор, радиация сразу придет в норму. Но Шашарин отвечал, что операторы уже заглушили реактор и он теперь находится в йодной яме. То есть временно остановился из-за накопления короткоживущего изотопа ксенона, образующегося в результате радиоактивного распада изотопа йода. При таком отравлении ксеноном ядерная реакция, как правило, сильно замедляется. Вслух Шашарин этого не сказал, но он, как и другие физики, опасался, что, пройдя йодную яму, реактор начнет стремительно разгоняться. В результате последует новый взрыв, который сотрет с лица земли и станцию, и город, и правительственную комиссию в полном составе.

Внешне Майорец был абсолютно спокоен. «Он, как всегда, аккуратный, с ровненьким розовым картинным пробором, выглядел эдаким округлым, как обычно, с ничего не выражающим лицом. А может, просто ничего не понимал», — отмечает один из его подчиненных. Вероятная эвакуация города заботила министра гораздо сильнее, чем угроза нового взрыва. Руководству хотелось избежать паники, но еще больше — ответственности. Отдать приказ об эвакуации города

значило бы признать, что случилось нечто чудовищное. Со времен Великой Отечественной войны ни один город в стране не эвакуировался. Достаточно было всерьез допустить такую возможность, чтобы распрощаться с карьерой. «А если вы ошибаетесь? — спросил Майорец у сторонников эвакуации и тут же продолжил: — Я против эвакуации. Опасность явно преувеличивается» [10].

Решили объявить перерыв. Когда Майорец с Шашариным курили в горкомовском коридоре, к ним подошли Борис Прушинский и Константин Полушкин. Прушинский был главным инженером ВПО «Союзатомэнерго» (подразделения Министерства энергетики и электрификации, обеспечивавшего строительство и эксплуатацию атомных станций); Полушкин — старшим научным сотрудником НИКИЭТ (исследовательского института, в котором был сконструирован РБМК). В особенностях конструкции и работы реактора эти двое разбирались лучше всех остальных членов комиссии. Они вылетели из Москвы в девять утра и вскоре после полудня уже были в Припяти. Пообедав в ресторане, в котором в это время играли свадьбу, они раздобыли вертолет и облетели станцию. Открывшаяся им с воздуха картина четвертого блока не оставляла сомнений, что рабочая версия правительственной комиссии неверна. Реактор не уцелел — он взорвался.

Прушинский с Полушкиным доложили Майорцу об увиденном. Центральный зал реакторного отделения был разрушен взрывом. Помещения главных циркуляционных насосов и барабан-сепараторные тоже сильно пострадали. Взрыв пара в котле пускорезервной котельной никак не мог причинить таких разрушений. «Верхняя биозащита реактора раскалена до ярко-вишневого цвета и лежит наклонно на шахте реактора», — рассказывал Прушинский. Повсюду разбросаны куски графита и обломки топливных сборок. По словам Прушинского, реактор, скорее всего, был разрушен полностью. Полушкину, одному из конструкторов абсолютно надежного, как считалось, реактора, было куда труднее признать факт его разрушения, но он полностью согласился с коллегой.

«Что вы предлагаете?» — растерянно спросил Майорец. «А черт его знает, сразу не сообразишь, — ответил Прушинский. — В реакторе горит графит. Надо тушить. Это перво-

наперво… А как, чем… Надо думать…» [11]

Заместитель председателя Совета министров СССР, глава правительственной комиссии Борис Щербина прибыл в Припять в начале девятого вечера. Круглолицый, начинавший лысеть брюнет с решительным выражением лица был спокоен и корректен в общении с людьми и пользовался уважением подчиненных. Уроженец Украины, начинавший партийную карьеру в Харькове, он значительную часть жизни проработал в Сибири — сначала в Иркутском обкоме КПСС, а затем первым секретарем Тюменского обкома. При нем набрала обороты тюменская нефтегазовая индустрия. В 1973 году Щербину перевели в Москву на должность министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Через одиннадцать лет он был назначен заместителем председателя Совета министров, ответственным за весь энергетический сектор. Со временем атомная энергетика стала занимать все более важное место среди курируемых им направлений, хотя нефть и газ по-прежнему играли ведущую роль в советской экономике, обеспечивая поступление в бюджет твердой валюты [12].

Щербина как нельзя лучше подходил на роль председателя полномочной правительственной комиссии. Вот только утром 26 апреля он был далеко от Москвы, в Барнауле. По выходным он часто отправлялся лично проинспектировать предприятия и стройки в самых разных уголках Советского Союза, и в ту субботу как раз находился в очередной поездке. Николай Рыжков срочно вызвал своего заместителя в Москву, где они около двадцати минут обсуждали Чернобыльскую аварию, по-прежнему уверенные, что уровень радиации остается в пределах нормы. После этого, вместе с еще остававшимися в Москве членами комиссии, Щербина вылетел в Киев [13].

По пути в самолете Щербина прослушал экспресс-курс по истории атомных катастроф. Преподал его председателю комиссии сорокадевятилетний ученый Валерий Легасов. Среднего роста, в очках, с крупным носом и полноватыми губами, Легасов был первым заместителем Анатолия Александрова, директора Института атомной энергии имени Курчатова. Всю субботу он провел на заседании партийно-хозяйственного актива Министерства среднего машиностроения, в чьем подчинении находился Курчатовский институт.

«По складу своего характера, по многолетней воспитанной привычке, я вызвал машину и поехал на партийно-хозяйственный актив», — рассказывает Легасов. О том, что на Чернобыльской АЭС произошла авария, он узнал еще до начала заседания, но большого беспокойства это известие ни у кого не вызвало. Главным докладчиком был восьмидесятисемилетний министр среднего машиностроения Ефим Славский, который в 1960-е годы вместе с начальником Легасова Анатолием Александровым принимал участие в конструировании и строительстве РБМК. Выступление Славского продолжалось два часа, и за это время он только однажды мимоходом упомянул об аварии.

«Мы все уже привыкли к тому, что этот престарелый, но демагогически весьма активный деятель громким уверенным голосом в течение часа излагает то, как у нас в ведомстве замечательно и прекрасно, — рассказывает Легасов. — В этот раз, воспевая гимн атомной энергетике, большие успехи в построении которой были достигнуты, он скороговоркой сказал, что сейчас, правда, в Чернобыле произошла какая-то авария. Чернобыльская станция принадлежала соседнему министерству, Министерству энергетики. Ну так, скороговоркой, сказал, что, вот они там что-то натворили, какая-то там авария, но она не остановит путь развития атомной энергетики» [14].

В перерыве после выступления Славского Легасов узнал, что его включили в состав правительственной комиссии во главе с Щербиной и что к четырем часам дня ему надлежит явиться в аэропорт. Плакали выходные, подумал Легасов и поехал к себе в институт. Там он собрал всю доступную техническую документацию по реакторам типа РБМК и по Чернобыльской станции, расспросил коллег, хорошо знавших реакторы этого типа, и отправился в аэропорт.

В самолете, просвещая Щербину в области атомной энергетики, Легасов «пытался рассказать Борису Евдокимовичу про аварию на станции Три-Майл-Айленд, которая произошла в США в 1979 году». Там неисправность одной из систем электростанции, вовремя не обнаруженная персоналом, привела к утечке теплоносителя и быстрому повышению уровня радиации. По семиуровневой шкале ядерных событий аварии был присвоен пятый уровень. 140 000 человек по своей воле временно покинули двадцатимильную зону вокруг станции. Легасов утверждал, что

«скорее всего, причина, приведшая к той аварии, никакого отношения не имеет к событиям в Чернобыле из-за принципиальной разности конструкций аппаратов». И он был прав. Водо-водяной реактор, который использовали американцы, намного безопаснее РБМК. Кроме того, у американского реактора имелась бетонная защитная оболочка, которой не было у РБМК. Поэтому авария, с которой предстояло иметь дело советской комиссии, была гораздо серьезнее случившейся на Три-Майл-Айленд [15].

На летном поле в Киеве Легасову бросилась в глаза «кавалькада черных правительственных автомобилей и тревожная толпа руководителей Украины… Лица у всех были тревожные, точной информацией они не располагали, но говорили, что там дело плохо». Легасов с коллегами погрузились в автомобили и поехали в Чернобыль, а оттуда в Припять. Местность вокруг была живописная, и члены комиссии, прибывшие днем, успели сполна насладиться природными красотами. «Уже вовсю бушевала весна, сады цвели. На речке Уж полно гусей, — вспоминал один из них. — И вообще, ощущение природного изобилия не покидало нас по всему пути». Щербина и Легасов практически ничего этого не видели. В начале восьмого, сразу после захода солнца, их взорам предстала совсем другая картина. «Когда мы подъезжали к городу Припяти, поразило небо километров за восемь-десять от Припяти. Багровое такое, точнее малиновое, зарево стояло над станцией», — вспоминал Легасов [16].

В 8:20 вечера Щербина и сопровождавшие его специалисты прибыли в Припятский горком партии, где под предводительством Анатолия Майорца заседали ранее приехавшие члены правительственной комиссии. Шашарин, заместитель Майорца по атомной энергетике, только что облетевший станцию на вертолете, не медля подошел к Щербине и огорошил его сообщением, что реактор разрушен. По его словам, температура в реакторе росла — верхняя плита уже раскалилась до ярко-желтого цвета, тогда как незадолго до того Прушинский видел ее ярко-вишневой; уровень радиации был очень высок. По словам Шашарина, Припять нужно было немедленно эвакуировать. Для Щербины это стало полной неожиданностью, но он сохранял спокойствие. Шашарину он ответил, что эвакуация вызовет панику, которая страшнее радиации [17].

Заседание комиссии, открытое после перерыва уже Щербиной, превратилось в мозговой штурм. Теперь все участники исходили из того, во что еще несколько часов, а то и минут назад невозможно было поверить: произошел взрыв реактора, активная зона разрушена и оттуда распространяется радиация. Необходимо было найти способ потушить пожар и остановить радиоактивные выбросы. Все предлагали свои идеи. Щербина хотел залить реактор водой, но физики объяснили, что это только ухудшит ситуацию. Одно дело подавать воду в реактор с целью охлаждения, и совсем другое — пытаться залить водой ядерный пожар, который от этого разгорится еще сильнее. Щербина остался при своем мнении, но внимательно выслушал других. Кто-то предложил засыпать пожар песком. Но как его доставить в реактор? Может быть, вертолетами? К этому времени Щербина успел вызвать военные вертолеты и войска химической защиты. Командир вертолетчиков уже подъезжал к Припяти.

Наконец наметился план действий. Щербина заметно приободрился. «Несмотря на глубокую ночь (по существу, предутренние часы), усталости у Б[ориса] Е[вдокимовича] как не бывало», — вспоминал его помощник Б.Н. Мотовилов. Когда вскоре после полуночи в Припятский горком явился начальник ВВС Киевского военного округа генерал-майор Николай Антошкин, Щербина приветствовал его словами: «На вас и на ваших вертолетчиков, генерал, сейчас вся надежда». Он приказал Антошкину немедленно начать тушение, но тот ответил, что это невозможно: вертолеты еще не перебазировались в Припять. Выбора у Щербины не было, он согласился подождать — но только до рассвета [18].

На рассвете же должна была начаться эвакуация Припяти. Еще несколько часов назад Щербина считал, что об эвакуации, которая неизбежно вызовет панику, не может быть и речи, а к ночи пришел к выводу, что эвакуировать город необходимо. Главная причина — в десятом часу вечера, пока члены комиссии решали, что делать с реактором, который таки был разрушен (теперь это признали все), этот самый реактор внезапно проснулся. Три мощных взрыва озарили багровеющее небо над четвертым энергоблоком, выбросив наружу докрасна раскаленные обломки тепловыделяющих элементов и куски графита. «Зрелище было впечатляющим. Было ли это результатом разотравления реактора, или просто в это время в горящий графит попала вода и

произошел паровой взрыв, сказать трудно», — пишет Леонид Хамьянов, московский физик, наблюдавший взрывы с третьего этажа горкома [19].

Судя по всему, события развивались по худшему из возможных сценариев. Днем атомщики прогнозировали, что сразу после прохождения реактором йодной ямы в нем начнется цепная реакция. Одни считали, что это произойдет в семь вечера, другие — что в девять. Прогнозы, похоже, сбывались. За уже прогремевшими взрывами мог последовать гораздо более мощный. Предотвратить его было нельзя, и оставалось только ждать. Но даже если бы все ограничилось этими тремя взрывами, население города уже оказалось в значительно большей опасности, чем днем. После почти полного штиля к вечеру поднялся южный ветер и понес радиоактивное облако, которое накрыло часть Припяти. В центре города, на площади перед горкомом, уровень радиации вырос с 40 до 330 микрорентген в секунду или до 1,2 рентген в час [20].

Поздно вечером к Щербине подошел Армен Абагян, директор ВНИИАЭС, московского института, занимавшегося вопросами эксплуатации атомных станций, и потребовал срочно начать эвакуацию. Во время взрывов он находился вблизи станции и был вынужден со своими спутниками спрятаться под металлическим мостом. «Я говорил ему, что дети бегают по улице, здесь же люди постиранное белье вывешивают для просушки. А в воздухе радиоактивность, — вспоминал Абагян. — Это подействовало в обычном человеческом плане». Но по советским правилам, утвержденным в 1963 году, эвакуацию гражданского населения полагалось производить только в случае, если доза облучения превышала 75 рентген, хотя среди специалистов по этому поводу были разные мнения. Пока же, как показывали расчеты, при имевшемся уровне радиации жители Припяти получали около 4,5 рентгена в день. Поэтому Евгений Воробьев, заместитель министра здравоохранения и главный в комиссии по медицинской части, отказывался брать на себя ответственность за объявление эвакуации [21].

Разгорелась дискуссия. Как позднее утверждали некоторые из членов комиссии, ее исход в значительной мере предопределил Легасов. Председатель Киевского облисполкома Иван Плющ вспоминает: «Академик Легасов… положил руку на сердце, как будто принимал присягу, и сказал: „Я вас прошу, вывозите людей, потому что я не знаю, что будет с реактором завтра. Он

неуправляемый. Мы воду льем, а она уходит неизвестно куда. Мы делаем то, что никогда еще не делалось. И какие последствия будут от этого, я предсказать вам как ученый сегодня не могу. Поэтому прошу: вывозите людей“». Воробьев, по словам Плюща, выступал против. «Людей можно вывозить при радиации в 25 бэр. У нас такая норма, — говорил он, используя биологический эквивалент рентгена. — А тут, видите ли, миллирентгены, рентгены называли. Мы не можем подтвердить необходимость эвакуации». Как вспоминал Легасов, «физики… предчувствуя, что динамика будет меняться не в лучшую сторону, настаивали на обязательном принятии решения об эвакуации… и, значит, медики… уступили физикам» [22].

В конце концов Легасов, Абагян и другие физики убедили Щербину. «Где-то в десять или одиннадцать часов вечера 26 апреля Борис Евдокимович, прослушав нашу дискуссию, принял решение об обязательной эвакуации», — вспоминает Легасов. Но решения одного Щербины для этого было недостаточно. «Доложили одному секретарю, а он говорит: „Я не могу вам дать согласия на это“. Пробились к другому, тот тоже посочувствовал, но сказал, что согласия дать не может. А к третьему и пробиться было нельзя». Тогда Щербина позвонил своему начальнику, председателю совета министров Николаю Рыжкову. «В субботу вечером мне позвонил Щербина, — рассказывает Рыжков, — и доложил обстановку: „Мы замерили радиацию… Припять надо эвакуировать. Срочно. Станция рядом, она вышвыривает радиоактивную заразу“. А в городе народ живет на полную катушку, свадьбы играют… Решаю: „Завтра эвакуация, сегодня готовьте поезда, автобусы, народу скажите, чтобы брали самое необходимое, деньги, документы и все. Никакой мебели“». В час ночи городские власти Припяти получили от Щербины срочный приказ подготовить списки граждан, подлежащих эвакуации. На это отводилось всего два часа. Эвакуацию планировали начать рано утром [23].

У заседавших в конференц-зале Припятского горкома партии день выдался долгий и непростой. Начался он с потрясшего всех известия о взрыве на АЭС, затем последовали стадии замешательства, неверия и отрицания. К ночи отрицание уступило место полному осознанию масштаба катастрофы и того, что худшее, возможно, еще впереди. Возобновилась ли цепная реакция? Будут ли взрывы? Если да, то как они скажутся на населении Припяти и окрестных

населенных пунктов? Между тем до украинской столицы, Киева, от станции по прямой меньше 100 километров. Ответов на эти вопросы ни у кого не было, да и ночью мало что можно было предпринять. Оставалось дожидаться рассвета и надеяться, что он не принесет новой беды.

Глава 9
Исход

Когда наконец было принято решение эвакуировать Припять, Александр Ляшко вздохнул с облегчением. Не побоявшись заработать клеймо «паникера», семидесятилетний председатель Совета министров Украины начал готовиться к возможной эвакуации сразу же после того, как в ночь на 26 апреля его разбудил телефонный звонок из Москвы. Ляшко так никогда и не смог объяснить, почему он с самого начала предвидел необходимость эвакуации, тогда как остальные союзные и республиканские руководители пребывали в уверенности, будто ситуация на Чернобыльской АЭС находится под контролем. По его словам, интуиция подсказывала ему, что людям грозит опасность [1].

В советской политической иерархии глава правительства Украинской ССР, второй по численности населения республики Советского Союза, был фигурой важной, но не всевластной. В республике над ним стоял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины, близкий сподвижник и протеже Брежнева Владимир Щербицкий. На союзном уровне Ляшко подчинялся председателю Совета министров СССР Николаю Рыжкову. Будучи земляками — выходцами из Донбасса, Рыжков и Ляшко неплохо ладили между собой. Впрочем, Ляшко умел найти общий язык почти со всеми. Благодаря прагматичному, не перегруженному идеологией подходу к руководству второй по величине республиканской экономикой Советского Союза он пользовался уважением коллег и подчиненных. Но когда в десять утра 26 апреля на совещании высшего руководства Украины Ляшко завел речь о том, чтобы задействовать для эвакуации Припяти маршрутные автобусы Киева, многие, в том числе и Щербицкий, отнеслись к его предложению скептически. Позднее большинство из них станет оправдываться тем, что никто тогда не понимал истинных масштабов аварии. Известно было лишь, что на атомной станции был пожар и его потушили. Вообще же киевскому начальству очень не хотелось, подняв тревогу, вызвать неудовольствие начальства московского [2].

В том, что об аварии на подведомственной им территории украинские власти узнали из Москвы, нет ничего удивительного. Чернобыльская АЭС находилась в ведении союзно-республиканского Министерства энергетики и электрификации. При назначении руководителей станции, в том числе Виктора Брюханова и Николая Фомина, мнение украинской партийной и советской верхушки было учтено, но все главные решения принимались в Москве. При этом пожарные и милиция, прибывшие на место аварии сразу же после взрыва, подчинялись в первую очередь Министерству внутренних дел Украины. Киеву также были подчинены партийные и советские органы власти в Припяти и других городах и поселках в окрестностях атомной станции. И если за выброс радиации на станции отвечали — и должны были с ним разбираться — союзные органы, то на местном уровне последствия аварии были заботой республиканских властей, у которых крепло ощущение, что их заставляют разгребать мусор за московским начальством.

О том, что происходит на Чернобыльской АЭС украинское руководство узнавало главным образом из Министерства внутренних дел республики, которое было в большей степени вотчиной Киева, чем Москвы. 26 апреля около двух часов ночи главу МВД Украины, генерал-полковника Ивана Гладуша, находившегося в Харькове, разбудил телефонный звонок. Сведения, которые он должен был получить, были настолько секретными, что генералу пришлось поехать в областное управление МВД и только там по линии засекреченной связи выслушать донесение об аварии. В МВД первыми в республике узнали о пожаре на АЭС, но Ляшко ничего сообщать не стали, решив, что с пожаром справятся самостоятельно. По сигналу тревоги, который передал по радиосвязи лейтенант Владимир Правик, уже через несколько минут после взрыва были подняты все пожарные бригады Киевской области. Начальник милиции Припяти майор Василий Кучеренко оказался на станции даже раньше Брюханова и оттуда доложил о взрыве и пожаре своему киевскому начальству. Его доклад встретили с недоверием. «Ты отвечаешь за свои слова?.. Кто-то рядом с тобой есть?» — допытывался из Киева высокий милицейский чин, желая получить подтверждение словам Кучеренко [3].

В пять утра в Припять в сопровождении группы милицейских чинов прибыл заместитель министра внутренних дел Украины генерал-майор Геннадий Бердов. По воспоминаниям

очевидца, ходил он в «новом, недавно сшитом мундире». В общей суматохе первых дней после взрыва сразу бросались в глаза его «золотые погоны, мозаика орденских планок, значок заслуженного работника МВД СССР». Спокойный, но энергичный, Бердов немедленно принял под свое командование более четырехсот сотрудников милиции, направленных в Припять из соседних районов. Они перекрыли подходы к АЭС и к близлежащей железнодорожной станции Янов. В милицейских патрулях наряду с рядовыми и сержантами были задействованы лейтенанты, капитаны, майоры и полковники. Бердов подвергал себя и своих людей губительному воздействию радиации, но в первые часы после взрыва мало кто догадывался, что речь идет не о рядовой техногенной катастрофе и, следовательно, главную опасность представляет вовсе не пожар [4].

Первый заместитель министра внутренних дел Украины Василий Дурдинец, координировавший работу милиции из Киева с первых минут после получения сигнала о пожаре, впоследствии вспоминал, что о повышении уровня радиации он узнал только в районе полудня 26 апреля. Командование сил гражданской обороны хранило молчание. Когда рано утром начальник штаба гражданской обороны Чернобыльской АЭС Серафим Воробьев дозвонился до начальника штаба ГО Киевской области, тот первым делом поинтересовался, потушен ли пожар. «Да что пожар! — воскликнул Воробьев. — Здесь общая авария! Об-ща-я! Надо оповещать население!» В ответ киевский начальник пустился в крик: «Паникер! Ты думай, что говоришь! За такой доклад голову оторвут». Воробьев тем не менее настаивал, что ситуация чрезвычайно серьезна: «Прибор ДП-5 [дозиметр] зашкаливает! Более 200 рентген в час». Но его не услышали. Впоследствии запись в журнале входящих звонков была сфальсифицирована: уровень радиации занижен в десять раз, а время звонка Воробьева в штаб изменено на более позднее. Когда части гражданской обороны наконец прибыли в Припять, у них, по воспоминаниям председателя Совета министров Александра Ляшко, не было с собой приборов для измерения радиации [5].

Около девяти утра Дурдинец, который почти всю ночь провел у себя в министерстве, обзвонил руководителей республики с докладом о событиях прошедших суток. Известие о чернобыльской аварии было в докладе лишь одним из многих. Пост председателя Президиума

Верховного Совета УССР — недопарламента, нужного исключительно для того, чтобы штамповать решения партийного руководства республики, — занимала Валентина Шевченко, которой тогда был 51 год. Позднее она вспоминала, что об аварии Дурдинец упомянул только в самом конце своего доклада. Он сообщил Шевченко, что на станции случился пожар и что его уже потушили (на следующий день в донесении МВД Центральному комитету говорилось, что пожар был потушен к восьми утра). «А как люди?» — спросила Шевченко. «Да ничего, — ответил замминистра. — Одни гуляют свадьбы, другие сажают огороды, третьи ловят рыбу на Припяти» [6].

Шевченко немедленно позвонила председателю Совета министров Александру Ляшко — тот был на рабочем месте и как раз обсуждал ситуацию на Чернобыльской АЭС с одним из своих заместителей. Еще раньше он распорядился начать мобилизацию автотранспорта на случай, если придется эвакуировать Припять. Для этого Ляшко задействовал республиканское МВД и войска гражданской обороны, которые также находились в двойном подчинении у Киева и Москвы. Когда начальник республиканского штаба гражданской обороны высказал опасение, что водителей автобусов будет трудно заставить выйти на работу с утра в субботу, Ляшко позвонил министру внутренних дел Ивану Гладушу и приказал силами милиции оповестить водителей о мобилизации. «Там серьезно?» — спросил Гладуш. «Этого не знаю, а вот мобилизацию и отправку автотранспорта в район ЧАЭС вместе со штабом ГО организуйте так, как это вы выполняли бы в условиях войны» [7].

Встревоженный известиями, поступающими из Москвы и от его собственных подчиненных, глава Коммунистической партии Украины и высший руководитель республики Владимир Щербицкий в десять утра собрал заседание республиканского политбюро. Информация из Припяти, переданная Виктором Брюхановым по партийным каналам, особого беспокойства не вызывала: пожар потушен, уровень радиации, хотя и повышен, остается в пределах нормы. «А не спешите ли вы? — спросил Щербицкий у Ляшко, который уже распорядился о мобилизации транспортных средств. — Прибудет комиссия, даст квалифицированную оценку, и тогда

действуйте». Но Ляшко отказался отменять свое распоряжение. «Ну а если никакой эвакуации не потребуется, во что ваше мероприятие обойдется?» — поинтересовался Щербицкий [8].

Ляшко не уступил давлению партийного лидера. «Ничего, спишем расходы на учения по гражданской обороне. Потому что у нас был такой опыт — несколько миллионов спишем на гражданскую оборону». В конце концов Щербицкий дал свое согласие, но этого было недостаточно. Около одиннадцати Ляшко позвонил председателю Совета министров СССР Николаю Рыжкову, тот тоже разрешил мобилизовать, но пока что не использовать транспорт. «К четырнадцати часам мне доложили, что 1200 автобусов и 240 грузовых автомашин готовы», — рассказывает Ляшко.

Щербицкий все еще сомневался, что Ляшко поступает правильно. В тот день киевское и республиканское управления КГБ составили две сводки по ситуации на Чернобыльской АЭС и в городе Припять. В первой, отражавшей то, каким положение вещей виделось КГБ утром 26 апреля, уже отмечался повышенный уровень радиации, но приводимые цифры были значительно ниже зафиксированных Воробьевым. В утренней сводке уровень радиации на станции оценивался в 20–25 микрорентген в секунду, а в Припяти — 4–14 микрорентген. Повышение уровня радиации объяснялось выбросом «грязной воды» из поврежденной взрывом системы охлаждения реактора. Вторая сводка, основанная на информации, имевшейся в распоряжении КГБ в три часа дня, оценивала уровень радиации вблизи реактора в 1000 микрорентген в секунду, на территории АЭС — 100 микрорентген в секунду, а в городе Припять — 2–4 микрорентгена в секунду. Оценки по-прежнему основывались на показаниях дозиметров, рассчитанных самое большее на 1000 микрорентген в секунду [9].

Но Ляшко уже заручился всеми полномочиями, необходимыми для того, чтобы начать подготовку к эвакуации. Судя по сообщениям, поступавшим в ЦК Компартии Украины, приказ о начале движения автотранспорта был отдан в восемь часов вечера 26 апреля. Вдоль проселочных дорог Чернобыльского района выстроились колонны автобусов и грузовиков, на станцию Янов подогнали два пассажирских состава. Всю следующую ночь водители и железнодорожники

провели в опасной близости от АЭС, дожидаясь приказа о начале погрузки. Поступит ли он, было неизвестно [10].

Когда на первом заседании правительственной комиссии, проходившем в Припятском горкоме вечером 26 апреля под председательством Майорца, генерал Бердов сообщил, что автобусы готовы к эвакуации людей, от него отмахнулись как от паникера. А несколько часов спустя члены комиссии увидели, как реактор пробудился и расцветил небо Припяти радиоактивными фейерверками. Тон обсуждении после этого изменился, и в одиннадцатом часу председатель Совета министров Александр Ляшко узнал, что комиссия, к которой к тому времени присоединился Борис Щербина, пришла к выводу, что реактор поврежден и существует угроза радиоактивного заражения. Спустя еще некоторое время окончательное «добро» на начало эвакуации дали и союзные власти. Ляшко все утро 27 апреля названивал в Припять, желая убедиться, что эвакуация состоится. Около двух часов дня ему сообщили, что она начнется с минуты на минуту. Из паникера он превратился в человека, который с самого начала был прав. Эвакуация была необходима, и теперь правительственная комиссия приступала к ее проведению [11].

Пока партийное и советское начальство обсуждало целесообразность эвакуации, жители начали сами, не дожидаясь указаний, массово покидать Припять. Первыми, рано утром 26 апреля из города стали уезжать жены и дети пожарных. Их мужья и отцы заплатили высокую, а некоторые и самую страшную цену за непонимание того, что на станции произошел не просто пожар, а ядерный взрыв и теперь реактор распространяет невидимое излучение, которое калечит и убивает все живое. Уже лежа на больничной койке, лейтенант Владимир Правик умолял своих родителей забрать его жену и дочь и как можно быстрее спасаться из Припяти. Те прямо из санчасти поспешили к Правику домой, погрузили жену Надежду и месячную дочь Наташу в коляску мотоцикла, отвезли на железнодорожную станцию Янов и посадили в проходящий поезд [12].

Следующими из Припяти поехали сами пожарные — началась эвакуация тех, кто больше всех пострадал от радиации. О том, что это не обычный пожар, пожарный Леонид Шаврей,

прибывший на АЭС в одной машине с Правиком, догадался только в пять утра, когда наконец спустился с крыши турбинного зала. Закурив, он почувствовал странный сладкий вкус. «Что это за сигареты такие сладкие?» — спросил он у приятеля-пожарного, который еще раньше, на крыше, тоже ощутил во рту непривычный сладкий привкус. Медики раздали пожарным таблетки йодистого калия. Шаврей запил таблетку водой, и его тут же вырвало. «Противно до невозможности, — вспоминал он. — Пить охота, а напиться невозможно — сразу тошнит». Медики хотели направить его в санчасть, но Шаврей вместо этого сел в машину и повез жену и ребенка к родственникам в деревню [13].

Вечером того же дня Шаврей вернулся в Припять и сразу пошел в санчасть проведать товарищей. Когда лейтенант Правик выглянул из окна, Шаврей заметил, что лицо у него изменилось, набрякло и опухло. «Как самочувствие?» — спросил Шаврей. «Нормально, — не слишком уверенно ответил Правик. — А у вас?» — «Тоже нормально». В целом ему показалось, что настроение у товарищей хорошее. Они говорили, что им ставят капельницы и уколы, но в подробности не вдавались. Уходя, Шаврей попрощался до завтра, но на следующий день никого из пожарных в санчасти уже не было — всех отправили в Москву [14].

Врачи далеко не сразу поняли, как лечить пострадавших от радиации больных. Сначала они решили отпаивать их молоком. Людмиле Игнатенко, жене пожарного Василия Игнатенко, одним из первых оказавшегося на больничной койке, знакомая врач сказала, что ее мужу нужно молоко, «много молока». «Но он не пьет молоко», — возразила Людмила. «Сейчас будет пить», — сказала врач. Вместе с Татьяной Кибенок, женой лейтенанта Виктора Кибенка, лежавшего в одной палате с Игнатенко, Людмила поехала за молоком в деревню. Вернулись они с шестью трехлитровыми банками молока — их должно было хватить на всю палату. Но и Василия Игнатенко, и остальных пожарных от молока страшно рвало. Только после этого врачи, до сих пор лечившие пожарных от отравления газами, стали ставить им капельницы, по всей видимости, с нитритами. И они, очевидно, помогали: вечером Василий Игнатенко даже смог подойти к окну [15].

Оператор Виктор Смагин в восемь утра сменил Александра Акимова и Леонида Топтунова в зале управления четвертым энергоблоком, а шесть часов спустя его с головной болью,

головокружением и неукротимой рвотой на скорой доставили в санчасть. После двух часов внутривенных вливаний ему стало лучше. За эти два часа, по словам Смагина, в него влили три флакона жидкости. Когда закончилась последняя капельница, он захотел пойти покурить. Сигарет у него не было — при госпитализации забирали одежду и все личные вещи, — но выручили пришедшие его проведать друзья. Смагин из окна второго этажа сбросил веревку, а они привязали к ней пачку сигарет. В курилке он застал Александра Акимова и Анатолия Дятлова в компании других инженеров и операторов. После капельниц им стало полегче, и теперь они обсуждали возможные причины взрыва. Но капельницы помогли далеко не всем. Так, например, остался лежать Леонид Топтунов. Кожа у него была буро-коричневой от «ядерного загара», губы и язык отекли, говорить получалось с трудом [16].

Пожарных и операторов АЭС, получивших самые большие дозы радиации, поздним вечером 26 апреля отправили самолетом в Москву, не дав попрощаться с родными и близкими. Эвакуация проходила в крайней спешке, время вылета не сообщили даже семьям. Решение вывезти самых тяжелых приняла группа врачей и физиков, днем прилетевшая в Припять. Среди них были сотрудники подведомственного Министерству здравоохранения Института биофизики и Московской клинической больницы № 6, которая специализировалась на лечении лучевой болезни и располагала необходимыми специалистами и оборудованием. Заведующая клиническим отделом Института биофизики шестидесятидвухлетняя профессор Ангелина Гуськова занималась такими пациентами с 1949 года. В закрытом городе Челябинск-40, где построили первое советское предприятие по производству оружейного плутония, она в молодости лечила от лучевой болезни облученных инженеров, техников и… заключенных ГУЛАГа. Теперь ее коллеги прилетели в Чернобыль помогать пожарным и операторам АЭС [17].

Врачи из команды Гуськовой искали у пациентов симптомы острой лучевой болезни, которые обычно проявляются у людей, получивших дозу радиации выше 50 рентген. Для определения тяжести лучевой болезни врачи оперировали другими физическими единицами — греями. В греях измеряется доза ионизирующего излучения, поглощенного телом человека. 1 грей — это доза, при которой массе 1 килограмм передается энергия излучения в 1 джоуль. Соотношение грея и бэра

зависит от типа ионизирующего излучения. В случае бета- и гамма-излучения 1 грей эквивалентен ста бэрам. Когда речь идет об альфа-излучении, 1 грей соответствует двум тысячам бэров [18].

Признаки острой лучевой болезни появляются при однократном воздействии дозы 50 или более рентген и поглощении 0,8 грея ионизирующего излучения. При слабой степени тяжести у больных отмечаются потеря аппетита, тошнота и рвота. У получивших более 50 греев симптомы возникают практически сразу и включают повышенную возбудимость, спутанность сознания, водянистый понос и иногда обмороки. У тех, кто получил от 10 до 50 греев, потеря аппетита, тошнота и рвота начинаются через несколько часов после воздействия радиации. У тех, кто получил от 1 до 10 греев, эти же симптомы развиваются в период от нескольких часов до двух суток. Во всех случаях радиация убивает стволовые клетки в спинном мозге, а при поглощении дозы от 10 до 50 греев гибнут также клетки желудочно-кишечного тракта. Когда доза поглощенной радиации превышает 50 греев, поражаются сердечно-сосудистая и нервная системы. У острой лучевой болезни три основные стадии. На начальной стадии проявляются первые симптомы; на второй, латентной, стадии больному становится лучше, и иногда кажется, что он выздоровел; на третьей, последней, стадии симптомы возвращаются и становятся тяжелее. Только пациенты первой категории, получившие меньше 10 греев, имеют 60-процентный шанс выжить. Пациенты второй и третьей категории обречены [19].

Чернобыльские пациенты, 134 человека с диагностированной острой лучевой болезнью, были разделены на четыре группы. В первую вошли около двадцати человек, получившие от 6,5 до 16 греев радиации; из них выжил лишь один. Из второй группы, также включавшей два десятка человек, получивших от 4,2 до 6,4 грея, умер приблизительно каждый третий. В группе пациентов, чья доза составила от 2,2 до 4,1 грея, статистика оказалась значительно лучше: из них умер только один. В четвертой группе с дозами 0,8–2,1 грея выжили все. Всего в первые четыре месяца после облучения от острой лучевой болезни умерли двадцать восемь человек, в том числе двенадцать из тринадцати пациентов, которым сделали операцию по пересадке костного мозга. Еще почти двадцать человек из первой, второй и третьей групп умерли через несколько лет после аварии, но врачи не связали эти случаи с воздействием радиации [20].

Прибывшие в Припять московские врачи имели большой опыт лечения пациентов с острой лучевой болезнью, но не располагали оборудованием для измерения поглощенной организмом радиации. Поэтому они сосредоточились на выявлении симптомов, а все исследования им заменял анализ крови. Один из лучших специалистов 6-й клинической больницы Георгий Селидовкин прилетел в Припять, чтобы на месте оценить состояние больных и отобрать тех, кого необходимо отправить в Москву. Многим в Припятской санчасти он запомнился своей бородой, которая в 1980-е в Советском Союзе считалась своего рода признаком свободомыслия.

К осмотру пациентов Селидовкин приступил около 4-х вечера 26 апреля. Гуськова из Москвы была на связи с коллегами по телефону. В общей сложности московские врачи осмотрели почти 350 человек, обращая внимание на цвет кожных покровов и количество лейкоцитов в крови. Лейкоциты, белые кровяные клетки, образуются в костном мозге, отличаются высокой скоростью обновления и легко разрушаются радиацией. Резкое снижение числа лейкоцитов — верный признак радиационного поражения. К вечеру доктор Селидовкин отобрал двадцать восемь человек для срочной отправки в Москву. В эту первую партию попали Правик, Кибенок, Игнатенко и многие другие пожарные, а также операторы реактора Акимов и Топтунов и заместитель главного инженера АЭС Анатолий Дятлов. Медлить с отправкой было нельзя — от того, как скоро люди окажутся в Москве, зависела их жизнь [21].

Обеспечить срочную отправку тяжелых больных из Припяти в киевский аэропорт Борисполь и дальше в Москву было поручено тридцатичетырехлетнему заместителю председателя припятского горисполкома Александру Эсаулову. За несколько дней до того Эсаулов отчитывался в местной газете о результатах ленинского субботника — теперь казалось, что это было в другой жизни. Прославляющие Ленина плакаты все еще украшали город, но горожан с головой накрыла иная реальность, в которой идеология уже не имела значения. Утром Эсаулову первым делом пришлось добывать уборочную машину, чтобы смыть с улиц радиоактивную пыль, а чуть позже — эвакуировать тех, у кого слишком много этой пыли осело на коже и в кишечнике [22].

Самолет штаба гражданской обороны уже ждал в аэропорту Борисполь. Автобусы и автомобили скорой помощи тоже были готовы тронуться в любой момент. Но из-за больничных

карт пациентов, эвакуируемых в Москву, вышла задержка. Рано утром 26 апреля при поступлении в медсанчасть Припяти у них забрали все бумаги, и потом подготовить для каждого документы, истории болезней, результаты анализов оказалось непросто. В Советском Союзе документ без штампа документом не считался, а все необходимые печати остались на станции. Поэтому в конце концов решили обойтись без печатей. Но Эсаулова ждала новая проблема — родственники отбывающих в Москву. В санчасть их не пускали, и они плотным кольцом обступили ее снаружи. Когда прошел слух, что больных скоро увозят, толпа пришла в движение.

«Жены сбились все в одну кучу. Решили: поедем с ними», — вспоминает Людмила Игнатенко. Это ее муж Василий прокричал из-за закрытого окна, что их вот-вот отправят в Москву. «Пустите нас к нашим мужьям! Не имеете права! Бились, царапались», — так Людмила описывает реакцию женщин. Их натиск сдерживали солдаты, стоявшие в оцеплении вокруг больницы. Потом на крыльцо вышел врач и подтвердил женщинам, что их мужей действительно отправляют на самолете в Москву и им нужна одежда — та, в которой их привезли, оказалась радиоактивной, и ее сожгли. Жены бросились по домам за чистой одеждой и бельем. Время было уже позднее, автобусы не ходили, так что домой и обратно они добирались пешком. Но когда жены стали снова собираться у санчасти, мужей там уже не было. «Нас специально обманули. Чтобы мы не кричали, не плакали…» [23]

Наконец Эсаулов выехал в Киев во главе колонны из двух автобусов и двух автомобилей скорой помощи. В автобусах везли двадцать шесть больных, сохранивших способность к самостоятельному передвижению, а в скорых — двоих операторов реактора, получивших термические ожоги более чем 30 процентов тела. В Киеве колонна проехала по Крещатику — главной улице города. Странные люди в больничных пижамах смотрели из автобусов на киевлян, а те, не подозревая о том, что творится совсем неподалеку, почти не обращали на них внимания. В Борисполе колонна была в начале четвертого утра 27 апреля. Через несколько часов московские скорые, во избежание радиоактивного заражения выстланные изнутри полиэтиленовой пленкой, привезли припятских пациентов в Клиническую больницу № 6. Гуськова, отточившая

профессиональное мастерство на жертвах военного атома, подготовила все для приема жертв атома мирного.

Эсаулов успешно справился с задачей эвакуировать первых пострадавших. На обратном пути из Киева он обогнал сотни автобусов, двигавшихся туда же, куда и он, — в Припять. Теперь должна была начаться полная эвакуация города [24].

Колонны автобусов, долгие часы простоявшие на дорогах между Припятью и Чернобылем, получая высокие дозы радиации, пришли в движение в половине второго ночи 27 апреля. Тем временем уровень радиации в городе быстро повышался. 26 апреля он находился в пределах 14–140 миллирентген в час, а к семи утра 27 апреля вырос до 180-300 миллирентген в час, в отдельных районах в непосредственной близости от АЭС достигая 600 миллирентген в час. Первоначально эвакуацию планировалось начать утром 27 апреля, но решение принималось слишком долго. В итоге ее начало было перенесено на вторую половину дня [25].

Для многих жителей Припяти новость об эвакуации стала не неожиданностью, а облегчением — они знали о ней заранее и готовились. Междугородняя телефонная связь была отключена, инженерам и рабочим АЭС строго запретили кому-либо рассказывать о происходящем на станции. Но советские люди привыкли больше доверять неформальным каналам распространения информации, чем государственным. Через несколько часов после взрыва по Припяти пошли слухи об атомной аварии.

Сотрудник Чернобыльского монтажного управления Лидия Романченко вспоминает: «Где-то около восьми утра [26 апреля] мне позвонила соседка и сказала, что ее соседка со станции не вернулась, там авария произошла». Другой источник вскоре подтвердил эти сведения: «Наш друг-стоматолог рассказывал, что их всех ночью подняли по тревоге и вызвали в больницу, куда всю ночь возили людей со станции». Добрая самаритянка Романченко поспешила поделиться новостью с родными и друзьями: «Я сразу же кинулась к своим соседям, кумовьям, а они с ночи уже „на сумках“ сидят: им кум позвонил и рассказал об аварии» [26].

Население Припяти постепенно осознавало, какая над ним нависла опасность. Старший инженер управления строительства Чернобыльской АЭС Людмила Харитонова решила было с мужем и детьми поехать на дачу, но на выезде из города их развернула милиция. Вскоре жители Припяти увидели, как поливальные машины моют улицы каким-то пенным составом. Немного спустя на улицах появились грузовики с военными, над городом то и дело пролетали военные вертолеты и самолеты. Военные и милиционеры были в респираторах и противогазах. Детям в школах выдали таблетки йодистого калия, отправили домой и велели не выходить на улицу.

«Ближе к вечеру стало тревожнее, — вспоминает Харитонова. — Эта тревога шла уже неизвестно откуда, то ли изнутри души, то ли из воздуха, в котором стал сильно ощущаться металлический запах». По городу поползли слухи, что разрешили эвакуироваться всем желающим. Харитонова с семьей пошла на станцию Янов и села на московский поезд. «На станции Янов патрулировали военные, — рассказывала она. — Было очень много женщин с маленькими детьми. Все были немного растерянные, но вели себя спокойно… Но я все равно ощущала новое время. И когда подошел поезд, мне он показался уже другим, будто он пришел из той, чистой эпохи, в нашу эру, Чернобыльскую, грязную…» [27]

В начале одиннадцатого утра 27 апреля руководители города созвали представителей предприятий, школ и учреждений, чтобы выработать план эвакуации. Обеспокоенные жители тут же бросились к горкому партии. Заместитель министра внутренних дел генерал Бердов при полном параде вышел на ступени горкома и успокоил возбужденную толпу. По его распоряжению сотни милиционеров обошли все дома и квартиры в городе, оповещая жителей о скорой эвакуации. Окончательную отмашку, заручившись благословением Москвы, правительственная комиссия дала только в полдень, всего за два часа до начала эвакуации [28].

Едва возвратившись из Киева, заместитель председателя Припятского горисполкома Александр Эсаулов получил новое задание: эвакуировать всех, госпитализированных в медсанчасть с радиоактивным поражением, — таких набралось уже больше сотни. Партийное начальство хотело, чтобы уже к полудню больные были в аэропорту Борисполь, откуда их, как и предыдущую партию, планировалось отправить в Москву. Это указание Эсаулов получил только

около десяти утра, так что уложиться в назначенные сроки никак не мог. Только дорога до Киева занимала как минимум два часа, а надо было еще собрать людей и оформить документы. Все было готово только в полдень. На этот раз не было никакой возможности вывезти эвакуируемых тайком, и Эсаулов даже не пытался. Жены долго, со слезами и объятиями прощались с мужьями, но в конце концов Эсаулов рассадил людей по автобусам, и они тронулись в путь.

Проехав несколько километров, колонна внезапно остановилась в деревне Залесье: одному из больных срочно понадобилась медицинская помощь. Остальные вышли из автобусов размять ноги и покурить. Вдруг к автобусам с отчаянным криком бросилась женщина. Как выяснилось, это была мать парня из Залесья, ехавшего в одном из автобусов. Она узнала его и не смогла сдержать чувств. «Это ж надо! Такая вот стыковка, — вспоминал Эсаулов. — Откуда она появилась, я так и не понял». В его памяти навсегда осталось, как сын, успокаивая ее, повторял: «Мамо… мамо…» Автобусы еще какое-то время постояли и двинулись дальше. Эсаулова настолько измотали события последних суток, что, когда в кабинете начальника аэропорта Борисполь его попросили заплатить за две выпитые им чашки кофе из буфета, он не сразу понял, что от него хотят. «Я… словно из другого мира приехал», — вспоминал он.

Между двумя мирами, как выяснилось, выросла граница с пограничным контролем. Перед тем как выехать из Борисполя, Эсаулову и его водителям было велено вымыть автобусы и принять душ. Ни для кого уже не было секретом, что авария вызвала повышение уровня радиации. В обратный путь автобусы выехали около четырех часов дня 27 апреля. На подъезде к Припяти они увидели, как навстречу вереницей тянутся автобусы — их было более тысячи. Эвакуация всего города стала реальностью [29].

В начале второго местное радио начало передавать объявление об эвакуации — оно звучало из громкоговорителей по всему городу. Спокойно-торжественный женский голос зачитывал его по-русски с сильным украинским акцентом:

> *Внимание, внимание! Уважаемые товарищи! Городской Совет народных депутатов сообщает, что в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако с целью обеспечения полной безопасности людей и в первую очередь детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, 27 апреля, начиная с 14:00 часов будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания… Товарищи, временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Просим соблюдать спокойствие, организованность и порядок при проведении временной эвакуации* [30].

Один и тот же текст с незначительными изменениями повторили четыре раза, но большинство жителей Припяти все еще не понимали, насколько все серьезно. «Представьте, — вспоминала секретарь горкома комсомола Анелия Перковская, — до эвакуации остается полтора часа. В кафе нашем детском, в большом торговом центре, полно родителей с детьми, едят мороженое. Выходной день, все хорошо, все спокойно». За тридцать шесть часов, прошедших после взрыва, власти не дали людям достоверной информации и фактически предоставили их самим себе. Никто не объяснил им, как защитить себя и детей. Уже утром 26 апреля радиация в городе достигла уровня, при котором по закону необходимо было оповестить население о радиационной опасности, но чиновники, как один, просто проигнорировали этот факт. А в довершение всего жителям города велели выйти на улицу с вещами как минимум за пятьдесят минут до подачи автобусов. И они, как сознательные граждане, в точности так и сделали [31].

Фильм, снятый 26 и 27 апреля, запечатлел свадьбу, которую играют в городе, зараженном радионуклидами. Молодые мужчины и женщины в летней одежде гуляют по улицам с детьми,

играют в футбол, едят на открытом воздухе мороженое. Эти кадры кажутся невероятными в сочетании с другими, снятыми там же и тогда же: поливальные машины отмывают улицы, милиционеры и военные в защитном снаряжении патрулируют город на бронетранспортерах, люди ждут автобусов, чтобы навсегда покинуть свои дома. В какой-то момент в кадре возникает кукла в окне многоквартирного дома — она как будто ждет, что за ней вернутся. Подлинный смысл того, что мы видим, открывают белые пятна и вспышки на пленке: это отметины радиоактивных частиц, обжигающих кинопленку сквозь толстые линзы объектива [32].

Среди тысяч людей в тот день навсегда покидавших свои дома, была журналистка Любовь Ковалевская, незадолго до того опубликовавшая статью о нарушениях и браке при строительстве Чернобыльской АЭС. Накануне она почти всю ночь успокаивала престарелую мать, встревоженную слухами о скорой эвакуации. Теперь вся семья — сама Ковалевская, ее мать, дочь и племянница — была готова ехать. Было объявлено, что их вывозят из города всего на три дня. «У каждого подъезда уже стоят автобусы, — вспоминала Ковалевская. — Все одеты по-походному. Шутят. И все довольно тихо вокруг. У каждого автобуса — милиционер, проверяющий по списку жильцов, помогающий вносить вещи и, наверное, думающий в это время и о своей семье, с которой и повидаться-то не удалось за эти сутки… Автобус тронулся». Припятский кинооператор продолжал снимать из едущего автобуса. Снятые им кадры в последний раз запечатлели город, в котором еще живут люди. К половине пятого эвакуация была завершена [33].

Спеша отрапортовать о первом успехе, Щербина позвонил в Москву. «Николай Иванович, людей в Припяти нет. Бегают одни собаки», — доложил он председателю Совета министров Николаю Рыжкову. Домашних животных отъезжавшим взять с собой не дали — к ним в Советском Союзе относились без лишней сентиментальности. Несколько дней спустя милиция сформирует специальные отряды для отстрела бродячих собак. Но в Припяти остались не только собаки. В городе были оставлены около пяти тысяч работников атомной станции, которые должны были обеспечить остановку трех реакторов, продолжавших работу. Остались и влюбленные молодые пары, получившие в свое распоряжение опустевшие родительские

квартиры. И наконец, никуда не поехали многие пенсионеры. Они не могли понять, зачем сниматься с места, если людей эвакуируют всего на три дня [34].

«Приходилось убеждать», — вспоминал министр внутренних дел Украины Иван Гладуш. В целом он был горд тем, как организованно его подчиненные провели эвакуацию. На следующий день Гладуш доложил ЦК Компартии Украины, что в общей сложности из Припяти вывезли 44 460 человек, которых затем разместили в сорока трех близлежащих населенных пунктах. «Развозили по селам, — рассказывал он. — Заняли клубы, школы, в квартиры к местным жителям селили. Все относились с пониманием». Валентину Брюханову, чей муж, директор Чернобыльской АЭС, остался в Припяти, эвакуировали вместе со всеми и поселили в одной из деревень. Через несколько дней корреспонденты киевской газеты встретили ее на ферме, где она работала дояркой [35].

Органы госбезопасности информировали партийное руководство Украины, что двадцать девять человек из примерно тысячи самостоятельно выехавших из Припяти в Черниговскую область госпитализированы с симптомами лучевой болезни. Исправно проводя «мероприятия по недопущению распространения панических слухов и тенденциозной информации», с распространением радиации КГБ справиться не мог. Эвакуированные на собственной коже, одежде и личных вещах разносили ее по местам временного расселения. Автобусы, вывозившие жителей Припяти, по окончании эвакуации вернулись в Киев и вышли на свои обычные маршруты, разнося радиоактивные частицы по всему двухмиллионному городу [36].

Глава 10
Укрощение реактора

27 апреля в Припяти играли в песок не только дети, понятия не имевшие ни о какой радиации. Эта сыпучая субстанция оказалась не менее привлекательной и для взрослых, куда больше знавших об аварии и ее последствиях. Примерно в полукилометре от здания горкома, где базировалась правительственная комиссия, строители насыпали огромную кучу песка. Из окон соседних домов можно было наблюдать необычную картину: трое мужчин в возрасте от сорока до шестидесяти лет — один в генеральской форме, двое в солидных деловых костюмах — наполняли песком принесенные с собой мешки. Чем дольше они орудовали лопатами, тем сильнее с них катил пот и тем грязнее становилась одежда. Но росло и количество наполненных мешков.

В форме был генерал-майор Николай Антошкин, начальник штаба ВВС Киевского военного округа и командир вертолетного подразделения, дислоцированного с утра на площади перед припятским горкомом. В гражданском — Александр Мешков, первый заместитель министра среднего машиностроения СССР, всесильного Ефима Славского, и заместитель министра энергетики и электрификации СССР по атомной энергетике Геннадий Шашарин. Вертолетчики Антошкина сбрасывали мешки с песком в жерло разрушенного реактора, чтобы запечатать его и предотвратить дальнейшее распространение радиационного заражения.

Решение завалить реактор мешками с песком было принято еще ночью, но его исполнение отложили до восхода солнца. На переброску вертолетов в Припять, обустройство взлетной площадки и разведку подлетов к реактору потребовалось время. Когда вертолетчики были готовы приступать, генерал Антошкин попросил у председателя правительственной комиссии Бориса Щербины технику и людей для загрузки песка в мешки. Щербина раздраженно ответил, что, мол, пусть пилоты делают это сами. Но Антошкин настаивал на том, что нужна помощь. Тогда Щербина велел ему взять Мешкова и Шашарина и отправить их грузить песок. Ответственные работники не стали возражать. «Щербина торопил, — вспоминает Шашарин. — Под грохот вертолетов орал во весь рот, что не умеем работать, плохо разворачиваемся. Гонял всех, как

сидоровых коз, — министров, замминистров, академиков, маршалов, генералов, не говоря уже об остальных… „Как реактор взрывать, так они умеют, а мешки загружать песком — некому!“»

Щербина распоряжался со своеволием античного тирана. К утру 27 апреля он успел оправиться от начального шока и растерянности. Уяснив стоящую перед ним цель, председатель правительственной комиссии переключился на старый проверенный стиль руководства, широко применявшийся сталинскими управленцами в 1930-е годы, в период индустриализации и насильственной коллективизации: застращать подчиненных до полусмерти и потом требовать от них невозможного. Раз Антошкин, Шашарин и Мешков не могут найти людей для загрузки мешков, пусть делают это сами [1].

Но скоро рабочих рук прибавилось. «[Я] своими глазами видел, как командиры экипажей, офицеры молодые загружали мешки песком, нагружали эти мешки в вертолеты, летели, устанавливали, выходили на цель, сбрасывали, возвращались и снова проводили эту работу», — вспоминает Легасов. «27 или 28 апреля — эти два дня ни Минэнерго, ни местные власти никак не могли организовать работу, такую форсированную, четкую, по подготовке тех предметов, которые требовали заброса в шахту реактора, — рассказывал он. — Где-то с 29 числа этот порядок был организован. Были установлены нужные карьеры, пошел свинец. Уже были расставлены люди, и после этого дело пошло на лад. Вот к этому же времени примерно вертолетчики нашли способ действий своих очень такой эффективный, расположив наблюдательный пункт на крыше здания райкома партии в городе Припять. Оттуда они наводили на цель экипажи, которые находились над четвертым блоком» [2].

Через некоторое время задачу по загрузке мешков поручили руководителям припятского горкома комсомола. Они обходили рабочие общежития, призывая людей помочь. Народу откликнулось много, но лопат, мешков и веревок, чтобы их завязывать, не хватало. Какое-то время мешки завязывали распущенным на тонкие полоски кумачом, который был заготовлен для украшения города к празднику Первого мая. После того как жителей Припяти эвакуировали, рабочих стали привозить из других мест, в основном из окрестных деревень. Это были по большей части женщины, как в войну. Одна из них, жительница Чернобыля Валентина Коваленко,

вспоминала: «Сказали, что беда пришла и надо помочь, поехать в песчаный карьер, песок в мешки грузить, чтобы их потом с вертолета в реактор побросать… Там в основном мы, женщины, и грузили этот песок с утра до ночи» [3]. Рабочую силу обеспечивали украинские власти, московские же отвечали за финансовую сторону.

Препоручив заботу о мобилизации рабочих и загрузке мешков комсомольским лидерам и представителям местной власти, генерал Антошкин вернулся к своим прямым обязанностям — координации работы вертолетчиков, которым предстояло завалить реактор мешками с песком. Еще до того как Щербина отправил его грузить песок, Антошкин с группой офицеров облетел станцию и с воздуха осмотрел разрушенный реактор. Вертолетчиков поджидали две серьезные проблемы. Во-первых, пилоту, незнакомому с расположением построек электростанции, трудно было сориентироваться и опознать реактор, который извергал из себя невидимые облака радиации, но почти уже не дымился. Кроме того, опасность представляла уцелевшая при взрыве высокая вентиляционная труба третьего и четвертого энергоблоков. Антошкин и его вертолетчики придумали, как решить эти проблемы, и проложили маршрут, по которому в последующие дни будут совершены тысячи полетов.

Вскоре с главной площади Припяти один за другим с оглушительным ревом начали подниматься вертолеты, отправляясь к расположенному в трех километрах разрушенному энергоблоку. Выйдя в заданную точку, вертолет зависал над реактором, экипаж открывал люк и вручную сбрасывал мешки. Попасть внутрь реактора было невероятно трудно: щель, не перекрытая «Еленой», плитой верхней биологической защиты, имела всего пять метров в ширину. Падая, мешки поднимали клубы радиоактивного газа и пыли, которые через открытый люк проникали в грузовую кабину вертолета. После каждого сброса уровень радиации на высоте 110 метров, с которой работали вертолеты, поднимался с 500 до 1800 рентген в час. За день вертолетчики Антошкина произвели 110 вылетов и сбросили в реактор 150 тонн песка. Это было громадное достижение, но Щербина все равно был недоволен.

Когда вечером 27 апреля абсолютно вымотанный Антошкин доложил Щербине о результатах работы, тот и не подумал поблагодарить генерала. Вместо этого председатель правительственной

комиссии накричал на Антошкина с Шашариным и отстранил Шашарина от руководства погрузкой песка. Щербина требовал совершать больше вылетов и сбрасывать больше песка. В ответ на его требование украинские инженеры в считанные дни разработали специальное устройство для подвески груза, за которое к вертолету крепился парашют, наполненный мешками с песком. Благодаря этому устройству (всего их было выпущено 30 000 штук) пилот мог сбрасывать мешки, не открывая люка и не подвергаясь воздействию радиоактивного газа и пыли. Это и еще одно усовершенствование — защита кабины летчика свинцовыми листами — спасли много жизней. Тем не менее задача перед вертолетчиками стояла практически невыполнимая. Из-за того что щель, ведущая к ядру реактора, была такой узкой, внутрь попадало не больше 20 процентов сбрасываемого груза [4].

Однако самой большой проблемой была радиация. Вертолетчики не сразу, но довольно быстро — и не только благодаря дозиметрам — поняли, под какое мощное облучение они попадают в районе четвертого энергоблока. «Погода была прекрасная, светило солнце, все расцветало, возрождалось. А рядом — ворона, которая не может взлететь — обессилела, — вспоминает вертолетчик Валерий Шмаков. — Тут-то мы и поняли, что дело серьезное». У многих его сослуживцев началась рвота, у кого-то появился ядерный загар. Сам Шмаков постоянно ощущал сильную усталость — этот симптом радиоактивного поражения отмечался у многих из тех, кто оказался в Припяти сразу после взрыва. В какой-то момент Шмаков и другие вертолетчики решили, что обречены. «Когда мы уже совершали полеты над реактором и заходили на дезактивацию, где обрабатывали технику и одежду специальным составом, между собой обсуждали, что полеты действительно опасны — может, нам взять весь удар на себя, стать, так сказать, смертниками, раз мы уже ввязались в это», — вспоминал Шмаков [5].

У первых вертолетчиков, летавших к реактору, в том числе и у генерала Антошкина, не было никаких средств индивидуальной защиты. Считалось, что каждый раз вертолет зависает над кратером ядерного вулкана приблизительно на четыре минуты; за это время члены экипажа получали дозу от 20 до 80 рентген, то есть после вылета их надо было немедленно отправлять в больницу. В реальности они летали снова и снова, получая громадные дозы радиации.

Полученные пилотами дозы рассчитывались исходя из радиоактивности их одежды, а не уровня радиации в воздухе над реактором. Когда в начале мая «бомбардировки» реактора прекратились, ни одного из пилотов, совершавших первые вылеты, уже не было в строю. Большинство из них проходили обследование или лежали в киевских больницах с лучевой болезнью [6].

Борис Щербина распорядился засыпать реактор песком, и реактор засыпали. Но насколько верным было это распоряжение? Щербина отдал его, послушавшись своего главного научного советника Валерия Легасова. Но что, если Легасов и поддержавшие его ученые ошибались? Некоторые коллеги Легасова по московскому Институту атомной энергии считали, что он был в корне неправ. Ведь никто не знал, что стало причиной первого и последующих взрывов, неизвестно было, что происходит внутри реактора. Не выйдет ли так, что запечатавшая реактор гора песка, спровоцирует новый взрыв, а не потушит пожар, вызванный первым?

Поздно вечером 27 апреля Шашарин, только что снятый с работ по загрузке мешков с песком, собрал ведущих ученых, в том числе и Легасова, чтобы обсудить ситуацию. «Первый вопрос, который всех нас волновал, был вопрос о том, работает или не работает реактор или часть его, то есть продолжается ли процесс наработки короткоживущих радиоактивных изотопов», — вспоминал Легасов. Для этого было необходимо произвести замеры в непосредственной близости от реактора. На бронетранспортере, оборудованном датчиками нейтронного и гамма-излучения, ученые подъехали практически вплотную к четвертому энергоблоку. Полученные результаты обескураживали: датчики показали наличие мощного нейтронного излучения. Это могло означать, что реактор продолжает работать, то есть возможен еще один взрыв, гораздо более мощный, чем тот, что разрушил четвертый энергоблок и заставил правительственную комиссию распорядиться об эвакуации Припяти. Этот новый взрыв мог не только полностью разрушить Чернобыльскую АЭС, но и привести к образованию облака, способного залить радиоактивным дождем значительную часть Европы.

Чтобы лучше уяснить картину, Легасов сам сел в бронетранспортер и подъехал к реактору. Тут он понял, что датчик нейтронного излучения, показания которого дали основания судить о

происходящем внутри реактора, находится под воздействием мощных гамма-полей и поэтому неработоспособен. Тогда Легасов предложил другой метод оценки радиоактивности в реакторе. «Наиболее достоверная информация о состоянии реактора была нами получена по соотношению коротко и долго живущих изотопов йода 134 и 131 и путем радиохимических измерений, позволивших довольно быстро убедиться в том, что наработки короткоживущих изотопов йода не происходит и, следовательно, реактор не работает и находится в подкритическом состоянии», — вспоминал Легасов. Это была хорошая новость. Комиссия доложила в Москву, что, по полученным данным, интенсивность нейтронного потока составляет двадцать нейтронов на квадратный сантиметр в секунду. «Правда, измеряли с расстояния и сквозь бетон, — уточнял Шашарин. — Какова же была подлинная плотность нейтронов — неизвестно» [7].

Следующей важной задачей было удержать температуру горящего в реакторе графита на уровне, при котором не происходило бы дополнительных выбросов радиации. Легасов предложил предохранить реактор от «перегрева», забросав его свинцом и соединениями бора, химического элемента, эффективно поглощающего нейтроны. Но сначала надо было убедить в своей правоте начальство в Припяти и Москве, а затем раздобыть достаточное количество свинца (солидный запас карбида бора обнаружился на складе электростанции). Московские начальники, в особенности директор Института атомной энергии и президент Академии наук СССР Анатолий Александров, не спешили поддержать предложение Легасова. Так, Александров предложил вместо бора использовать глину. Щербина постановил применять все вместе — бор, глину и свинец — и спросил у Легасова, сколько каждой из этих субстанций понадобится. Легасов запросил 2000 тонн свинца, добавив, что этого количества может не хватить. Щербина заказал 6000 тонн. Громадный объем Щербину не смущал — в его распоряжении была вся советская экономика [8].

Теперь вертолетчикам, помимо песка, предстояло сбрасывать в реактор глину, бор и свинец. Песок должен был потушить горящий графит, свинец — понизить температуру горящего графита, а глина и бор — предотвратить возникновение цепной реакции. Так считала комиссия во главе с Щербиной. Однако некоторые ученые пытались убедить Легасова, что при разрушенных

топливных каналах цепная реакция теоретически невозможна и что кроме горения графита в реакторе ничего не происходит — следовательно, вводить в него бор не нужно. Валентин Федуленко, главный в Курчатовском институте специалист по РБМК, прибывший в Припять вечером 27 апреля, был убежден, что ни песок, ни глина, ни свинец не нужны.

Один из создателей РБМК Анатолий Александров направил Федуленко в Припять, чтобы он консультировал Легасова, который по специальности был химиком, а не физиком и никогда не имел дела с такими реакторами. Вечером 27 апреля, сразу после приезда в Припять, Федуленко посетил Константина Полушкина, который первым из ученых увидел реактор с воздуха и пришел к выводу, что тот разрушен. Федуленко и еще нескольким коллегам Полушкин показал видео, снятое им с вертолета. На нем было видно, что массивная защитная плита «Елена» по-прежнему сильно перекрывает жерло реактора, крайне затрудняя попадание в реактор грузов, сбрасываемых с вертолетов.

Федуленко считал выбранную с подачи Легасова стратегию не просто бесполезной, но и прямо вредной. Большая часть груза, который с огромным риском для жизни и здоровья сбрасывали вертолетчики, падала мимо реактора, а каждое удачное попадание вызывало маленький взрыв и повышение уровня радиации. «Через секунду над разрушенным блоком поднялся черный гриб топливо-графитовой пыли и гари (точь-в-точь как гриб атомного взрыва, только миниатюрный и очень черный), — описывает Федуленко увиденное после очередного сброса. — Шляпа черного зловещего гриба за 3–4 секунды достигла высоты примерно двух третей вентиляционной трубы и, со сдвигом в сторону от станции, стала оседать вниз черными косматыми, тяжелыми струями, похожими на дождь из тучи на фоне серого неба. Через 10–12 секунд гриб исчез, небо очистилось. Ветер снес тучу-гриб не в нашу сторону» [9].

Федуленко высказывался против продолжения бомбардировок реактора, но Легасова его доводы не убедили. «Да, активность после начала сброса песка и прочего резко полезла вверх. Но скорее это временно, — возразил он, а разговор завершил фразой: — Нас не поймут, если мы ничего не будем делать». Кроме всего прочего, «бомбардировка» реактора была одобрена на самом высоком уровне. Советское руководство больше волновало не распространение радиации

при сбросе грузов, а опасность нового взрыва. Именно о ней в ночь на 27 апреля спрашивал ученых Владимир Долгих, секретарь ЦК КПСС, отвечавший за энергетический сектор [10].

Утром 28 апреля Долгих информировал Михаила Горбачева и членов политбюро о том, что четвертый энергоблок разрушен взрывом и что для предотвращения радиоактивных выбросов ведется засыпка реактора песком, глиной, свинцом и бором. «Мешки с песком и бором забрасываются с воздуха?» — спросил Горбачев. Долгих, отвечая, привел сильно заниженные цифры: «С вертолетов. Заброшено шестьдесят мешков. Нужно 1800. Но полеты вертолетов тоже небезопасны». Он, видимо, располагал только данными на середину предыдущего дня. Когда Горбачев спросил у начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршала Ахромеева, что, по его мнению, нужно делать, тот ответил: «Реально только забрасывание реактора мешками с песком и бором» [11].

Борис Щербина делал все возможное, чтобы как можно скорее засыпать реактор. С каждым днем вертолеты сбрасывали на него все больше песка, свинца и бора: 28 апреля было сброшено 300 тонн, 29 апреля — 750 тонн, 30 апреля — 1500 тонн. Пик пришелся на 1 мая, когда на реактор сбросили 1900 тонн груза. После этого сбросы были сокращены из опасения, что бетонные конструкции не выдержат и реактор провалится в бассейн-барботер, вызвав радиоактивное заражение грунтовых вод. Всего на реактор было сброшено почти 5000 тонн сыпучих материалов, в основном песка. В подреакторное пространство он не провалился только чудом [12].

Не напрасны ли были жертвы, принесенные пилотами вертолетов? Легасов считал, что не напрасны. Уровень радиации в районе реактора снижался. По более поздним оценкам, 25 процентов общей суммы радиации было выброшено в течение первых суток после взрыва. С 26 апреля по 2 мая интенсивность радиационных выбросов снизилась в шесть раз. Легасов был убежден, что снижение обусловлено мерами, принятыми комиссией, и в первую очередь «бомбардировкой» реактора песком и другими материалами [13].

Впрочем, для большинства жителей Украины, Белоруссии и западных областей России это относительное улучшение, вероятно, ничего не изменило. За те дни, что вертолетчики

забрасывали реактор, ветер, сначала относивший радиоактивное облако к северу и западу, переменился и понес его на юго-восток, подвергая радиационному заражению новые территории. Частей химической защиты не хватало, они не справлялись со стремительно ухудшавшейся ситуацией. (Командовавший ими генерал-полковник Владимир Пикалов прибыл в Припять сразу после аварии; он отвечал за измерение уровней радиоактивности и определение зон радиоактивного поражения [14].)

28 апреля, на следующий день после эвакуации Припяти, правительственная комиссия во главе с Борисом Щербиной приняла поддержанное Москвой решение создать вокруг станции десятикилометровую зону отчуждения и переселить из нее всех жителей. Комиссия также решила выехать из Припяти, где повышался уровень радиоактивности. Члены комиссии, работники АЭС (около 5000 человек, оставшихся в городе, чтобы обеспечить безопасную остановку неповрежденных реакторов), а также командированные из других мест сотрудники милиции и военные не имели необходимого снаряжения для работы при таком высоком уровне радиации.

Респираторов было мало, дозиметров не хватало, а у тех, что имелись в наличии, зачастую не оказывалось аккумуляторов. Таблетки йодистого калия было трудно достать, да и завезли их в город с опозданием, когда у жителей Припяти уже накопилось огромное количество радиоактивного йода в щитовидных железах. Нигде не было никаких знаков, предупреждающих о высоком уровне радиации, а среди самых зараженных мест оказались кабинеты начальства: ковровые дорожки в коридорах и кабинетах вобрали много радиоактивной пыли. В городском отделе милиции только на четвертый день вычислили источник повышенной радиации и вынесли дорожки из помещения [15].

Физики, прилетевшие из Москвы разбираться с последствиями аварии, прекрасно понимали, насколько опасна радиация, но все равно часто пренебрегали мерами защиты. В поведении тех, кто работал в Припяти после аварии, вообще было много лишней бравады. «Молодые ребята (смена) на площадке курят, болтают, — пишет Федуленко, рассказывая об одной из своих вылазок в окрестности реактора. — Пролетел вертолет. На подвеске сетка с грузом. Высота небольшая, все видно. Завис над разрушенным блоком. Сбросил груз. Улетел. Толпа на открытой площадке

спокойна. Лица веселые, ни на одном даже нет „лепестка“. Тут я нащупал в кармане свои „лепестки“, вспомнил! Надевать как-то неловко, у всех физиономии-то открыты». Единственной преградой между Федуленко и находившимся в паре сотен метров реактором была бетонная стена соседнего здания [16].

Уровень радиации в Припяти колебался вокруг значения 1 рентген в час. По принятым позднее нормативам при таком уровне сотрудникам милиции запрещалось находиться в зоне радиоактивного заражения больше двадцати часов. Члены правительственной комиссии провели в Припяти почти трое суток. В конце концов им, как и всем остальным, кто еще не покинул город, велели перебазироваться в более безопасное место [17].

В отличие от эвакуированных 27 апреля, они понимали, что, скорее всего, покидают Припять не на три дня, а навсегда. Валентину Федуленко глубоко в душу запала сцена, которую он наблюдал по пути из эпицентра заражения. «По дороге остановились около места, где набивали песком бумажные мешки для сбрасывания в шахту реактора четвертого блока, — вспоминает он. — О чем-то беседовали руководители работ. Поразила картина, которая долго еще будет перед глазами… На фоне туманной громады станции вдали домики небольшой деревни в полукилометре от нас. За заборчиком ходит пахарь за плугом с лошадью впереди. Обрабатывает приусадебный участок. Сельская идиллия на радиоактивном поле» [18].

Прежде чем покинуть город, последние обитатели Припяти простились с Владимиром Шашенком, первой известной жертвой чернобыльской аварии. В ходе испытания турбины он следил за датчиками главных технологических систем энергоблока, когда взрывом порвало трубы с паром и кипящей водой. Около шести утра 26 апреля он умер от тяжелых ожогов. Когда Шашенка привезли в санчасть, где медсестрой работала его жена, он из последних сил просил всех держаться подальше, потому что прибыл из реакторного отделения. Автобуса, чтобы вести тело Шашенка на кладбище, атомная станция предоставить не могла. Тогда Александр Эсаулов совершил один из своих последних поступков в качестве зампреда Припятского горисполкома — реквизировал проезжавший мимо автобус и обеспечил погибшему достойные похороны [19].

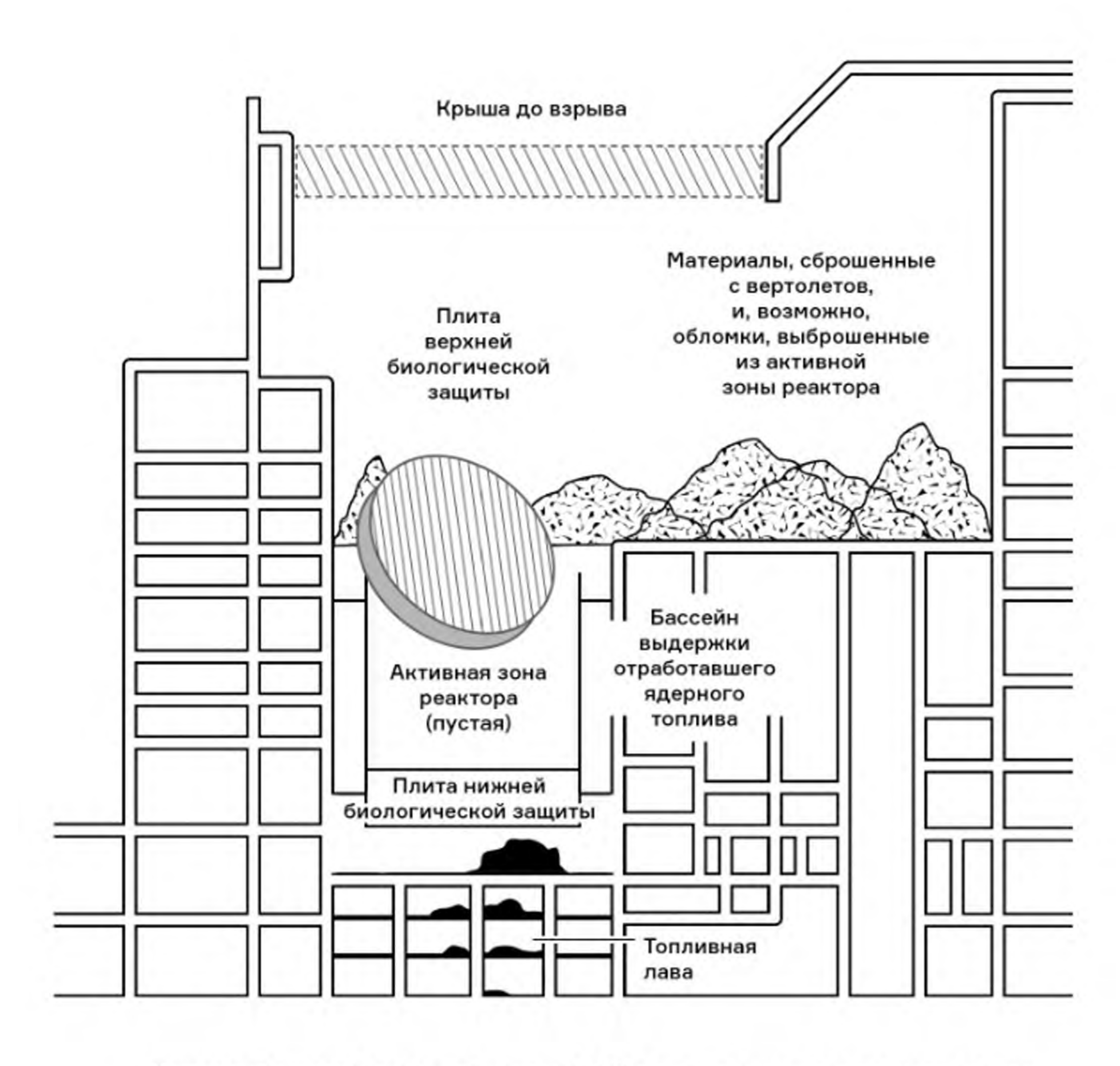
Эвакуированных из Припяти членов правительственной комиссии и экспертов разместили в пионерском лагере «Сказочный», расположенном в 35 километрах южнее города. В самом лагере и в радиоактивной обстановке вокруг ничего сказочного, впрочем, не было. На следующий день после заселения членов комиссии уровень радиации на территории «Сказочного» начал расти. Но 1300 микрорентген в час он не превышал. Такой уровень считался «хорошим» в сравнении 1 рентгеном в час в самой Припяти [20].

Вслед за правительственной комиссией область радиационного заражения тянулась на юг, все ближе к Киеву.

28 апреля председатель Президиума Верховного Совета УССР Валентина Шевченко совершила поездку по районам на севере Киевской области, где временно размещали жителей Припяти. Она сделала это исключительно по собственной инициативе, не посоветовавшись с первым сектерарем ЦК КУ Владимиром Щербицким. «Я чувствовала, что случилась беда, но никто в первые дни всей ее опасности не понимал. Меня волновало, как приняли такое количество припятчан, в чем они теперь нуждаются. Поэтому рано утром 28 апреля я выехала в сторону Чернобыля», — рассказывает Шевченко. На месте она увидела, что эвакуированные расселены по школам, общественным зданиям и домам колхозников. Люди среди них были самые разные. Многие горожане чувствовали себя в деревне неуютно, но тем не менее рабочие места нашлись для всех. В том числе и для бывшей первой леди Припяти, жены директора АЭС Валентины Брюхановой [21].

Припятскую журналистку Любовь Ковалевскую, опубликовавшую в марте статью о нарушениях на строительстве Чернобыльской АЭС, поселили в селе Максимовичи неподалеку от райцентра, поселка городского типа Полесское. Но скоро выяснилось, что там тоже повышенная радиация. Эвакуированным было велено снова садиться в автобусы, причем первыми сажали беременных и детей. При проверке дозиметристами оказалось, что все они уже заражены. «Представь себе состояние матери, — рассказывает Ковалевская, — которая пришла к дозиметристу, а он у ребенка меряет башмачки: „Грязные“. Штанишки „грязные“, волосы —

„грязные“». Дальнейшая эвакуация производилась впопыхах, из-за чего часто оказывались разделенными семьи: детей могли отвезти в одно село, а родителей и деда с бабкой — в другое. Через громкоговорители, укрепленные на столбах на сельских площадях, передавали новости и объявления. Чаще всего — о родителях, которые разыскивают потерянных детей [22].

Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС в первые дни и недели после взрыва

Валентина Шевченко обратила внимание, что эвакуированные были скорее растеряны, чем напуганы. Многие сравнивали новую напасть с немецкой оккупацией во время Второй мировой войны и находили, что тогда было гораздо опаснее. «Я ходила по дворам, разговаривала с людьми, интересовалась, как приняли эвакуированных, — рассказывает Шевченко. — Люди были спокойны, надеялись, что вот-вот вернутся в родные дома. Все мне говорили: „Да какая тут опасность? Когда немец был — вот то была опасность. А сейчас? Солнце, тепло, огороды сажать надо“». Шевченко, хоть и была высокопоставленным чиновником, не располагала достоверной информацией об истинном положении вещей и думала примерно так же. Они с водителем перекусили на свежем воздухе и отведали деревенских угощений.

Опасность радиации Валентина Шевченко осознала поздно вечером, когда ее машину на подъезде к Киеву остановили дозиметристы. Радиационный пост, которого утром еще не было, проверял все проезжающие машины. Оказалось, что босоножки Шевченко «очень светятся» и их надо оставить на посту. Хорошо еще, что в машине у нее всегда лежали тапочки, а то бы главе украинского парламента пришлось ехать домой босиком. На следующий день замеры показали, что уровень радиации в Киеве достигает 100 микрорентген в час, что в пять раз выше нормы. И это было только начало [23].

Часть IV

Невидимый враг

Глава 11
Мертвая тишина

Что происходит в Припяти, остается в Припяти. Этого принципа в Советском Союзе придерживались как до Чернобыльской аварии, так и после нее. При том что из Припяти были эвакуированы десятки тысяч людей, советское руководство не стало сообщать о случившемся ни собственным гражданам, ни остальному миру. Ни телевидение, ни радио, ни газеты, даже украинские, ни словом ни обмолвились об аварии.

Кремлю неплохо удавалось сохранять в тайне предыдущие атомные аварии, умалчивая о случаях радиационного загрязнения и той опасности, которую оно несло населению СССР и других стран. Так было, например, с аварией, случившейся 29 сентября 1957 года в закрытом городе Челябинск-40 на Южном Урале, впоследствии переименованном в Озерск. (Аварию назвали Кыштымской по имени близлежащего незасекреченного города.) На химкомбинате «Маяк», первом советском предприятии по производству оружейного плутония, взорвалась подземная емкость с высокорадиоактивными отходами. Мощным взрывом с емкости сорвало железобетонное перекрытие весом 160 тонн и выбросило в атмосферу около 20 миллионов кюри радиоактивных веществ. Власти были вынуждены выселить из зоны поражения 12 000 человек, в основном жителей двадцати трех деревень, признанных непригодными для проживания. Дома и сельскохозяйственный инвентарь были захоронены в вырытых тут же траншеях, а на территории, наиболее пострадавшей от радиации, была создана зона отчуждения.

Отказавшись раскрыть информацию о взрыве на «Маяке», советское руководство поставило под угрозу жизни сотен тысяч граждан страны, которые продолжали жить как ни в чем не бывало и не пытались обезопасить себя от последствий аварии. Хотя радиоактивное облако не пересекло советских границ, утаить от остального мира столь мощный выброс радиации было невозможно. Американцы знали об аварии, но решили не использовать ее для пропаганды в рамках холодной войны. В том, чтобы не афишировать факт аварии, были заинтересованы обе

противоборствующие стороны: ни та ни другая не хотела пугать собственное население и настраивать его против использования АЭС как источников дешевой электроэнергии [1].

При ликвидации последствий Чернобыльской аварии советские власти во многом опирались на челябинский опыт: бросили на передний край солдат-срочников; захоронили загрязненное оборудование и верхние слои почвы; организовали массовую эвакуацию населения и срочную медицинскую помощь большому числу пациентов с симптомами лучевой болезни; создали зону отчуждения. После аварии 1957 года это делалось впервые. Тогда борьбой с последствиями катастрофы занимался Ефим Славский, молодой министр атомной промышленности. Когда грянет Чернобыль, его призовут вновь.

Замалчивая на первых порах Чернобыльскую аварию, власти тоже действовали по челябинской модели. Опыт «Маяка» научил руководителей страны и их подчиненных в Москве и Киеве не только тому, как преодолевать последствия ядерной катастрофы, но и как говорить — а вернее, молчать — о случившемся. Все связанное с атомной программой в СССР традиционно держалось в строгом секрете. Кроме того, стране, гордившейся первой в мире АЭС и успехами в области мирного атома (с которым якобы не ладилось у США и других капиталистических стран), было тяжело признавать свое поражение. И наконец, были велики опасения вызвать панику и в итоге не суметь мобилизовать необходимые ресурсы. Все это вместе обусловило оглушительное молчание властей в первые дни после аварии.

Но на сей раз пресечь распространение информации оказалось гораздо труднее. Если при аварии на комбинате «Маяк» в атмосферу было выброшено 20 миллионов кюри радиации, то при взрыве чернобыльского реактора — как минимум 50 миллионов кюри. Кроме того, Челябинск-40 расположен в глубине территории Советского Союза, а Чернобыль — вблизи его западных границ, откуда ветер быстро донес радиацию, а вместе с ней и весть об аварии до стран Северной и Центральной Европы. Авторы генерального плана, по которому в начале 1970-х годов строилась Припять, отмечали, что на месте будущего города преобладают восточные и юго-восточные ветры. Это обстоятельство серьезнейшим образом повлияло на развитие событий в первые два дня. Вечером 26 апреля поднялся юго-восточный ветер, и радиоактивный шлейф распространился

на Белоруссию, затем на Литву, после чего через Балтийское море протянулся на территорию Швеции, Финляндии и Дании [2].

Первыми тревогу забили сотрудники атомной электростанции Форсмарк, расположенной в центральной части восточного побережья Швеции более чем в тысяче километров от Чернобыля. Около семи утра 28 апреля детектор радиации среагировал на дозиметриста Клиффа Робинсона, о котором речь шла в начале книги. К полудню шведы эвакуировали всех работников АЭС Форсмарк и проверили уровень радиации на других своих атомных станциях — он везде оказался выше нормы. Вскоре шведские специалисты-атомщики установили, что радиацию принесло ветром из-за Балтийского моря. Шведские дипломаты обратились за разъяснениями к трем советским ведомствам, имеющим отношение к атомной энергетике, но никаких разъяснений не получили. Шведы начали терять терпение. Министр охраны окружающей среды Биргитта Даль официально заявила, что сокрытие информации об утечке радиоактивных веществ нарушает существующие соглашения и нормы международного права. В отличие от 1957 года, советским лидерам не удалось ничего утаить. Тайна выплыла наружу, и назревал международный скандал [3].

В 9 часов вечера 28 апреля, почти через трое суток после аварии и больше чем через двенадцать часов после того, как в Швеции было отмечено повышение радиации, советские средства массовой информации наконец прервали молчание. Диктор вечерней информационной программы «Время» казенным голосом зачитала краткое сообщение ТАСС: «На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия». Короче говоря, ситуация как будто находилась под контролем. О повышенном уровне радиации и эвакуации Припяти не было сказано ни слова. В советских газетах ни в тот день, ни на следующий об аварии не упоминалось [4].

Но даже такое скупое сообщение нелегко далось кремлевскому руководству. Решение раскрыть ограниченную информацию об аварии было принято только утром 28 апреля после

долгой дискуссии на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Через несколько часов после того, как шведы зарегистрировали повышенный уровень радиации, Владимир Долгих, курировавший энергетику секретарь ЦК, вкратце доложил о ситуации Горбачеву и другим членам политбюро. Он сообщил, что четвертый энергоблок надо засыпать и что в кратер реактора уже сбрасываются мешки с песком, красной глиной и свинцом. Члены политбюро неохотно согласились, что забросать реактор — единственный действенный способ остановить распространение радиации. Причина аварии тем временем оставалась неизвестной. В качестве рабочей гипотезы рассматривался взрыв водорода, но насколько она верна, было непонятно. «Это пока гадание», — заметил Горбачев. Долгих также рассказал, что сто тридцать человек госпитализированы с лучевой болезнью и что эвакуированным из Припяти подыскивается работа в новых местах проживания. Забота о вынужденных переселенцах возлагалась на местные власти. «По нашей линии пока ничего тревожного нет. Население спокойно, — заверил собравшихся председатель КГБ Виктор Чебриков. — Но нужно учитывать, что об аварии пока знает узкий круг людей».

Когда Горбачев задал ключевой вопрос: «Как мы поступим с информацией?», первым ответил Долгих: «Надо закончить локализацию очага радиации». Но Горбачев не соглашался ждать: «Надо быстрее дать сообщение, тянуть нельзя. Следует сказать о том, что был взрыв, принимаются необходимые меры по локализации его последствий». Горбачева сразу поддержал Егор Лигачев, на тот момент его ближайший соратник (впоследствии он возглавит консервативную оппозицию прогрессивному генеральному секретарю). Согласился с Горбачевым и либерал Александр Яковлев: «Чем скорее мы сообщим об этом, тем будет лучше». Его примеру последовали и остальные члены политбюро. У заведующего международным отделом ЦК Анатолия Добрынина, до того много лет прослужившего послом в США, имелись свои соображения, чтобы поддержать Горбачева: «Американцы все равно засекут факт взрыва и распространения радиоактивного облака», — сказал он.

Андрей Громыко, бывший министр иностранных дел и начальник Добрынина, теперь занимавший по большей части церемониальную должность председателя Президиума Верховного

Совета СССР, не возражал против предложения Горбачева, но призвал коллег к осторожности. «Сообщение нужно составить так, — сказал он, — чтобы не вызвать излишней тревоги и паники». Несколько минут спустя он высказал еще одну мысль: «Может быть, следует специально проинформировать о случившемся друзей? Они же у нас покупают оборудование для АЭС». Проявилась советская привычка раскрывать информацию выборочно: во всей полноте ею обладали только члены политбюро, которые, дозированно и по-разному расставляя акценты, делились ею сначала с «друзьями» из социалистического лагеря, затем с «врагами» из стран Запада и в самую последнюю очередь — с советским народом. Но Горбачев решил действовать по-другому. «Сначала нам нужно проинформировать свою общественность», — ответил он Громыко.

Обсуждая, сообщать ли об аварии всему миру, члены политбюро полагали, что радиоактивное заражение коснулось только советской территории, а потому является сугубо внутренним делом Советского Союза. Долгих заявил: «На расстоянии 60 километров распространилось радиоактивное облако». Глава правительства Рыжков уточнил, что оно дошло до Вильнюса, а начальник советского генерального штаба маршал Ахромеев оценил площадь распространения радиации в 600 квадратных километров. На самом же деле радиационное заражение уже поразило соседние страны [5].

Вечером 28 апреля, когда диктор советской телепрограммы зачитала первое скупое сообщение об аварии, уже вовсю разгорался международный скандал. То, в чем нехотя признались власти, уже было известно и правительствам западных стран, и, благодаря стремительно распространявшимся слухам, значительной части советского населения. Позднее Горбачев оправдывался тем, что на тот момент ни он, ни члены политбюро не располагали необходимой информацией. «Отвожу решительно обвинение в том, что советское руководство намеренно утаивало всю правду о Чернобыле, — пишет он в своих мемуарах. — Просто мы тогда ее еще не знали». В действительности руководителям Советского Союза было известно достаточно много. Но даже те из них, кто, подобно Горбачеву и Рыжкову, был готов порвать с советской традицией секретности, опасались потерять контроль над ситуацией. «И что я должен

был сказать стране? — позже спрашивал интервьюера Рыжков. — Ребята, взорвался реактор, радиация вокруг зашкаливает, спасайся кто может?» [6]

29 апреля, на следующий день после официального сообщения о Чернобыльской аварии, самолет компании Pan American с послом США на борту приземлился в Москве, а самолет «Аэрофлота» — в вашингтонском аэропорту Даллес. Это было знаменательное событие. Ранее, в декабре 1981 года, по инициативе администрации Рейгана прямое авиасообщение между США и СССР было прекращено в знак протеста против введения военного положения в Польше. Теперь оно наконец возобновилось в результате договоренности, достигнутой в ходе первой встречи Рейгана и Горбачева, которая состоялась в Женеве в ноябре 1985-го. На ней лидеры двух стран, присмотревшись друг к другу, решили, что принципиальные идеологические и мировоззренческие расхождения не должны мешать американо-советскому сотрудничеству [7].

Советскую делегацию, прибывшую рейсом «Аэрофлота», возглавлял заместитель министра гражданской авиации. В выступлении перед американскими журналистами он выразил надежду, что возобновление прямого авиасообщения будет способствовать развитию сотрудничества между двумя странами. Но значительно больше, чем перспективы межгосударственных отношений, журналистов интересовала Чернобыльская авария. Они хотели знать о масштабах катастрофы и о количестве жертв. Советский представитель растерялся: об аварии он знал гораздо меньше журналистов [8].

В тот же день в Америке было опубликовано первое сообщение, содержащее конкретные сведения об атомной аварии в Советском Союзе. «Масштаб происшествия, в результате которого в Скандинавию было перенесено существенное количество радиоактивного материала, пока не очень понятен, — писал в газете New York Times московский корреспондент агентства Associated Press Серж Шмеман. — Но, насколько можно судить по краткому сообщению, распространенному агентством ТАСС и зачитанному в вечерних теленовостях, речь идет о крупной аварии. А судя по использованным формулировкам, ситуация на атомной станции остается не вполне контролируемой». Шмеман писал, что скандинавские страны глубоко обеспокоены повышением

уровня радиации. Он отмечал, что Советский Союз заявил об аварии «лишь спустя несколько часов после того, как Швеция, Финляндия и Дания сообщили об аномально высокой радиации в атмосфере над своей территорией» [9].

В тот же день — 29 апреля — советники по международной политике и национальной безопасности уведомили о Чернобыльской аварии президента Рейгана, когда он летел на своем самолете с Гуама на Бали на встречу с министрами иностранных дел Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Президентская администрация срочно создала рабочую группу для мониторинга информации об аварии и ее возможных последствий для США. Курировал группу вице-президент Буш, а непосредственно ее работой руководил Ли Томас, администратор Агентства по охране окружающей среды.

Первая разведсводка ЦРУ по Чернобылю также датируется 29 апреля. В ней аналитики разведслужбы называют Чернобыльскую аварию самой крупной ядерной катастрофой в истории и упоминают слухи о сотнях, а то и тысячах погибших в результате взрыва. В той же сводке разведчики признаются в профессиональной неудаче: до того как шведы сообщили о повышенном уровне радиации и Советский Союз сделал официальное заявление, они не располагали информацией о случившемся. «Мы обеспокоены тем, что в период, предшествовавший сообщению Швеции и почти одновременному с ним официальному заявлению Советского Союза, то есть на протяжении почти трех суток после взрыва, не поступало никаких разведданных о происшествии. Особенно тревожит тот факт, что авария произошла в районе, пристально наблюдаемом НАТО на предмет военных приготовлений противника. В причинах этого предстоит разобраться», — говорится в сводке ЦРУ [10].

На основе данных спутниковой разведки авторы сводки предполагали, что в разрушенном первоначальным взрывом реакторе продолжается горение графита, сопровождаемое выбросом в атмосферу новых порций радиации. Аналитики ЦРУ прогнозировали, что «обширные территории, расположенные с подветренной стороны от источника радиации, придут в упадок в связи с эвакуацией населения, закрытием предприятий и работами по дезактивации». Кроме того, они предсказывали «губительное воздействие радиации на сельское хозяйство, особенно на

производство молочных продуктов», а также «загрязнение источников водоснабжения, в первую очередь Днепра вплоть до Киева». По мнению ЦРУ, сокрытие информации об аварии должно было нанести урон позиции Советов на международной арене: «Своевременно не сообщив об аварии, Советский Союз, по всей видимости, надолго оттолкнет от себя правительства и общественность стран Восточной и Западной Европы. Это заметно ослабит как его позиции на любого рода переговорах — от военно-политических до торговых, — так и эффективность связанных с ними пропагандистских мероприятий» [11].

Первой реакцией администрации Рейгана на известие о Чернобыльской аварии было предложение помощи. 29 апреля американская сторона передала его временному поверенному в делах посольства СССР в Вашингтоне, приглашенному в Государственный департамент обсудить вопросы ядерного разоружения. У советского дипломата запросили дополнительную информацию о случившемся, но он ею не располагал. Это дало Государственному департаменту США первый повод осудить советскую сторону за неготовность делиться важной информацией. «Тянуть с сообщением об аварии и предоставлять лишь обрывочные сведения — все это очень характерно для Советов», — заявил прессе представитель Государственного департамента. Надежд на то, что Советский Союз примет помощь от США, было довольно мало — особенно с учетом неоправданных подозрений, будто Чернобыльская АЭС задействована в военной ядерной программе [12].

На следующий день, 30 апреля, советские дипломаты передали Рейгану послание от Горбачева — он подтверждал, что авария имела место. «Советы сообщают, что из-за утечки радиоактивного материала им пришлось частично эвакуировать население с территорий, непосредственно прилегающих к атомной станции, — говорится в заявлении заместителя пресс-секретаря Белого дома Ларри Спикса. — Они указывают, что радиационная обстановка стабилизировалась и, наконец, что территория к западу, северу и югу от места аварии подверглась радиоактивному загрязнению». Далее в послании утверждается, что уровень загрязнения в этих районах несколько превышает допустимые нормы, но не настолько, чтобы требовались

специальные меры для защиты населения». По словам Спикса, правительство США добивалось от СССР более полной информации [13].

Недостаток достоверной информации о событии, которое американская разведка и СМИ США назвали крупнейшей ядерной катастрофой в мировой истории, очень скоро стал восполняться слухами. Уже 29 апреля московский корреспондент информационного агентства United Press International Джин Лютер Уайтингтон написал, что в результате взрыва 80 человек погибли на месте и еще 2000 — по пути в больницу. Эти цифры ему якобы сообщил по телефону неназванный источник в Киеве. Тот же источник, по словам Уайтингтона, утверждал, что из Припяти эвакуировано от десяти до пятнадцати тысяч человек. Таким образом, количество жертв было сильно преувеличено, а количество эвакуированных — преуменьшено. Тем не менее сообщение UPI с готовностью подхватили многие западные газеты. Эксперты Чикагской торговой палаты тут же сделали ставку на то, что радиация приведет в негодность значительную часть советской сельхозпродукции, и дефицит, возникший не только в СССР, но и в затронутых радиоактивными осадками странах Северной и Восточной Европы, потребует резкого увеличения американского сельскохозяйственного экспорта [14].

Советских эти слухи очень раздражали. Так, Владимир Фронин, журналист из состава делегации, приземлившейся 29 апреля в аэропорту Даллес, огорчился и, возможно, даже испугался, когда увидел, как Чернобыльскую аварию освещают ведущие американские телеканалы. С его точки зрения, это делалось нарочно, чтобы подорвать зарождающееся советско-американское сотрудничество. В опубликованном в советской прессе репортаже об апрельской поездке в США Фронин высмеивает утверждения, будто советские власти скрывали правду от собственных граждан. Враждебное, по его мнению, отношение к СССР со стороны американских средств массовой информации он противопоставляет советской реакции на гибель восьми астронавтов при крушении шаттла «Челленджер» в январе 1986-го: «Вспоминаем „Челленджер“, когда ни в нашей печати, ни в наших сердцах ничего, кроме сочувствия американцам, не было, и становится на душе горько» [15].

Позиция Фронина, как и режима, который он представлял, была уязвимой, поэтому ее приходилось постоянно защищать. Фронин, например, забыл упомянуть, что американцы сразу предложили помощь. При этом в советских средствах массовой информации и пропаганды лапидарное сообщение о Чернобыле сопровождалось бесконечными рассказами об атомных авариях в странах Запада. «Вслед за кратким заявлением о Чернобыльской аварии, — писал в New York Times Серж Шмеман, — ТАСС поведало о множестве инцидентов на американских АЭС, от Три-Майл-Айленд в Пенсильвании до Гинней в штате Нью-Йорк. По утверждению ТАСС, только в 1979 году американские борцы с ядерной угрозой зарегистрировали 2300 аварий и нештатных ситуаций» [16].

30 апреля об аварии наконец написала главная советская газета «Правда» — короткое извещение появилось в подвале второй полосы. Сообщение ТАСС от 28 апреля дополнялось в нем некоторыми новыми подробностями: в качестве руководителя правительственной комиссии был упомянут Борис Щербина; признавался факт эвакуации Припяти, названной, правда, «поселком АЭС»; и конечно, читателей заверяли, что радиационная обстановка находится под постоянным наблюдением. Выдавая дозированную информацию о катастрофе, Горбачев, Рыжков и их коллеги по политбюро пытались, с одной стороны, сохранить доверие мирового сообщества, с другой стороны, опасались потерять контроль над ситуацией в стране и спровоцировать панику в районах, пострадавших от аварии больше других [17].

28 апреля республиканский КГБ докладывал партийному руководству в Киев, что в окрестностях Чернобыльской АЭС растет беспокойство «в связи с распространением, как они полагают, радиации». Особенно острой ситуация была в самом Киеве, расположенном по прямой всего в 100 километрах от аварийной станции. Когда на борьбу с последствиями аварии мобилизовали городские автобусы, специалистов-атомщиков и милицию, по столице поползли тревожные слухи. С появлением в киевских больницах пациентов с симптомами лучевой болезни они усилились. Но власти по-прежнему ничего не сообщали ни о масштабах катастрофы, ни о том, какие меры предосторожности надо принимать. «Город охвачен тревогой, больницы, как

говорят, переполнены, — записывает в дневнике видный украинский писатель Олесь Гончар. — А по радио еще ни слова информации — бодренькая музыка и веселенькие песни» [18].

30 апреля Политбюро ЦК Компартии Украины собралось, чтобы обсудить сложившееся положение. Главным пунктом повестки дня было проведение первомайской демонстрации в центре Киева. Первое мая, наряду с Седьмым ноября — днем Октябрьской революции 1917 года, было важнейшим праздником в советском календаре. Официально именовавшийся Международным днем солидарности трудящихся, праздник вел свое происхождение от массовой забастовки чикагских рабочих, начавшейся 1 мая 1886 года и закончившейся 4 мая расстрелом демонстрации на Хеймаркет-сквер. Эта дата служила напоминанием о международных корнях и притязаниях коммунистической идеологии. Каждый год 1 мая проводились массовые демонстрации. Многие советские люди, не думая о политическом содержании, воспринимали их просто как весенний праздник, повод встретиться с друзьями и коллегами и принять участие в единственной дозволенной властями разновидности публичного собрания.

29 апреля, накануне заседания политбюро, председатель КГБ Украины Степан Муха направил первому секретарю республиканской компартии Владимиру Щербицкому записку, в которой подытожил работу спецслужб в рамках подготовки к важному государственному празднику. Больше всего КГБ опасался проявлений нелояльности режиму, в частности распространения антиправительственных листовок. В период с 21 апреля, сообщает Муха, сотрудники госбезопасности активнее обычного работали с информаторами. КГБ усилил наблюдение за всеми иностранцами в Киеве, которых было более шести тысяч. 38 из них подозревались в шпионаже, 22 — в принадлежности к радикальным исламистским организациям. Среди советских граждан, взятых в преддверии праздника под усиленное наблюдение, в шпионаже подозревались 89 человек, 54 были украинскими националистами, 24 — сионистами, 17 — религиозными диссидентами (в основном протестантами), 6 — крымско-татарскими активистами, а 223 — душевнобольными. Кроме того, КГБ расследовал версию, согласно которой причиной Чернобыльской аварии послужила диверсия, и усилил надзор за остальными атомными электростанциями, а также за районами, непосредственно прилегающими к Чернобылю. Особое

внимание уделялось «недопущению распространения панических слухов и тенденциозной информации» [19].

На политическом фронте все было под контролем. Но распространению радиации КГБ помешать не мог. Стоит ли вообще проводить первомайскую демонстрацию, при том что ветер переменился и фронт радиоактивного заражения приближается к Киеву? Таков был главный вопрос, стоявший перед украинским руководством 28 апреля. КГБ докладывал, что уровень радиации в Киеве составляет менее 20 микрорентген в час, то есть находится в пределах нормы. Но уже на следующий день радиация достигла 100 микрорентген в час. Руководители республики пребывали в растерянности — они толком не знали, как понимать эти цифры. На докладе КГБ об уровне радиации Щербицкий написал: «Что это означает?» [20]

Московское начальство полагало, что «это» ничего особенного не означает, или, скорее, означает, что радиация в Киеве более или менее в норме. Как вспоминает Валентина Шевченко, в то время председатель Президиума Верховного Совета Украины, перед заседанием политбюро украинское руководство получило приказ из Москвы ни в коем случае не отменять демонстрацию. Празднование Первомая должно было показать всему миру, что в Киеве все спокойно, людям ничего не угрожает и они чувствуют себя в полной безопасности, а сообщения западных средств массовой информации о громадных разрушениях и тысячах жертв аварии — не что иное, как враждебная пропаганда. Увидев счастливые лица киевлян, шагающих по центральным улицам города, весь мир поймет, что ситуация под контролем [21].

Обсудив вопрос между собой и выслушав специалистов, украинские руководители постановили демонстрацию не отменять, но сократить ее продолжительность и количество участников. Обычно от каждого из десяти районов Киева в демонстрации участвовало от 4000 до 4500 человек. На сей раз было решено, что от каждого района будет не больше 2000 участников, причем исключительно из числа молодежи. Помимо этого, Щербицкий потребовал, чтобы члены политбюро и руководители города вышли на демонстрацию со своими семьями, в том числе с детьми и внуками, чтобы показать киевлянам, что им нечего опасаться [22].

1 мая газета «Правда», как всегда в этот день, вышла с лозунгом на первой полосе: «Да здравствует 1 мая, День международной солидарности трудящихся!» А в подвал второй полосы было спрятано официальное сообщение о развитии ситуации в Чернобыле и вокруг. Из заметки следовало, что ситуация улучшается. А еще в ней содержались упреки в адрес Запада, который стремится посеять панику в стране: «Некоторые агентства на Западе распространяют слухи о том, что якобы при аварии на АЭС погибли тысячи людей. Как уже сообщалось, фактически погибли два человека, госпитализировано всего 197; из них 49 покинули госпиталь после обследования. Работа предприятий, колхозов, совхозов и учреждений идет нормально» [23].

Формально цифры, приведенные в «Правде», были правильными. Пожарные и операторы станции, больше всех пострадавшие от взрыва и радиоактивного выброса, продолжали бороться за жизнь в московских и киевских больницах, а средне- и долгосрочные последствия катастрофы еще не были ясны. Руководство Советского Союза явно пыталось играть более активную роль в информационной войне, не раскрывая при этом лишних сведений о происходящем. Поэтому 1 мая оперативная группа Политбюро ЦК КПСС, возглавляемая Рыжковым, приняла резолюцию: «Направить в районы, прилегающие к зоне размещения Чернобыльской АЭС, группу советских корреспондентов с целью подготовки материалов для печати и телевидения, свидетельствующих о нормальной жизнедеятельности этих районов» [24].

Тем временем радиация в Киеве достигла опасных значений. По данным украинского Института ядерных исследований, уровень гамма-излучения в Киеве начал быстро расти утром 30 апреля. К полудню он достиг 1700 микрорентген в час, по одним данным, и от 1,5 до 3 миллирентген, по другим, но затем начал снижаться. В шесть вечера, когда закончилось заседание украинского политбюро, он упал до 500 микрорентген в час. Это был обнадеживающий признак. Всю ночь уровень радиации держался на одном уровне, но в восемь утра 1 мая, как раз когда люди начали собираться в центре Киева, снова был зарегистрирован его быстрый рост. Назревала катастрофа.

Особенно быстро радиация росла в районе Крещатика, главной улицы Киева, по которой должна была двигаться первомайская демонстрация. Крещатик проходит по ложбине между

двумя холмами. «Угроза для всех участников демонстрации была очень серьезной, — рассказывал председатель киевского горисполкома Валентин Згурский. — Воздушные радиоактивные потоки со стороны Днепра шли прямо на Крещатик». В начале десятого члены политбюро и отцы города собрались возле монумента Октябрьской революции на главной площади города ближе к концу Крещатика. Они дожидались Владимира Щербицкого — по неписаным правилам, только первый секретарь республиканской компартии мог дать сигнал к началу демонстрации. Радиация тем временем достигла уровня 2500 микрорентген в час, самого высокого зарегистрированного в тот день. Щербицкий все не появлялся [25].

Было уже почти десять, когда лимузин Щербицкого подлетел к площади и остановился около сооруженных к празднику трибун. Из него с бранью выскочил Щербицкий. «Я ему говорю, что нельзя проводить парад на Крещатике, — передает его слова Згурский. — Это не Красная площадь, это яр, здесь скапливается радиация! А он мне: я тебя сгною, попробуй только не провести!» Как рассказывала позднее жена Щербицкого Рада, Горбачев угрожал украинскому партийному лидеру исключением из партии. «Если не проведешь демонстрацию, то можешь распрощаться с партией», — говорил он Щербицкому накануне. «Да черт с ним, пойдемте открывать парад», — сказал Щербицкий. Он не уточнил, кого имеет в виду, но мало кто сомневался, что речь о Горбачеве [26].

Начальство поднялось на трибуну, Щербицкий занял место посередине. Слева от него встала председатель Президиума Верховного Совета республики Валентина Шевченко, справа — глава республиканского правительства Александр Ляшко. «Все стояли с непокрытыми головами, — вспоминает Ляшко. — В колонне демонстрантов шли мои внуки, супруга с другими женами руководства находилась на гостевой трибуне. На тот момент ведь никто из нас не обладал всей информацией. Наоборот, опасность старались смягчить». И больше всего старалось партийное и советское начальство в далекой Москве. «Мне позвонил министр среднего машиностроения СССР Славский, ведомство которого занималось атомной энергетикой, — рассказывает Ляшко. — Что вы там такой шум подняли? Вот я приеду — и одной лишь своей задницей закрою ваш реактор…» [27]

Фотоснимки, на которых Щербицкий, Ляшко, Шевченко и другие украинские лидеры машут с трибуны киевлянам, колоннами проходящим по Крещатику, были сделаны как раз тогда, когда уровень радиации достиг своего пика. В отличие от начальства на трибунах, демонстранты ничего не знали о грозившей им опасности. Участники фольклорных ансамблей шагали в народных украинских костюмах, молодежь несла портреты Маркса, Энгельса и Ленина, фотографии Горбачева и членов политбюро. Утро было теплым и солнечным, и все оделись легко. Кто-то держал детей за руку, кто-то нес на плечах. Дети шли и самостоятельными группами. «Замыкала колонны митингующих наша будущая смена — большая группа детей, — вспоминает одна из участниц той киевской демонстрации. — Они со смехом и танцами догоняли нас» [28].

Та же киевлянка, представившаяся Натальей Петровной, рассказывала позже, что сначала все было как всегда. Однако выйдя с коллегами на главную площадь, она не поверила своим глазам: трибуна, «на которую пускали по специальным билетам самых важных и авторитетных представителей энергетической промышленности… она была почти пустой». Наталья Петровна удивленно спросила: «Где энергетики?» Тут к ней подошел человек в штатском, судя по всему сотрудник КГБ. Он шепотом велел ей уйти, «взял под руки и повел за уходящей колонной демонстрантов». КГБ не мог допустить, чтобы кто-то на виду у начальства нарушал порядок шествия и задавал вопросы, способные посеять панику [29].

«Демонстрация закончилась, и я присела отдохнуть на скамеечку. Чувствую — сил нет и голова кружится. Во рту сухость и сильно першит горло», — вспоминает Наталья Петровна. Это были явные признаки облучения, но долгосрочных последствий для ее здоровья оно не имело. Наталье Морозовой, приехавшей на майские праздники в Киев из Одессы, повезло меньше. «Будь они все прокляты», — писала она позднее в специальную комиссию, созданную украинским парламентом для расследования аварии на Чернобыльской АЭС. Ее проклятие было обращено на украинских лидеров, махавших киевлянам с трибуны. «Я была беременна, поехала 24 [апреля] к родственнице в Киев, ходила на демонстрацию, каталась на лодке по Днепру. Смогла уехать из Киева только 12 мая, а в июле родила мертвого ребенка» [30].

1 мая Олесь Гончар записывает в своем дневнике: «Парад на Крещатике, бодро выкрикивают лозунги, все притворяются, словно ничего и не случилось». Кремлю удалось предотвратить панику, но «радиоактивная» демонстрация имела непредвиденные последствия: она не укрепила, а подорвала легитимность режима. «Мое правительство обмануло меня и предало. Когда случилась чернобыльская беда, я узнал о ней не от своего правительства, а от чужого, зарубежного», — писал, обращаясь к украинской парламентской комиссии, киевский рабочий Георгий Рал. И действительно, западные средства массовой информации первыми сообщили тревожную новость о повышении уровня радиации в Швеции, а первым источником сведений о мерах предосторожности для людей в Советском Союзе стали пробивавшиеся сквозь глушилки русско- и украиноязычные передачи «Голоса Америки» и «Радио Свобода». Для КГБ было важнее не допустить распространения «листовок с тенденциозными измышлениями о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС» [31].

Михаил Горбачев так и не взял на себя ответственность за происходившее в тот день в Киеве, но позднее признал, что проведение праздничной демонстрации было ошибкой. «Манифестации не были отменены, так как к 1 мая еще не было полной картины случившегося, — говорил он в интервью, которое дал в 2006-м, через двадцать лет после катастрофы. — Действительно, мы боялись паники — вы сами можете представить себе возможные последствия массовой паники в многомиллионном городе! Теперь ясно, что это было ошибкой» [32].

Глава 12
Зона отчуждения

Молодой сотрудник КГБ Анатолий Шумак очень вовремя ухватился за руль. Еще чуть-чуть, и микроавтобус, в котором, кроме Анатолия, ехали еще девять сотрудников КГБ, вылетел бы в кювет. Дело было вечером 1 мая. За исключением старшего группы, конечного пункта поездки никто не знал, так как задание было чрезвычайно секретным. Водитель вел микроавтобус по темным улицам Киева, следуя командам старшего: «направо… налево… прямо, снова направо…». Это так действовало на нервы, что в какой-то момент он потерял самообладание и, бросив руль, схватился руками за голову. Шумак мгновенно среагировал, перехватил руль и предотвратил аварию.

Только после этого старший группы сказал водителю, что они едут в аэропорт Борисполь принять, а затем перегнать в Чернобыль защищенный от радиоактивного излучения бронетранспортер, построенный в единственном экземпляре специально для передвижения высших руководителей страны в условиях ядерной войны. С заданием группа справилась, и к полудню 2 мая бронетранспортер уже был в Чернобыле. По слухам, на аварийную АЭС должен был приехать сам Горбачев [1].

Но Горбачев не приехал — вернее, приехал, но только почти через три года после аварии, в феврале 1989-го. Зато в день, когда Шумак с товарищами доставили в Чернобыль засекреченное транспортное средство, город посетили два ближайших помощника генерального секретаря — глава правительства Николай Рыжков и второй после Горбачева человек в ЦК партии Егор Лигачев. Утром 2 мая они прилетели в Киев, а оттуда в сопровождении Владимира Щербицкого и Александра Ляшко на вертолете полетели на АЭС. Некоторые из участников последующих событий, в том числе главный научный консультант правительственной комиссии Валерий Легасов, считали, что приезд двух московских начальников был вызван сообщениями о повышении уровня радиации [2].

Союзные руководители сначала настояли на том, чтобы демонстрация в Киеве прошла согласно заведенному порядку, а теперь прибыли оценить обстановку на месте. Они привезли с собой собственные дозиметры, но опасность, исходившую от разрушенного реактора, все равно представляли плохо. Когда вертолет подлетел к станции, Рыжков приказал пилоту снизиться и пройти над реактором. «Приборы с участившегося писка перешли на захлебывающийся сплошной вой; цифры на шкале бешено побежали», — вспоминает Ляшко, летевший вместе с Рыжковым и Лигачевым. По его словам, вертолет не был защищен от воздействия радиации; Рыжков, правда, упоминает о свинцовом листе на полу кабины. Осмотрев реактор, высшие руководители страны впервые смогли оценить масштаб разрушений, причиненных взрывом реактора. Но до полного осознания последствий катастрофы им было по-прежнему далеко [3].

В Чернобыле полномочные представители Кремля приняли участие в заседании правительственной комиссии, и только тогда до них постепенно стало доходить, с какими громадными проблемами они столкнулись. Главный докладчик, союзный министр энергетики Анатолий Майорец был полон оптимизма в отношении будущего электростанции. Предвосхищая ожидания начальства, он закончил свое выступление словами: «Мы примем все меры и к октябрю этого года запустим четвертый энергоблок, а к декабрю — пятый!» Директор АЭС Виктор Брюханов, уже отстраненный от руководства предприятием, но тем не менее присутствовавший на заседании, не поверил своим ушам. «И никто ему не сказал: „Что ж ты несешь чушь? Восстановить блок невозможно!“ — подумал он в тот момент. — Ученые-атомщики все промолчали. И я не мог слова сказать — чтобы меня не выставили с этого собрания». Главу украинского правительства Александра Ляшко сказанное Майорцем тоже неприятно поразило. Слова он брать не стал, а вместо этого тихо спросил Рыжкова: «О чем он говорит? О каких вводах может идти речь, когда десятикилометровая зона поражена радиацией недопустимого нормативами уровня?» Рыжков ничего не ответил, и заседание продолжилось [4].

День был жаркий. Владимир Щербицкий сидел у настежь распахнутого окна и курил сигарету за сигаретой. Он, по всей видимости, страдал весенней аллергией и то и дело утирал платком слезы. Для настоящих слез поводов тоже хватало. Оптимизм Майорца разделяли далеко

не все участники совещания. Так, из доклада начальника химических войск генерал-полковника Владимира Пикалова однозначно следовало, что уровень радиоактивности в прилегающих к станции районах высок и с каждым днем продолжает расти. Глава Государственного комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды Юрий Израэль продемонстрировал карту загрязненных территорий. Радиоактивное загрязнение распространялось далеко за пределы установленной десятикилометровой зоны отчуждения, образуя «языки» и «пятна» в зависимости от направления и силы ветра. Многие члены правительственной комиссии считали, что зону отчуждения необходимо расширить [5].

Рыжков, постепенно осознававший масштаб катастрофы, спросил, насколько велика должна быть зона отчуждения. Специалисты предложили закрыть зону радиусом тридцать километров, хотя внутри нее оставалось несколько «чистых» островков. «У нас было несколько источников информации, — вспоминает Рыжков. — От экологов, от геологов, от метеорологов, от военных, от гражданской обороны. Мы все эти графики сравнивали между собой, анализировали, почему какие-то данные не совпадают. Наложили все карты друг на друга, получилась „клякса“, захватившая зараженные районы Украины, Белоруссии и России… Я долго сидел и думал, нужно было принимать решение». Поразмыслив, Рыжков согласился с предложением установить тридцатикилометровую зону отчуждения площадью более 2500 квадратных километров. На ее территории оказалось около сотни населенных пунктов, из которых предстояло отселить больше ста тысяч человек [6].

Александру Ляшко обстоятельства принятия решения запомнились несколько иначе. После совещания в Чернобыле руководящие работники поехали в близлежащее село проверить, как устроились эвакуированные жители Припяти. Ляшко беседовал с одной из эвакуированных, когда к нему в сопровождении группы офицеров подошел начальник штаба гражданской обороны и показал карту радиационного заражения, составленную штабом генерала Пикалова. С первого взгляда на нее Ляшко понял, что село, куда они приехали с инспекцией и куда ранее отселили жителей Припяти, находится на зараженной территории. При этом оно располагалось в двадцати

километрах от АЭС. Ляшко показал карту Рыжкову, и тот принял окончательное решение эвакуировать все населенные пункты в радиусе 30 километров от станции.

Когда Ляшко вернулся к разговору с женщиной из Припяти, она пожаловалась, что школьный учитель физики, у которого расквартировали ее с семьей, поселил эвакуированных в летней кухне, потому что они «несли на себе радиацию». «А у меня мелькнула мысль, — вспоминает Ляшко. — Что скажет тот учитель, недружелюбно встретивший семью отселенцев, если ему завтра будет объявлено о его эвакуации?» [7]

Члены правительственной комиссии остались довольны результатами визита высших руководителей страны и совещания, в котором они приняли участие. «Это совещание было существенным, — вспоминает Легасов. — Во-первых, из наших докладов, а в качестве докладчика выступать пришлось мне, они поняли обстановку, поняли, что это не частный случай аварии, что это крупномасштабная авария, которая будет иметь долговременные последствия, и что предстоят огромные работы по продолжению локализации разрушенного блока, что необходимо готовиться к крупномасштабным дезактивационным работам, что предстоит спроектировать и построить укрытие для разрушенного четвертого блока». О его восстановлении или о том, чтобы запустить его до конца года, никто больше не заговаривал. Побывав в Чернобыле, высшие руководители начали осознавать истинные масштабы последствий катастрофы [8].

У украинских начальников визит представителей Кремля вызвал смешанные чувства. Не вникнув до конца в ситуацию, они были склонны подменять реальную помощь пустопорожними призывами и выговорами. Первый заместитель главы Киевского областного совета Василий Синько вспоминает, как вел себя партийный идеолог Егор Лигачев: «Он, словно комиссар, все призывал коммунистов к партийной ответственности, к сплочению рядов» [9].

У председателя Государственного планового комитета УССР и члена правительственной комиссии Виталия Масола создалось впечатление, что Лигачев плохо представлял себе повседневную жизнь в зоне аварии. Когда к Лигачеву подошел шахтер и спросил, будут ли на зараженной территории давать водку — по слухам, алкоголь помогал выводить из организма

радиоактивные вещества, — партийный начальник ответил, «мол, никакой водки, мы будем соблюдать постановление Политбюро ЦК КПСС». Лигачев имел в виду запущенную годом ранее антиалкогольную кампанию, главным инициатором которой являлся он сам. «Тут я уже не стерпел и вмешался, — вспоминает Масол. — „Иди спокойно, — говорю работяге, — будешь получать в столовой 100-200 граммов водки“».

Василия Синько поражало бесчувственное отношение Лигачева к населению затронутых катастрофой районов. Он вспоминает, как Лигачев однажды сказал: «Ну что ж, горе большое, но на вашем опыте мы будем учиться». «Меня эти слова просто убили, — рассказывает Синько. — Выходит, что эта авария для того, чтобы весь СССР извлекал урок из нашей беды?» У него возникли подозрения, что Москва умышленно использует украинцев как подопытных кроликов. «Так вот почему так долго не было приказа об эвакуации! — напишет Синько через много лет после аварии. — Очевидно, московские вожди хотели увидеть, как радиация повлияет на здоровье украинцев» [10].

Чернобыльская катастрофа медленно, но верно вбивала клин между украинскими и московскими партийными боссами. Украинцы были вынуждены разбираться с последствиями аварии на станции, работу которой никак не контролировали, а тут приехали москвичи, навешали выговоров и поувольняли тех, кто, с их точки зрения, не сумел удержать ситуацию под контролем. Оперативники КГБ, и те были недовольны. Десятки из них получили высокие дозы радиации, сидя в кустах вокруг атомной станции и охраняя представителей союзного руководства от возможных покушений [11].

3 мая, на следующий день после однодневного визита кремлевской делегации, Александр Ляшко собрал заседание оперативной группы украинского политбюро по ликвидации последствий Чернобыльской аварии. Если союзные власти и правительственная комиссия видели свою первоочередную задачу в том, чтобы остановить радиоактивные выбросы из разрушенного реактора, то оперативная группа Ляшко сосредоточилась на проблемах, связанных с эвакуацией, и на защите от радиации гражданского населения. Ее работу сильно затрудняла информационная

политика, которую определяла Москва. Оперативная группа должна была защищать людей, не сообщая им правды о происходящем.

Главным источником беспокойства для Ляшко и его сотрудников был растущий уровень радиации. КГБ и Министерство здравоохранения Украины с самого первого дня ежедневно сообщали в ЦК партии о количестве госпитализированных с лучевой болезнью. Их — и взрослых, и детей — каждый день становилось все больше. По сообщениям КГБ, к 28 апреля в больницы Украины поступило 54 пациента с симптомами лучевой болезни. По сведениям, полученным союзным политбюро, по всей стране на этот день было зарегистрировано 130 случаев заболевания. Однако уже 29 апреля председатель КГБ сообщил на заседании политбюро о 193 пациентах с лучевой болезнью только в московских стационарах. 1 мая «Правда» писала о 197 госпитализированных. К утру 3 мая только в Украине уже насчитывалось 911 больных лучевой болезнью, а 4 мая — 1345 человек. Число детей с симптомами радиационного поражения выросло со 142 человек 3 мая до 330 — 4 мая. Когда в киевских больницах начали подходить к концу места в отделениях, рассчитанных на прием пациентов с лучевой болезнью, медики подготовили для них 1680 мест в больницах других городов [12].

Министр здравоохранения Украины Анатолий Романенко заявил, что побывавшим в Припяти членам правительственной комиссии необходимо пройти медицинское обследование. По его словам, в район Чернобыльской АЭС были направлены 230 врачебных бригад. Из-за того что врачей не хватало, на помощь им призвали учащихся медицинских учебных заведений Киева. Поскольку, по сведениям КГБ, родители студенток медучилищ и мединститутов были резко против отправки девушек в зону отчуждения, мобилизация коснулась только юношей. Приказ приготовиться к поездке в зону отчуждения студенты получили утром 4 мая, прямо во время лекции. «Мы сели в автобус, настроение веселое, шутили», — вспоминает один из мобилизованных студентов Максим Драч, сын известного украинского поэта Ивана Драча. Его с товарищами назначили на пост дозиметрического контроля на границе зоны. Там Максим насмотрелся всякого. «Шли в основном старые, сгорбленные деды, и бабы, и маленькие дети», —

вспоминает он. У мобилизованных медиков не было никаких средств защиты, и после нескольких дней работы в зоне отчуждения почти все они оказались на больничных койках [13].

Украинское руководство мучительно решало вопрос, что и как сообщать населению о грозящей ему опасности. Организованная Москвой информационная блокада нигде не выглядела столь вопиюще постыдной, как в зоне отчуждения. Если в Припяти сразу же после аварии городскую газету выпускать перестали, то чернобыльская газета «Прапор перемоги» («Знамя победы») продолжала выходить, но упоминать в ней о катастрофе и ее последствиях было запрещено. Жители района страдали от лучевой болезни и, повинуясь приказу об эвакуации, паковали свой скарб, а в газете так и не появилось ни слова об атомной аварии — ни в первом после взрыва номере от 29 апреля, ни в следующем, первомайском. На первой полосе праздничного номера красовался большой портрет Ленина, а рядом — подборка партийных лозунгов. Один из них, из доклада Горбачева XXVII съезду КПСС, гласил: «Советский народ может быть уверен, что партия глубоко осознает свою ответственность за будущее страны» [14].

3 мая на заседании комиссии Ляшко министр здравоохранения Анатолий Романенко потребовал большей открытости. «По-нашему, нужно населению сказать правду, а мы уходим от этого», — заявил он. Однако, не желая покушаться на информационную монополию Москвы, Ляшко решил не торопиться с официальным заявлением об аварии. Он отверг предложение выпустить телевизионный репортаж об аварийной станции и предложил отложить обсуждение вопроса до завтра, подождать, пока у комиссии сложится более полное представление о ситуации. Его поддержал председатель украинского КГБ Степан Муха, которого больше всего заботило, чтобы местные и московские данные не противоречили друг другу. «Москва дает данные, с нами не согласовывает, — говорил он. — Они пишут 17 тяжелых, мы напишем 30». В тот день было решено ничего не предпринимать. На следующем заседании 4 мая Ляшко разрешил Романенко подготовить для населения инструкцию о том, как защититься от радиации. При этом Ляшко добавил: «Завтра представим документ в [украинское] политбюро и, если будет разрешение, во второй половине дня оповестим [население]» [15].

вспоминает он. У мобилизованных медиков не было никаких средств защиты, и после нескольких дней работы в зоне отчуждения почти все они оказались на больничных койках [13].

Украинское руководство мучительно решало вопрос, что и как сообщать населению о грозящей ему опасности. Организованная Москвой информационная блокада нигде не выглядела столь вопиюще постыдной, как в зоне отчуждения. Если в Припяти сразу же после аварии городскую газету выпускать перестали, то чернобыльская газета «Прапор перемоги» («Знамя победы») продолжала выходить, но упоминать в ней о катастрофе и ее последствиях было запрещено. Жители района страдали от лучевой болезни и, повинуясь приказу об эвакуации, паковали свой скарб, а в газете так и не появилось ни слова об атомной аварии — ни в первом после взрыва номере от 29 апреля, ни в следующем, первомайском. На первой полосе праздничного номера красовался большой портрет Ленина, а рядом — подборка партийных лозунгов. Один из них, из доклада Горбачева XXVII съезду КПСС, гласил: «Советский народ может быть уверен, что партия глубоко осознает свою ответственность за будущее страны» [14].

3 мая на заседании комиссии Ляшко министр здравоохранения Анатолий Романенко потребовал большей открытости. «По-нашему, нужно населению сказать правду, а мы уходим от этого», — заявил он. Однако, не желая покушаться на информационную монополию Москвы, Ляшко решил не торопиться с официальным заявлением об аварии. Он отверг предложение выпустить телевизионный репортаж об аварийной станции и предложил отложить обсуждение вопроса до завтра, подождать, пока у комиссии сложится более полное представление о ситуации. Его поддержал председатель украинского КГБ Степан Муха, которого больше всего заботило, чтобы местные и московские данные не противоречили друг другу. «Москва дает данные, с нами не согласовывает, — говорил он. — Они пишут 17 тяжелых, мы напишем 30». В тот день было решено ничего не предпринимать. На следующем заседании 4 мая Ляшко разрешил Романенко подготовить для населения инструкцию о том, как защититься от радиации. При этом Ляшко добавил: «Завтра представим документ в [украинское] политбюро и, если будет разрешение, во второй половине дня оповестим [население]» [15].

Желание угодить Москве было в крови у украинской номенклатуры. Опасаясь выговора от союзного партийного начальства, украинские власти медлили с официальным заявлением, которое сами считали необходимым, и преуменьшали степень воздействия радиации на окружающую среду. Даже в районах, подвергшихся тяжелому радиоактивному заражению, они брались выполнить план по заготовкам сельскохозяйственной продукции. Чтобы прокормить собственное население, только в 1985 году советское правительство импортировало 45 миллионов тонн зерна и почти 1 миллион тонн мяса. Поэтому Москва сильно полагалась на устойчивые поставки продовольствия из Украины, житницы Советского Союза.

Поддерживать порядок в зоне отчуждения оперативная группа Ляшко обязала милицию и военных. Решить, что делать со зреющим на полях урожаем, было труднее. Покинув зону отчуждения, крестьяне, помимо своих домов, оставили там около 10 000 гектаров озимых, около 13 000 гектаров яровых и 4500 гектаров, засеянных картофелем. Не вполне представляя себе, что такое радиационное заражение, власти старались сохранить как можно больше продукции с пораженных территорий. «Радиационное загрязнение почти не представляет опасности для развития растений, — оптимистично заявил на заседании оперативной группы 4 мая министр сельского хозяйства Украины Александр Ткаченко. — Озимые погибают на 25–30 % при 80 рентгенах и полная гибель при 330 рентгенах». Цифры уровня радиации, имевшиеся в распоряжении группы, были гораздо ниже названных. Все, что не было уничтожено радиацией на корню, с точки зрения украинского аграрного руководства, вполне годилось к употреблению.

Только когда московские власти запретили реализацию украинских овощей в магазинах и на рынках союзной столицы, республиканское начальство стало ужесточать требования к сельхозпродукции из пораженных радиацией районов. При этом еще довольно долго молоко коров, которые паслись на зараженных лугах, считалось годным для производства сливочного масла. В условиях хронического дефицита продовольствия отказаться от ценного продукта, пусть и происходящего из зоны отчуждения, было трудно [16].

Пока Ляшко с коллегами решали, что делать и как сообщать об аварии, радиационная обстановка

быстро ухудшалась как в недавно установленной тридцатикилометровой зоне отчуждения, так и за ее пределами. Снизившийся было уровень радиации снова начал расти. 27 апреля реактор выбросил в атмосферу без малого 4 миллиона кюри радиоактивных изотопов; 1 мая выбросы сократились вдвое, но 2 мая, когда на станции побывали Рыжков с Лигачевым, снова достигли 4 миллионов кюри. 3 мая эта цифра выросла до 5 миллионов кюри, а 4 мая — до 7 миллионов.

Чем было вызвано такое значительное увеличение радиоактивных выбросов и к чему оно могло привести? Атомщики терялись в догадках. По одной из версий, сброшенные на реактор 5000 тонн песка, свинца, глины и бора блокировали теплообмен между активной зоной реактора и наружной атмосферой, но при этом не препятствовали притоку в реактор кислорода, который ускорял горение графита в активной зоне. Засыпку реактора с воздуха прекратили, но это не помогло. Возникли опасения, что перегретый, придавленный тяжелым грузом реактор прожжет нижнюю бетонную плиту защиты и провалится в подреакторное помещение, которое было полностью залито водой в первые часы после взрыва. Это могло привести к новому взрыву, вероятно, гораздо более мощному, чем тот, что прогремел в ночь на 26 апреля. По разным оценкам, первым взрывом из реактора выбросило от 3–4 до 50 процентов содержимого активной зоны. Если большая часть радиоактивных веществ осталась внутри и новый взрыв высвободит ее, глобальная катастрофа станет неминуемой [17].

Пока ученые гадали, что ждать от реактора дальше, местные власти с тревогой взвешивали вероятность нового взрыва. Занятые переселением десятков тысяч человек, они тем не менее следили за состоянием реактора, ориентируясь в первую очередь на сведения о температуре в активной зоне. «Никак не могли придумать, как усмирить температуру реактора, которая росла на 100 градусов в сутки, — вспоминает Василий Синько, который присутствовал на заседаниях правительственной комиссии и понимал всю опасность сложившейся ситуации: — На момент аварии она составляла 1200 градусов. Отметка 2200 градусов была признана критической, достижения ее ни в коем случае нельзя было допустить, иначе мог прогреметь новый взрыв, в сотни раз мощнее первого. В таком случае Украина и вся Европа превратились бы в безлюдную пустыню» [18].

О новой угрозе Синько узнал на заседании правительственной комиссии, проходившем в ночь со 2 на 3 мая. «В три часа ночи 3 мая я возвращался с заседания к себе на работу, — вспоминает он. — Мимо ехали автобусы с людьми и грузовики со скотиной; все это кричит, пищит, мычит… А я загибал пальцы: двадцать шестое апреля, двадцать седьмое, двадцать восьмое, двадцать девятое, тридцатое, первое мая, второе, третье — за это время температура реактора увеличилась на 800 градусов, и на символическом термометре уже 2000 градусов Цельсия. Значит, ужасное и непоправимое может случиться в любой момент, хотя теоретически до достижения критической точки оставалось еще два дня» [19].

Вечером того же дня благодаря Синько несколько тысяч человек избежали лишнего воздействия радиации. Несколькими днями ранее военные навели понтонный мост через Припять для эвакуации людей и домашнего скота из районов, расположенных к северу от реки. Мост облегчал эвакуацию, но при этом нарушал обычную навигацию по реке. К 3 мая у моста скопилось несколько десятков грузовых судов. Чтобы дать им проход, председатель правительственной комиссии Борис Щербина распорядился мост временно развести. Синько понимал, что при этом на левом берегу Припяти застрянут несколько десятков автобусов с людьми и грузовиков со скотом. «Если их не переправить, люди ночь просидят в автобусах под действием радиации. А как поведет себя оголодавший скот? Обо всем этом было даже страшно подумать», — вспоминает Синько. Вместе с одним из местных партийных начальников он стал уговаривать Щербину сначала пропустить людей и скот и только потом развести мост и пропустить суда. В конце концов Щербина уступил уговорам, и у Синько отлегло от сердца [20].

В числе эвакуированных из зоны отчуждения Чернобыльской АЭС были прихожане церкви села Красно, расположенного неподалеку от Чернобыля. Приказ об эвакуации стал полной неожиданностью для настоятеля церкви, отца Леонида, верившего не только в Бога, но и в могущество советской науки. «Мое мнение такое, — говорил он жене вскоре после аварии, — у нас сейчас наука большая — значит, все неполадки уладят». Вера отца Леонида в науку рухнула в Страстную пятницу 2 мая. В тот день около двух часов дня, во время литургии к нему подошли

прихожане и сказали, что приехали люди из райкома партии и собирают всех взрослых жителей села, чтобы что-то им сообщить. Отцу Леониду пришлось прервать службу.

Представители райкома объявили крестьянам, что их будут эвакуировать, и дали на сборы только четыре часа — медлить было нельзя, потому что от села до станции было совсем рукой подать. Церковь стояла на возвышенности, и отец Леонид с прихожанами видели, как вертолеты сбрасывают свой груз на реактор. Как и в Припяти, жителям Красно сказали, что они уезжают всего на три дня и поэтому должны взять с собой только самое необходимое. Но одно дело эвакуировать горожан, и совсем другое — селян, которые отказывались бросать своих коров, свиней, гусей и кроликов. Грузовики для погрузки скота приехали в Красно только в 2 часа ночи на 3 мая. «Что тут началось! — вспоминает отец Леонид. — [Специально назначенные люди] записывали данные — кто сколько сдает скота, его вес — и брали на машины, отправляли по назначению».

Утром, после того как весь скот был погружен, приехали автобусы за людьми. «Я был среди людей, — рассказывает отец Леонид. — Ходил по больным, причащал тех, кого надо было причастить. Там были старики и старухи, больные, которые годами лежали…» Некоторые старики уезжать отказывались. «Остаемся, батюшка, здесь. Не поедем никуда. Все равно помирать», — говорили они священнику. Отец Леонид изо всех сил убеждал их ехать вместе с семьями, и старики нехотя соглашались. Священник запер церковь, оставив в ней облачения и иконы — в надежде на скорое возвращение, через старосту передал ключи митрополиту и вместе со всеми сел в автобус. Наконец автобусы тронулись. «Из Красна когда выезжали — каждому было жалко свой дом, — рассказывает отец Леонид. — Люди плакали. Крестились, каждый осенял себя крестным знамением для того, чтобы вернуться».

В атмосфере растущей напряженности и полной неразберихи даже у партийных работников сельской администрации начал просыпаться интерес к священнику и церкви, которую он представлял. Один из местных начальников сказал отцу Леониду, что после возвращения в Красно им обязательно нужно будет вместе выпить. Когда священник ответил, что не пьет, начальник сказал: «Ну ничего. Ты батюшка, а мы коммунисты, когда придем сюда и бояться ничего не будем,

разопьем по сто граммов за такую радость. Только бы вернуться…» Но вернуться им было не суждено. Не имея возможности служить в своей церкви, на пасхальную всенощную отец Леонид пошел в церковь в Чернобыле. «Куличи святили, а после полуночи пели „Христос воскресе“», — вспоминал священник.

Служба закончилась в три часа утра 4 мая. А в девять утра Светлого воскресенья отец Леонид, его сын и еще остававшиеся в Чернобыле жители погрузились в автобусы и уехали из города. Исход из Чернобыля начался [21].

Василий Синько, даром что высокопоставленный коммунист, тоже по-своему справлял православную Пасху. Вечером 3 мая после заседания правительственной комиссии он вернулся в свой временный кабинет в райисполкоме подавленным, но полным решимости впредь поступать так, как сам сочтет нужным. Перед угрозой глобальной катастрофы чиновник отказался следовать бессмысленным, с его точки зрения, указаниям руководства. Так, по распоряжению Синько, его подчиненные перестали составлять для штаба гражданской обороны подробные сводки о поголовье эвакуированного скота. Полковник, начальник штаба, пригрозил доложить о факте неповиновения наверх, но Синько было все равно. Он чувствовал над собою власть посильнее киевской и московской. Близилась православная Пасха.

«Достали из погреба картошку, маринованные грибочки, поставили на стол банку спирту и устроили праздничный ужин или, вернее сказать, завтрак, потому что уже наступило пасхальное утро, — рассказывает Синько, вспоминая, как они с коллегами встречали Пасху. — Хотя все мы считали себя атеистами, но после катастрофы вспомнили пророчества наших мудрых дедов и бабок о конце света и с мольбой обратили наши взоры к небесам. Кто-то там таки есть — причем силы и власти у него гораздо больше, чем у ЦК КПСС. Так что все в его руках». Так перед лицом катастрофы атеисты становились верующими, а диктат коммунистической идеологии — а с нею и власть центра — шли трещинами под воздействием Чернобыльской радиации [22].

В пасхальное воскресенье радиоактивный выброс из поврежденного реактора превысил все прежние показатели. Если накануне он составил 5 миллионов кюри, то в воскресенье 4 мая достиг 7 миллионов. Согласно отчетам КГБ, уровень радиации в зоне аварии, составлявший 1 мая от 60

до 80 рентген в час, 4 мая вырос до 210 рентген в час. Кроме того, в радиоактивном выбросе ученые зафиксировали повышенное содержание рутения-103. Рутений плавится при температуре 2334 градусов Цельсия, а значит, реактор продолжал нагреваться. На следующий день, 5 мая, радиоактивный выброс побил все рекорды и составил по разным оценкам от 8 до 12 миллионов кюри [23].

Не имея возможности повлиять на происходящее на АЭС, украинские власти старались как можно быстрее провести эвакуацию из зоны отчуждения. «3 мая из 10-километровой зоны завершена эвакуация населения (9864 человека) в Бородянский район, эвакуировано также 12 180 голов крупного рогатого скота, — говорится в справке КГБ от 4 мая. — На 4 и 5 мая намечено осуществить полную эвакуацию из тридцатикилометровой зоны». Но на деле все оказалось гораздо труднее. С расширением зоны отчуждения до 30 километров в число подлежащих эвакуации дополнительно попали около 40 000 человек. «Эвакуация проходила с огромными трудностями, — вспоминает Василий Синько. — Возникало ощущение, что идет война. Отмечались случаи паники, сумятицы, опрометчивых решений, но в основном ответственные за отправку людей из зоны вели себя выдержанно, смело и самоотверженно. Все знали, что каждый день, час, проведенные в зоне, пагубно отразятся на организме каждого» [24].

Многие местные, как представители власти, так и простые рабочие и крестьяне, заставшие Вторую мировую войну, сравнивали эвакуацию с пережитым в военные годы, когда люди либо уходили от оккупантов на восток, либо бежали в леса, спасаясь от карательных акций, которыми немцы отвечали на вылазки партизан. Но тогда все было совсем по-другому. Тогда было понятно, что немцы — враги и что от них можно укрыться в лесу. Сейчас же опасность исходила отовсюду и прежде всего от того самого леса, который помогал выжить во время Голодомора и оккупации. Листва деревьев и прочая лесная зелень накапливала значительные объемы радиоактивных выбросов. Один из окружающих Припять лесов вскоре после аварии был прозван Рыжим: под воздействием сильного радиоактивного заражения сосновая хвоя в этом лесу окрасилась в цвет ржавчины. А название одного из окрестных сел (не входившего в зону отчуждения, но граничившего с ней) — Страхолесье — приобрело новый, зловещий смысл. Село сразу же

переименовали в Зеленый Мыс, но ситуации это не изменило. В 1989 году старое название вернули.

Глава 13
Китайский синдром

Из всей обширной повестки заседания политбюро, состоявшегося 5 мая 1986 года, только отчеты о прошедших по всей стране первомайских демонстрациях могли хоть как-то порадовать Горбачева и его соратников. В остальном создавалось впечатление, что у страны повсюду враги — внутренние и внешние.

Во внешней политике ложилась тяжелым грузом на советскую экономику и наносила серьезный ущерб международной репутации СССР война в Афганистане. В то утро Горбачев объяснял членам политбюро, что военная победа невозможна, сколько бы там ни было советских солдат. Было уже понятно, что социальную революцию для афганцев осуществить не удалось, — по словам Горбачева, тут СССР с самого начала был обречен на провал. Вместо того чтобы укрепить свое «южное подбрюшье», советская империя получила зону нестабильности и международного конфликта. США значительно нарастили свое присутствие в регионе. СССР настроил против себя мусульманский мир и подтолкнул к открытым враждебным действиям Пакистан. Словом, это было полное поражение [1].

Чернобыльская авария пробила в бюджете Советского Союза еще одну обширную брешь, при этом сильно повредив международному престижу страны и ее нового лидера. Как ни пыталась советская пропаганда внушить стране и миру, что положение нормализуется, ситуация с каждым днем только ухудшалась, и никто не понимал, что надо делать, чтобы взять ее под контроль. 5 мая председатель Совета министров Николай Рыжков получил обновленные данные о медицинских последствиях аварии. «Общее число госпитализированных, — говорилось в секретном сообщении, — достигло 2757 человек, из которых 569 детей. Из них 914 имеют признаки лучевого заболевания, из которых 18 человек находятся в очень тяжелом состоянии». Накануне речь шла о 1882 госпитализированных, то есть за сутки их число выросло более чем на 45 процентов. Среди заболевших с симптомами лучевой болезни были теперь не только пожарные, операторы станции и местные жители. На больничных койках среди прочих оказались

руководящие работники — члены правительственной комиссии, командированные из Москвы, чтобы найти решение проблемы. Обратно они возвращались, не найдя решения и с пошатнувшимся здоровьем [2].

Вечером 4 мая в московском аэропорту Внуково приземлился самолет, на борту которого находились председатель правительственной комиссии Борис Щербина и его многочисленные заместители и помощники, в том числе министры и начальники управлений. Сойдя по трапу, все пассажиры погрузились в ожидавший их автобус и направились прямиком в Клиническую больницу № 6, где проходили лечение жертвы аварии на Чернобыльской АЭС. После того как новоприбывших проверили дозиметристы, их раздели, вымыли и обрили наголо — исключение сделали только для Щербины. Большинство из них были госпитализированы для дальнейшего обследования и лечения. Решение обследовать Щербину и его людей в Москве Николай Рыжков принял за два дня до того, когда сам посещал зону аварии [3].

Прежде чем заняться своим здоровьем, Щербина по просьбе членов политбюро доложил им о результатах своей работы. Обнадежить партийное руководство ему было нечем. Положение складывалось крайне тяжелое. Выбросы радиоактивных частиц из реактора, сократившиеся было 2 мая, снова увеличились и стали даже более интенсивными, чем в первые часы после взрыва. Власти больше не понимали, как и что сообщать о ходе ликвидации последствий аварии, поэтому 3 мая газеты о ней не упоминали. Засыпка реактора песком и свинцом теперь представлялась бесполезной, поэтому число вертолетных вылетов было сокращено; 4 мая они полностью прекратились.

Помимо угрозы нового взрыва, существовала и другая — угроза так называемого китайского синдрома. «Китайский синдром» — название американского кинофильма, спродюсированного Майклом Дугласом, с Джеком Леммоном, Джейн Фондой и самим Дугласом в главных ролях. В США фильм вышел в марте 1979 года, советские зрители увидели его в 1981-м. Его название восходит к шутливому выражению американских ядерщиков, описывающему гипотетическое расплавление реактора, при котором раскаленное ядерное топливо прожигает Землю насквозь до самого Китая. На самом же деле, как объясняется в фильме, главная опасность заключается в том,

что радиоактивное топливо достигнет уровня грунтовых вод. Топливо из разрушенного реактора Чернобыльской АЭС, по мнению некоторых ученых, могло вызвать радиоактивное заражения бассейна Днепра, а затем и Мирового океана. А это грозило катастрофой уже не регионального и даже не общеевропейского, а общемирового масштаба [4].

Кроме Щербины, Горбачев вызвал на заседание политбюро главного научного советника правительственной комиссии Валерия Легасова. Тот прилетел в Москву рано утром 5 мая и, прежде чем явиться в Кремль, успел заехать в свой институт, где его «отмыли и отчистили [от радиации], насколько это было возможно», а потом на несколько минут заскочить домой. Дома Легасов постарался утешить жену, которая очень за него переживала и несколько дней томилась неизвестностью, так как частные телефонные звонки из Чернобыля были строжайше запрещены всем без исключения. Меры безопасности, введенные КГБ для того, чтобы предотвратить утечку информации о положении на АЭС и вокруг, не мог нарушать никто — ни высокопоставленные ученые, ни простые рабочие и инженеры.

Легасов прибыл в Кремль в 10:00, и его сразу же отвели в Ореховую комнату, в которой со времен Сталина проходили заседания политбюро. Всех участников заседания занимал один вопрос: что делать дальше? Как потом вспоминал Легасов, Горбачев «сходу предупредил, что сейчас его не интересует проблема виновности и причинности аварии. Его интересует состояние дел и те необходимые мероприятия, еще дополнительные, нужные государству для того, чтобы быстрее справиться с возникшей ситуацией». По результатам обсуждения докладов политбюро приняло решение, в котором, в частности, говорилось, что «разворот и содержание проводимой в данном направлении работы еще не соответствуют масштабности и сложности задач, вызванных этой аварией». После заседания Горбачев призвал участников вернуться на свои места и продолжить работу. Но никто из них толком не понимал, что именно надо сделать, чтобы переломить ситуацию [5].

Горбачев и его советники пребывали в растерянности. Меры по ликвидации последствий взрыва больше не давали результата. Вода, которую закачивали в реактор в первые часы после аварии,

затопила подреакторное пространство; в случае если бы реактор полностью разрушился или прожег бетонное основание, это могло привести к взрыву гораздо более мощному, чем первоначальный. Попытки запечатать реактор песком и свинцом, как теперь многие считали, способствовали повышению температуры в активной зоне и таким образом тоже повысили вероятность нового взрыва. Щербина одно за другим испробовал все возможные средства, но ничто не дало нужного результата. При этом он исчерпал не только имевшиеся возможности, но и запас времени, которое можно было провести в Чернобыле без чрезмерного риска для здоровья. Поэтому ему приказали вернуться в Москву на лечение.

Эстафету главного ликвидатора последствий аварии принял у Щербины Иван Силаев, пятидесятипятилетний заместитель председателя Совета министров СССР; впоследствии он возглавил правительство России, а во время августовского путча 1991 года помог Ельцину организовать оборону здания российского Верховного Совета. Спокойный, деловитый и уверенный в себе, Силаев сменил Щербину в качестве временного председателя правительственной комиссии вечером 4 мая. Но если управленцам вроде Бориса Щербины смена нашлась, то ученые оказались незаменимыми. Понимая, что без научного советника не обойтись, Силаев хотел иметь Легасова у себя под рукой. Поэтому, проведя считаные часы в столице, Легасов получил указание лететь обратно [6].

Чтобы уменьшить вероятность нового взрыва, Силаев распорядился откачать из-под четвертого энергоблока радиоактивную воду. Она заполнила подреакторное пространство в первый день после аварии в результате злополучного решения операторов, которые стали закачивать в реактор воду, чтобы предотвратить его разрушение, — не догадываясь, что он уже разрушен. И снова на передний край были брошены пожарные — на сей раз с заданием откачать воду. Под реактором в двух бассейнах-барботерах скопилось несколько тысяч тонн быстро нагревающейся радиоактивной воды. Ученые эту меру одобрили. «Мы боялись того, что часть расплавленного топлива туда попадет, и возможно такое мощное парообразование, которое вынесет дополнительную [радио]активность наружу», — вспоминал Валерий Легасов [7].

Чтобы начать слив воды, надо было проникнуть в затопленные коридоры и открыть задвижки. По словам Легасова, «подойти к этим барботерам было довольно трудно, потому что рядом расположенные коридоры были заполнены водой с того момента, когда реактор пытались охлаждать водой. Уровень воды, активность ее была высокой — до кюри на литр доходила активность воды в отдельные моменты времени и в отдельных точках». Работа в настолько радиоактивной воде была равнозначна самоубийству. Силаев это прекрасно понимал и поэтому решил прибегнуть к капиталистическим методам стимулирования. С одобрения московского руководства председатель правительственной комиссии пообещал добровольцам материальное вознаграждение в виде крупной суммы денег, машины и квартиры [8].

За задание взялись трое инженеров, хорошо знавших планировку станции. В гидрокостюмах и респираторах они добрались до обеих находившихся под водой задвижек и открыли их. Радиоактивная вода из бассейнов пошла в соседнее помещение — в короба вспомогательных систем реакторного оборудования, откуда ее уже могли откачивать пожарные. Позже Легасов вспоминал, какие смешанные чувства отразились на лице одного из участников операции, когда вечером в торжественной обстановке Силаев поблагодарил его и вручил денежную награду: «Я видел лицо человека, который был, с одной стороны, очень горд, что ему удалось эту непростую работу в непростых условиях выполнить. И с другой стороны, видно было, как он этот пакет с деньгами мял, не как награду, в общем-то говоря, ему и отказаться от этих денег было неудобно, и в то же время сама денежная форма награды как-то его, значит, не очень радовала, что ли. Потому что… люди там боролись с аварией, старались выложиться, сделать все что можно, не думая ни о каких поощрениях, ни материальных, ни моральных». Все три инженера-добровольца чудом выжили [9].

После того как вода из подреакторного пространства была откачана, опасность парового взрыва на четвертом энергоблоке значительно снизилась. Но по-прежнему сохранялась угроза китайского синдрома — радиоактивного заражения грунтовых вод. Зараженная радиацией вода могла попасть в Днепр, из него — в Черное море, потом в Средиземное, и дальше — в Атлантический и

остальные океаны планеты. Это стало бы исполнением библейского пророчества о звезде Полынь, которая падет в третью часть рек и источников и сделает воду в них горькой — то есть ядовитой. Ученые понимали, что проникновение радиации в грунтовые воды необходимо предотвратить, но расходились во взглядах на то, как это сделать.

Валерий Легасов полагал, что основную опасность представляет откачанная из-под реактора вода, которая при ненадлежащем обращении может просочиться в грунт. По его настоянию зараженную воду стали пропускать через фильтры. 4 мая по берегам Припяти и других рек военные начали возводить покрытые специальным составом насыпи, которые не давали дождевым водам смывать радионуклиды в речную сеть. И это было только начало долгого, трудоемкого процесса.

Коллега Легасова, академик Евгений Велихов, прилетевший в Чернобыль в самом начале мая, придерживался другой точки зрения. По его мнению, прежде всего следовало опасаться того, что раскаленный реактор проплавит свое основание и опустится до уровня грунтовых вод. Велихов предложил заморозить грунт под реактором и затем построить под его основанием бетонную платформу, которая предотвратит заражение грунтовых вод. Легасов отнесся к идее коллеги крайне скептически. Новый председатель правительственной комиссии не мог рассудить, кто из академиков прав, и не понимал, какой из двух проектов выбрать.

В поселке Иванков в 50 километрах южнее Чернобыля, где расположился новый штаб комиссии, Легасов с Велиховым делили одну комнату — не разделяя при этом взглядов друг друга на сложившуюся ситуацию. Между коллегами шло напряженное соперничество. Будучи первым заместителем директора Института атомной энергии, химик Легасов стоял в административной иерархии на ступень выше Велихова, физика, специалиста по разработке термоядерных реакторов и одного из «обычных» заместителей директора того же института. При этом Велихов, который был всего на год старше Легасова, на семь лет раньше коллеги-соперника стал действительным членом Академии наук и с 1978 года занимал пост ее вице-президента. В 1979 году в честь Велихова был назван астероид, а 1985-м он удостоился высшей советской награды — звания Героя Социалистического Труда. Легасов такой награды не имел, но начальство, судя по всему, было без

него как без рук. Сам Легасов полагал, что Силаеву он был нужен в качестве противовеса Велихову [10].

По словам Велихова, в Чернобыле он оказался на четвертый день после взрыва, причем почти случайно. На заседании под председательством Николая Рыжкова, где обсуждались меры по ликвидации последствий аварии, Велихов поделился рекомендацией своего приятеля — физика Фрэнка фон Хиппеля. Профессор Принстонского университета, фон Хиппель был председателем Федерации американских ученых, созданной в 1945 году участниками Манхэттенского проекта для поддержки борьбы за мир и ядерное разоружение. Узнав об аварии, фон Хиппель послал Велихову телеграмму, в которой посоветовал давать детям йодные таблетки. Телеграмму Велихов принес с собой. «Рыжков сказал, что там [в Чернобыле] все, кто были — Щербина, Легасов, получили дозу, поэтому надо их сменить», — вспоминал он. На смену тем, кто нуждался в передышке, и отправился Велихов [11].

В Чернобыле Велихов вел себя осторожно и старался не навязывать своего мнения в вопросах, в которых не разбирался досконально. Но как физик он все больше укреплялся во мнении, что реактор может проплавить бетонное основание, в результате чего радиоактивное топливо попадет в водоносный слой. Легасов считал такое развитие событий маловероятным. «Вероятность такого события представлялась чрезвычайно малой, — рассказывал он позднее. — Тем не менее Евгений Павлович настоял на том, чтобы нижний поддон фундаментной плиты реактора был сооружен». Велихов никогда публично не подвергал сомнению предложения Легасова. Но это делали другие. Так, Юлий Андреев, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, вспоминал позже: «Легасов развил бурную деятельность по устройству сорбционных фильтров для очистки воды от радионуклидов, не догадавшись проверить, какая часть выброса растворима в воде. Это был мартышкин труд, следствие инженерной безграмотности. Если Велихов, может быть, и знал что-то о реакторах, то у Легасова знания в этой области были весьма незначительными» [12].

Оказавшись между двух огней, Иван Силаев решил одновременно следовать советам обоих ученых. Легасов получил добро на устройство фильтрующих сооружений, а Велихов организовал

работы по заморозке грунта под реактором и заливке бетонной платформы. Объем работ был громадным. Вокруг реактора бурили скважины, которые заполняли жидким азотом, охлажденным до минус 120 градусов Цельсия. Согласно расчетам, чтобы держать грунт в замороженном состоянии и не давать реактору нагреваться, в скважины каждый день надо было закачивать по 25 тонн жидкого азота. Но это только в теории. Реактор же тем временем продолжал нагреваться и выбрасывать в атмосферу облака радионуклидов. 4 мая выброс составил почти 7 миллионов кюри. Ветры разнесли эту радиацию по всей Европе [13].

Вечером 6 мая министр здравоохранения Украины Анатолий Романенко наконец получил разрешение обратиться по телевидению к жителям Киева и соседних районов и рассказать об угрозах, связанных с повышенным уровнем радиации. Киевлян он заверил, что радиация в городе ниже опасного уровня, но при этом «в последнее время изменились направление и сила ветра, что привело к некоторому повышению уровня радиоактивного фона в городе и области». Затем Романенко дал рекомендации, как себя вести в связи с «некоторым повышением» радиации: «Минздрав республики считает целесообразным довести до сведения жителей Киева и области рекомендации, соблюдение которых позволит существенно снизить степень возможного воздействия радиоактивных веществ на организм. Необходимо ограничить по возможности время пребывания на открытой местности детей и беременных женщин. Прежде всего необходимо принять во внимание, что радиоактивные вещества преимущественно распространяются в виде аэрозолей, поэтому в помещениях целесообразно закрыть окна, форточки, исключить сквозняки…» [14]

Традиционная для жителей всех советских республик боязнь сквозняков наполнилась новым смыслом. Прошло больше десяти дней после аварии и больше недели с тех пор, как радиоактивное облако достигло Киева, когда Министерство здравоохранения наконец обратилось к населению. Люди властям не поверили — официальное подтверждение давно циркулировавших слухов сочли признаком того, что ситуация ухудшается. Слухи с лихвой восполняли недостаток проверенной информации, и они были крайне тревожными.

Председатель Государственного планового комитета УССР и член правительственной комиссии Виталий Масол рассказывал позже, что в начале мая на карту было поставлено будущее не только тридцатикилометровой зоны отчуждения, но и самого города Киева. «На первом же совещании, состоявшемся 2 мая непосредственно на ЧАЭС, прозвучало, что возможен повторный взрыв с зоной поражения в радиусе 500 километров, а в „мертвой зоне“ (в радиусе 30 километров) не останется ничего живого, — вспоминает Масол. — Если быть до конца откровенным, то мы тихонечко уже готовились к эвакуации Киева». Для украинского руководства это стало бы настоящим кошмаром. «О панике я даже не говорю, — рассказывает Масол. — Какое бы началось мародерство: все магазины были бы разграблены, частные квартиры, музеи… Сотни людей погибли бы в давках на вокзалах, в аэропортах» [15].

Киев, население которого на тот момент несколько превышало 2,5 миллиона человек, расположен в 100 километрах к югу от Чернобыля. Город не был включен в зону отчуждения, но находился в пределах зоны радиусом 500 километров, которую, как считалось, мог опустошить новый атомный взрыв. Известия о возможности нового взрыва и вероятной эвакуации города разлетались со скоростью ветра. Исходили они от ученых, инженеров, администраторов и чиновников, имевших доступ к свежей информации из Чернобыля. Как рассказывает секретарь ЦК Компартии Украины Борис Качура, большая группа специалистов «в Центральном Комитете сидела в комнате и разрабатывала план эвакуации… Об этом знало очень много людей, которые непосредственно этим занимались, — ученых, врачей и так далее — и это вызывало, так сказать, соответствующую реакцию населения» [16].

КГБ сообщал о прогнозе некоего ученого из украинской Академии наук, в соответствии с которым в случае полного разрушения ядерного реактора последует новый взрыв, который приведет к радиоактивному заражению грунтовых вод. Над Киевом, казалось, нависла угроза катастрофы поистине библейского масштаба. Киевляне устремились в аэропорт и на железнодорожный вокзал, но все билеты на самолеты, поезда и автобусы, покидающие украинскую столицу, были мгновенно распроданы. Люди начали штурмовать билетные кассы [17].

На заседании 6 мая Чернобыльская оперативная группа украинского политбюро, возглавляемая председателем Совета министров Украины Александром Ляшко, заслушала доклад, в соответствии с которым накануне из Киева по железной дороге выехало более 55 000 человек, что вдвое превышало обычное число убывающих и транзитных пассажиров. Еще почти 20 000 человек покинули город на автобусах и автомобилях и 9000 — воздушным транспортом. А 8 мая городские власти довели до сведения партийного начальства, что 4 мая на занятия не пришло около 33 000 учащихся, или 11 процентов от общего числа киевских школьников. 6 мая эта цифра увеличилась до 55 000 человек, или почти 17 процентов. 7 мая в классы не явились 83 000 учеников, или 28 процентов в среднем по Киеву. При этом в Ленинском районе города, где жили многие представители партийной и советской элиты, на занятиях отсутствовало 62 процента школьников. Их родители были лучше информированы и поэтому в числе первых покидали город или отправляли из него детей [18].

Встревоженный массовым исходом горожан, партийный руководитель Украины Владимир Щербицкий созвал заседание республиканского политбюро. Главным пунктом его повестки была эвакуация школьников из охваченного паникой города. В самом начале заседания Щербицкий представил собравшимся двух московских гостей. Одним был академик Леонид Ильин, директор Института биофизики, представлявший Советский Союз в Научном комитете ООН по действию атомной радиации. Другим — директор Государственного комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды Юрий Израэль. Обоим было за пятьдесят. Борис Щербина командировал этих ученых в Киев по просьбе украинских властей.

Как рассказывает присутствовавший на том заседании политбюро Борис Качура, первым делом Щербицкий обратился с вопросом к Ильину и Израэлю: «Нам стало известно, что мы получаем неполную информацию, и в связи с этим мы хотели бы получить от вас четкий ответ: при каких условиях и из каких зон нужно эвакуировать людей? Где они подвергаются опасности?» Московские гости отвечали уклончиво, в том смысле, что, мол, «у нас таких нет полномочий, мы не можем, ситуация динамическая, она меняется». Недовольный таким ответом, Щербицкий заявил гостям, что он получил то ли разрешение, то ли совет Михаила Сергеевича

Горбачева не отпускать их, пока не дадут необходимых рекомендаций. Гости таким образом превратились в заложников.

Впоследствии Щербицкий признался помощникам, что сблефовал: Горбачев ничего не знал о его встрече с учеными. Тем не менее Ильин с Израэлем приняли его слова за чистую монету. Однако сходу ответить на заданный Щербицким вопрос они не могли, им требовалось время, чтобы все обдумать. «Им были предоставлены условия, выделена комната… и они сели вместе с нашим министром здравоохранения Романенко и начали готовить этот документ», — рассказывает Качура. В итоге они составили заявление, «в котором было четко зафиксировано, что для населения Киева и других городов Украины, которые находятся за тридцатикилометровой зоной, никакой угрозы нет и что оттуда не нужно никого эвакуировать; что надо только жестко следить за тем, откуда привозится молоко, потому что в молоке уже были радиоактивные радионуклиды» [19].

Председателя Президиума Верховного Совета Украины и члена республиканского политбюро Валентину Шевченко не удовлетворил ответ московских экспертов. «Когда зашла речь о вывозе из города детей, они закачали головами: это исключено, нет необходимости, — вспоминает она. — Я расплакалась и спросила: „А если бы в Киеве были ваши дети и внуки, вы бы их вывезли?“ Они молчали. Для нас это послужило сигналом, что детей надо вывозить». Председатель Совета министров Украины Александр Ляшко полагал, что Ильин с Израэлем «не хотели брать на себя ответственность за предлагавшиеся нами радикальные меры, так как понимали, что их осуществление потребует громадных расходов». Свое согласие они дали только на эвакуацию детей из ближайших окрестностей Чернобыльской АЭС, которых и без того оттуда уже вывозили.

В бюрократическом искусстве уклонения от ответственности украинское партийное руководство явно уступало московским экспертам. «Решать придется нам самим, — сказал Щербицкий Ляшко. — Только смотрите не допустите паники». В итоге было решено, что ученики младшей и средней школы закончат учебный год на две недели раньше, чем обычно, — 15 мая, — и сразу будут отправлены на юг в пионерские лагеря. Валентина Шевченко обзванивала по телефону коллег из других республик с просьбой принять у себя детей из Киева. Те согласились.

Республиканские власти запросили у союзного руководства дополнительные поезда для вывоза детей. Москва по меньшей мере не возражала против использования составов, находившихся в УССР. Однако киевские власти получили от союзного правительства телеграмму с требованием прекратить сеять панику и отменить частичную эвакуацию [20].

Горбачева тем временем все больше беспокоило, что из-за неспособности правительственной комиссии справиться с чернобыльским кризисом радиоактивное заражение распространяется на территории зарубежных стран. «Что же там делается? Меня эта проблема очень волнует, уже имя Горбачева начинают во всем мире трепать в связи с этой аварией и, значит, поднялся массовый такой психоз в мире. Какое там истинное положение?» — спросил он по телефону Легасова, за несколько дней до того вернувшегося в Чернобыльскую зону. Легасов ответил генеральному секретарю, что худшее, с его точки зрения, уже позади, «что в основном основные выбросы из разрушенного блока прекращены, что в настоящее время ситуация контролируемая. Масштабы загрязнений и зоны, прилегающей к Чернобыльской станции, и масштабы загрязнения всего мира в целом нам более или менее понятны». И действительно, 5 мая радиоактивные выбросы из реактора начали сокращаться — так же внезапно, как выросли за несколько дней до того. 6 мая в атмосферу было выброшено порядка 150 000 кюри, то есть в 100 раз меньше, чем накануне. Ответ Легасова Горбачева полностью удовлетворил [21].

9 мая Горбачев позвонил Щербицкому и поинтересовался положением дел в Киеве. В первую очередь генсека интересовало все, что касалось предполагаемой эвакуации. Желая перестраховаться, Щербицкий ответил Горбачеву: «Валентина Семеновна [Шевченко] подняла панику, и мы все ей поддались». Для мачистской культуры советского руководства свалить все на женщину было в порядке вещей. Когда Щербицкий рассказал Шевченко о звонке Горбачева, она спросила со слезами на глазах, что же теперь делать. «Вывозить, — ответил Щербицкий. — За детей никто не накажет». По плану республиканского руководства из Киева и окрестностей до конца мая предстояло эвакуировать 986 000 детей. Власти хотели таким образом прекратить хаотическое бегство из города родителей с детьми. Поэтому на торжественных мероприятиях,

посвященных празднованию Дня Победы, Щербицкий появился в центре Киева вместе со своим внуком. Власти решили показать киевлянам: раз уж первое лицо республики не увозит внука из города, значит детям в Киеве, скорее всего, ничего не угрожает [22].

9 мая в иванковской штаб-квартире правительственной комиссии Валерий Легасов собирался отпраздновать День Победы. Настроение у него было хорошее, последние известия со станции обнадеживали: накануне из-под реактора было выкачано несколько тысяч тонн воды, уровень радиации продолжал снижаться. Как вспоминает Виталий Масол, в эти дни «над реактором вспыхнуло пламя, а потом появилось розовое зарево». Но Легасов, облетев реактор на вертолете, убедился, что он спокоен — скорее всего, догорали остатки обвалившегося внутрь графита. Однако 9 мая внутри четвертого блока «было обнаружено небольшое, но ярко светящееся малиновое пятно… что говорило о том, что температура высокая там еще имеет место». Было решено срочно забросить в жерло реактора еще 80 тонн свинца, и только после этого свечение прекратилось. День Победы — праздник, который в те дни приобрел для многих особый смысл, — Легасову и его коллегам удалось отметить только 10 мая [23].

Однако, в отличие от победителей во Второй мировой войне, ликвидаторам последствий Чернобыльской аварии праздновать было рано. Они никак не контролировали процессы, происходившие в реакторе. Никто не понимал, почему радиоактивные выбросы сократились. Позднее были выдвинуты три возможных объяснения: после рекордных выбросов продуктов деления 4 и 5 мая их количество в реакторе резко сократилось, что привело к снижению температуры внутри реактора; за эти два дня из реактора был выброшен весь объем летучих радионуклидов, из-за чего в последующие дни уровень радиации снизился; повышение температуры реактора привело к расплавлению топливных элементов, ядерное топливо в расплавленном состоянии протекло в подреакторные помещения и там застыло в условиях низкой температуры, созданной благодаря закачке жидкого азота. Только в третьем случае внезапное улучшение обстановки на станции можно было поставить в заслугу ликвидаторам — ученым, инженерам и рабочим [24].

Академик Евгений Велихов и значительное число его коллег по-прежнему не исключали возможности китайского синдрома. Они считали, что реактор все еще может проплавить себе путь к грунтовым водам. Чтобы это предотвратить, необходимо было как можно скорее заморозить почву под реактором.

Глава 14
Считать жизни

9 мая в штаб-квартиру правительственной комиссии в Иванкове, где Валерий Легасов и Евгений Велихов обсуждали с министром энергетики Анатолием Майорцем способы обуздать реактор, прибыл из Москвы еще один специалист. Сотрудник Министерства энергетики Григорий Медведев в начале 1970-х был заместителем главного инженера первого энергоблока Чернобыльской АЭС и снова побывал на станции за несколько недель до аварии.

Сейчас Медведев приехал для того, чтобы помочь коллегам справиться с поврежденным реактором — и был глубоко поражен многим из того, что застал в Чернобыльской зоне. Прежде всего, ему показалось ненормальным, что ученым приходится убеждать Майорца взять на себя ответственность за происходящее на станции, находящейся в ведении его министерства. Через две недели после взрыва было совершенно непонятно, как именно структурирована работа по преодолению его катастрофических последствий. Вернее говоря, она вообще не была структурирована, а правительственная комиссия выполняла роль пожарной команды, мечущейся с одного участка на другой. «Здесь работают сейчас десятки министерств, — говорил Майорец Велихову. — Минэнерго не в состоянии объединять всех». Велихов не соглашался с министром, считая, что Майорец должен взять на себя ответственность за координацию усилий, предпринимаемых другими министерствами. «Чернобыльская АЭС — ваша станция, — настаивал Велихов. — Сегодня, Анатолий Иванович, надо считать людей, жизни считать…»

Лишь некоторое время спустя Медведев осознал, что означали слова «считать людей и жизни». «Позднее я узнал, что фраза „считать жизни“ приобрела в эти дни новый смысл. На вечерних и утренних заседаниях правительственной комиссии, когда речь заходила о решении той или иной задачи — например, собрать топливо или реакторный графит возле аварийного энергоблока, пробраться в зону высокой радиации и открыть или закрыть какую-либо задвижку, — председатель правительственной комиссии И.С. Силаев говорил: — На это надо положить две-три жизни… А на это — одну жизнь…» За две недели, прошедших после аварии, все постепенно

привыкли к суровой правде: планируя любые работы, необходимо брать в расчет не только минуты и часы, которые люди проведут в условиях высокой радиации, но и во сколько жизней эти работы обойдутся. Жизни руководителей тоже подвергались смертельной угрозе. Так, Легасов получил изрядную дозу радиации, но вместо того, чтобы лечиться в Москве, возвратился в Чернобыль. Велихов, который прибыл обратно в Чернобыль через пару дней после Легасова, имел усталый и болезненный вид — он получил 50 рентген, что вдвое превышало предельно допустимую дозу. Но все понимали, что выбирать не приходится. Что только жертвуя собой и другими можно подчинить себе взбунтовавшегося ядерного монстра. Первым делом — решение поставленной задачи, а счет жизней — это уже потом [1].

В Советском Союзе их прозвали «ликвидаторами» — эти сотни тысяч человек, в основном мужчин, собранных государством для «ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Тех, кто выполнял самую опасную работу по уборке радиоактивного мусора, называли «биороботами». Всего по партийной линии, через министерства и ведомства, а главным образом за счет резерва Советской армии для работ по расчистке и дезактивации пораженных аварией объектов и территорий было мобилизовано почти 600 000 человек. Не умея должным образом обеспечить безопасность объектов ядерной энергетики, авторитарный советский режим в лучшем виде справился с мобилизацией ресурсов для ликвидации последствий катастрофы.

«Все идет организованно, достаточно одного телефонного звонка — и решение принято, — говорил Велихов корреспонденту газеты „Правда“. — Раньше на согласование уходили месяцы, а теперь достаточно ночи, чтобы решить практически любую проблему. Нет ни одного человека, кто бы отказывался от работы. Все действуют самоотверженно». Выступая по Центральному телевидению вместе с другими участниками ликвидации, Легасов горячо одобрил новые правила игры, благодаря которым ученым и инженерам можно было не согласовывать каждое слово с вышестоящими инстанциями. Чтобы не допустить новой, возможно, гораздо более убийственной катастрофы, принимать решения приходилось быстро и так же быстро проводить их в жизнь.

«Никогда не было такой четкой работы, как тогда», — вспоминает секретарь ЦК Компартии Украины Борис Качура [2].

Мобилизация рабочей силы и материальных ресурсов шла по всему Советскому Союзу. Оперативный центр организации работ по ликвидации последствий аварии находился в Украине; Москва, где были сосредоточены рычаги управления командной экономикой, обеспечивала его необходимыми средствами. Газеты наперебой публиковали заметки о героизме пожарных и успехах в обезвреживании источников радиации. Часто упоминалась в них и хваленая советская «дружба народов». «Святой у нас принцип — один за всех, все за одного, — приводит „Правда“ слова Дмитрия Журавлева, одного из первых ликвидаторов, участвовавшего в наведении понтонного моста через Припять. — Святой закон братства. Рядом с нами работают специалисты, приехавшие сюда из Белоруссии. В центре городка я встречал людей из Москвы, Ленинграда, других городов нашей Родины. Все хотят помочь Украине быстрее ликвидировать беду, случившуюся здесь» [3].

И даже если ученые не всегда до конца понимали, что и как следует делать, людей для отправки в самое опасное на планете место всегда было в избытке. Человеческий ресурс был, пожалуй, единственным неистощимым ресурсом из всех, какими располагал Советский Союз. Первыми в пекло ядерной катастрофы были брошены военные. Пожарные, сражавшиеся с радиоактивным пожаром, состояли на действительной воинской службе во внутренних войсках. Вертолеты пилотировали офицеры военно-воздушных сил, военнослужащие химических войск принадлежали к сухопутным войскам. В последней категории в первое время абсолютное большинство составляли призывники, мальчишки восемнадцати-двадцати лет.

Военных — в частности, призывников — начали привлекать для выполнения опасных работ уже на первых этапах советской атомной программы. После того как ученые, инженеры и квалифицированные рабочие получали максимальную допустимую дозу излучения, на самые опасные участки заступали военнослужащие. Специалисты были нужны для продолжения работы над программой, тогда как солдаты служили расходным материалом. Так как заключенным

ГУЛАГа власти не доверяли, первыми «биороботами» стали именно солдаты. Причем чаще всего использовались призывники из Средней Азии — они почти не говорили по-русски и не понимали, насколько опасна работа на атомных объектах. Если для квалифицированного персонала максимальная допустимая доза облучения составляла 25 бэр, то военные работали до тех пор, пока не набирали 45 бэр, то есть почти в два раза больше [4].

Когда в сентябре 1957 года на химическом комбинате «Маяк», расположенном в закрытом городе Челябинск-40 на Южном Урале, взорвалась емкость с радиоактивными отходами, радиоактивным выбросом накрыло близлежащую воинскую часть. Солдаты, таким образом, оказались в числе первых жертв и первых ликвидаторов первой в Советском Союзе крупномасштабной ядерной катастрофы. Их отправляли на самые опасные участки работ по уборке радиоактивного мусора. Кто-то отказывался идти, но большинство исправно выполняло приказы. В Челябинске-40 советские власти получили первый опыт — как ликвидации последствий ядерной аварии, так и использования военных для дезактивации зараженной местности [5].

Чернобыльская катастрофа далеко превзошла своим масштабом все предшествовавшие аварии на советских ядерных объектах; никто не предполагал, что подобное может произойти. Поэтому очень скоро обнаружилась нехватка химических войск, обученных работам по дезактивации зараженных радиацией объектов. Чтобы ее восполнить, власти пошли на беспрецедентный шаг — призыв на службу резервистов. Только так можно было мобилизовать огромное количество людей, получивших в свое время воинскую специальность. В конце мая ЦК КПСС и Совет министров постановили: «Учитывая большие масштабы дезактивационных работ, ускорить развертывание соответствующих частей и подразделений, призвать из запаса на специальные учебные сборы сроком до 6 месяцев необходимое количество военнообязанных». Каким именно окажется это «необходимое количество», не знал никто. Но теперь известно, что с 1986 по 1989 год в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС приняло участие почти 340 000 военнослужащих. Каждый второй ликвидатор был кадровым военным, призывником или резервистом [6].

Первые резервисты начали прибывать в Чернобыльскую зону уже в мае 1986 года. На тот момент еще не существовало закона, который регламентировал бы использование призванных из запаса военнослужащих для борьбы с последствиями техногенных катастроф — он был принят только на следующий год и разрешал призывать резервистов на срок не более двух месяцев. Но, как известно, Советский Союз никогда не был правовым государством. Людей призывали из запаса и отправляли в Чернобыль приказами военных комиссаров, причем некоторые военкомы обещали резервистам денежное довольствие в пять раз выше их гражданских зарплат и всякие блага для них и их семей исключительно по собственной инициативе, никак не санкционированной государством. У военкомов был план призыва, и они обязаны были его выполнять. Кого-то из резервистов забирали прямо с рабочего места, не дав попрощаться с родными и близкими. Как и в ситуации призыва военного времени, одни изо всех сил старались избежать мобилизации, тогда как другие, повинуясь чувству долга, добровольно вступали в ряды ликвидаторов.

Дезактивация Чернобыльской зоны была поручена военным, и они с честью выполнили эту задачу. «На плечи армии были возложены работы и на самой станции и в тридцатикилометровой зоне по дезактивации деревень, поселков и дорог. Они провели колоссальную работу», — вспоминает Легасов. Военные вертолеты распыляли с воздуха дезактивационную жидкость. На земле химические войска отмывали постройки, поверхность почвы и растительность специальным дезактивационным раствором. Инженерные войска сносили здания и сооружения и захоранивали их, так же как и не подлежащую дезактивации технику. Один из самых известных захороненных военными объектов — так называемый Рыжий лес, участок соснового леса площадью около 4500 гектаров, порыжевший под воздействием радиоактивного выброса из разрушенного реактора. Работы по дезактивации зачастую были связаны с тяжелыми испытаниями, причем не только физическими — можно представить, что чувствовали молодые солдаты, когда сносили бульдозерами оставленные жителями деревни.

Самым знаменитым из всех проведенных военными дезактивационных мероприятий стала очистка от радиоактивного мусора крыши третьего энергоблока. В общей сложности 3000

офицеров, солдат-срочников, резервистов и курсантов под командованием генерал-майора Николая Тараканова сделали то, что было не по силам технике, — убрали с крыши энергоблока, непосредственно примыкавшего к разрушенному четвертому, несколько тонн высокорадиоактивного графита. Одетые в самодельные защитные костюмы, состоявшие из просвинцованных фартуков, свинцовых «плавок» и пластин, защищающих жизненно важные органы, в каждый заход они проводили на крыше считаные минуты, а то и секунды. За это время надо было подхватить радиоактивный обломок на лопату, добежать до края крыши, сбросить его в жерло аварийного реактора и бегом вернуться в относительно безопасное место. Все это делалось для того, чтобы снизить уровень радиационного фона на крыше третьего энергоблока, который в дальнейшем предполагалось снова ввести в эксплуатацию [7].

Генерал-майор Тараканов и его люди честно и самоотверженно выполняли приказ, но некоторые специалисты считали, что военные напрасно жертвуют собой. Одни утверждали, что расчистка крыши не решила проблемы — уровень радиации все равно оставался крайне высоким. Других волновал сам факт того, что задача решалась ценой человеческих жизней. «Совершенно потрясли меня наши юные солдатики, которые практически голыми руками убирали осколки реактора и топлива с крыши блока, — писал позже тогдашний министр энергетики Украины Виталий Скляров. — Там же немыслимые уровни радиации! Кто их посылал? Кто отдавал приказ? Как можно это безумие и преступление выдавать за героизм?! И этот ужас видела вся страна — его показывали по первой программе телевидения». «Биороботы» генерала Тараканова не первые и не последние рисковали жизнями, выполняя план, который не сработал. На тот момент никто не знал, что сработает, а что нет [8].

Военные прекрасно справились с мобилизацией большого количества рабочей силы, в том числе высоко квалифицированной, но полностью удовлетворить потребности Чернобыля в человеческом ресурсе они не могли. По своей линии мобилизацию проводили Министерство атомной энергетики и промышленности, Министерство водного хозяйства, руководители строительной, угольной и нефтяной отраслей. Раз за разом меняя тактику усмирения реактора,

правительственная комиссия запрашивала все новых специалистов, новую технику — и все больше и больше рабочих рук.

Неожиданные «пробуждения» реактора 7 и 9 мая, помешавшие Валерию Легасову и его коллегам отпраздновать День Победы, послужили напоминанием о том, что, несмотря на начавшееся 5 мая сокращение радиоактивных выбросов, реактор по-прежнему был активен и опасен. 10 мая Легасов осмотрел аварийный реактор с вертолета, чтобы оценить характер исходящего из него свечения. «Трудно было определить, — рассказывает он, — горят ли это парашюты, на которых сбрасывался свинец и другие материалы. На мой взгляд, на это было очень не похоже, скорее всего это была раскаленная масса — как потом, уже много позже, я понял, раскаленная масса песка, глины и всего того, что было набросано». В тот же день глава республиканского правительства Александр Ляшко сообщил на заседании оперативной группы Политбюро ЦК Компартии Украины, что накануне ночью произошло обрушение «застывшей корки», образовавшейся над реактором из материалов, которые сбрасывали в него с вертолетов. Хорошие новости у Ляшко тоже были: радиоактивные выбросы сокращались, температура реактора снижалась [9].

И тем не менее никто не знал, как реактор поведет себя завтра-послезавтра. Высокой оставалась вероятность китайского синдрома, по-прежнему были сильны опасения, что раскаленный реактор и расплавленное ядерное топливо рано или поздно пробьют себе путь к грунтовым водам. Чтобы не допустить этого, правительственная комиссия сначала решила охлаждать реактор, закачивая под него жидкий азот. Однако вскоре от этой идеи пришлось отказаться, поскольку боковые стены реактора были разрушены и весь азот выходил наружу.

Новый сменный председатель правительственной комиссии Иван Силаев, несмотря на высказываемые Легасовым сомнения, поддержал предложение Велихова соорудить под реактором железобетонную плиту, охлаждаемую подаваемым по трубам аммиаком. Для этого надо было прорыть туннель, ведущий под реактор, а под самим реактором устроить полость для размещения компрессорного оборудования. Только после этого можно было приступать к прокладке труб и заливке бетона. Сторонники этого плана утверждали, что железобетонная плита в любом случае

необходима. Представителям Международного агентства по атомной энергии, внимательно следившим из венской штаб-квартиры за развитием ситуации на Чернобыльской АЭС, они объясняли, что впоследствии плита станет основанием бетонного саркофага, который будет возведен над аварийным реактором [10].

В связи с изменением плана со станции увезли бурильное оборудование — и стали завозить шахтеров. Первыми в Чернобыль приехали горняки с Донбасса — больше двухсот тридцати человек, а за ними — шахтеры из других угольных регионов Советского Союза, в том числе больше ста пятидесяти человек из Тульской области. Парткомы всех шахт Советского Союза получили задание отобрать лучших из лучших. Тридцатилетний тульский шахтер Владимир Наумов, прибывший в Припять 14 мая, рассказывал позже, что кандидатуры всех командируемых в Чернобыльскую зону в обязательном порядке утверждали парткомы.

Инженеры опасались, что при использовании тяжелой техники бетонное основание реактора может треснуть, и тогда радиоактивное содержимое активной зоны попадет в почву и проникнет в грунтовые воды. Поэтому шахтерам было запрещено использовать тяжелое оборудование. Тоннель они рыли по сути вручную и вручную же толкали груженые грунтом вагонетки. «Когда вырывали эту камеру, грунт вывозили на вагонетке (в тоннеле сразу проложили рельсы), — рассказывает Наумов. — Вагонеточка у нас ходила такая полутонная. Представьте себе, что 90 вагонеток вывозили все смены, однажды даже был рекорд — 96! А теперь подсчитайте — 3 часа — это 180 минут. Значит, по 2 минуты на каждую ходку. То есть полтонны загрузить, 150 метров вагонетку по рельсам протолкать, выгрузить и назад загнать. Причем толкали ее вдвоем, а загружали человек пять-шесть — вручную, лопатами».

Шахтеры работали трехчасовыми сменами, проявляя, по словам Наумова, недюжинный энтузиазм. За свой труд они получили впоследствии очень солидные, по советским меркам, деньги, но поначалу никто из них не знал о принятом 7 мая постановления ЦК КПСС об особой оплате работавшим на ликвидации. «Лопаты друг у друга отбирали! — вспоминает Наумов. — Приходит смена, а им предыдущая говорит, мол, рано! Те, в свою очередь: „Нет, уже две минуты,

как наша смена!“ Энтузиазма было хоть отбавляй. Ведь идеология в те времена была советская, воспитание другое. „Кто, если не мы?“ — был такой известный лозунг» [11].

Хем Салганик — ветеран Второй мировой войны, видный украинский кинодокументалист и автор одного из первых документальных фильмов об аварии на Чернобыльской АЭС — с ностальгией вспоминает дни, проведенные в зоне отчуждения: «Может быть и грех так говорить — но это было прекрасное время! Я вспомнил войну, боевых товарищей. Я не хотел оттуда уезжать — такое было отношение друг к другу. И все занимались только делом». Многие из тех, кому довелось работать в зоне отчуждения, сравнивали борьбу с радиацией со сражениями времен Великой отечественной войны — с той только разницей, что теперь война шла с невидимым врагом. Как и тогда, кто-то норовил дезертировать, а кто-то рвался в бой, жертвуя собой ради победы [12].

Первыми гибли те, кто презирал опасность. На протяжении одиннадцати дней после аварии список потерь не рос — в нем, как и в первый день, значились двое. Но потом, 7 мая, в киевской больнице умер сорокасемилетний заместитель начальника электроцеха Александр Лелеченко. После аварии он был госпитализирован в припятскую санчасть, но самовольно вернулся в свой цех, где получил смертельную дозу радиации.

Через три дня после Лелеченко, 11 мая, в Москве скончались Владимир Правик и Виктор Кибенок. Обоим было по 23 года, оба были лейтенантами, командовали караулами пожарных частей и участвовали в тушении пожара на четвертом энергоблоке. Мать Владимира Правика до последнего просила Бога забрать вместо сына ее саму. Об этом известно со слов Людмилы Игнатенко, жены старшего сержанта Василия Игнатенко, лежавшего в одном отделении с Правиком. Беременная Людмила, рискуя собственным здоровьем и здоровьем будущего ребенка, ни на шаг не отходила от мужа, чье тело превратилось в опасный источник радиации. Она получила лучевую болезнь, но выжила и рассказала о последних днях тех, кто ценой своей жизни потушил радиоактивный пожар.

Василия Игнатенко эвакуировали в Москву вечером 26 апреля; Людмила почти сразу последовала за ним. В Москве она у первого попавшегося милиционера узнала, в какую больницу отвезли чернобыльских пожарников. Без специального пропуска в больницу было не пройти, но Людмила дала несколько рублей вахтерше и прошла. Отыскав радиологическое отделение, она очутилась в кабинете у его заведующей Ангелины Гуськовой. Гуськова спросила ее, есть ли у нее дети. Людмиле от завотделением в тот момент было нужно только одно — чтобы она разрешила ей увидеть мужа. Рассудив, что наличие детей повысит ее шансы, Людмила ответила, что у нее их двое, мальчик и девочка. На самом деле детей у них с Василием не было. Про свои шесть месяцев беременности Людмила умолчала. Гуськова выслушала ее и высказалась в том смысле, что хорошо, что у них с мужем уже есть дети, поскольку, учитывая состояние Василия, больше ей от него рожать не придется. Людмила не успела осознать, насколько тяжелым было его состояние, — главное, чтобы к нему пустили. И Гуськова разрешила ей войти в палату [13].

Василий выглядел лучше, чем в санчасти в Припяти, лицо его больше не было болезненно одутловатым. В одном отделении с ним лежали все пожарные, госпитализированные через несколько часов после аварии, в том числе Правик и Кибенок. При виде Людмилы Василий пошутил, что и тут ему от нее не спрятаться. Остальные тоже обрадовались ее приходу и принялись расспрашивать, что без них происходит в Припяти. Всем хотелось понять, что же стало причиной взрыва, — большинство склонялось к тому, что это было вредительство или диверсия.

Людмила ухаживала и за Василием, и за остальными пожарными в его отделении, родственники которых еще не приехали в Москву. На первые три дня она остановилась у своих знакомых и у них на кухне готовила на всех пациентов отделения. Потом у нее появилась возможность поселиться прямо на территории больницы, чтобы быть ближе к мужу и его товарищам. Ей выдали больничный халат, и в нем ее часто принимали за медсестру. Проводя почти все время в больнице, из разговоров с врачами Людмила усвоила кое-какие азы радиационной медицины. Стадия, которую лечившиеся в Москве пожарные и операторы станции проходили в последние дни апреля, была относительно легкой [14].

Аркадий Усков — молодой оператор станции, один из прибывших на четвертый энергоблок через несколько часов после взрыва, чтобы сменить Александра Акимова с его командой, — в числе первых облученных был эвакуирован из Припяти вечером 26 апреля и госпитализирован в Клиническую больницу № 6. Через пару дней он записал в дневнике: «Настроение нормальное». На тот момент из всех возможных симптомов его беспокоила только сухость во рту, а единственное, что портило настроение, — необходимость сдавать кровь: «Кровь из пальчика — ерунда, но кровь из вены — это уже не шибко приятно», — писал оператор АЭС. «Самочувствие хорошее. Аппетит волчий», — отмечал он 2 мая.

Пока самочувствие оставалось более или менее приличным, пациенты радиологического отделения больше думали не о своем здоровье, а о том, из-за чего взорвался реактор и что теперь будет с атомной станцией. Многие считали, что их место — не на больничной койке, а в Припяти. «Часто вспоминаем свой родной цех, своих мужиков, — писал Усков 4 мая. — Эх, как не вовремя „залетели". Наше место сейчас там». А через два дня, после беседы с Анатолием Дятловым, сыгравшим ключевую роль в событиях рокового утра 26 апреля, он записал: «Разговор только о причинах аварии».

6 мая Усков заметил в товарищах перемены — врач объяснил ему, что это подходит к концу «невидимая» стадия лучевой болезни. У Дятлова выступили ожоги на лице, на ногах и самый сильный — на правой руке. Те же симптомы, но в гораздо более сильной форме, проявились у Виктора Проскурякова, одного из двух инженеров, которых Дятлов через несколько минут после взрыва послал в реакторный зал посмотреть, что там произошло. Скоро появились первые умершие. «Обидно умирать в расцвете сил, молодости… — писал Усков 9 мая. — Вечером смотрели праздничный салют. Но радости мало». 11 мая Усков записал, что у него на пальце одной руки тоже появились ожоги. Ему повезло, он оказался в числе тех немногих, кто выжил и потом продолжил работать на Чернобыльской АЭС. Большинство госпитализированных вместе с ним умерли [15].

9 мая Василий Игнатенко последний раз в жизни подарил жене цветы. Людмила сидела возле его кровати, когда он открыл глаза и спросил: «Сейчас день или вечер?» — «Девять вечера», —

ответила она. Василий попросил открыть окно. За окном начался праздничный салют. «Я обещал тебе, что покажу Москву», — сказал Василий. Он бывал в Москве во время срочной армейской службы и давно обещал свозить молодую жену посмотреть столицу. «Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы», — с этими словами Василий достал из-под подушки три гвоздики. Людмила обняла и расцеловала мужа. Василий попытался ей помешать: он знал, что является источником радиации, которая может повредить Людмиле и будущему ребенку. Людмила, несмотря ни на что, осталась у него в палате на всю ночь. Через пару дней Василию сделали операцию по пересадке костного мозга — его собственный был поврежден радиацией и не мог вырабатывать жизненно необходимые белые кровяные тельца. Донором костного мозга стала для него двадцативосьмилетняя сестра. Людмила надеялась на чудо.

Василий Игнатенко умер 13 мая. В тот же день на московском Митинском кладбище в запаянных цинковых гробах похоронили пожарных Владимира Правика и Виктора Кибенка. Их тела обернули полиэтиленом, уложили в деревянные гробы, которые, также обернув полиэтиленом, поместили в большие цинковые. После этого гробы опустили в глубокие могилы и сверху накрыли бетонными плитами. Родственникам объяснили, что тела слишком радиоактивные и поэтому забрать их, чтобы похоронить в другом месте, нельзя. Всем им дали подписать бумаги, что они согласны похоронить своих родных так, как посчитало нужным государство. Их убеждали, что погибшие — герои и больше не принадлежат своим семьям: их бренные останки — достояние государства, которое и будет решать, как с ними поступить и какие им воздать почести.

Василия Игнатенко хоронили в условиях повышенной секретности. И на сей раз власти опасались не столько радиации, сколько распространения информации о том, что люди умирают от лучевой болезни. Автобус с гробом Игнатенко и его родными по распоряжению находившегося в нем полковника несколько часов кружил по Москве. Когда катафалк наконец подъехал к кладбищу, полковнику передали по рации: «На кладбище въезд не разрешаем. Кладбище атакуют иностранные корреспонденты. Еще подождите». Не в силах больше сдерживать чувства, Людмила воскликнула: «Почему моего мужа надо прятать? Он — кто? Убийца? Преступник?» Тогда полковник запросил по рации свое начальство: «Разрешите следовать на кладбище. С женой

истерика». После этого автобус пропустили в ворота. На кладбище похоронную процессию со всех сторон окружили солдаты. «Шли под конвоем, — рассказывает Людмила. — И гроб несли под конвоем. Никого не пустили попрощаться… Одни родственники… Засыпали моментально. „Быстро! Быстро!“ — командовал офицер. Даже не дали гроб обнять. И — сразу в автобусы…» [16]

Сведения о гибели пожарных не должны были попасть в руки иностранных корреспондентов и через них дойти до широких слоев советского населения. Между тем отсчет погибших только начинался. За несколько следующих месяцев от лучевой болезни умерли двадцать восемь человек. Спустя месяцы и годы люди будут продолжать умирать от болезней, связанных с воздействием высоких доз радиации. Каждый из почти 600 000 ликвидаторов получил в среднем по 12 бэр — это в 120 раз больше годовой дозы, безопасной с точки зрения Международной комиссии по радиологической защите. В последующие десятилетия показатели смертности и инвалидности среди ликвидаторов были значительно выше, чем в среднем у населения страны [17].

Часть V

Подведение итогов

Глава 15
Словесные войны

14 мая, через восемнадцать дней после аварии, Горбачев наконец-то прервал молчание и с экрана телевизора обратился к стране: «Добрый вечер, товарищи! Все вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции». Он не назвал сограждан «братьями и сестрами», как Сталин после вторжения Германии в Советский Союз в 1941 году, но говоря, что беда постигла «нас», то есть всех граждан страны, он апеллировал к духу единства и доверия между правителями и подданными. Однако если он и существовал когда-то в Советском Союзе, то теперь, после того как власти попытались скрыть правду о Чернобыльской аварии, уж точно был подорван.

Горбачев явно считал, что правитель не обязан говорить народу правду. «Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля», — заявил он, продолжая следовать официальной политике умолчания о Кыштымской катастрофе 1957 года. В то же время Горбачев не кривил душой, когда уверял телезрителей, что власти делают все возможное, чтобы справиться с последствиями катастрофы, и что работа ведется в круглосуточном режиме. Он впервые привел самые точные на тот момент цифры пострадавших — двое погибли в день аварии; 299 человек госпитализированы с лучевой болезнью, семеро из них умерли. По имени были названы только погибшие в первый день Владимир Шашенок и Валерий Ходемчук.

Горбачев утверждал, будто население пораженных радиацией районов власти эвакуировали чрезвычайно быстро и организованно. «Как только мы получили надежную первоначальную информацию, она стала достоянием советских людей, была направлена по дипломатическим каналам правительствам зарубежных стран», — заявил он. Представители советского руководства потом часто будут приводить эти слова в собственное оправдание. Но выражение «надежная информация» можно понимать по-разному. Очевидно, что для Горбачева оно означало одно, а для жителей Припяти и Киева, а также для иностранных правительств — совсем другое.

Первое обращение Горбачева к стране по поводу Чернобыльской аварии больше чем наполовину было посвящено полемике с Западом: «Правящие круги США и их наиболее усердные союзники — среди них я бы особо отметил ФРГ — усмотрели в происшествии лишь очередную возможность поставить дополнительные преграды на пути развития и углубления и без того трудно идущего диалога между Востоком и Западом, оправдать гонку ядерных вооружений. Мало того, была сделана попытка вообще доказать миру, что переговоры, тем более соглашения с СССР невозможны, и дать тем самым „зеленый свет“ дальнейшим военным приготовлениям» [1].

Это был ответ Горбачева на волну возмущения и критики, прокатившуюся по странам Центральной и Западной Европы и вскоре достигшую Соединенных Штатов. Мир негодовал из-за того, что СССР сначала попытался скрыть факт аварии и не стал никого предупреждать о ее последствиях, а когда все же начал делиться информацией, делал это крайне неохотно. Едва до широкой европейской общественности дошло известие о движущемся от советских границ радиоактивном облаке, политики и обычные граждане забили тревогу.

Самой резкой была реакция Западной Германии: министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер потребовал от Советского Союза остановить все атомные реакторы в стране. Итальянцы запретили вход в свои порты советским судам с любыми грузами украинского происхождения. Реакция разных стран сильно зависела от их политической ориентации и от величины вклада атомной энергетики в их экономику. Так, правительство Франции, где бóльшая часть электроэнергии производилась на атомных станциях, отказывалось признавать, что чернобыльское радиоактивное облако когда-либо пересекало границы страны. В Великобритании же, куда облако снесло после Франции, никто не пытался скрывать или отрицать этот факт. В социалистических странах Восточной Европы правительства хранили молчание, тогда как народ вовсю возмущался. «Непростительно, что СССР ничего не сообщил про это облако, и наши дети несколько дней подвергались воздействию радиации», — приводит журнал Time слова одного из жителей Варшавы [2].

США Чернобыльская авария непосредственно не затронула, но они были заинтересованы в поддержании мирового порядка и обмене правдивой информацией о происшествиях на ядерных объектах. 4 мая президент Рональд Рейган, который находился тогда на пике популярности, в радиообращении к нации выразил сочувствие пострадавшим от аварии: «Как и многие другие страны, мы готовы оказать им любую посильную помощь». Затем он обрушился на Советский Союз с критикой за «излишнюю секретность и упрямое нежелание информировать международное сообщество об угрозах, которые несет ему эта катастрофа… Советы демонстрируют пренебрежение законными интересами людей по всему миру. Ядерная авария, в результате которой радиоактивными материалами была заражена территория нескольких стран, не может считаться их внутренним делом. Советы обязаны объясниться. Мировое сообщество, безусловно, вправе получить подробный отчет о том, что случилось в Чернобыле и что происходит там сейчас» [3].

До того ни президент Рейган, ни другие западные лидеры не критиковали мер, принимаемых Советским Союзом в связи с Чернобыльской аварией. Когда вскоре после радиообращения журналисты попросили Рейгана прокомментировать его критические высказывания, он ответил: «А разве Советы не всегда так себя ведут, когда у них что-то происходит? Они ведь нам всем не очень-то доверяют». От такого закаленного ветерана холодной войны можно было ждать и более резких высказываний в адрес Советского Союза, но дело в том, что на тот момент прошло всего полгода после первой многообещающей встречи Рейгана и Горбачева, состоявшейся в ноябре 1985 года в Женеве. На ней президенты договорились встретиться снова в следующем году, и пресса как раз оживленно обсуждала возможные сроки и повестку будущего саммита. В феврале 1986 года, выступая перед XXVII съездом КПСС, Горбачев говорил не только об американском империализме, но и о зарождавшемся взаимовыгодном сотрудничестве двух великих стран. А теперь Чернобыль, точнее, информационная закрытость Советского Союза и реакция на нее американцев грозили подорвать нормализацию отношений между сверхдержавами [4].

5 мая в Токио на встрече «Большой семерки», международного клуба наиболее индустриально развитых демократических стран, лидеры Канады, Франции, Западной Германии,

Италии, Японии, Великобритании и США выпустили совместное заявление в связи с Чернобыльской аварией, выдержанное практически в той же тональности, что и сделанное накануне Рейганом. Они выразили соболезнования погибшим и пострадавшим от аварии, но в то же время отметили, что возглавляемые ими ядерные государства несут ответственность за своевременное информирование соседей о ядерных авариях, особенно если их последствия затрагивают другие страны, и потребовали того же от СССР. Лидеры «Семерки» с удовлетворением отметили готовность Советского Союза взаимодействовать с МАГАТЭ в области мирного атома, но при этом указали на недостаточную открытость советской стороны. «Мы настоятельно призываем правительство Советского Союза, своевременно не обнародовавшее информацию о происшедшем в Чернобыле, срочно предоставить ее нам и нашим странам» [5].

Внешнему миру была нужна информация — и как можно более полная. В период с 27 апреля по 16 мая Киев посетили 22 иностранных дипломата — такого нашествия никогда еще не случалось в городе, в котором располагалось всего несколько консульств, и то исключительно социалистических стран Восточной Европы. КГБ тщательно перекрывал дипломатам и журналистам любой доступ к неофициальным источникам информации об аварии. Телефоны иностранных журналистов прослушивались, корреспонденты, работавшие из Москвы, начали испытывать технические трудности с отправкой материалов в редакцию. Советские официальные лица беспрестанно клеймили «антисоветскую кампанию», развернутую «поджигателями войны» из числа лидеров западных стран, и обвиняли «зарубежные националистические центры» в том, что они подбивают американских конгрессменов усилить давление на советское правительство с целью заставить его более щедро делиться информацией с собственным народом и международным сообществом [6].

30 апреля иностранных послов в Москве пригласили на брифинг в МИД. Выступавший на этой встрече первый заместитель министра иностранных дел Анатолий Ковалев назвал количество жертв Чернобыльской аварии, но при этом постарался, насколько возможно, приуменьшить опасность радиоактивных выбросов из реактора. Это была непростая задача — встреча закончилась только в половине третьего ночи на 1 мая. По ее итогам Ковалев составил

инструкции для министров иностранных дел союзных республик. На местах иностранцам нужно было объяснять, что авария никоим образом не может повредить их здоровью, но тем, кто все равно захочет уехать, предписывалось не препятствовать. Медицинское обследование необходимо было проводить немедленно по первому же требованию, но в случае обнаружения симптомов лучевой болезни из страны уже не выпускать. Как сформулировал министр иностранных дел Украины, Москвой «ставится задача исключить выезд за границу заболевших людей, с тем чтобы не позволить нашим врагам использовать случайные факты в антисоветских целях» [7].

Заверения Ковалева не произвели желаемого эффекта на послов. Англичане отозвали сто студентов, обучавшихся в Киеве и Минске. Финны эвакуировали из Киева своих студентов. Прервали занятия и выехали за границу 87 слушателей курсов русского языка из США и Англии, а также 16 канадских стажеров, которых не удалось убедить в том, что от них ничего не скрывают. Учащиеся из «развивающихся стран», напуганные бегством более богатых соучеников, жаловались на дискриминацию и требовали у своих посольств вывезти их на родину. Студенты из Иордании, Нигерии и еще нескольких стран решили выехать из Киева до окончания учебного года. По версии КГБ, многим из них просто хотелось получить бесплатный билет домой, длинные каникулы и облегченные досрочные экзамены. Но так или иначе, они тоже стремились прочь из Киева [8].

В конце апреля группа американских туристов, встревоженных известиями об аварии на АЭС, попыталась срочно купить билеты на самолет в Ленинград, чтобы покинуть Киев. Однако, как доложил Щербицкому шеф украинского КГБ, «обстановка в группе нормализована», то есть вылет группы удалось отложить. В те же дни четырнадцать канадских стажеров потребовали немедленно выпустить их домой, они утверждали, что советские средства массовой информации «скрывают истинное положение». С этой группой тоже поработал КГБ, чьей целью было убедить иностранных граждан — а через них иностранные правительства и западное общественное мнение — в том, что в Советском Союзе не происходит ничего из ряда вон выходящего [9].

Иностранные студенты и туристы, уже находившиеся в Киеве, спешили покинуть город, а те, кто планировал его посетить, отказывались от поездок. Туры отменялись один за другим. Если в

мае 1985 года город ежедневно принимал до тысячи гостей из «капиталистических стран», то в мае 1986-го их число порой не достигало и ста пятидесяти. На открытие «Велогонки мира» 6 мая в Киев не приехали спортсмены из США, Великобритании и других западных стран. Чтобы убедить зрителей, что в городе все спокойно и ситуация под контролем, советское телевидение показало проезжающих по улицам Киева велосипедистов из СССР и братских социалистических государств. На этих кадрах было, впрочем, хорошо видно, что городские улицы, вдоль которых полагалось стоять толпам людей, приветствующих спортсменов, совершенно пусты [10].

Михаил Горбачев всегда трепетно относился к тому, как его воспринимают за границей, и поэтому с тревогой наблюдал за поднимавшейся на Западе волной критики в свой адрес и в адрес советского правительства. Он даже как-то пожаловался академику Легасову, что на Западе начинают понапрасну трепать его имя. С этим надо было что-то делать, причем срочно [11].

6 мая, когда после нескольких дней роста интенсивность выбросов из разрушенного реактора пошла на спад, Министерство иностранных дел созвало пресс-конференцию, посвященную Чернобыльской аварии. Вел ее первый заместитель министра Ковалев, который несколькими днями раньше проводил брифинг для послов. В своем выступлении он следовал по накатанной за годы холодной войны колее, обвиняя Соединенные Штаты в «очередной истерии». Но на пресс-конференции прозвучал и свежий голос. Он принадлежал первому председателю правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Борису Щербине, незадолго до того прилетевшему из Припяти. Щербина признал, что на первых порах советская сторона недооценивала уровень радиации и что эвакуация гражданского населения была начата с опозданием. Советским журналистам и их коллегам из социалистического лагеря разрешили задавать вопросы с места, тогда как западным корреспондентам пришлось представить свои вопросы заранее в письменном виде. Хотя западные участники были несколько разочарованы, это была знаменательная пресс-конференция: на ней советские власти начали наконец говорить правду своему народу и всему миру [12].

Накануне газета «Правда» опубликовала большую статью, где было сказано, что в результате взрыва 26 апреля на Чернобыльской атомной станции начался пожар. Журналисты описывали, как пожарные самоотверженно сражались с огнем и в итоге ликвидировали возгорание. В другом материале того же номера от имени Совета Министров СССР аккуратно сообщалось о последствиях аварии: радиоактивное заражение распространилось на отдельные местности Украины и Белоруссии за пределами зоны отчуждения, существует угроза загрязнения реки Припяти. Но советские средства массовой информации не только информировали — одновременно они обличали Запад, чье возмущение вынудило СССР заговорить о радиационной опасности.

«Приходится сожалеть, однако, что на этом широком фоне сочувствия и понимания определенными кругами предпринимаются попытки использовать случившееся в неблаговидных политических целях. В пропагандистский оборот запущены слухи, измышления, идущие вразрез с элементарными нравственными нормами. Например, муссируются небылицы о тысячах погибших, о панике среди населения и т.п.» Напоминая про опубликованные на Западе сразу после аварии непроверенные сообщения о количестве жертв, советская сторона пыталась дискредитировать западные правительства и прессу, которые требовали раскрыть всю информацию об аварии. СССР заговорил, но при этом изо всех сил старался сохранить лицо [13].

Приблизительно в то же время МИД наконец дал разрешение группе тщательно отобранных иностранных корреспондентов, в том числе западных, посетить Киев и затем зону Чернобыльской аварии. Оперативная группа украинского политбюро обсудила предстоящий визит на заседании 5 мая. Были отданы распоряжения подготовить объекты, которые будут показаны иностранцам, и проинструктировать людей, которым предстоит с ними общаться. Эту задачу возложили на заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК, будущего президента Украины Леонида Кравчука. Члены оперативной группы понимали, что иностранные корреспонденты обязательно захотят побывать в больницах и в районах, где проводится дезактивация. Перед принимающей стороной стояла двойная задача — и режим секретности не нарушить, и в грязь лицом не ударить. «Начинать надо с медицинской одежды, она безобразна, начиная от белья», — заметил первый

секретарь Киевского обкома Григорий Ревенко. В ответ первый зампред украинского правительства Евгений Качаловский заверил присутствующих, что он может «подписать, чтобы выдали дополнительно новые простыни, белье». Республиканское руководство отнюдь не рвалось показывать гостям истинное состояние советских больниц и реальный уровень жизни граждан социалистической сверхдержавы.

Больницы получили новые простыни и к 8 мая были готовы к приему иностранных гостей, но проблем еще хватало. Так, КГБ особенно заботили длинные очереди в железнодорожные кассы — киевляне массово бежали из города. «Сегодня прибывают двадцать корреспондентов, из них половина из капиталистических стран. Первый путь они сделают в кассы и дадут ненужную нам информацию», — сообщил членам оперативной группы председатель украинского КГБ Степан Муха. Было решено развернуть новые кассы, и это помогло сбить с толку корреспондентов. Газета New York Times написала 9 мая, что каждый день город покидают сотни киевлян — на самом деле из Киева уезжали десятки тысяч человек [14].

Иностранные корреспонденты, прибывшие в Киев вечером 8 мая, отметили, что на улицах города много милиции, но признаков паники не видно: киевляне спокойно прогуливаются, некоторые даже ловят рыбу в Днепре. И ни намека на тысячи погибших и изувеченных, сообщения о которых появились на Западе сразу после аварии. Обращаясь к корреспондентам, председатель Совета министров Украины Александр Ляшко не удержался от соблазна заработать очко в пропагандистской войне: он попросил встать автора панического репортажа о последствиях аварии. Возможно, Ляшко имел в виду корреспондента United Press International Джина Лютера Уайтингтона, получившего недостоверную информацию от киевлянки, с которой он познакомился в Москве вскоре после аварии. Часть его коллег склонялись к тому, что Уайтингтон, неуверенно владевший русским языком, просто не совсем понял, что говорила девушка. Так или иначе, на сей раз Уайтингтон в Киев не приехал. «Напачкал и скрылся», — сказал Ляшко и зачитал отрывок из полной измышлений заметки. «Корреспонденты были немало смущены, что было заметно по прокатившемуся шуму», — с явным удовольствием вспоминает он [15].

8 мая, в тот же день, когда в Киев прибыла делегация иностранных корреспондентов, Чернобыльскую АЭС посетил бывший министр иностранных дел Швеции, а теперь генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс — это был знак невиданной прежде открытости с советской стороны. Вместе с академиком Евгением Велиховым и своим американским советником по ядерной безопасности Моррисом Розеном Бликс долетел из Киева до Припяти на вертолете и с воздуха осмотрел поврежденный реактор и окрестности [16].

Послав Бликсу 5 мая официальное приглашение посетить Чернобыльскую АЭС, Москва создала себе сразу несколько проблем. Этот визит был затеян, чтобы успокоить западную общественность, показать миру, что первые сообщения об аварии бесконечно далеки от действительности и в настоящее время делается все возможное для минимизации ущерба, причиненного взрывом. Но как можно было кого-нибудь успокоить, если даже ведущие советские ученые не знали, что стало причиной взрыва и чего ожидать от неуправляемого реактора, который как будто бы произвольно, то нагревается, то охлаждается?

Когда разрабатывался план визита Бликса, Велихов сказал, что главное — не везти его на автомобиле, так как туалеты на атомной станции (а также, надо понимать, вдоль ведущей в Припять дороги) находятся в таком ужасающем состоянии, что гости подумают бог знает что. На самом же деле Велихов опасался, что, путешествуя в автомобиле, Бликс и его спутники «запачкаются радиоактивной пылью», о чем им немедленно сообщат показания дозиметров, и тогда вся история с посещением АЭС потеряет смысл. Велихов предложил лететь на вертолете, но против этого были свои возражения.

Дело в том, что в нескольких километрах от Чернобыльской АЭС в середине 1970-х был построен объект под названием «Дуга» — громадная радиолокационная станция, предназначенная для раннего обнаружения пусков межконтинентальных баллистических ракет. Радиолокационная станция потребляла большое количество электроэнергии и соединялась секретным кабелем с Чернобыльской АЭС. Другая такая же радиолокационная станция располагалась на Дальнем Востоке, неподалеку от Комсомольска-на-Амуре — она держала под

наблюдением Западное побережье США. Через несколько часов после аварии на Чернобыльской АЭС, когда на территории военного городка Чернобыль-2 было отмечено повышение уровня радиации, военные «Дугу» выключили. Но гигантскую ажурную конструкцию антенной решетки было прекрасно видно с воздуха. Подлетая на вертолете к АЭС, ее просто невозможно было не заметить.

Советская сторона стояла перед выбором: показать Бликсу туалеты и скрыть от него секретный объект или, наоборот, — объект показать, а туалеты не показывать. По словам Велихова, решение везти шведа на вертолете принял лично Горбачев. Таким образом исключалась возможность, что Бликс и его эксперты сопоставят радиоактивность пыли, собранной по пути в Припять, с замерами, сделанными на станции, — и вычислят истинный масштаб катастрофы. То, что они увидят, неизбежно войдет в противоречие с официальной советской версией, согласно которой радиоактивные выбросы из реактора прекратились, а имеющийся радиоактивный фон создают обломки, выброшенные из реактора при первоначальном взрыве. Это была полуправда, равнозначная лжи, и советская сторона вполне отдавала себе в этом отчет [17].

Неизвестно, заметили Бликс с коллегами радиолокационную станцию «Дуга» или нет, но что уж точно бросилось им в глаза — это поднимавшийся над реактором черный дым, означавший, что в нем продолжает гореть графит. Как вспоминает Велихов, у Розена, советника Бликса по радиационной безопасности, не оказалось с собой дозиметра, рассчитанного на высокие уровни радиации. Когда Розену предложили подлететь поближе к реактору, он ответил, что это ни к чему. Позже Бликс сообщал, что на высоте 400 метров и на расстоянии 800 метров от реакторов дозиметры показывали 350 миллирентген в час. Избегая лишнего риска, участники полета не стали замерять уровень радиации за бортом вертолета и высаживаться на станции. Вертолет приземлился на относительно безопасной окраине Чернобыля, откуда они поехали в Киев. Если не считать дымящегося реактора, ситуация с воздуха в целом выглядела неплохо. Как позже выразился Велихов, «станция в целом цела, кто-то там внизу копошится, никаких десятков тысяч трупов и в помине нет».

На прошедшей затем в Москве пресс-конференции Бликс более или менее оптимистично обрисовал будущее затронутых аварией территорий. Он рассказал журналистам, что на полях работают люди, на лугах пасется скот, по улицам ездят машины. По его словам, русские были уверены, что сумеют очистить зараженную местность и она снова станет пригодной для сельского хозяйства. Бликс предложил собрать в Вене международную конференцию, участники которой изучат причины аварии и возможности избежать подобного в будущем. Он заверил аудиторию, что угрозы китайского синдрома — заражения грунтовых вод и Мирового океана — не существует, а Розен сообщил, что, по его мнению, расплавления активной зоны реактора не произошло. Позднее, в интервью советскому корреспонденту в Вене Розен рассказал, что судя по показаниям дозиметров, участники вертолетной инспекции получили по 10 миллибэр. «Это не очень большая величина радиоактивности. Она эквивалентна, например, дозе радиоактивности, которую получает пассажир авиалайнера за два перелета из Европы в Америку» [18].

Чернобыльский визит Бликса позволил Советскому Союзу заработать первое очко в пропагандистской войне с Западом. 9 мая, на следующий день после визита, «Правда» опубликовала статью ведущего советского специалиста-международника, директора Института США и Канады академика Георгия Арбатова. Ее автор констатировал, что Запад отнюдь не един в критическом отношении к СССР, что среди западных деятелей есть и «друзья» и «недруги». «Друзья» — это те, кто проявил искреннее сострадание и стремление помочь, как, например, американский специалист по трансплантации костного мозга доктор Роберт Питер Гейл, который уже 2 мая прилетел в Москву оперировать пострадавших при аварии, и коллега Гейла доктор Пол Терасаки. Лагерь «недругов» был представлен не названной по именам обслугой «аппарата психологической войны» против Советского Союза, которые якобы испугались советских мирных инициатив и поэтому утверждают: раз СССР утаил информацию об аварии, ни одному его предложению верить нельзя. «Чтобы возбудить пропагандистскую шумиху, направить ее против СССР, пошли на очевидную передержку: серьезную, но, конечно же, локальную аварию изобразили наподобие всемирного ядерного бедствия», — писал Арбатов [19].

14 мая в своем первом и последнем обращении к стране и миру в связи с Чернобыльской аварией Горбачев подхватил многие из высказанных Арбатовым мыслей. Вслед за академиком генсек поблагодарил Гейла и Терасаки, высоко оценил «объективное отношение к событиям на Чернобыльской атомной электростанции» со стороны Ханса Бликса и осудил «разнузданную антисоветскую кампанию», развернутую на Западе, прежде всего в Соединенных Штатах и Западной Германии. Горбачев обрушился с нападками на токийское заявление лидеров стран «Большой семерки», обрисовал планы повышения роли МАГАТЭ и пообещал на конференции этой организации представить полный отчет о Чернобыльской аварии. В завершение он предложил Рональду Рейгану встретиться в ближайшее время — возможно, в Хиросиме — и подписать договор о запрете ядерных испытаний, явно рассчитывая побить хиросимской картой — чернобыльскую [20].

Вне зависимости от того, какой эффект горбачевская контратака возымела на Западе, в своей стране она ему политических очков не прибавила. По наблюдению многолетнего переводчика Горбачева Павла Палажченко, его шеф оказался в исключительно трудном положении: ему нельзя было ни преуменьшить масштаб аварии, ни сказать чего-то такого, что могло вызвать панику. В итоге Горбачев и его спичрайтеры ни на шаг не приблизились к решению задачи. Москва была «на грани паники, — вспоминает Палажченко. — Город полнился слухами, официальной версии событий практически никто не верил… Государственные средства массовой информации, по привычке и из опасения подстегнуть панику, приуменьшали масштаб случившегося. Но господствующим настроением в Москве была подавленность, часто смешанная со злостью. Это было настроение недоверия властям. Оглядываясь назад, я думаю, что из-за этого [Чернобыльской катастрофы] между народом и властью пролегла трещина, которая до сих пор не закрылась» [21].

В Киеве недоверие и злость по отношению к Горбачеву были стократ сильнее, чем в Москве; многим даже казалось, что Чернобыльская авария поставит крест на его политической карьере, поначалу столь многообещающей. Отдушину киевлянам давал юмор — зачастую черный. Так, академика Велихова, одного из главных участников пропагандистского турне Ханса Бликса, киевские коллеги приветствовали свежей шуткой: «Киевлянин встретил на том свете чернобыльца

и спрашивает: „Как ты сюда попал?“ — „От радиации. А ты?“ — „А я от информации“». Все прекрасно знали — во многом благодаря западным радиостанциям, — что Горбачев скрывает информацию об аварии не только от внешнего мира, но и от собственного народа [22].

Но Горбачев не сдавался. На следующий день после телевизионного выступления он встретился с доктором Робертом Питером Гейлом, которого похвалил в своей речи, и с известным в СССР американским бизнесменом Армандом Хаммером, убежденным поборником улучшения американо-советских отношений, доставившим из США медикаменты для жертв Чернобыльской аварии. Дела с Советским Союзом Хаммер начал вести еще при Ленине и лично встречался с основателем советского государства — этот факт любили припоминать советские средства массовой информации. Теперь же они сообщили, что Хаммер поинтересовался у Горбачева, насколько вероятна его встреча с Рейганом, о которой президенты договорились во время саммита в Женеве в ноябре 1985 года. Горбачев ответил Хаммеру, что хотел бы, чтобы встреча состоялась, но только чтобы при этом были соблюдены два условия: она должна принести осязаемый результат и проходить в нормальной политической атмосфере. Под «нормальной политической атмосферой» подразумевалось прекращение того, что Горбачев называл направленной против него «в высшей степени аморальной кампанией». Иными словами, Запад не должен был впредь высказывать сомнения в адекватности официального освещения Чернобыльской аварии [23].

15 мая, в день встречи с Горбачевым, Роберт Питер Гейл дал пресс-конференцию, на которой назвал цифры уже имеющихся и потенциальных жертв аварии. Так же как накануне Горбачев, Гейл рассказал, что на тот момент 9 человек умерли и 299 были госпитализированы с разной степени тяжести лучевой болезнью. Но в его выступлении прозвучали и более пугающие цифры. Тридцать пять человек, по словам Гейла, находились в критическом состоянии, девятнадцати из них он со своей командой сделал пересадку костного мозга. По его прогнозу, в будущем лучевая болезнь могла поразить пятьдесят-шестьдесят тысяч человек. Это означало, что потребуется гораздо больше лекарств и оборудования, чем привез в Москву Арманд Хаммер. На той же пресс-

коференции Гейл представил своего советского коллегу и сообщил, что они с ним договорились провести совместные исследования и сделать совместную публикацию по их результатам [24].

В смысле пропаганды пресс-конференция доктора Гейла стала для советской стороны большой удачей. Советский Союз показал миру, в том числе странам, сильнее других затронутым последствиями аварии, что больше ничего не скрывает. Однако была ли столь же эффективна помощь доктора Гейла жертвам аварии, оценить труднее. Несколько дней спустя он дал в Москве еще одну пресс-конференцию, на которой сообщил уже о двадцати трех умерших. Но еще тревожнее для доктора Гейла и американо-советского сотрудничества в целом прозвучало заявление заместителя министра здравоохранения академика Евгения Чазова о том, что после проведенной Гейлом трансплантации костного мозга умерли одиннадцать больных. Позже главный советский специалист по лучевой болезни Ангелина Гуськова выразила мнение, что от трансплантации было больше вреда, чем пользы. То есть под угрозу была поставлена профессиональная репутация доктора Гейла. «Трансплантация костного мозга может предотвратить только смерть от недостаточности костного мозга, — говорил он в свою защиту. — Она не спасет вас от смерти от ожогов или от радиационного повреждения печени».

Успешность сделанных им операций сам Гейл оценивал в 90 процентов. Это и подобные ему утверждения будут скептически восприняты как в Советском Союзе, так и в США. Пока же, вне зависимости от реальной результативности проведенных им операций, в критический момент пропагандистской войны между Востоком и Западом доктор Гейл олицетворял готовность Америки прийти на помощь Советскому Союзу и подталкивал советские власти к более открытому обсуждению чернобыльской проблемы на международной арене. Он был вестником надежды в мире, разделенном холодной войной [25].

Советское руководство не ожидало такой резкой международной реакции на попытку скрыть сам факт аварии и ее последствия. Президент США Рональд Рейган создал специальную рабочую группу по Чернобылю, и пресс-секретарь Белого дома Ларри Спикс почти каждый день докладывал о полученных ею результатах. Члены президентской администрации последовательно

критиковали власти Советского Союза за отсутствие оперативной информации об аварии. Обеспокоенный невозможностью объективно оценить потенциальный ущерб для окружающей среды и здоровья людей, Запад был готов — и даже стремился — ввязаться в новое пропагандистское противостояние с Советским Союзом. «Экономические вопросы не вызывают у нашей публики ничего, кроме зевоты», — заявил сотрудник администрации, участвовавший в составлении радиообращения, в котором президент Рейган — на десять дней раньше Горбачева — поднял вопрос о Чернобыле [26].

Советская сторона ответила попыткой взять под контроль чернобыльский нарратив — способ изложения событий, их хронологии и интерпретации, который играл важнейшую политическую роль. На первых порах, когда надо было мобилизовать население, отвлечь его от проблем и экономических трудностей внутри страны, хорошую службу Советскому режиму сослужила риторика холодной войны. В первый месяц после аварии почти треть публикаций в советских средствах массовой информации была посвящена нападкам на Запад. Советские пропагандисты с удовольствием указывали на ошибки и преувеличения в первых западных сообщениях об аварии — при том что ошибки были результатом информационной блокады со стороны Советского Союза. Горбачев воспользовался ситуацией, чтобы призвать к запрету ядерных испытаний — это был важный пункт его внешнеполитической стратегии, направленной на ослабление международной напряженности и избавление истощенной советской экономики от бремени гонки вооружений. Но увидев, что в схватке за чернобыльский нарратив победить не удается, советские власти решили смягчить цензурный диктат над прессой [27].

Давление со стороны Запада и потребность в информации внутри страны решительным образом повлияли на информационную политику Горбачева. Советские журналисты внезапно получили доступ к специалистам-ядерщикам, о встрече с которыми раньше не приходилось и мечтать. Режим секретности рушился, наступала эпоха открытости, или гласности, которой только через год с лишним предстояло стать неотъемлемой частью горбачевских реформ. В советологическом Институте Гарримана Колумбийского университета доктор Джонатан Сандерс, впоследствии много лет проработавший корреспондентом CBS в Москве, в рамках запущенного

им проекта «Рабочая группа по советскому телевидению» записывал и изучал советские телепередачи. Опираясь на результаты своих исследований, Сандерс писал: «Освещение Чернобыльской аварии ознаменовало перелом в истории советских средств массовой информации. Телевидение впервые… стало удовлетворять зрительский спрос на „плохие новости“, прекратило замалчивать случающиеся в стране бедствия» [28].

Этот перелом имел решающее значение для развития советских средств массовой информации, советско-американских отношений и грядущего крушения СССР. Советский Союз доживал свои последние годы. Плохих новостей будет хоть отбавляй, а после Чернобыля советский режим уже не сможет скрывать их от собственного народа и от внешнего мира.

Глава 16
Саркофаг

Министр среднего машиностроения Ефим Славский, в свои восемьдесят восемь лет все еще полный сил и энергии, появился в Чернобыле 21 мая, почти через месяц после аварии. Некоронованный король советской атомной программы задержался сразу по ряду причин, но его собственной вины в этом не было. Возглавляемое им министерство не имело отношения к эксплуатации Чернобыльской АЭС, но, как всем было хорошо известно, ее аварийный реактор был детищем Славского и научно-исследовательских институтов, созданных и работавших при его участии. На эту невидимую империю трудились сотни тысяч человек, гражданских и военных. Именно министерство Славского спроектировало, построило и запустило первые РБМК — реакторы того типа, что использовались на Чернобыльской АЭС, — а впоследствии всячески пропагандировало их строительство. После аварии многие руководители партии и правительства попытались дистанцироваться от некогда всемогущего министра, но в конце концов были вынуждены обратиться к нему за помощью. Без имевшегося у Славского опыта борьбы с последствиями происшествий на ядерных объектах, как и без громадных человеческих и технических ресурсов его министерства, было не обойтись.

15 мая 1986 года Политбюро ЦК КПСС поручило Славскому и Министерству среднего машиностроения «похоронить» взорвавшийся реактор — законсервировать его, чтобы раз и навсегда прекратить выбросы радиации. Как это сделать, должен был решать сам Славский. Он немедленно взялся за дело. Через пять дней его приказом в рамках министерства было создано специальное строительное управление с генералом во главе. Инженеры и архитекторы предложили несколько способов консервации. Одно из предложений заключалось в том, чтобы похоронить реактор под курганом из песка, бетона и металлических шаров. Были варианты возвести над энергоблоком перекрытие в виде арки или раскрытого зонта. В итоге выбор пал на конструкцию с максимальным использованием сохранившихся после взрыва железобетонных конструкций. Такое решение позволяло сократить сроки строительства, и это было

принципиально важно, так как политбюро требовало уложиться в четыре месяца. Официально сооружение, возводимое над четвертым энергоблоком, называлось «Укрытие». Между собой участники строительства называли его «саркофагом». Славский, таким образом, одновременно оказался главным архитектором, священником и распорядителем похорон [1].

Быстрые, экономичные и почти всегда временные решения сложных проблем с применением неизменно ограниченных технических ресурсов и, как правило, неограниченных людских — на этом строилась вся карьера Славского и вся советская атомная программа с первых дней своего существования. Лучше, чем Славский, никто не справился бы с этой задачей: похоронить не только реактор, но вместе с ним и целую эпоху в истории советской ядерно-энергетической программы. Первый опыт борьбы с последствиями ядерной аварии Славский получил в 1957 году после Кыштымской аварии. На тот момент он всего два месяца как был назначен на должность министра. Без малого тридцать лет спустя в Чернобыле выбор на него пал по умолчанию.

5 июня 1986 года Политбюро ЦК КПСС утвердило проект возведения саркофага, разработанный ленинградскими архитекторами и инженерами во главе с Владимиром Курносовым. Под командованием Славского объединились научные, промышленные и военные кадры — и началась настоящая боевая операция. Славский рвался на передовую. Пожилой министр, сохранивший редкостную работоспособность, не раз работал на местах ядерных аварий и привык игнорировать эффект «малых доз» радиации. 21 мая, в первый свой день на Чернобыльской АЭС, он облетел взорвавшийся реактор на вертолете, а потом пешком отправился к разрушенному взрывом четвертому энергоблоку. Подойдя с двумя помощниками к третьему энергоблоку, Славский сказал: «После выпьем по рюмке — и все пройдет. А посмотреть, что здесь и как, нужно хорошенько». На следующий день он уже не стал брать с собой помощников. «Я старик, — сказал Славский. — Мне не страшно, а вы еще молодые…» [2]

Весь фронт работ был поделен между шестью строительными управлениями, входившими в империю Славского. Вокруг разрушенного энергоблока вырастали целые города, прокладывались дороги, тянулись железнодорожные пути; на относительно безопасном удалении строились бетонные заводы. Первым делом, как и после Кыштымской аварии, строители залили бетоном

сильно загрязненные участки в непосредственной близости от энергоблока, устроив таким образом относительно безопасную строительную площадку. И тем не менее бетономешалки разгружались за специально возведенными бетонными стенками, отделявшими их от энергоблока, возле которого радиационный фон достигал 50 рентген в час. На главных машиностроительных предприятиях Советского Союза были размещены заказы на производство оборудования и металлических конструкций, необходимых для возведения саркофага. У украинских властей, которые как могли старались обеспечить запросы правительственной комиссии на рабочую силу, строительные материалы и технику, добавилось задач. Для закладки фундамента саркофага было приобретено итальянское оборудование, а бетон для его стен подавали мощные насосы, произведенные в Западной Германии [3].

После того как Славский самолично произвел разведку местности, он бросил в бой военных. Командовал ими генерал-майор Юрий Савинов, который видел свою задачу в том, чтобы создать плацдарм для наступления на нового невидимого врага — радиацию. Военные занимались и дезактивацией, и строительством. К началу июня в составе строительных батальонов в Чернобыле трудились 20 000 человек — офицеров и рядовых, причем последние были в основном резервистами. Многих из них обманывали в военкоматах, скрывая, что направляют в Чернобыль. Тем, кто понимал, куда едет, военные комиссары обещали заработок в пять раз больше обычного. Но даже убедившись, что никто не собирается исполнять обещания, мобилизованные работали старательно и дисциплинированно. КГБ зафиксировал единственный случай проявления недовольства: 2 июня более двухсот резервистов отказались от приема пищи после того, как командир батальона и двое командиров рот, получив предельные дозу облучения в 25 рентген, покинули часть, а 170 резервистов, получивших такие же дозы, были там оставлены [4].

Чрезмерные дозы облучения представляли собой серьезную проблему вплоть до окончания строительства саркофага. На первых порах уровень радиации вблизи четвертого энергоблока колебался в диапазоне от 5 до 370 рентген в час. К 5 июля под руководством Славского было очищено 800 000 квадратных метров территории станции и вымыто почти 100 000 квадратных метров поверхностей — наружных стен, вспомогательных помещений и топливных хранилищ.

Вслед за тем 26 строительных батальонов общей численностью 80 000 человек, оснащенных 9000 единицами техники, начали возводить вокруг разрушенного энергоблока бетонные стены шестиметровой толщины. К концу июля основание будущего саркофага было готово. На него ушло 15 000 кубических метров бетона; еще около 300 000 кубометров должно было уйти на завершение строительства.

Но не все задуманное удавалось осуществить. Так, пришлось отказаться от полюбившейся Славскому идеи накрыть саркофаг девятитонным алюминиевым куполом. Его планировали водрузить на свежевозведенные бетонные стены с помощью вертолета. Но во время тренировочного полета при установке на макет саркофага купол сорвался с вертолетной подвески и упал. «Полет выполнялся на высоте 400 м со скоростью 50 км/час, — говорится в докладной записке КГБ. — В результате удара о землю „купол“ разрушился». К счастью, никто не пострадал. По слухам, присутствовавший при этом Славский перекрестился и сказал: «Слава богу». Больше к этой идее не возвращались. Перекрытие саркофага было решено делать из железобетонных плит [5].

Собранные со всего Советского Союза конструкторы, инженеры, офицеры и резервисты работали вахтовым методом. Первая вахта продолжалась с середины мая до середины июля, вторая прибыла в Чернобыль в середине июля и работала до середины сентября. Третья и последняя в середине ноября завершила строительство саркофага, всего на два месяца превысив нереальный срок, который в мае поставило политбюро. К этому времени на стройке под руководством Славского успели потрудиться около 200 000 человек. Они возвели 400 000-тонный саркофаг, который укрыл страну и весь мир от смертоносной радиации, испускаемой разрушенным реактором [6].

Раз в две недели Славский появлялся на строительной площадке, чтобы лично проконтролировать ход работ. Но Чернобыльская АЭС была для него не единственным полем боя. Другим, не менее важным, был Кремль, куда его 3 июня пригласили на заседание политбюро, на котором предстояло выяснить причины Чернобыльской аварии, сделать из них выводы и наказать виновных. На ком же лежала ответственность за технологическую катастрофу поистине

библейского масштаба — на персонале станции, загубившем безупречный, как считалось, реактор из-за преступного пренебрежения инструкциями и правилами эксплуатации, или на создателях реактора из ядерной империи Славского, куда входил и Курчатовский институт? От ответа на этот вопрос зависели министерский портфель Славского, его репутация и, самое главное, судьба его научного наследия. Более того, на карту было поставлено будущее реакторов типа РБМК и советской атомной энергетики в целом.

Славский был убежден, что его подчиненные в аварии невиновны. Впервые услышав о ней, он счел, что это не его проблема: пусть с ней разбирается Министерство энергетики, ответственное за Чернобыльскую АЭС. Ученые из Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ) — им руководил Николай Доллежаль, главный конструктор реакторов того типа, который эксплуатировался в Чернобыле, — винили во всем украинских специалистов. «Хохлы взорвали реактор», — повторял один из ведущих сотрудников института, пораженный известием о взрыве. И Славский, и Доллежаль, и директор Курчатовского института Анатолий Александров были выходцами из Украины. Обвинение имело не национальную, а ведомственную направленность: Славский с коллегами пытались защитить Министерство среднего машиностроения и московские институты, возложив вину на периферийные кадры [7].

Под эгидой правительственной комиссии по расследованию причин аварии 29 апреля была созвана оперативная группа, которую возглавил заместитель Славского Александр Мешков. Бóльшую ее часть составляли сотрудники двух московских исследовательских институтов: НИКИЭТ, где был сконструирован реактор, и Курчатовского, обеспечившего теоретическую сторону проекта. Начав с шести возможных сценариев, к 2 мая группа уже склонялась к одному: реактор взорвался в ходе эксперимента по проверке работы турбины в нештатном режиме из-за нарушений, допущенных операторами станции.

Это и стало официальной версией, которой в дальнейшем придерживались представители ядерного истеблишмента. Те, кто ее не разделял, предпочитали свое мнение не афишировать. Александр Калугин, один из членов оперативной группы, в конце первого дня ее работы сказал

Валентину Федуленко: «А реактор-то взорвался от сброса стержней аварийной защиты». Калугин имел в виду, что причиной взрыва стал внезапный скачок мощности, вызванный введением в активную зону контролирующих стержней. Такой вариант развития событий был спрогнозирован в документе, который циркулировал среди ученых атомщиков незадолго до аварии. По этой версии вина — по меньшей мере частично — лежала на создателях реактора; представители научных институтов, где он создавался, согласиться с ней не могли. В середине мая они доложили президенту Академии наук Александрову, что авария произошла из-за того, что операторы станции нарушили инструкции. Александров, научный руководитель проекта по созданию реактора, это объяснение принял [8].

Сходной линии придерживалась правительственная комиссия во главе с Борисом Щербиной. Щербина не до конца исключал просчеты в конструкции реактора, но в докладе, сделанном 3 июля на заседании политбюро, основную вину возложил на операторов. «Авария произошла в результате грубейших нарушений эксплуатационным персоналом технологического регламента и в связи с серьезными недостатками в конструкции реактора, — говорилось в докладе Щербины. — Но эти причины не равнозначны. Исходным событием аварии Комиссия считает ошибки эксплуатационного персонала». Этот вывод лег в основу официальной позиции политбюро, в качестве такового был доведен до советских и заграничных средств массовой информации, а также до международного научного сообщества [9].

Первой жертвой новой партийной линии стал бывший директор Чернобыльской АЭС Виктор Брюханов, отстраненный от должности в конце мая. В начале июля, когда Брюханова вызвали в Москву держать ответ перед членами политбюро, он по-прежнему был глубоко подавлен и происходящее с ним, как он сам позже рассказывал, было ему более или менее безразлично. Однако он хорошо запомнил обстановку того заседания. Политбюро собралось в кремлевской Ореховой комнате за гигантским столом. Опытным глазом инженера-строителя Брюханов оценил его размеры: приблизительно 50 метров в длину и 20 в ширину. Во главе стола сидел Михаил Горбачев, остальные члены политбюро занимали места слева и справа от него. Заседание продолжалось с одиннадцати часов утра до семи вечера без перерыва на обед; в какой-то момент

собравшимся предложили бутерброды и напитки. Брюханову дали слово третьим. Свою версию того, что произошло на станции 26 апреля, он изложил примерно за пятнадцать минут. После чего Горбачев задал Брюханову единственный вопрос: знал ли он, что случилось в 1979 году на американской атомной станции Три-Майл-Айленд? Брюханов ответил утвердительно. В дальнейших расспросах большой необходимости не было: члены политбюро считали, что и так понятно, что случилось на Чернобыльской АЭС и кто в этом виноват. Брюханова назначили козлом отпущения.

В конце заседания Горбачев зачитал заранее подготовленное предложение исключить Брюханова из партии. Присутствующие единогласно проголосовали за. После заседаний ЦК Компартии Украины, на которых председательствовал твердый и властный Владимир Щербицкий и где случалось присутствовать Брюханову, Горбачев показался ему человеком бесхребетным и чересчур мягким. Рассказывая о заседании политбюро, он назвал генерального секретаря «тряпкой» — это определение коллеги и подчиненные часто применяли к нему самому. С другой стороны, Брюханову понравилось, что в Кремле никто не пытался его унизить, как в бытность директором его не раз унижали в кабинетах республиканского партийного начальства, где секретарь ЦК однажды пригрозил «повесить его за яйца».

На сей раз ничего похожего Брюханову не говорили, но зато средства массовой информации представили его основным виновником аварии. О его исключении из партии сообщила главная советская информационная телепрограмма «Время». После этого всем стало понятно, что дальше Брюханова ожидают суд и тюрьма. На родине Брюханова, в Ташкенте, его младший брат не позволял матери смотреть телевизор, чтобы она не волновалась. Но соседки все равно проболтались, что ее сына сняли с должности и исключили из партии. Мать не смогла этого пережить: она умерла от сердечного приступа [10].

Со стороны могло показаться, что Ефима Славского и президента советской Академии наук Анатолия Александрова авария никак не затронула, но за закрытыми дверями политбюро ситуация выглядела несколько иначе. «У меня остались в памяти острые впечатления об общей растерянности, никто не знал, что делать, — рассказывает Александр Яковлев, доверенный

советник Горбачева и один из архитекторов перестройки. — Люди, отвечающие за эту сферу, — министр Славский, президент АН СССР Александров — говорили что-то невнятное. Однажды на политбюро между ними состоялся занятный разговор. „Ты помнишь, Ефим, сколько рентген мы с тобой схватили на Новой Земле? И вот ничего, живы“. „Помню, конечно. Но мы тогда по литру водки оприходовали“». Они вспоминали свои былые подвиги на Новой Земле, архипелаге в Северном Ледовитом океане, на котором Советский Союз с 1954 года регулярно испытывал ядерное оружие [11].

Пока двое старцев предавались воспоминаниям о старых добрых временах, Горбачев пытался получить ответ на простой вопрос: можно ли полагаться на РБМК, надежен ли он? От этого зависело будущее советской атомной энергетики и перспективы затеянной им перестройки. Если выяснится, что необходимо вывести из эксплуатации все реакторы этого типа — а их, кроме взорвавшегося чернобыльского, в стране насчитывалось еще четырнадцать штук, — это будет означать, что придется на неопределенное время отложить экономические реформы и заняться поиском альтернативных источников электроэнергии. Советская казна к тому времени уже опустела, и совершенно непонятно было, где взять денег на компенсацию нанесенного Чернобыльской аварией ущерба, а тем более — на вывод из эксплуатации РБМК, дававших более трети всей электроэнергии, вырабатываемой советскими атомными электростанциями. Сколько все это будет стоить, не знал никто, в том числе сам Горбачев. Гораздо позже белорусские экономисты подсчитали, что одной только Белоруссии был нанесен экономический ущерб в размере 235 миллиардов долларов, что эквивалентно тридцати двум бюджетам республики по состоянию на 1985 год [12].

Тем не менее Горбачев хотел знать, кто виноват. Его интересовало мнение специалистов Министерства среднего машиностроения и подведомственных научных институтов, но они либо хранили молчание, либо отвечали крайне уклончиво. Поэтому он в конце концов сделал вывод сам: «В том, что произошла авария, виноват персонал, но масштабы аварии — в физике реактора». Перед этим Горбачев спросил у подчиненных Славского, можно ли строить и эксплуатировать реакторы типа РБМК. Заместитель Славского, Александр Мешков, ответил

утвердительно: «Можно, если строго выполнять регламент». Горбачева ответ не удовлетворил. «Вы меня удивляете, — сказал он Мешкову. — Все, что на этот час собрано по Чернобылю, приводит к единственному выводу — реактор надо запретить. Он опасен. А вы защищаете честь мундира». «Нет, — возразил Мешков. — Я защищаю атомную энергетику». «А какие интересы выше? — не успокаивался Горбачев. — Мы должны ответить на этот вопрос. Этого требуют от нас миллионы людей у нас и за рубежом» [13].

Зачитав экспертное заключение о причинах аварии, Горбачев продолжил критику в адрес подчиненных Славского: «А Мешков все валит на эксплуатационников. Как же вы выглядите перед лицом такой беды! Если с вами согласиться, то что? Продолжать как было? Все, оказывается, неправы, один Мешков прав? Тогда лучше освободиться от Мешкова». Все понимали, что настоящим адресатом критики был Славский, который, как мог, защищал своего заместителя и себя самого. «Совершен рукотворный взрыв, — сказал он членам политбюро. — Реактор хороший, долговечный. Но что же они сделали?! Ведь взялся за эксперимент районный инженер, который не имел права это делать».

Курировавший Чернобыльскую АЭС заместитель министра энергетики Геннадий Шашарин по понятным причинам стремился переложить большую часть вины на создателей реактора. «Персонал не знал, что реактор может „разгонять энергию“, — заявил он. — Персонал виновен в аварии. Но масштаб аварии, согласен, — в физике реактора». Шашарин предложил прекратить работу всех советских реакторов типа РБМК, поскольку невозможно гарантировать их безопасность. Пойти на такую меру Горбачев был не готов. «Заявление Шашарина — закрыть блоки АЭС — несерьезно…» — сказал он. Исключая полный вывод РБМК из эксплуатации, Горбачев предположил, что можно сделать их более безопасными — например, соорудить над ними «колпаки». Он имел в виду бетонные герметичные оболочки, в обязательном порядке возводимые над всеми американскими реакторами. При этом Горбачев понимал, что это стоит чрезвычайно дорого и ляжет неподъемным грузом на советскую экономику. Видимо, именно поэтому он сразу же оговорился: «Говорят, что если б в Чернобыле был колпак, выброс был бы еще больше».

Виктор Долгих, секретарь ЦК КПСС, ответственный за атомную энергетику, тоже говорил о дальнейшей судьбе существующих реакторов типа РБМК. «Коренная реконструкция реактора делает его неэкономичным, — возразил он на предложение Анатолия Александрова модернизировать имеющиеся реакторы. — Грозит нам огромная потеря энергии. Ведь десять реакторов в СЭВе, десять — у нас. Они все устарели и опасны. Энергетические пропорции надо пересматривать». Ревнитель идеологической чистоты Егор Лигачев высказался за сокращение зависимости от атомной энергии. «Полностью надо изменить структуру атомной энергетики. Сейчас в самой структуре заложена безответственность. Искать альтернативные источники. Упор на газ!»

Участники заседания политбюро пришли к выводу о необходимости серьезно реформировать атомную промышленность в целом. Официально вина за аварию была возложена на персонал станции, тогда как проблему недостаточной безопасности РБМК, в полной мере ее осознавая, руководство страны решило не афишировать. Подводя итог состоявшемуся на политбюро обсуждению, Горбачев поставил перед коллегами задачи: «Постановление доработать. И в смысле оценок, и в разработке баланса: АЭС — газ — нефть, гидростанции, уголь… Правительству вернуться к энергетической программе до 2000 года. Подумать: не опаснее ли продолжать эксплуатацию АЭС, чем если мы их закроем». Все это не сулило ничего хорошего ни Славскому, ни его империи. Хуже того, многие считали его главным виновником Чернобыльской аварии.

«Действовали не в духе XXVII съезда, натолкнулись на сверхзакрытость Минсредмаша», — заявил Долгих, указывая на недостаток внешнего контроля за происходящим в атомной империи Славского. «И к тому же слишком возвеличили авторитет Славского и Александрова», — поддержал его Рыжков. Он считал, что владения Славского необходимо раздробить: «создать Минатомэнергетику. Отдать туда часть Минсредмаша… Создать Межведомственный совет, но не при Славском, а при Академии наук или ГКНТ [Государственном комитете Совета министров СССР по науке и технике], лучше при Совмине». Перечисляя так или иначе ответственных за аварию — первым в перечне шел Брюханов, — и предлагая наказания для них, Славского Горбачев упомянул лишь в том смысле, что необходимо обратить его внимание на то, что он

«игнорировал предупреждение ученых». При этом академику Александрову генеральный секретарь рекомендовал «обратить внимание на его вину во всем этом деле», а заместителя Славского Александра Мешкова предложил и вовсе уволить. Самого Славского отстранять от дел пока было нельзя — ему еще предстояло построить саркофаг [14].

Заседание политбюро вылилось в противостояние: Горбачев, его помощники и члены политбюро, с одной стороны, и атомщики, причастные к созданию реактора чернобыльского типа, тесно сплотившие ряды вокруг Славского, — с другой. Но в лагере атомщиков оказался перебежчик — Валерий Легасов, главный научный советник правительственной комиссии по расследованию и ликвидации последствий аварии. В ходе заседания Горбачев, желая получить поддержку со стороны ученых-атомщиков, несколько раз обращался непосредственно к Легасову, а не к академику Александрову, его начальнику и «отцу» реакторов чернобыльского типа. «Комиссия разобралась, почему недоработанный реактор был передан в промышленность? В США от такого типа реакторов отказались. Так, товарищ Легасов?» — спросил его Горбачев. Легасов ответил, что в Америке такие реакторы не разрабатывались и не использовались. «Реактор не соответствует требованиям безопасности по важнейшим параметрам, — сообщил он собравшимся. — В 1985 году в Финляндии физики „по гамбургскому счету“ проставили высокие оценки нашей АЭС. Но из нее перед тем вынули автоматику и технологию и заменили шведско-американскими» [15].

Как позже вспоминал Легасов, Рыжков в своем выступлении сказал, что, по его мнению, «авария на Чернобыльской АЭС была не случайной, что атомная энергетика с некоторой неизбежностью шла к такому тяжелому событию». Легасов был готов искать причины аварии внутри атомной промышленности, против которой и слова не могли сказать безоговорочно преданные ей коллеги Легасова по Курчатовскому институту. В их представлении ему как заместителю директора полагалось всеми силами защищать интересы института и всей отрасли. Но как честный коммунист и верный сторонник советского строя Легасов ставил интересы системы выше интересов ядерной империи Славского. За это многие подозревали его в

карьеризме. На заседании политбюро он выступил против своих коллег и раскрыл многие внутриотраслевые секреты. Этого «предательства» ему не простили никогда.

В начале июля Легасов, получивший в первые недели после аварии значительную дозу радиации, надолго приехал в Москву и занялся составлением доклада, в котором анализировал причины взрыва реактора. Еще в мае советское руководство пообещало директору МАГАТЭ Хансу Бликсу, что на международной конференции, которая пройдет в августе в Вене, будет представлен подробный отчет об аварии. Возглавить работавший над отчетом авторский коллектив руководство поручило Легасову. Он, как всегда, с азартом взялся за работу, к которой привлек специалистов из самых разных областей: от физиков-ядерщиков до медиков и экологов. Собственную квартиру он превратил в настоящую редакцию, работа в ней шла круглые сутки.

Предстоящую конференцию на Западе ждали с нетерпением. Европейская политическая и научная элита была глубоко разочарована поведением советского правительства, которое выдавало любую информацию об аварии с запозданием, ставя тем самым под угрозу безопасность населения стран Центральной и Западной Европы. На Западе сильно сомневались, что советский доклад на конференции в Вене будет сколько-нибудь содержательным. Легасов, которому все это было хорошо известно, как-то пригласил к себе в кабинет одного из своих советников, Александра Борового, и, взяв слово никому об этом не рассказывать, показал проект программы будущей конференции МАГАТЭ, в котором Легасову для доклада отводилось всего тридцать минут.

«Они предполагали, что в своем докладе о чернобыльской аварии Советский Союз не скажет ничего конкретного, — вспоминает Боровой. — Поскольку эти реакторы относятся к реакторам военного типа, все будет засекречено и доклад продлится всего полчаса. Дальше расписывались выступления — содержание каждого передавалось одной-двумя фразами. В конце был проект постановления МАГАТЭ: закрыть в Советском Союзе все атомные реакторы типа РБМК-1000 (реактор большой мощности канальный), выплатить огромные репарации пострадавшим от радиоактивности странам, обеспечить присутствие иностранных наблюдателей на каждом атомном реакторе Советского Союза». Легасова такой сценарий не устраивал. «И это нам надо будет переломить», — сказал он Боровому [16].

В своем докладе Легасову предстояло подробно изложить хронологию аварии и исчерпывающе описать ее последствия. Для этого необходимо было рассказать о конструкции реактора, которая в Советском Союзе была тщательно засекречена. Как и ожидалось, Славский с командой не позволили представить эти секретные сведения международному научному сообществу, чем поставили Легасова в затруднительное положение. Но на проходившем 3 июля заседании политбюро министр энергетики Анатолий Майорец отметил абсурдность следования устаревшим требованиям безопасности. «Из иностранных источников (публичных) видно, что там уже смоделирована авария в Чернобыле, — сказал он. — Так что — нам представлять в МАГАТЭ ложь?» [17]

Легасов, которому меньше всего на свете хотелось лгать МАГАТЭ, обратился напрямую к председателю Совета министров Николаю Рыжкову. Рыжков уполномочил Легасова писать в докладе все, что тот сочтет нужным. В итоге помимо информации о конструкции РБМК доклад содержал оценку радиоактивного заражения окружающей среды и его влияния на сельское хозяйство и здоровье людей. Легасов был готов обсуждать любые связанные с аварией вопросы. Написанный им доклад занимал 465 страниц. Легасову разрешили взять собой в Вену специалистов по ядерным реакторам, которым до тех пор выезд за границу был категорически запрещен. Они были нужны, чтобы давать углубленные ответы на специфические вопросы из области их компетенции. Когда помощники Бликса поинтересовались в советском посольстве в Вене, сколько времени может занять выступление Легасова, им ответили, что представитель Советского Союза будет выступать не тридцать минут, как предполагалось, а целых четыре часа. На деле же выступление продолжалось еще дольше.

Свой доклад на открывшейся 25 августа в Вене конференции МАГАТЭ Легасов начал с рассказа об устройстве реактора и общего описания Чернобыльской АЭС. Затем он перешел к подробному рассказу об аварии, анализу ее причин и описанию последствий и закончил рекомендациями по предотвращению ядерных аварий в будущем. Его доклад значительно приоткрыл завесу секретности, плотно окутывавшую советскую ядерную программу. Он совершенно ошеломил аудиторию из почти шести сотен ученых-ядерщиков, представлявших

двадцать одну международную организацию и шестьдесят две страны, а также двухсот журналистов. Когда Легасов закончил, ему аплодировали стоя.

«Все, кто присутствовал на первой сессии, долго ее не забудут, — писал о конференции корреспондент американского „Бюллетеня ученых-атомщиков“. — Если 25 августа на конференции царила атмосфера уныния и напряженности, то 29 августа [в ее завершающий день] участников охватила бурная радость, граничащая с эйфорией». На Легасова обрушилась слава, западные средства массовой информации включили его в десятку ведущих ученых мира. Благодаря его открытости в вопросах причин и последствий Чернобыльской аварии случилось невероятное: из безответственного преступника Советский Союз в глазах Запада превратился в заложника непредсказуемого стечения обстоятельств, готового делиться с остальным миром своим опытом и сотрудничать с ним ради предотвращения подобных аварий в будущем [18].

При всей небывалой доселе открытости в том, что касалось устройства Чернобыльской АЭС и советской ядерной энергетики в целом, в своем венском докладе Легасов тем не менее следовал линии партии и главными виновниками аварии назвал операторов станции. «Первопричиной аварии, — говорилось в его докладе, — явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока» [19].

Несмотря на то что в Вене Легасов придерживался версии о вине персонала, которую на июльском заседании политбюро выдвинули Славский и его заместитель Мешков, многие представители советского ядерного истеблишмента — а в какой-то момент и высших партийных кругов — сочли, что он наговорил лишнего о советской ядерной энергетике, и не замедлили выразить ему свое неудовольствие. Один из соавторов доклада Александр Боровой встретил Легасова в институте сразу по его возвращении из Вены. Легасов по лестнице взлетел к себе на третий этаж, на ходу крикнув Боровому: «Победа!» Вскоре, все в том же приподнятом настроении, он поехал в политбюро — и через несколько часов вернулся совершенно раздавленным. «Они ничего не понимают и даже не поняли, что нам удалось сделать, — в отчаянии сказал он Боровому. — Я ухожу в отпуск» [20].

Неизвестно, с кем именно встречался Легасов сразу после возвращения из Вены, но, судя по всему, высшие руководители страны, в том числе и сам Горбачев, решили, что с гласностью и открытостью он зашел слишком далеко. 3 июля на заседании политбюро Горбачев говорил коллегам: «И ни в коем случае мы не согласимся ни при решении практических вопросов, ни при объяснении с общественностью скрывать истину. Мы несем ответственность за оценку происшедшего, за правильность выводов». На заседании 2 октября генеральный секретарь, чувствуя себя спокойнее и увереннее, не без удовлетворения отметил: «После совещания стран — членов МАГАТЭ Чернобыль перестал быть активным элементом в антисоветской пропаганде». Легасов принес режиму крупную пропагандистскую победу, но руководители страны этого не оценили. С их точки зрения, ответственность перед человечеством явно не требовала сообщать мировому сообществу все то, что Легасов знал об аварии [21].

Многие ожидали, что 1 сентября, когда Легасову исполнится пятьдесят, за работу в Чернобыле ему будет присвоена высшая советская награда — звание Героя Советского Союза. Но ни этого звания, ни следующего за ним Героя Социалистического Труда ему не присвоили, вручив вместо этого памятные часы советского производства. С учетом его и общих ожиданий это было явным оскорблением. Очевидно, что на вершине советской властной пирамиды Легасова не поддерживал практически никто. Это давало ему все основания считать себя преданным. Выступив на стороне политического руководства страны против коллег по науке и атомной отрасли, Легасов добился только того, что и те и другие от него отвернулись — потому что он на весь мир рассказал о причинах аварии на Чернобыльской АЭС то, что считал совершенно необходимым.

По слухам, именно Славский не допустил вручения Легасову высшей советской награды. Если так, то это была его последняя победа в качестве хозяина ядерной империи. Осенью 1986 года над головой Славского начали сгущаться тучи. В октябре его ближайший союзник Анатолий Александров был освобожден от должности президента Академии наук — он попросил об этом на июльском заседании политбюро, после того как принял частичную ответственность за аварию.

Славский ни в чем своей вины не признавал и тем не менее в ноябре был отправлен в отставку [22].

30 ноября государственная комиссия подписала акт о готовности саркофага. Несколькими днями раньше, когда Славский был в Припяти на стройке, ему позвонил Рыжков и попросил на следующий день прилететь в Москву. Славский ответил, что он контролирует работы по завершению саркофага и сразу прилететь не может. Рыжков дал ему один день отсрочки. «Что-то затевают», — сказал Славский подчиненному, присутствовавшему при разговоре [23].

Встреча в Москве продолжалась около трех часов. Рыжков заверил Славского, что полностью удовлетворен его работой, но добавил при этом, что с учетом возраста министру можно бы и уйти на покой. Славский, мечтавший войти в историю первым и единственным министром, до ста лет остававшимся на своем посту, уйти не соглашался. Покинув кабинет Рыжкова, уже в приемной, он попросил у секретаря листок бумаги и написал на нем своим любимым синим карандашом: «Прошу уволить меня, поскольку я глуховат на левое ухо». В этом можно было увидеть и вызов, и надежду на то, что глава правительства не станет подписывать заявление с такой абсурдной мотивацией. Славский не скрывал неодобрительного отношения к новому руководству страны и взятому им политическому курсу. Он считал, что его министерство ни в какой перестройке не нуждается. С его точки зрения, он сам и его подчиненные без всякой перестройки превосходили результативностью всех остальных, потому что он лучше всех умел организовать работу. Славский был деятелем советской военизированной экономики. Он не видел проку в реформах Горбачева и с презрением относился к его внешнеполитическим инициативам, направленным на ослабление напряженности между Западом и Востоком. Помощникам генсека понадобилось несколько недель, чтобы все-таки убедить Славского подать составленное по всей форме заявление об отставке [24].

Военизированная экономика отошла в прошлое. Она сделала возможной Чернобыльскую аварию, и она же позволила мобилизовать ресурсы для ликвидации ее последствий. Уйдя на пенсию, Ефим Славский любил вспоминать старые добрые дни и читать наизусть стихи своего

любимого Тараса Шевченко, отца украинской нации, певца пасторальных красот родных для Славского мест:

Вишневый садик возле хаты,

Хрущи над вишнями снуют.

С плугами пахари идут,

Идут домой, поют дивчата,

А матери их дома ждут… [25]

В начале 1960-х Славский использовал все свое влияние, чтобы назвать именем любимого поэта город, построенный при урановом руднике в Казахстане. Патриотизм его был в той же мере советским, что и украинским. Разницы между тем и другим он не видел.

Чернобыльская авария разрушила пасторальный мир, воспетый Шевченко и с детства памятный Славскому. Вишневые сады на севере Украины и в соседних областях Белоруссии и России теперь были источником смертельной угрозы — радиации. Ничто, однако, не указывает на то, что Славский когда-либо стремился избежать ответственности за аварию — своей собственной или возглавляемой им отрасли. Он был готов рисковать и отвечать за последствия своих рискованных действий. За некоторое время до Чернобыльской аварии Славскому задали вопрос, что произойдет в случае расплавления активной зоны реактора. «Будет плохо, очень плохо, но мы и с этим справимся», — ответил он. С последствиями Чернобыльской аварии он действительно справился, правда, огромной ценой [26].

Советское ядерное лобби надеялось, что саркофаг похоронит не только разрушенный реактор, но и сомнения относительно ядерной программы в целом. Как бы скептически ни относились к ней руководители партии и правительства, в публичном пространстве они

поддерживали продвигаемую ядерным лобби версию, по которой вся вина за аварию ложилась на персонал станции.

Глава 17
Преступление и наказание

16 октября 1986 года в возрасте восьмидесяти трех лет Анатолий Александров, ветеран советской атомной промышленности и научный руководитель проекта по созданию РБМК, покинул пост президента Академии наук СССР. Он был готов уйти и с должности директора Института атомной энергии имени И.В. Курчатова. Первая, важнейшая страница истории советской атомной программы была перевернута. Какой окажется следующая ее страница, зависело от того, кто станет преемником Александрова, отвечавшего за работу около 10 000 человек — ученых и вспомогательного персонала.

Александров считал подходящей кандидатуру своего первого заместителя Валерия Легасова, но далеко не все были с ним согласны. В ходе борьбы за директорское кресло, которая началась незадолго до отставки Александрова, против Легасова объединилось значительное число ведущих ученых. Весной 1987 года во время очередных выборов в ученый совет института против Легасова проголосовали 129 человек. Это было тяжелым ударом для первого заместителя директора, привыкшего брать на себя руководство институтом, когда Александров бывал занят в Академии наук. За Легасова голоса отдали всего 100 человек [1].

Легасов был романтиком. Он писал стихи и даже подумывал о поступлении в Литературный институт, но известный поэт Константин Симонов отсоветовал ему это делать. В годы его юности среди молодежи шли споры о физиках и лириках, о том, кто из них важнее для страны. В 1959 году видный поэт Борис Слуцкий начинает одно из стихотворений строчками: «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне…» — и дальше приходит к выводу, что от физиков обществу больше пользы, чем от тех, кто посвятил себя литературным занятиям. Партийные идеологи, внимательно следившие за дискуссией, которая развернулась после публикации этого стихотворения, предложили компромисс: стране нужны и важны и те и другие. Моральный кодекс строителя коммунизма, вошедший в третью программу партии, постулировал принципы коммунистической морали, в которой нашло отражение то, что один из критиков назвал

«единством разума и чувств» [2]. Химик по образованию, Легасов решил по возможности следовать обоим призваниям.

Подобно Никите Хрущеву, преемнику Сталина на вершине советской властной пирамиды и архитектору оттепели, благодаря которой в травмированном сталинскими репрессиями обществе стали возможны дискуссии вроде вышеупомянутой, Легасов верил в советскую систему. Свою веру он продемонстрировал, студентом вступив в Коммунистическую партию — аполитичные однокашники посчитали, что он поступил так либо по наивности, либо из карьеристских соображений. Уважение к власти было не слишком широко распространено в советских научных кругах, выходцами из которых были многие видные диссиденты, в том числе физики Андрей Сахаров и Юрий Орлов. Начальник Легасова Анатолий Александров после революции полтора года воевал в Украине против красных; в партию он вступил только в пятьдесят девять лет, потому что беспартийному было неприлично возглавлять созданный Курчатовым институт. Большинство ученых старались держаться подальше от всего, так или иначе связанного с Коммунистической партией, Легасов же, напротив, разделял ее идеалы и принимал диктуемые ею правила [3].

Кроме того, он искренне верил в мощь советской науки и в безопасность ядерных реакторов, в создании которых участвовал его институт. Всего за два года до Чернобыльской аварии Легасов доказывал их преимущества в печати: «Можно смело сказать, что ядерная энергетика наносит существенно меньший ущерб здоровью людей, чем равная по мощности энергетика на угле <...> Специалисты, конечно, хорошо знают, что устроить настоящий ядерный взрыв на ядерной электростанции невозможно, и только невероятное стечение обстоятельств может привести к подобию такого взрыва, но не более разрушительному, чем артиллерийский снаряд». Создавалось впечатление, что Легасов послушно вторит генеральной линии партии и официальной позиции отрасли. Вера в безопасность реакторов словно бы досталась ему в нагрузку к должности первого заместителя академика Александрова. Евгений Велихов, его коллега и соперник как по институту, так и по работе на Чернобыльской аварии, позже рассказывал, что Легасов не участвовал в разработке реактора и не понимал физики происходящих в нем процессов. А один титулованный

физик назвал его «мальчиком с далекой химической окраины». Легасов, кроме всего прочего, продвигал РБМК, потому что первому заместителю директора института это полагалось по должности [4].

И в институте, и в Чернобыле Легасов всегда был на переднем крае, демонстрируя, помимо веры в советский строй, умение руководить и готовность жертвовать собой. «Легасов был там единственным грамотным человеком, — говорит, вспоминая чернобыльские дни, его украинский коллега. — Он лез всюду. В первые дни побывал на „этажерке" (трубе АЭС). Он боялся радиации — ее все боятся. Но он должен был иметь моральное право посылать других и потому первым шел сам». Легасов очень скоро понял, что Советский Союз столкнулся с катастрофой общемирового масштаба. Что на карту поставлены жизни миллионов людей, а то и всего человечества. Ради спасения людей он без малейшего сомнения поставил под удар собственные жизнь и здоровье. Как и многие специалисты, приехавшие в Чернобыль примерно в одно время с ним, Легасов на первых порах не вполне отдавал себе отчет, какой опасности подвергается, но вскоре осознал это яснее всех [5].

Как и многие на Чернобыльской АЭС, Легасов сравнивал ситуацию после ядерной аварии с Великой Отечественной войной. При этом он не ограничивался мифологизированным пропагандой образом войны, уподобляя самоотверженность чернобыльских ликвидаторов жертвенной отваге бойцов Красной армии. Легасов говорил и о том, что советская система была не готова ни к той, ни к другой катастрофе — ни к ядерной аварии, ни к нацистскому вторжению летом 1941 года. «На станции — такая неготовность! — вспоминает он свое первое впечатление об АЭС. — Такая безалаберность! Такой испуг. Как сорок первый год. Точно. Сорок первый год, да еще в худшем варианте. С тем же „Брестом", с тем же мужеством, с теми же отчаянностями, но и с той же неготовностью» [6].

Будучи главным научным советником правительственной комиссии, Легасов отвечал за важнейшие решения, принятые комиссией в первые, критические сутки после аварии. Именно он предложил завалить реактор тоннами песка, глины и свинца. Ценой здоровья и зачастую жизни вертолетчиков задача была выполнена, но некоторые коллеги Легасова посчитали, что все это

было пустой тратой человеческих жизней и материальных ресурсов. Насыпанный над «жерлом» реактора холм не помог уменьшить радиационные выбросы и, как многие считали, только увеличил вероятность перегрева реактора и повторного взрыва. Легасов до конца отстаивал свою правоту, но Чернобыль не только подточил его физическое здоровье — полученная им доза многократно превышала считавшиеся максимально допустимыми 25 рентген, — но и внушил тяжелые, навязчивые мысли о том, что по его вине рисковать жизнью и здоровьем были вынуждены другие люди [7].

Работа над докладом, который в августе 1986 года был представлен в Вене на конференции МАГАТЭ, воодушевила Легасова и заставила поверить, что он сумеет повысить безопасность советских атомных станций. Однако прием, оказанный ему по возвращении из Вены, совершенно обескуражил ученого. Официальные лица были недовольны тем, что он рассказал, на их взгляд, слишком много лишнего о советской ядерной программе. Недовольство выражали не только партийные начальники, но также — что было гораздо чувствительнее для Легасова — руководители ядерной промышленности и коллеги по Курчатовскому институту, которые считали его предателем. Легасов, со своей стороны, был уверен, что поступил правильно и действовал на благо своей страны и всего мира. В узком кругу он даже сожалел о том, что был слишком сдержан и сказал не всю правду. В своем венском докладе Легасов объяснил аварию почти исключительно ошибками персонала и не стал упоминать о недостатках конструкции реактора, из-за которых ситуация, чреватая серьезной аварией, вылилась в ядерную катастрофу [8].

Первые симптомы лучевой болезни Легасов почувствовал летом, во время подготовки доклада для конференции МАГАТЭ. Согласно официальной справке, доза облучения, полученная Легасовым, составила 100 бэр. Какой она была на самом деле, не знал ни он сам, ни лечившие его врачи, потому что в Чернобыле, направляясь на самые опасные участки, дозиметра с собой он не брал. В ноябре 1986 года он получил приглашение на трибуну Мавзолея, чтобы оттуда вместе с членами политбюро приветствовать парад в честь годовщины Октябрьской революции. Такое приглашение было высочайшей честью для любого советского ученого, но из-за недомогания Легасов не смог им воспользоваться. Его жена Маргарита начала записывать симптомы в

дневник: тошнота, головная боль, непроходящая усталость. Анализы показывают повышенное содержание лейкоцитов в крови.

В мае 1987 года в крови Легасова были обнаружены миелоциты — молодые клетки, которые в норме находятся в костном мозге, а их появление в крови может свидетельствовать о злокачественном заболевании крови. В августе, с подорванным здоровьем и в тяжелом душевном состоянии, не оставлявшем его с тех пор, как коллеги забаллотировали его на выборах в ученый совет Курчатовского института, Легасов лег в больницу. В больничной палате он предпринял попытку самоубийства — проглотил горсть снотворного. Но врачи успели сделать ему промывание желудка и таким образом спасли. После этого Легасов попытался не зацикливаться на Чернобыле и жить дальше, но этого у него не получилось [9].

Пока Легасов лечился в московской больнице, руководители Чернобыльской АЭС предстали перед судом. Именно они, по мнению политбюро, были виновниками ядерной аварии, о чем Легасов сообщил всему миру в Вене.

Провести суд было решено в Чернобыле, в самом сердце тридцатикилометровой зоны отчуждения. Формально это обосновывалось принципом территориальной подсудности, в соответствии с которым процесс должен проходить по месту совершения преступления. Принцип принципом, но выбор места все равно был странным. Радиационный фон в Чернобыле все еще оставался высоким. Несмотря на то что старое асфальтовое покрытие дорог и тротуаров сняли и захоронили, а вместо него уложили новое, радиация была повсюду, а особенно — на обочинах свежепостроенных дорог. По всему городу стояли стационарные дозиметры. У входа в чернобыльский Дом культуры, где проходили заседания суда, поставили корытца с водой, в которых люди обмывали обувь, прежде чем войти в помещение. Благодаря режиму безопасности, действовавшему в зоне отчуждения, власти легко обеспечили полный контроль за всем, что происходило в Доме культуры и в непосредственной близости от него.

На окна Дома культуры установили решетки, а зрительный зал превратили в зал заседаний — для этого завесили плотным занавесом сцену и переставили стулья. Зал суда вмещал до двухсот

человек и всегда бывал полон — операторы и прочие работники атомной станции при любой возможности старались присутствовать на заседаниях. Один из них, Николай Карпан, вел записи, которые опубликовал через два десятка лет. Суд длился 18 дней, с 7 по 29 июля 1987 года с перерывом на выходные. Прессу пустили в зал только два раза: в первый день на оглашение обвинительного заключения и в последний — на оглашение приговора. Журналисты острили, что освещают «открытый суд в закрытой зоне» [10].

Перед судом предстали шесть руководителей и сотрудников Чернобыльской АЭС. Главные обвиняемые были арестованы задолго до начала процесса: бывший директор станции Виктор Брюханов, бывший главный инженер Николай Фомин и его заместитель Анатолий Дятлов, в ночь на 26 апреля руководивший остановкой реактора четвертого энергоблока, которая привела к взрыву. Во время заседаний они все вместе сидели за столом, стоявшим по правую руку от судейской коллегии. Остальные обвиняемые — начальник реакторного цеха Алексей Коваленко, начальник смены станции Борис Рогожкин и ответственный за безопасность инспектор Госатомэнергонадзора Юрий Лаушкин — сидели отдельно [11].

Для Виктора Брюханова роль главного обвиняемого не была неожиданностью. Впервые увидев разрушенный взрывом четвертый энергоблок, он сразу подумал о том, что его посадят. По огромному опыту работы в советской промышленности он знал, что в случае любой крупной аварии виновником назначают директора, а если авария совсем серьезная, директору дают тюремный срок. После исключения Брюханова из партии в июле 1986-го «за крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями», арест был неизбежен. Следователь КГБ, приказавший в августе взять Брюханова под стражу, сказал, что в тюрьме ему будет лучше. Людям, потрясенным масштабами катастрофы, нужен был козел отпущения, и бывший директор станции как раз подходил на эту роль. Во время одного из допросов в ходе предварительного следствия в кабинет вошел незнакомый Брюханову офицер КГБ и бросил ему в лицо: «Я бы тебя расстрелял». — «Ну что ж, ставь и расстреливай!» — ответил ему Брюханов. В тот момент он был готов к чему угодно [12].

До суда Брюханов почти год провел в следственном изоляторе КГБ. Там он прошел медицинское обследование, в ходе которого было установлено, что он получил дозу радиации, в несколько раз превышающую максимально допустимую для ликвидаторов. Брюханов страдал лучевой болезнью, его мучили головные боли, периодически невыносимо ломило в затылке. Бóльшую часть предварительного заключения он провел в одиночной камере, что само по себе было тяжелым испытанием. За весь год ему лишь однажды разрешили свидание с женой Валентиной. С арестом жизнь всей семьи Брюхановых, у которых был сын-подросток и взрослая дочь, через четыре месяца после аварии родившая девочку, сильно переменилась. Еще недавно они были одним из самых уважаемых семейств в городе, а теперь их избегали друзья и соседи. При экстренной эвакуации все их имущество осталось в Припяти. Только в августе, уже после ареста Виктора Брюханова, Валентине разрешили зайти в квартиру за вещами. «Первым в дверь вошел дозиметрист, — вспоминает она. — Разрешил взять кое-что из вещей и книги. Каждый том мы протирали тряпкой, смоченной слабым раствором уксусной кислоты. Верили, это может спасти от радиации». Вдобавок ко всему власти арестовали деньги на сберегательной книжке, на которую Виктору перед самым арестом перечислили отпускные [13].

Оберегая свою дочь, мать грудного младенца, Валентина целый год не говорила ей, что Виктор Брюханов находится в следственном изоляторе. Чтобы прокормить себя и сына-подростка, она снова пошла работать на Чернобыльскую АЭС, два уцелевших реактора которой были заново запущены осенью 1986 года. По ее просьбе Валентине разрешили работать без выходных — она надеялась, что, работая на износ, будет меньше думать об аварии и о том, что ждет их с мужем впереди. Такой режим скоро дал о себе знать: начались скачки давления, а однажды коллегам пришлось вызвать ей скорую прямо на работу.

После этого Валентина стала искать другие способы справляться со стрессом и чернобыльской травмой. В конце концов она нашла новую цель в жизни, полностью посвятив себя близким. Ей помогла женщина-врач, к которой Валентина пришла на прием: она встряхнула Валентину за плечо и велела взять себя в руки — хотя бы ради семьи. Была и другая встреча. «Я очень благодарна одной простой женщине из Припяти, — рассказывает она. — Однажды, когда я

шла с остановки автобуса и ревела, она подошла ко мне, обняла и сказала: „Валюша, что ж ты плачешь? Виктор ведь живой, а это главное! Посмотри, сколько могил осталось после Чернобыля“». И Валентина решила бороться — за себя саму и за мужа. Первым делом убедила его взять адвоката — тот, ни на что уже не надеясь, сначала не соглашался даже на это [14].

Процесс, назначенный на весну 1987 года, пришлось перенести из-за нестабильного психического состояния одного из обвиняемых — бывшего главного инженера станции Николая Фомина. Его арестовали 13 августа 1986 года, в один день с Брюхановым. Незадолго до этого Фомин выписался из московской Клинической больницы № 6, где проходил лечение от лучевой болезни. Шок от ареста вкупе с проявлениями лучевой болезни стал причиной депрессии. В марте 1987 года, находясь в тюремной камере, Фомин разбил очки и осколком вскрыл себе вены. Врачи его спасли и к июлю привели в состояние, позволявшее предстать перед судом [15].

В зале чернобыльского Дома культуры посередине между Брюхановым и Фоминым сидел человек, которого многие считали подлинным виновником катастрофы, — заместитель Фомина Анатолий Дятлов, в ночь аварии отвечавший за злосчастный эксперимент с генератором. Как и Фомин, Дятлов проходил лечение в Клинической больнице № 6, но был выписан из нее только в начале ноября 1986 года. По оценкам врачей, он подвергся воздействию дозы облучения во много раз выше допустимой. Из больницы Дятлов вышел с открытыми незаживающими ранами на ногах — результатом радиационных ожогов, полученных в ночь на 26 апреля. Следователи с самого начала решили, что именно на Дятлове лежит основная вина за аварию. Они также попытались привлечь к ответственности начальника смены четвертого энергоблока Александра Акимова и начальника смены реакторного цеха Валерия Перевозченко, но дела пришлось закрыть: Акимов и Топтунов умерли в мае, Перевозченко в июне 1986 года. Дятлов же был болен, но все еще жив. Его поместили под стражу 4 декабря, ровно через месяц после выхода из больницы.

В июне 1987 года, когда приготовления к процессу были завершены, Брюханова, Фомина и Дятлова из киевского следственного изолятора КГБ перевели в районную тюрьму в поселок Иванков, расположенный в 50 километрах от Чернобыля и служивший штаб-квартирой

правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии. Оттуда их каждый день возили на судебные заседания в Чернобыль. Обвинения Брюханову и его бывшим подчиненным были предъявлены по трем статьям Уголовного кодекса Украинской ССР: нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях, злоупотребление служебным положением, выразившееся в сокрытии информации о подлинных масштабах аварии, и халатность при исполнении служебных обязанностей, по причине которой руководители не обеспечили должной подготовки персонала станции [16].

По первым двум пунктам обвинения Виктор Брюханов себя виновным не признал. По его словам, ни в одной инструкции и ни в одном регламенте атомная электростанция не отнесена к взрывоопасным предприятиям: ни законодатели, ни авторитетные специалисты, составлявшие эксплуатационную документацию, никогда не рассматривали возможность взрыва реактора. Что касается второго пункта, то Брюханов заявил, что он в меру возможностей информировал власти о происходящем на станции, а его предложение эвакуировать население Припяти было оставлено без внимания. Тяжкой уликой против Брюханова было подписанное им утром 26 апреля информационное письмо, в котором был указан лишь самый низкий уровень радиации из зафиксированных на станции. «Почему в письме партийным и советским органам не было сведений о 200 рентген в час?» — спросил обвинитель. «Я невнимательно посмотрел письмо, нужно было добавить, конечно», — ответил бывший директор АЭС. На суде Брюханов защищался, как мог, хотя и знал, что его участь уже решена в Москве. «Заранее было понятно, что меня накажут», — говорил он, годы спустя вспоминая судебный процесс.

Виновным в халатности Брюханов себя признал. «Я виноват как руководитель, что-то не досмотрел, где-то проявил халатность, нераспорядительность. Я понимаю, что авария тяжелая, но в ней у каждого своя вина», — заявил он суду. То, что Брюханов взял на себя частичную вину за аварию, произвело хорошее впечатление на судей, хотя всем было отлично известно, что в событиях 26 апреля он прямого участия не принимал. «Вы знаете, впервые встречаю такого подсудимого — выдержанного, спокойного, — в частном разговоре сказал один из судей Валентине Брюхановой. — Хотя чувствуется, что переживает. Настоящий мужик!» [17]

Николай Фомин выбрал другую линию поведения. Спасенный тюремными врачами после попытки самоубийства, он воспрял духом и решил свалить всю вину на подчиненных. Фомин настаивал: утвержденная им программа испытания турбины была безупречной, и если бы Дятлов с Акимовым в точности ей следовали, взрыва бы не произошло. «Я убежден, что не программа явилась причиной аварии», — заявил он суду. На вопрос прокурора: «Кто, по-вашему, главный виновник аварии?» Фомин ответил: «Дятлов, Акимов, которые допустили отклонения от программы» [18].

Анатолий Дятлов, непосредственно руководивший действиями операторов, которые нарушили программу испытания турбины, в отличие от Фомина не стал перекладывать ответственность на подчиненных, тем более на тех, кто уже умер и хорошо подходил на роль козла отпущения. Дятлов занял позицию более благородную — и более опасную с точки зрения властей. Он признал свою вину в нарушении инструкции, в частности в том, что оставил в активной зоне реактора меньше пятнадцати регулирующих стержней, после падения мощности реактора не поднял ее до предписанных программой 700 мегаватт и с опозданием нажал кнопку аварийного глушения реактора (АЗ-5). При этом Дятлов упорно утверждал, что ни одно из перечисленных нарушений не могло привести к взрыву, если бы реактор не имел конструкторских изъянов. «Нажали бы мы [кнопку] раньше, взрыв случился бы раньше, — объяснял он свою позицию суду. — То есть взрыв был обусловлен состоянием реактора. Я дал команду остановить мощность реактора на 200 мегаватт, так как считал, что реактор соответствует уровням безопасности, принятым в СССР». По сути дела, Дятлов указывал на вину разработчиков РБМК, которые получились взрывоопасными из-за положительного коэффициента реактивности, то есть из-за того, что при введении в активную зону регулирующих стержней интенсивность реакции возрастала. Обвинения против создателей реактора, с которыми публично выступил Дятлов, в промышленных и политических верхах многие считали оправданными.

Дятлову скоро стало ясно, что ни председатель судейской коллегии, член Верховного суда СССР Раймонд Бризе, ни государственный обвинитель, старший помощник генерального прокурора СССР Юрий Шадрин не заинтересованы в том, чтобы были установлены и преданы

огласке все причины взрыва. Разработчиков реактора они фактически спасли от ответственности: изъяли из дела в отношении должностных лиц станции все материалы, касающиеся конструкции реактора, и завели на их основании отдельное уголовное дело. Созданная в его рамках экспертная комиссия, которая должна была разобраться в причинах взрыва, состояла в основном из представителей научных институтов, причастных к созданию РБМК. При этом свидетельские показания операторов и инженеров Чернобыльской АЭС судьи часто оставляли без внимания [19].

Новое руководство станции назначило на день оглашения приговора собрание старшего персонала. Брюханов был уверен, что это было сделано нарочно — чтобы избежать проявлений недовольства. Тем не менее более пятисот работников АЭС подписали прошение о помиловании Брюханова. Дятлов позже писал: «К июлю 1987 года многим стала ясна неправомерность обвинения персонала. Свидетели знали, какие меры принимаются по модернизации оставшихся реакторов, осмысливали и делали выводы». Он имел в виду модернизацию реакторов типа РБМК, которая началась после заседания политбюро в июле 1986 года. Отлично понимая, что нельзя возлагать вину за аварию исключительно на операторов станции, представители верховной власти тем не менее решили сделать из них козлов отпущения. Годы спустя комментируя свой приговор, Брюханов заметил: «Ведь надо было показать Центральному комитету партии, всему миру: вот, мы нашли виновника. А разве может наука хромать в Советском Союзе? Она самая передовая в мире».

Суд признал Брюханова и его подчиненных виновными в том, что «в результате допущенных [ими] нарушений производственно-технологической дисциплины и правил ядерной безопасности наступили последствия, которые справедливо именуются катастрофическими». Брюханов также получил обвинение в несвоевременной эвакуации персонала станции. «Проявив растерянность и трусость, Брюханов не принял мер к ограничению масштабов аварии, не ввел в действие план защиты персонала и населения от радиоактивного излучения, в представленной информации умышленно занизил данные об уровнях радиации, что помешало своевременному выводу людей из опасной зоны», — гласил приговор [20].

Брюханова поразила суровость приговора — десять лет лишения свободы; столько же дали Дятлову и Фомину. Получалось, что не имеет никакого значения, что каждый из них делал во время аварии и как вел себя в суде — приговор был общим для всех. Остальные трое обвиняемых получили от двух до пяти лет. «Судья Верховного Суда вынес тот приговор, какой ему велели, — рассказывал позже Брюханов. — Думаю, если бы для меня нашли расстрельную статью, так и расстреляли бы. Но не нашли». Тюремное начальство опасалось, что потрясенный приговором Брюханов может совершить самоубийство. «В ночь после приговора охранник поставил стул рядом с моей кроватью и просидел всю ночь — как бы я чего с собой не сделал, — вспоминал Брюханов. — Но он только мешал мне спать». О самоубийстве Брюханов не задумывался — он был сделан из другого теста. Через много лет он сказал в беседе с журналистом: «Уйти из жизни — дело нехитрое, но кому и что этим докажешь, чего добьешься?» [21]

Но не все так или иначе причастные к аварии обладали подобной стойкостью. 27 апреля 1988 года, на следующий день после второй годовщины Чернобыля, Валерий Легасов совершил вторую, на сей раз удавшуюся, попытку самоубийства. Дождавшись, пока домашние разойдутся по делам, он повесился у себя в квартире. О том, насколько серьезными были его намерения, говорит среди прочего то, что следователю лишь с большим трудом удалось развязать узел, затянутый на веревке. Предсмертной записки Легасов не оставил, зато привел в порядок стихи, которые писал своей жене с первого дня их знакомства. Накануне он принес с работы домой все личные вещи, в том числе любимую фотографию двух чернобыльских аистов, символизирующих возрождение жизни на месте катастрофы.

После первой попытки самоубийства, предпринятой летом 1987 года, Легасов пытался вернуться к нормальной жизни и снова погрузился в работу, целиком посвятив себя теме безопасности советских атомных реакторов. В октябре 1987 года он опубликовал в газете «Правда» статью, в которой отстаивал приоритет науки над требованиями промышленности и производства. «Вернемся на 40 с лишним назад и вспомним, в каких условиях решалась в нашей стране атомная проблема. Чтобы изготовить первый ядерный реактор, потребовались новые

материалы… Не имела промышленность в то время ни таких материалов, ни способов их получения… Когда нужно было не улучшать старое, а создавать новое, принципиальное слово предоставлялось науке, — писал Легасов. — И обратный пример, так трагически продемонстрировавший себя в Чернобыле. Когда наука стала вынужденно в своих предложениях исходить из возможностей производства… стали приниматься неоптимальные решения» [22].

Советскую атомную промышленность Легасов критиковал в самых мягких и дипломатичных выражениях, но даже такой критикой сумел себе навредить и осенью 1987 года подвергся новому унижению. Анатолий Александров, по-прежнему часто выступавший на стороне Легасова, объявил руководству Курчатовского института, что за вклад в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС Легасов представлен к званию Героя Социалистического Труда. Но в последний момент Горбачев вычеркнул его имя из списка награждаемых. Это больно ударило и по авторитету, и по моральному состоянию Легасова. Здоровье его слабело, надежды на реализацию научных замыслов делались все туманнее. 26 апреля 1988 года, во вторую годовщину Чернобыльской аварии коллеги Легасова по Академии наук отвергли его план создания межведомственного совета по химии. На следующий день он забрал из рабочего кабинета личные вещи, в том числе чернобыльские фотографии. Еще днем позже он уже был мертв.

В последние месяцы жизни у Легасова стали появляться сомнения относительно перестройки — выбранной Горбачевым политики преобразования советского общества. В разговоре с коллегой он как-то высказал мысль, что у руководства стоят неподходящие люди. Вряд ли он при этом имел в виду кого-то, кроме самого Горбачева. В газетных интервью последних месяцев, как и в надиктованных на пленку воспоминаниях о Чернобыльской аварии, Легасов проявлял обеспокоенность уровнем безопасности советской атомной промышленности. Он отмечал многочисленные недостатки в конструкции советских реакторов типа РБМК и в первую очередь то, что проект не предусматривает возведения над реактором железобетонного укрытия, как того требовали международные стандарты. В случае аварии такая конструкция предотвратила бы распространение радиации. Легасов считал нецелесообразным применение регулирующих стержней с графитовыми наконечниками для замедления работы реактора. Он

критически относился ко всемогущему министру среднего машиностроения Ефиму Славскому, но находил много добрых слов для председателя Совета министров Николая Рыжкова, поддержавшего его во время подготовки доклада для конференции МАГАТЭ летом 1986 года. На похоронах Легасова Рыжков был одним из немногих представителей советского руководства [23].

Валерий Легасов, на венской конференции МАГАТЭ рассказавший миру почти всю правду о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС и утаивший многое, что касалось ее причин, ушел из жизни, раздавленный депрессией, развившейся под воздействием радиации и до крайности обострившей в нем чувство вины за якобы совершенное предательство. Виктор Брюханов, Николай Фомин, Анатолий Дятлов и трое их коллег находились в заключении. С точки зрения советского обывателя, смерть Легасова стала результатом несчастного стечения обстоятельств, а назначенные виновным сроки — справедливым наказанием за содеянное. После того как реактор был похоронен под саркофагом вместе с неудобной правдой об аварии, Михаил Горбачев смог наконец сосредоточиться на политических и экономических реформах. Будущее выглядело многообещающим, пусть и не вполне безоблачным. Никто не предполагал — ни в СССР, ни во всем мире, — что Чернобыльская авария вновь отзовется самым неожиданным образом на судьбах людей, уже принявших на себя ее удар.

Часть VI

Новый день

Глава 18
Союз писателей

В январе 1988 года руководители Союза писателей Украины направили в ЦК Компартии республики письмо с предложением провести международную конференцию, посвященную воздействию Чернобыльской аварии на здоровье людей. Украинские писатели вызывались организовать ее совместно с украинской Академией наук и коллегами из Союза писателей СССР. Партийное начальство, сославшись на и без того плотный график мероприятий осени 1988 года, предложило перенести конференцию на следующий год. Предложение сопровождалось намеками на якобы недостаточно активное сотрудничество писательской организации с партийными органами.

Хотя союзы писателей с формальной точки зрения функционировали автономно, КПСС и КГБ пристально следили за их деятельностью. Украинские писатели постарались убедить власти в чистоте своих намерений, для чего особо отметили, что идея конференции выросла из дискуссий в рамках Всесоюзной писательской конференции, проходившей в Ленинграде осенью 1987 года и посвященной 70-летию Октябрьской революции. Но киевское начальство решило потянуть время — обсуждение любых тем, имеющих отношение к Чернобыльской аварии, быстро приобретало слишком щекотливый характер [1].

Вскоре после аварии КГБ начал отслеживать, что думают и говорят о ней украинские диссиденты. В начале июня 1986 года руководитель службы госбезопасности докладывал партийному руководству республики, что среди граждан, подозреваемых в националистических убеждениях или симпатиях, ходит мнение об этнонациональной подоплеке катастрофы. Так, некий И.З. Шевчук, бывший участник националистического подполья, в годы Великой Отечественной войны сражавшийся на Западной Украине против советской власти, якобы сказал в разговоре с осведомителем КГБ, что «русские умышленно строят такие станции на территории Украины, зная, что в случае аварии пострадают в основном украинцы».

Хотя это мнение разделяли далеко не все диссиденты, в их кругах безоговорочно считалось, что Чернобыльская авария привела к национальной катастрофе. Близкая к Украинской Хельсинкской группе филолог и правозащитница Михайлина Коцюбинская — имя она получила в честь своего дяди, классика украинской литературы Михаила Коцюбинского, — говорила знакомой, затем передавшей ее слова КГБ: «Нас постигло горе, после которого мы не скоро очухаемся. Нация под угрозой вырождения, физического уничтожения. Горе, которое нас постигло, — позор на весь мир. Позор прежде всего тем недальновидным руководителям, давшим указание на строительство АЭС в густонаселенных районах именно на Украине, располагающей необычайно богатыми землями» [2].

КГБ делал все, чтобы пресечь распространение подобных взглядов как внутри страны, так и за границей и тем самым предотвратить их негативное влияние на западное общественное мнение. При этом они транслировались на Советский Союз на волнах «Голоса Америки», «Радио Свобода» и других западных радиостанций. Поддерживая видимость информационной открытости, советские власти разрешали иностранным корреспондентам посещать Украину и даже зону отчуждения Чернобыльской АЭС. Их визиты, однако, были тщательно срежиссированы, а контакты с диссидентами и прочими «нежелательными элементами» либо пресекались, либо пристально контролировались.

Осенью 1986 года советские спецслужбы особое внимание уделяли двум американцам — Майку Эдвардсу и Стиву Реймеру, которые приехали в Украину собирать материал для специального выпуска журнала National Geographic, посвященного Чернобыльской аварии. «Принятыми мерами предотвращены попытки американцев выйти на известных на Западе своей националистической и антисоветской деятельностью Сверстюка Е.А., Стокотельную О.П., Ратушинскую И.Б. и ряд других лиц, от которых они могут получить сведения тенденциозного характера», — докладывали о проделанной работе сотрудники КГБ. Не менее пристально спецслужбы следили за передвижениями и контактами сопровождавшей американских журналистов Тани Д’Авиньон, американки украинского происхождения, фотографа и переводчицы, тесно сотрудничавшей с Украинским научным институтом Гарвардского

университета. КГБ подозревал ее в связях с заграничными организациями украинских националистов, а также с ЦРУ. «Д'Авиньон Т. от имени „Интуриста“ официально предупреждена о недопустимости нарушения норм пребывания иностранцев в СССР, — указывалось в записке КГБ, — что, по оперативным данным, оказало сдерживающее положительное влияние на активность американцев в сборе негативной информации» [3].

Многие украинские диссиденты, как, например, Евгений Сверстюк, участник Украинского культурологического клуба и один из «националистов», чьей встречи с сотрудниками National Geographic КГБ не допустил, были писателями, поэтами и художниками, имевшими единомышленников в Союзе писателей Украины. Советская власть рассматривала членов союза писателей в качестве ценного пропагандистского ресурса, помогающего идеологически обрабатывать и держать в повиновении широкие народные массы. Ведущие писатели получали большие гонорары благодаря государственной системе потиражной оплаты и могли себе позволить политическое свободомыслие — с единственным условием не высказывать его в печати. Писатели были в числе первых горячих сторонников провозглашенной Горбачевым перестройки; благодаря им гласность распространялась все шире. В стране, где критиков существующего режима сажали в тюрьму, писатели еще с царских времен слыли «совестью нации» и часто заменяли собой несуществующую легальную оппозицию, открыто выражая тревоги и чаяния преследуемых диссидентов.

Вопросы экологии начали волновать советских писателей, в том числе украинских, за несколько десятилетий до Чернобыля. Экологическая тема возникла в советской литературе в конце 1940-х годов, а в 1960-е уже занимала в ней заметное место. В творчестве Александра Солженицына и других авторов, размышляющих о судьбах нации, эта тема была тесно связана с заботой о сохранении исторических и религиозных традиций. Судя по их творческому наследию, многие советские писатели, выступавшие в защиту природы, были одновременно национал-патриотами: критикуя советский строй с позиции национальных интересов, они в какой-то мере выступали борцами за экологию. Чернобыльская авария особенно ярко выявила связь национального и

экологического сознания и подхлестнула националистические настроения в целом ряде республик Советского Союза.

В Белоруссии, сильнее других республик пострадавшей от радиоактивного заражения, этнонациональные представления о Чернобыльской аварии уже через считаные недели после катастрофы сформулировал один из ведущих белорусских писателей Алесь Адамович. Мальчишкой он воевал с нацистами в партизанском отряде и после войны прославился благодаря произведениям, основанным на собственном военном опыте. В июне 1986 года Адамович писал в обращении к Михаилу Горбачеву: «Не станем шуметь „на всю Европу“, но мы-то понимаем, что Белоруссия переживает нечто сопоставимое лишь с ее трагедией в годы минувшей войны. Под вопросом само существование (физическое) десятимиллионного народа. Радиация ударила прежде всего по нашей республике». Чернобыль стал главной темой Адамовича до конца жизни. Он многократно бывал в зараженных радиацией районах и взял множество интервью у тех, кто был готов говорить с ним об аварии, в том числе у Валерия Легасова, с которым он успел побеседовать несколько раз, прежде чем ученый покончил с собой в апреле 1988 года [4].

Самым известным украинским автором, писавшим о том, что многие в республике восприняли как санкционированное властями уничтожение природы, был лауреат Государственной, Ленинской и двух Сталинских премий Олесь Гончар. К сходной тематике он обращался еще задолго до Чернобыльской аварии. «Зной боя тяжело плавает по изуродованным садам; падает сажа, воздух отравлен угаром», — так в опубликованном в 1968 году романе «Собор» Гончар описывает свои родные места, ставшие местом боевых действий Второй мировой. Пагубное влияние индустриализации на природу — одна из главных тем в творчестве Гончара. Представители республиканских властей резко раскритиковали книгу.

Когда произошла катастрофа, Гончара потрясло то, как украинские руководители обошлись с собственным народом, с какой легкостью они пожертвовали здоровьем киевлян, выгнав их на первомайский парад, только чтобы засвидетельствовать свою лояльность Москве. В июне 1986 года Гончар произнес прочувствованную речь на XI съезде писателей Украины, в которой заявил, что Чернобыльская авария изменила отношение украинских писателей к миру [5].

Чуть раньше на встрече группы украинских писателей с первым секретарем ЦК Компартии Украины Владимиром Щербицким Олесь Гончар настаивал на полной остановке Чернобыльской АЭС. «Я спросил, нельзя ли ходатайствовать о демонтаже этой станции как технически безграмотной и почему-то поставленной именно там, на Полесских болотах, под боком многомиллионного города», — записал Гончар в своем дневнике. Щербицкий сделал вид, будто не понимает, о чем идет речь. «В ответ он как-то взволнованно замахал руками, стал торопливо, чуть не захлебываясь, объяснять мне про ракеты, про будущее атомной энергетики», — пишет Гончар. Демагогические рассуждения о благе всего человечества впечатления на него не произвели. Гончара куда больше волновало благополучие его собственной страны — Украины. «Говорят, для соседей надо давать энергию, — пишет он в дневнике. — Но почему для этого земля Украины должна стать жертвой? Почему дети украинские должны ловить эти дьявольские дозы?» [6]

Высказывания Гончара о Чернобыле и будущем атомных электростанций в республике стали знаком того, как изменилось отношение части украинской политической и культурной элиты к роли атомной энергетики в жизни Украины. В середине 1960-х республиканское руководство, стремясь не отставать от прогресса, добилось вступления Украины в привилегированный атомный клуб. Писатели в те годы легко закрывали глаза на то, что модернизация и прогресс приходят в Украину в упаковке русского языка и русской культуры, подрывая культурные основы украинской нации, какой они ее себе представляли. С началом строительства Чернобыльской АЭС в самом сердце украинского Полесья образовался русскоязычный анклав. Подобно большинству украинских городов в XX веке, Припять вбирала в себя украиноязычных сельских жителей и превращала их в русскоязычных горожан, тяготеющих к русской городской культуре.

Украинская интеллигенция была поставлена перед фактом: без модернизации у нации нет будущего, но при этом модернизация лишает ее национальной самобытности. В этой ситуации украинские писатели предпочли признать Чернобыльскую АЭС своей, не слишком вдаваясь в вопросы о языке и культуре людей, которые ее строили и обслуживали. До того они точно также

поступали с советскими индустриальными гигантами, построенными перед войной на востоке республики, — от донбасских металлургических комбинатов до харьковских и днепропетровских машиностроительных заводов. Если судить по книгам, получалось, будто эти предприятия строили украинцы, говорившие на украинском языке.

Первым Чернобыльскую АЭС «украинизировал» драматург и сценарист Александр Левада. (Его приемным сыном был социолог Юрий Левада, основатель московского Левада-Центра, исследовательской организации, специализирующейся на изучении российского общественного мнения.) Весной 1974 года, за два года до пуска первого реактора Чернобыльской АЭС, киевский Национальный драматический театр имени Ивана Франко поставил его пьесу «Здравствуй, Припять!», посвященную строительству станции. Левада в ней решительно обошел тему русской культурной апроприации украинского региона. Почти все персонажи пьесы — даже те из них, кто приехал в Припять из Москвы и других мест России, — этнические украинцы. Основные конфликты — между современностью и традицией, между индустриализацией и защитой окружающей среды — разыгрываются в рамках украинского общества, в пределах украинской языковой и культурной среды. В этой культурной идиллии не существует проблемы русификации, неразрывно связанной с модернизационными проектами союзного руководства [7].

Главную тему своей пьесы Левада определял как отношения прогресса и окружающей среды. Атомная станция представлена в ней самым чистым и абсолютно безопасным источником электроэнергии. О том, что атомная энергия может представлять угрозу для людей и природы, говорят исключительно отрицательные персонажи — бывшие нацистские коллаборационисты, по-прежнему враждебные советской власти, или темные деревенские женщины. Забавно, что одна из них почти предсказывает создание зоны отчуждения и переселение ее обитателей: «Слух есть, что в двадцать четыре часа и не меньше чем за пятьдесят километров» [8].

Положительные персонажи отметают подобные опасения как панические и беспричинные. Один из них, украинский ученый, академик Мазуренко, видит в атомной энергетике альтернативу вредным для природы традиционным способам производства электроэнергии и расхваливает Чернобыльскую АЭС как великолепный образец для будущего. Атомная энергетика, по пьесе

Левады, позволяет решить проблему вредного воздействия индустриального развития на окружающую среду, которую поднял в романе «Собор» Олесь Гончар. Только после взрыва чернобыльского реактора в репликах отрицательных персонажей Левады общество расслышит «предупреждение» о катастрофе [9].

В отличие от своего приемного сына — диссидента Юрия, Александр Левада был убежденным коммунистом, верил советской пропаганде и в своих произведениях воспроизводил ее штампы. Но «атомную модернизацию» Украины приветствовали не только приверженцы социалистической идеологии. Среди первых апологетов строительства Чернобыльской АЭС были и молодые украинские писатели, близкие к диссидентским кругам. Самым видным из них был Иван Драч, восходящая звезда украинской поэзии. Он родился в 1936 году и принадлежал к поколению шестидесятников — молодых, задиристых писателей и интеллектуалов, которые заявили о себе во времена хрущевской оттепели и активно содействовали популяризации украинских культуры и языка, видя в этом важную составляющую более широких демократических преобразований.

После того как в 1964 году Хрущева отстранили от власти и оттепель кончилась, для Драча и близких ему по духу писателей и поэтов наступили трудные времена. Но в 1974 году, в разгар гонений на интеллигенцию, когда многие его друзья были отправлены за решетку, Иван Драч выпустил стихотворный сборник «Корень и крона», наконец-то с одобрением встреченный начальством. В сборнике прославлялся Ленин и восхвалялась официальная политика «дружбы народов», за которой на деле скрывалась русификация нерусского населения Советского Союза. В нем также была широко представлена тема технического прогресса, олицетворяемого Чернобыльской АЭС.

В стихотворении «Полесская легенда» река Припять, предстающая в образе украинской девушки, собирается замуж за пришельца из дальних краев по имени Атом. И главное в решении Припяти не нежные чувства, а уверенность в том, что брак с Атомом пойдет на благо ее народу. «За него я пойду хоть сейчас, если надо, — говорит девушка-река. — Вот как людям служить пришла мне пора / И Днепру, и Донбассу пусть поможет мой Атом». Расположенный на востоке

Украины промышленный Донецкий угольный бассейн, символ экономического прогресса, не мог существовать без обильного источника электроэнергии. В 1976 году за свою книгу стихов Драч получил премию имени Тараса Шевченко, высшую украинскую награду в области культуры. А несколько лет спустя за другой поэтический сборник (на русском языке) удостоился Государственной премии СССР [10].

Сочиняя стихи, которые помогли ему завоевать расположение властей, Драч, скорее всего, искренне считал развитие атомной энергетики делом исключительно важным и нужным. Однако, судя по многочисленным свидетельствам, Чернобыльская авария заставила его горько пожалеть о былом энтузиазме. В мае 1986 года его сына, студента-медика Максима Драча вместе с однокурсниками отправили в зону отчуждения вести дозиметрический контроль людей и транспортных средств, покидающих зону и прибывающих в нее. Работая без надлежащих средств защиты, он получил большую дозу радиации и был госпитализирован в одну из киевских больниц с симптомами лучевой болезни. Последствия облучения еще многие годы сказывались на его здоровье.

К теме Чернобыля и атомной энергетики Драч теперь обращается с иным настроением и использует совсем другие образы. Он убежден, что авария привела Украину к ядерному апокалипсису. Если центральным образом «Полесской легенды» была юная украинская красавица, олицетворение реки Припять, то в центре поэмы «Чернобыльская Мадонна» — образ Богоматери.

Сей огненный крест, а на нем, да и в нем

Пылает мой сын, окольцован огнем.

Горят на ладонях стигматы урана,

И губы горят, словно адская рана [11].

В финале Драч пишет о своей прежней вере — типичной для его поколения — в то, что атомная энергия служит благотворному преобразованию мира: «Соль познанья — раскаянья дар» [12].

Раскаяние было искренним. Поэма «Чернобыльская Мадонна» была опубликована в начале 1988 года. На следующий год Иван Драч стал одним из основателей и первым председателем Народного руха (Движения) Украины, общественной организации, вставшей во главе демократических перемен в республике, которые в итоге способствовали распаду Советского Союза и привели к созданию независимого украинского государства. «Чернобыль встряхнул нашу душу, реально показал нам, что мы подошли к краю пропасти, к бездне, а вся наша культурная деятельность — суета сует, собаке под хвост, роза под бульдозером», — писал Драч о роли Чернобыльской аварии в пробуждении украинского общественного движения [13].

В июне 1988 года писателям наконец удалось вынести дискуссию о губительных последствиях Чернобыльской аварии в политическое поле: переломным моментом стала XIX всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. На этом созванном Горбачевым партийном форуме была принята программа политических реформ, позволявших провести в СССР частично свободные выборы — первые со времен революции 1917 года. До выборов оставался еще без малого год, но границы гласности расширились немедленно. Это позволило привлечь внимание общества к теме последствий Чернобыльской аварии и ответственности за случившееся высшего партийного руководства.

Делегат партийной конференции и один из лидеров украинского Союза писателей Борис Олейник привез в Москву петицию, подписанную шестью тысячами жителей Украины. Они требовали, чтобы московское партийное руководство остановило строительство атомных электростанций в Украине. Одну из них планировали возвести неподалеку от города Чигирина, который в XVII веке служил гетманской столицей и был одним из ключевых символов украинской истории и самосознания. «Высокомерие и пренебрежительность некоторых союзных инстанций… к судьбе Украины граничат не только с какой-то немилосердной жестокостью, но и с оскорблением национального достоинства, — заявил Олейник с трибуны партийной

конференции. — Я вспоминаю, как, требуя строительства Чернобыльской АЭС, некоторые, посмеиваясь над „украинским синдромом“, говаривали: да это же настолько безопасно, что можно вмонтировать реактор под ложе новобрачным. Мы не опустимся до того, чтобы рекомендовать пересмешникам ставить свои кровати у четвертого реактора. Но мы вправе потребовать привлечь к персональной ответственности проектировщиков, допустивших грубейшие просчеты в выборе площадок для АЭС на Украине» [14].

Всего за год до того, летом 1987 года украинский КГБ преследовал людей, распространявших листовки и писавших на стенах призывы прекратить строительство атомных станций. Теперь же выступление Олейника было опубликовано в советских газетах. Сам факт того, что Олейник высказался о Чернобыльской аварии с трибуны партийной конференции, снял запрет на обсуждение связанных с ней проблем. Предметом общественной дискуссии стала ответственность за аварию московского начальства, а не только отбывающих тюремное наказание работников станции. На переднем крае борьбы за перемены оказались писатели — такие, как Олейник, Гончар и Драч. На какое-то время они даже оставили литературные занятия, целиком посвятив себя задаче не допустить строительство новых атомных станций на украинской земле [15].

В ноябре 1988 года при участии коллеги Олейника по Союзу писателей Украины Юрия Щербака в Киеве прошел первый по-настоящему массовый митинг, к организации которого Коммунистическая партия не имела никакого отношения. Врач по образованию, а впоследствии выдающийся ученый-эпидемиолог, Щербак вскоре после аварии провел три месяца в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС, где собирал свидетельства ученых, операторов станции и ликвидаторов. Летом 1987 года в московском журнале «Юность» увидели свет первые главы документальной повести «Чернобыль», завершенной им год спустя. Подробно описывая трагические события 1986 года, Щербак особое внимание уделил героизму тех, кто самоотверженно боролся с последствиями рукотворной катастрофы. В декабре 1987 года Щербак вместе с еще несколькими писателями и учеными создали первую в республике экологическую

организацию «Зелений світ» («Зеленый мир»). Именно она стала главным организатором массового митинга в защиту окружающей среды, состоявшегося в Киеве в ноябре 1988 года [16].

За полгода до ноябрьского митинга, 26 апреля 1988 года, в Киеве прошел другой митинг — посвященный второй годовщине Чернобыльской аварии. Его подготовил и провел Украинский культурологический клуб, первая в Украине независимая общественная организация, которую возглавлял тридцатитрехлетний выпускник факультета журналистики Киевского университета Сергей Набока, три года отсидевший в лагере за «антисоветскую пропаганду». Набока пытался провести митинг и в первую годовщину Чернобыля. Вместе с друзьями, которых КГБ в своих сводках называло членами «сети», он составил письмо к советскому руководству с требованием остановить работу Чернобыльской АЭС, прекратить строить в Украине атомные электростанции, обсудить с общественностью перспективы развития атомной энергетики или даже устроить референдум на эту тему, а также объявить 26 апреля Днем памяти и скорби. Подписи под письмом Набока с соратниками хотели собрать на митинге, который планировалось провести в центре Киева 26 апреля 1987 года. Но их замысел стал известен КГБ, который через своих агентов убедил диссидентов не проводить свою акцию. По мнению госбезопасности, и письмо, и митинг были инспирированы западными разведками, которые хотели воспользоваться ядерной аварией, чтобы вовлечь организации и движения, якобы ратующие за защиту окружающей среды, в подрывную антисоветскую деятельность и сделать их неподконтрольными компартии [17].

Весной 1988 года Набока вернулся к идее митинга. На сей раз его организатором выступил Украинский культурологический клуб, объединение, созданное сподвижниками Набоки. В него среди прочих вошел сорокавосьмилетний диссидент, член Украинской Хельсинкской группы Олесь Шевченко. Группа была образована в 1976 году с целью следить за исполнением Советским Союзом обязательств по соблюдению прав человека, которые он принял, подписав годом ранее Заключительный акт проходившего в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Едва приступив к работе, Хельсинкская группа была запрещена, а ее члены стали подвергаться преследованиям властей, которые, продолжая нарушать конституционные права

граждан, отправляли за решетку тех, кто следил за ее злоупотреблениями и протестовал против них. Вместе с другими правозащитниками арестовали и Шевченко. Отсидев срок в лагерях, он был отправлен в казахстанскую ссылку, откуда смог вернуться только в 1987 году с наступлением горбачевской гласности и перестройки. Украинские правозащитники всегда считали своей главной задачей борьбу за национальные права своего народа. После Чернобыля Шевченко и его единомышленников сплотила новая цель — борьба с атомной энергетикой в Украине.

Для митинга были подготовлены плакаты с лозунгами: «Прочь АЭС с Украины!», «Не хотим мертвых зон!», «АЭС — на референдум!». Демонстранты планировали собраться в самом центре Киева на площади Октябрьской революции, позже получившей известность как Майдан. Власти попытались убедить организаторов, в том числе Набоку и Шевченко, отменить акцию. Когда те отказались, было принято решение разогнать митингующих силами милиции и дружинников. Готовясь к годовщине Чернобыльской аварии, городские власти за несколько дней до нее начали менять на площади асфальт и обнесли ее строительным забором. На соседние улицы согнали студентов репетировать Первомайский парад.

Когда члены Украинского культурологического клуба все-таки вышли на площадь, к ним кинулись милиционеры и сотрудники КГБ. Демонстрантов вместе с несколькими случайными прохожими — всего около пятидесяти человек — силой затолкали в автобусы и отвезли в ближайшее отделение милиции, где всех тщательно обыскали. В итоге Шевченко получил пятнадцать суток ареста якобы «за хулиганство»: он держал в руках плакат, а потом цитировал милиционерам, которые волокли его в автобус, статью Конституции советской Украины, в соответствии с которой «гражданам Украинской ССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций» [18].

13 ноября 1988 года в центре Киева собралось уже около десяти тысяч человек. Власти, за несколько месяцев до того разогнавшие первый чернобыльский митинг, на сей раз дали организаторам официальное разрешение. Юрий Щербак, его организация «Зеленый мир» и все, кого волновала тема экологии и влияние на нее Чернобыльской аварии, впервые смогли напрямую обратиться к многотысячной аудитории. Щербак выступал перед демонстрантами одним из

первых. Он раскритиковал власти за сокрытие информации о долгосрочном воздействии радиации на здоровье и предложил создать комиссию по изучению последствий аварии, а также установить общественный контроль за деятельностью Министерства здравоохранения. Кроме того, Щербак призвал установить памятник жертвам Чернобыльской аварии, сделать 26 апреля днем их памяти и провести референдум о продолжении строительства и эксплуатации атомных электростанций на территории Украины [19].

Власти разрешили массовый митинг с тем условием, что он будет посвящен исключительно экологии. Общественная дискуссия на эту тему к тому времени уже не вызывала возражений начальства: в конце концов, последствия Чернобыльской аварии коснулись не только обычных людей, но и представителей политической и культурной элиты. С другой стороны, удержать подобное мероприятие в рамках чисто экологической тематики было уже невозможно — оно по определению стало бы политическим. Украинские писатели решили этим воспользоваться. Возглавлявший киевскую писательскую организацию Иван Драч и секретарь Союза писателей Украины Дмитрий Павлычко с 1 ноября 1988 года приступили к подбору рабочей группы, которой предстояло подготовить создание «Народного движения Украины». По замыслу создателей, эта организация должна была объединить различные группы украинских деятелей культуры и стать неким подобием народного фронта, вроде тех, что были созданы в прибалтийских республиках Советского Союза и возглавили борьбу за их экономическую и политическую независимость. По информации КГБ, именно на ноябрьском митинге Драч и Павлычко планировали объявить о создании «Народного движения Украины». Им это не удалось, поскольку список выступающих на митинге и доступ к микрофону контролировали представители власти [20].

И тем не менее ноябрьский митинг стал поворотным моментом в истории Украины. Приблизительно через два часа после его начала к микрофону неожиданно прорвался Иван Макар, физик, только что освобожденный из-под административного ареста за организацию оппозиционных митингов во Львове, культурной столице Западной Украины. Этот город, аннексированный Советским Союзом в соответствии с заключенным в 1939 году пактом Молотова–Риббентропа, в годы перестройки стал центром мобилизации национальных сил. Едва

Макар появился на трибуне, сотрудники КГБ тут же отключили микрофон, но он все равно обратился к собравшимся. Предупредив их о том, что союзные власти готовятся принять законы, препятствующие обретению республиками экономического суверенитета, Макар призвал украинцев создать народный фронт по примеру прибалтийских республик, чтобы вместе с прибалтами бороться за независимость от центра. Произнесенная без микрофона речь имела далеко идущие последствия. Во время его выступления митингующие требовали у властей включить звукоусиление, скандируя: «Ми-кро-фон» — так впоследствии был назван снятый при участии Юрия Щербака документальный фильм об экологических последствиях Чернобыльской аварии, и именно это слово стало боевым кличем активистов, требовавших гласности в отношении Чернобыля и других болезненных для украинского обществ проблем [21].

23 ноября, через десять дней после киевского митинга, украинские писатели сформировали рабочую группу по созданию «Руха». Ее председателем был избран Иван Драч, к группе также примкнули Олесь Гончар и Юрий Щербак. Несколько недель спустя на писательском форуме Драч заявил, что необходимость создания «Руха» «продиктована прежде всего идеей Чернобыля», а затем пояснил, что «единственная альтернатива этим атомным станциям — это Народное движение Украины». Много лет спустя он писал, что «Чернобыль был стимулятором всех демократических процессов в Украине, польская „Солидарность“ — примером, а Союз писателей — колыбелью» [22].

Сплотив единомышленников вокруг проблемы Чернобыля, украинские писатели получили возможность просить всесоюзное руководство принять меры по ее решению. В конце 1988 года Олесь Гончар, Борис Олейник и другие видные украинские писатели направили в ЦК КПСС обращение, основанное на требованиях, прозвучавших на ноябрьском митинге в Киеве. Они требовали создать специальную комиссию для изучения последствий Чернобыльской аварии, поставить под общественный контроль деятельность Министерства энергетики и Министерства здравоохранения и провести референдум о продолжении строительства атомных электростанций. Республиканские власти фактически поддержали писателей. Дальше замалчивать проблему было невозможно.

«Надо признать, что в республике длительное время не уделялось должного внимания осуществлению мер по охране окружающей среды», — писал в Москву первый секретарь украинской Компартии Владимир Щербицкий. Он напоминал столичным коллегам и начальникам, что руководство Украины уже просило центр остановить строительство Чигиринской АЭС — именно таким было одно из главных требований ноябрьского митинга. Кроме того, Щербицкий возражал против строительства в Украине новых атомных электростанций. «По данным Академии наук УССР, — писал он, — до 90 % территории Украинской ССР характеризуются сложными геолого-гидрологическими условиями, в основном неблагоприятными для строительства АЭС» [23].

Ситуация в стране поменялась. Вдохновленные горбачевской политикой гласности республиканские культурные элиты под знаменем перестройки восстали против республиканских партийных властей. Для мятежных интеллектуалов вроде Сергея Набоки, ветеранов диссидентского движения, таких как Олесь Шевченко, и внешне лояльных советской власти писателей, таких как Иван Драч, Чернобыль стал еще одной актуальной темой наряду с политическими свободами, правами человека и развитием украинских языка и культуры. Оказалось, что эта новая повестка вызывает куда более широкий отклик, чем все остальное. Именно проблемы, связанные с Чернобылем, позволили украинским диссидентам и мятежным интеллектуалам пошатнуть единство в рядах коммунистического начальства и настроить республиканскую политическую элиту против центрального руководства.

Горбачеву и московским реформаторам внезапно пришлось иметь дело с объединенными силами мятежных интеллектуалов и недовольных, растерянных руководителей республики. Союзные власти никак этого не ожидали. Заметнее всего эти перемены сказались в области атомной энергетики. Республиканские политические лидеры и национальные культурные элиты требовали, чтобы Москва прекратила строить новые атомные электростанции и остановила уже существующие. И это было только начало. В 1989 году протестные движения по всему Советскому Союзу напишут на знаменах лозунги, неразрывно связывающие ядерную безопасность и национальное освобождение.

Глава 19
Восстание против атома

В первый и последний раз Горбачев побывал на Чернобыльской АЭС 23 февраля 1989 года, почти через три года после аварии. Он так никогда и не объяснил, почему не сделал этого раньше. В чернобыльской поездке советского лидера сопровождала жена Раиса. На снимках, опубликованных в советской прессе, мы видим их в помещении одного из энергоблоков станции, в белых халатах — таких же, как у окружающих их руководителей станции, партийных и советских начальников [1].

В феврале 1989 года три из четырех реакторов станции исправно давали электроэнергию, но последствия аварии постоянно давали о себе знать. Так, в декабре 1988 года КГБ сообщал партийному начальству в Киев о проблемах с четвертым энергоблоком, с возведенным над ним саркофагом и дезактивацией местности. Ученые и инженеры по-прежнему не знали, сколько радиоактивного топлива остается в поврежденном реакторе и в каком состоянии оно находится. Исследованию оставшегося топлива препятствовало отсутствие оборудования для работы с уровнями радиации свыше 200 рентген в час. Из-за недостатка специальной техники военные и гражданские бригады удаляли зараженный слой грунта, захоранивали радиоактивное оборудование и транспортные средства в основном вручную или с использованием простейших механизмов. Это ставило под угрозу здоровье рабочих и солдат и снижало производительность их труда. Бульдозеры, снимая верхний загрязненный грунт, часто смешивали его с «чистым», что приводило к расширению зараженных радиацией площадей.

Проблемы с саркофагом возникли из-за того, что при его возведении были использованы уцелевшие фрагменты стен разрушенного взрывом энергоблока. Поначалу идею задействовать уже имеющиеся конструкции сочли блестящим инженерным решением, позволяющим сохранить жизни и здоровье строителей, но со временем выяснилось, что советская манера делать все на скорую руку в очередной раз дала плачевный результат. Бетонное основание реактора, рассчитанное на определенную нагрузку, стало проседать под дополнительной тяжестью

массивного саркофага. Бетонирование территории вокруг четвертого энергоблока, призванное снизить излучение, исходившее от грунта, и сооружение подземной бетонной стены, которая должна была предотвратить попадание радионуклидов в грунтовые воды бассейна Днепра, изменили циркуляцию грунтовых вод, из-за чего фундамент саркофага стал менее устойчивым [2].

Для решения этих проблем были нужны деньги, но взять их Горбачеву было неоткуда. Советская экономика находилась в состоянии свободного падения, разгоняемого резким снижением мировых цен на нефть — главный источник валютных поступлений в государственный бюджет. Спасти экономику, считал Горбачев, могли только рыночные реформы. В мае 1988 года, за девять месяцев до визита в Чернобыль, он добился принятия Верховным Советом СССР закона «О кооперации», разрешившего частным предприятиям заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности и фактически отменившего государственную экономическую монополию. Но этого оказалось недостаточно. Частичные реформы не смогли оживить экономику, которая и прежде страдала от дефицита продуктов питания и потребительских товаров, а теперь и вовсе вошла в крутое пике, о чем красноречиво свидетельствовали пустые полки магазинов.

Вдохновленный примером «Пражской весны» 1968 года, во время которой чехословацкие коммунисты предприняли попытку построить «социализм с человеческим лицом», Горбачев верил, что экономические реформы невозможны без демократизации политической жизни. Наблюдения за происходящим в СССР лишний раз убеждали его в неразрывной взаимосвязи политических и экономических реформ. Начатая им политика перестройки подорвала государственную монополию на частную собственность, экономический фундамент социализма, и встретила ожесточенное сопротивление представителей старого партийного руководства. В ответ Горбачев дал старт политическим реформам, которые лишали партийную верхушку монополии на власть и внедряли элементы электоральной демократии в политическую систему, в основе своей не менявшуюся со сталинских времен. Тем самым Горбачев надеялся переиграть своих консервативных оппонентов и заручиться более широкой поддержкой демократических сил

в надежде, что некоторая степень политической свободы компенсирует пустые полки и экономические трудности [3].

24 февраля 1989 года, на следующий день после визита в Чернобыль, Горбачев встретился в Киеве с украинскими писателями, создателями «Народного движения Украины за перестройку», известного впоследствии под названием «Рух». Писатели поддерживали начатые генеральным секретарем экономические и политические реформы и, в свою очередь, надеялись на его помощь. На этой встрече присутствовал первый секретарь Компартии Украины, ставленник уже давно умершего Леонида Брежнева Владимир Щербицкий. Горбачев и Щербицкий, один из последних остававшихся в политбюро консерваторов, недолюбливали друг друга. Первомайский парад в Киеве, который Горбачев заставил Щербицкого провести несмотря на высокий уровень радиации, был не единственной причиной напряженности в отношениях между ними. Щербицкий не верил ни в горбачевские реформы, ни в методы, какими они осуществлялись. Он был уверен, что новый генеральный секретарь ведет страну к краху, и как-то даже бросил в разговоре с помощником: «Какой дурак придумал слово „перестройка“?» [4]

Щербицкий, как только мог — по партийной линии и с помощью КГБ, — препятствовал созданию «Руха». Вся надежда писателей была на Горбачева. Самый именитый из украинских писателей, Олесь Гончар, на встрече с ним, не стесняясь в выражениях, назвал развернутую Щербицким кампанию против «Руха» травлей. Горбачев не стал перебивать Гончара и дал ему высказать все, что он думает о главе украинской Компартии. При этом Горбачев сделал вид, что в первый раз слышит о трудностях, с которыми сталкиваются создатели движения. Во всяком случае, так воспринял его поведение Иван Драч, новообращенный борец с атомной индустрией и будущий первый председатель «Руха». «Было видно, — рассказывал Драч знакомому, который оказался информатором КГБ, — что М.С. Горбачев владел всей информацией о положении в республике, в том числе и по вопросу НДУ [Народного движения Украины], но старался представить дело так, что предварительно его об этом не информировали. Значит, он хотел услышать наше мнение. Это подход настоящего руководителя, не полагающегося только на чужие оценки. Теперь имеем надежду, что гонения на НДУ прекратятся» [5].

КГБ передал слова Драча Щербицкому. Тот, по всей видимости, сразу после встречи с Горбачевым дал указание прекратить развернутую в прессе кампанию против «Руха». И хотя партийное начальство продолжало по мере сил мешать создателям движения, «травля» после визита Горбачева резко пошла на спад. Это позволило основателям «Руха» начать подготовку к учредительному съезду, который прошел в Киеве 8–10 сентября 1989 года. Через две с половиной недели Горбачев вынудил Щербицкого подать в отставку. Украина готовилась вступить в новую эру, с приходом которой Чернобыльскую АЭС и зону отчуждения вокруг нее ждали большие перемены.

Лидеры «Руха» были самым решительным образом настроены на борьбу с атомным лобби и его сторонниками. 16 февраля 1989 года, незадолго до встречи писателей с Горбачевым в газете «Літературна Україна», печатном органе Союза писателей Украины, был опубликован проект программы «Руха». Обширный раздел, посвященный вопросам экологии, следовал в ней за разделом о социальной справедливости и предшествовал разделу, трактующему такие важные для писателей темы, как национальный вопрос, язык и культура. «Рух» призывал закрыть Чернобыльскую АЭС и остановить все работающие в Украине реакторы типа РБМК; прекратить строительство новых атомных электростанций, какие бы реакторы ни планировалось на них использовать; провести медицинское обследование населения Киева и регионов, примыкающих к Чернобыльской АЭС; принять меры по реабилитации всех пострадавших в результате аварии [6].

Вскоре после публикации программы «Руха» в СССР состоялись первые с 1917 года частично свободные выборы. В рамках ускорения политических реформ Горбачев создал новый высший орган государственной власти — Съезд народных депутатов. В него избиралось 2250 человек: одна треть от КПСС и подконтрольных ей общественных организаций и две трети — от территориальных и национально-территориальных округов. Выборы проходили с марта по май 1989 года, а открылся Съезд 25 мая. В ходе выборов развернулась ожесточенная борьба между назначенцами Коммунистической партии и представителями новых демократических движений,

для которых вопросы экологии имели не меньшее значение, чем нараставшие политические и экономические проблемы.

По всему Советскому Союзу лидеры пробуждающегося гражданского общества, вдохновленные, несмотря на экономические тяготы, горбачевскими политическими реформами, дружно обращались к экоактивизму, который быстро приобретал черты эконационализма. Деятели этого политического движения связывали проблемы охраны окружающей среды с этнонациональной повесткой, и каждый представлял свою республику главной жертвой проводимой союзным центром экологической политики. Атомные электростанции в их интерпретации воплощали московский эко-империализм. В Литве, например, главным раздражителем стала Игналинская АЭС, на которой использовались реакторы чернобыльского типа. В сентябре 1988 года по инициативе «Саюдиса» — литовской общественно-политической организации, послужившей одним из образцов для создателей украинского «Руха», — около 20 000 человек образовали «Кольцо жизни», выстроившись в живую цепочку вокруг Игналинской электростанции. Литовские националисты видели в ней не только экологическую, но и культурную угрозу, поскольку, как и на Чернобыльской АЭС, на ней работали в основном русские и представители других некоренных национальностей. В Армении произошедшее в декабре 1988 года землетрясение вызвало массовые протесты, которые привели к остановке Мецаморской АЭС, построенной в зоне повышенной сейсмической активности всего в трех десятках километров от Еревана [7].

«Рух» был крупнейшей, но не единственной в Украине общественной организацией, требовавшей закрыть Чернобыльскую АЭС и оказать помощь пострадавшим от аварии. Те же требования выдвигала экологическая ассоциация «Зеленый мир», возглавляемая писателем Юрием Щербаком, пионером природоохранного движения и сторонником «Руха». В апреле 1989 года ассоциация опубликовала свою программу, центральное место в которой занимали проблемы, связанные с Чернобылем, а сам Щербак выдвинул свою кандидатуру на выборы Съезда народных депутатов СССР. Ученому и писателю, никогда не состоявшему в Коммунистической партии, пришлось конкурировать с партийными кандидатами, которые

клеймили его одновременно сионистом и украинским буржуазным националистом, припоминая вдобавок, что он женат на гражданке Польши. Все это не помешало Щербаку с его экологической платформой набрать 57 процентов голосов, оставив далеко позади всех пятерых соперников по избирательному округу [8].

Юрий Щербак был далеко не единственным участником Съезда народных депутатов, в чьей программе на первом месте стояли проблемы экологии. 40 из 2250 депутатов представляли различные экологические организации, а вопросы защиты окружающей среды фигурировали в программах еще по меньшей мере трехсот из них.

Самой яркой фигурой немногочисленной, но активной депутатской группы «зеленых» была Алла Ярошинская. Молодая журналистка, избранная на Съезд от Житомирской области Украины, административная граница которой проходила в опасной близости от зоны отчуждения Чернобыльской АЭС, стала новым лицом движения за раскрытие всей правды о Чернобыльской аварии и ее последствиях. Своим избирателям она обещала уделить особое внимание Народичскому району, расположенному в семидесяти километрах к западу от Припяти и сильно пострадавшему от загрязнения. «Необходимо предать гласности последствия радиоактивного загрязнения Народичского района, которые до сих пор скрываются от населения», — говорилось в предвыборной программе Ярошинской. Оказавшись в Москве, она сделала все возможное, чтобы весь Советский Союз узнал о трагедии Народичского района и задумался о долгосрочных последствиях Чернобыльской аварии.

Ярошинская с юности отличалась свободолюбием. Уроженка Житомира, города с 250-тысячным населением, расположенным в 130 километрах западнее Киева, она окончила факультет журналистики Киевского университета в начале 1970-х, когда КГБ дотаптывал последние ростки свободы, чудом уцелевшие со времени хрущевской десталинизации конца 1950-х — начала 1960-х годов. Нескольких ее однокашников исключили из университета за то, что они в неправильный день возложили цветы к памятнику Тарасу Шевченко: чествовать его память полагалось в марте, а майское возложение цветов считалось проявлением подлежащего искоренению украинского

национализма. Некоторое время спустя из университета исключили ее мужа — за работу, в которой он позволил себе одобрительно отозваться о лидере анархистов времен Гражданской войны Несторе Махно: муж Ярошинской назвал его героем Украины, тогда как официально в Советском Союзе Махно считался предводителем контрреволюционных банд. Ярошинская устроила сбор подписей против исключения мужа, но в университете его не восстановили.

Наделенная писательским талантом, после университета Ярошинская пошла работать в житомирскую областную газету, но в Коммунистическую партию вступать отказалась и была единственным беспартийным журналистом в партийном печатном органе. Она искренне верила в социальную справедливость и социалистический строй, понимая при этом, что статьи об отдельных «перекосах» и издержках советской системы в печать никогда не пройдут. Поэтому Ярошинская решила лично писать московским начальникам о том, как местные партийные руководители злоупотребляют властью. Некоторые письма она адресовала самому Брежневу, первому человеку в партии и советском государстве. В один прекрасный день Ярошинскую вызвали в областной комитет партии и под угрозой увольнения из газеты запретили писать начальству. Журналистку вызывали и в КГБ — побеседовать о ее политических взглядах, а однажды практически похитили на несколько часов: пытаясь запугать, полковник КГБ посадил ее в машину и отвез на дальнюю окраину города.

Когда Горбачева избрали генеральным секретарем КПСС, Ярошинская поверила в возможность перемен. В 1986 году с коллегой-журналистом Яковом Зайко они создали в Житомире клуб «За перестройку». Коммунистическая пресса тут же обвинила их в попытке организовать политическую партию — преступлении, в доперестроечном СССР равносильном государственной измене. На публикацию критических статей в житомирских газетах надежды не было, и Ярошинская решила попытать счастья в более свободной столичной прессе. Попытка оказалась удачной: если до Житомира гласность тогда еще не добралась, то в Москве она уже делала первые уверенные шаги. В июне 1987 года во второй по значению советской газете «Известия» увидела свет статья, в которой Ярошинская обвиняла житомирское партийное начальство в нетерпимости к критике и в преследовании идейных оппонентов. Начальство в ответ

отправило в ЦК КПСС письмо за подписью девятнадцати житомирских журналистов, представлявшее автора статьи в самом невыгодном свете. В газете, где работала Ярошинская, на специально созванном партийном собрании ее прорабатывали битых шесть часов. В итоге журналистку перевели на работу на полставки, но это никак не повлияло на ее решимость продолжать начатое [9].

Осенью 1987 года Ярошинская, мать двоих детей, которой тогда было тридцать четыре года, попросила начальника дать ей отгул. Он не соглашался и сдался, только когда она сказала, что отгул ей нужен, чтобы сделать аборт. Вместо клиники Ярошинская отправилась в поселок Народичи, и там в кабинете одного из чиновников ей показали секретную карту радиоактивного заражения Житомирской области. Темой зараженных районов Ярошинская интересовалась с тех пор, как узнала, что в Народичском районе началось строительство жилья и объектов инфраструктуры для людей, переселяемых из Чернобыльской зоны отчуждения. С точки зрения Ярошинской, их строили слишком близко к аварийной электростанции в местности, которая тоже, вероятно, была заражена радиацией. Когда она попросилась в командировку в Народичский район, редактор газеты ей категорически отказал. Отказ он объяснил тем, что газета, в которой они работают, — областная, а план переселения принимался на республиканском и союзном уровнях, так что пусть им занимаются киевская и московская пресса. Ярошинская запрет проигнорировала.

Первое село Народичского района, в котором Ярошинская побывала втайне от своего начальства, называлось Рудня-Осошня. Всем его жителям было известно, что радиационный фон в нем был повышен. Сельскую школу закрыли, потому что уровень радиации в ней достигал полутора миллирентген в час. Тем не менее строительство в Рудне-Осошне продолжалось. Рабочие, с которыми Ярошинская пообщалась на стройке, жаловались, что быстро устают и мучаются головными болями. За работу в зараженной местности им доплачивали по тридцать рублей в месяц, как считалось, на «усиленное питание». Сами рабочие называли эти дополнительные деньги «гробовыми». Ни они, ни местные жители не понимали, зачем строить детский сад в затронутом радиацией селе, в котором практически нет дошкольников. Кроме

детского сада, в селе строили баню — видимо, для того чтобы местным было где смывать с себя радиоактивную пыль.

Потрясенная увиденным в Рудне-Осошне, следующие несколько месяцев Ярошинская с мужем все выходные проводила в поездках по деревням и селам Народичского района и всюду видела одно и то же: шло строительство, причем данные о радиационном фоне везде были засекречены, что ставило под угрозу здоровье как местных жителей, так и переселенцев, эвакуируемых из зоны отчуждения. Врачи Народичской районной больницы рассказали Ярошинской, что у 80 процентов детей в районе увеличена щитовидная железа. Объясняться это могло только повышенными дозами радиации — до аварии увеличенная щитовидка отмечалась только у 10 процентов детей.

Помочь жителям Народичского района можно было, только предав гласности их отчаянное положение. Газета, в которой работала Ярошинская, заведомо не стала бы публиковать результаты ее расследования, поэтому она вновь решила попытать счастья в центральной московской прессе, где не раз появлялись статьи с критикой региональных партийных властей. Но тема Чернобыля оказалась чересчур деликатной и для столичных газет. «Известия» на этот раз отказались публиковать материал Ярошинской как содержащий государственную тайну. Редакция главной партийной газеты «Правда» сначала полгода тянула время, а потом отвергла ее статью, сославшись на то, что к публикации уже якобы подготовлен материал на ту же тему, написанный другим автором. Ярошинской удалось добиться личной встречи с главным редактором рупора перестройки журнала «Огонек» украинским писателем и поэтом Виталием Коротичем. Но и он, несмотря на многочисленные обещания, расследование публиковать не стал. Не состоялась публикации и в известной своей демократической направленностью «Литературной газете» [10].

Многочисленные отказы объяснялись, по большей части, не вкусами и желаниями главных редакторов, а строгим цензурным запретом на любые публикации о Чернобыле, кроме тех, что прославляли подвиг ликвидаторов. Так, главный редактор популярной газеты «Вечерний Киев» Виталий Карпенко позднее вспоминал, как получил предупреждение по партийной линии только за то, что в мае 1986 года в одном из номеров поместил фотоснимок Киева, где на улицах было

мало людей. Допущенный им промах разбирали члены политбюро Компартии Украины, которые обязали Карпенко впредь все без исключения материалы представлять на утверждение лично секретарю киевского горкома партии.

Впоследствии в распоряжении Ярошинской оказались секретные постановления партийных и советских органов, которые засекречивали все, что имело отношение к Чернобылю. КГБ первым, уже в мае 1986 года, наложил гриф секретности на любые сведения, касающиеся Чернобыльской аварии, ее причин и последствий. В июне того же года распоряжением Министерства здравоохранения была засекречена вся информация о лечении граждан на пострадавших территориях и дозах радиации, полученных ликвидаторами. В июле Министерство обороны разослало по военным комиссариатам указание не регистрировать в личных делах офицеров и солдат факт привлечения к работам на Чернобыльской АЭС. Не полагалось указывать в личных делах и полученную военнослужащими дозу радиации, если она не превышала 50 бэр, при том что допустимой нормой считались 5 бэр, а нормой «чернобыльской» — 25 бэр [11].

Ярошинская, казалось, уперлась в стену. Гласность имела свои пределы. Одно дело — обличать коррупцию и недочеты в работе местных органов, помогая тем самым Горбачеву вести наступление на реакционный партийный аппарат, и совсем другое — рассказывать правду о Чернобыльской АЭС, за эксплуатацию которой отвечало центральное союзное правительство. Рассказать правду означало признать вину центральной власти и самого Горбачева в том, что они скрыли от народа истинное положение вещей, а потом еще потратили миллиарды рублей на реабилитацию пораженной территории и ее населения. А у Горбачева просто-напросто не было денег. Экономика страны переживала упадок, долгожданные реформы разрушали советскую экономическую систему и ложились тяжелым бременем на истощенную государственную казну. Ярошинской пришлось ограничиться раздачей экземпляров своей статьи друзьям и знакомым. В эпоху гласности она была вынуждена снова заняться самиздатом — практикой, мастерски освоенной советскими диссидентами: размножать на пишущей машинке и передавать из рук в руки запрещенные тексты [12].

Но все изменилось в одночасье. На XIX конференции КПСС, созванной Горбачевым летом 1988 года — в том числе для того, чтобы одобрить задуманные им первые частично свободные выборы, — украинский писатель Борис Олейник в нарушение табу публично возложил ответственность за Чернобыльскую аварию на центральную власть. В сентябре 1988 года московский журнал «Новый мир» напечатал статью белорусского писателя Алеся Адамовича «„Честное слово, больше не взорвется“, или Мнение неспециалиста». Адамович в ней не только возлагал ответственность за аварию на высокое начальство, но и утверждал, что обширные территории вокруг Чернобыльской АЭС подверглись гораздо более сильному радиоактивному загрязнению и были намного опаснее для жизни, чем это официально признавалось. Он заявил, что власти скрывают правду, чтобы не ставить под удар планы строительства новых атомных электростанций. Адамович назвал ситуацию катастрофической и привел в пример белорусский город Брагин, расположенный в 40 километрах от Чернобыльской АЭС. Он считался настолько опасным для работы врачей, что медицинские бригады работали там сменами, по месяцу, тогда как местные жители, в том числе женщины и дети, оставались в Брагине постоянно [13].

Статья Адамовича раздвинула границы гласности даже шире, чем выступление Олейника на партийной конференции: судьба пострадавших территорий стала предметом открытой общественной дискуссии. В том же сентябре 1988 года, когда увидела свет статья Адамовича, Юрий Щербак с небольшой съемочной группой приехал в Народичский район, судьба которого так беспокоила Ярошинскую. В снятом ими документальном фильме были показаны поросята и телята, родившиеся без глаз и с другими уродствами предположительно из-за высокого уровня радиации в местных хозяйствах. В одном из них радиационный фон был в 150 раз выше, чем в Киеве. За прошедший после аварии год у скота родились шестьдесят четыре уродца, тогда как за предыдущие пять лет врожденные уродства были отмечены всего три раза. Поскольку двадцатиминутный документальный фильм не имел шансов пробиться на телевидение или на большой экран, один из его создателей опубликовал статью, где описал все, что увидели и сняли кинематографисты. Как ни пытались власти утаить правду, их монополия на информацию рушилась на глазах [14].

В конце осени 1988 года Ярошинской впервые разрешили выступить перед большой аудиторией с рассказом о ситуации в Народичском районе. Реакция на выступление была бурной и у подавляющего большинства слушателей — за исключением представителей власти — крайне положительной. Жители Житомира просили руководство заводов и исследовательских институтов предоставить ей залы для выступлений. К весне 1989 года, когда проходили выборы Съезда народных депутатов, уже ни один зал не вмещал желающих ее послушать — поэтому она выступала на площадях и стадионах. Партийные начальники бомбардировали ее звонками и письмами с угрозами. Пытались заставить ее мужа, служившего в пожарной команде Министерства внутренних дел, подать на развод. Терроризировали ее сына и возбудили уголовные дела против нескольких десятков ее сторонников, якобы планировавших нападение на обком партии. Но выступления Ярошинской по-прежнему собирали по двадцать-тридцать тысяч человек. В конце концов власти сдались. Редакция житомирской газеты, в которой Ярошинская проработала много лет и которая под давлением сверху выступала против собственной сотрудницы, сочла себя обязанной опубликовать ее предвыборную программу. На выборах за Ярошинскую проголосовали больше 90 процентов избирателей.

В Москве Ярошинская быстро наладила связи с депутатами-единомышленниками. В их числе были писатель и эколог Юрий Щербак, автор снятого в Народичском районе шокирующего документального фильма «Запредел» Михаил Беликов и эколог Сергей Конев, уроженец Днепропетровска, украинского промышленного города, известного главным образом как родина Леонида Брежнева, а позже снискавшего дурную славу одного из самых загрязненных городов Советского Союза.

Сразу после открытия Съезда народных депутатов Ярошинская и Щербак записались на выступление в надежде во всеуслышание заявить об экологических последствиях Чернобыльской аварии. Но ни ей, ни ему слова так и не дали. Тогда Ярошинская рискнула: в один из последних дней работы Съезда подошла к сидевшему в президиуме Горбачеву и попросила у него разрешения выступить по вопросу Чернобыля. Горбачев разрешил. За отведенные ей три минуты Ярошинская рассказала о Народичском районе, зараженных радиацией селах и лживых

заявлениях украинских чиновников от здравоохранения о том, что уровень радиации в районе якобы безопасен для его жителей. В завершение Ярошинская вручила Горбачеву кассету с фильмом Беликова про Народичский район, ситуацию в котором назвала «возмутительной».

Завеса молчания, за которой власти пытались скрыть последствия Чернобыльской аварии, понемногу начала подниматься. После своего выступления Ярошинская получила множество писем и телеграмм от людей, восхищенных ее смелостью. На следующий день еще несколько депутатов выступили против сокрытия правдивой информации о Чернобыле. Среди них были и врач из Могилевской области, и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Ефрем Соколов, заявивший с трибуны, что радиоактивному заражению подверглись 18 процентов сельскохозяйственных угодий республики. При этом самый высокопоставленный из украинских депутатов, председатель Совета министров Украины Виталий Масол, к удивлению Ярошинской, в своем выступлении ни словом не обмолвился о Чернобыле. И тем не менее выступая после Съезда перед избирателями на переполненном стадионе в родном Житомире, а затем — перед жителями Народичей, она с полным правом могла говорить, что долгожданные перемены уже начались.

В августе в Народичский район прибыла государственная комиссия во главе с заместителем председателя Совета министров СССР Виталием Догужиевым; ее сопровождали заместитель председателя Совета министров Украины Евгений Качаловский и первый секретарь Житомирского обкома партии Василий Кавун. Еще раньше в Народичах состоялось выездное заседание Научного совета по проблемам радиобиологии Академии наук СССР, о котором КГБ подробно доложил первому секретарю украинской Компартии Владимиру Щербицкому. 13 июня в районном Доме культуры прошла встреча ученых с жителями Народичей, на которую собралось почти восемьсот человек. Во время встречи из зала раздавались предложения начать забастовку, чтобы заставить власти от признания проблемы перейти к ее решению. Но КГБ был вынужден оставить эти выступления безнаказанными и просто сообщить о них наверх — настолько изменилась политическая обстановка в стране [15].

К осени 1989 года экологическое движение, направленное против коммунистического руководства, охватило не только Украину, но и соседнюю Белоруссию. Первый в Белоруссии массовый митинг прошел в Минске 30 сентября. Республиканские власти попытались не пустить в столицу автобусы из пострадавших от радиации районов Гомельской и Могилевской областей, но у них ничего не вышло. В результате на площадь вышло около 30 000 человек, перед ними выступили лидеры Белорусского народного фронта — общественно-политического движения, которое за несколько месяцев до того было учреждено в Вильнюсе и имело много общего с украинским «Рухом». Никто из белорусских партийных и советских чиновников к митингующим не вышел. Власти предпочли отрицание — если и не удручающих последствий Чернобыльской аварии, то, во всяком случае, факта утраты ими монополии на информацию и проведение политических акций [16].

Выборы на Съезд народных депутатов СССР и выступления на нем депутатов помогли пролить свет на экологические последствия Чернобыльской аварии, но почти не приблизили активистов антиядерного движения к их цели — выводу из эксплуатации Чернобыльской АЭС и других атомных электростанций, на которых использовались реакторы типа РБМК. По-настоящему широкие возможности открылись перед активистами благодаря выборам в республиканские парламенты, прошедшим в марте 1990 года в рамках второго этапа горбачевской политической реформы. Итоги этих выборов, на которых не было квоты для подконтрольных коммунистам общественных организаций и все депутаты избирались свободным голосованием, стали полной неожиданностью для Горбачева и всего московского руководства. Если летом 1989 года депутаты всесоюзного Съезда ограничивались разоблачениями, то весной 1990-го депутаты республиканских парламентов перешли от слов к делу.

В нескольких советских республиках избиратели привели во власть сторонников национальной независимости, прочно связывавших ее с отказом от атомной энергетики. Степень антиядерного рвения новоизбранных парламентариев была неодинаковой в разных республиках и зависела от того, насколько решительно они стремились размежеваться с Москвой. Литва, где

массовые митинги за закрытие Игналинской АЭС начались еще осенью 1988 года, первой заявила о выходе из СССР. Демократически избранный Верховный Совет на первом заседании 11 марта объявил о восстановлении независимости Литвы. В ответ напуганный Горбачев устроил мятежной республике экономическую блокаду, в условиях которой новому руководству республики понадобился независимый от Москвы источник электроэнергии. В итоге лидеры движения за отказ от атомной энергетики вместо того, чтобы закрыть имеющиеся реакторы, задумались о строительстве новых — с целью сохранить независимость Литвы. Антиядерный активизм, таким образом, был перевернут с ног на голову [17].

В Украине, где политические элиты всерьез не задумывались о выходе из Советского Союза, но зато одной из самых актуальных проблем были последствия Чернобыльской аварии, движение противников атомной энергетики не только благополучно пережило выборы 1990 года, но и значительно окрепло. Чтобы изъять чернобыльскую тему из арсенала «Руха», в феврале 1990 года, в самый разгар избирательной кампании, коммунистическое руководство Украины способствовало тому, чтобы подконтрольный ему Верховный Совет принял постановление об остановке Чернобыльской АЭС к 1995 году. Тогда же власти отказались зарегистрировать «Зеленый мир» как отдельную партию и тем самым лишили членов ассоциации возможности баллотироваться с экологической партийной программой.

Но эти отчаянные попытки убрать тему Чернобыля с центрального места в политической повестке практически не повлияли на исход выборов. Один из самых популярных лозунгов предвыборной кампании — «Хай живе КПСС на Чернобыльской АЭС» — фактически прямо обвинял в аварии Коммунистическую партию и желал ей скорейшей кончины на атомной станции. Три четверти листовок, напечатанных в Украине за время предвыборной кампании, содержали упоминание Чернобыля и экологических проблем, которые для электората были важнее, чем вопросы экономики и социальной справедливости. Свыше четверти депутатов — 125 человек, — избранных в новый Верховный Совет, вошла в идеологически близкую «Руху» фракцию «Народная рада». Это стало тяжелым ударом для казавшейся всесильной партийной машины [18].

В апреле 1990 года, в четвертую годовщину Чернобыльской аварии в городах и поселках, расположенных поблизости от атомных электростанций, прошли митинги протеста. В Западной Украине 5000 человек вышли на митинг в Нетишине, расположенном рядом с Хмельницкой АЭС, и 3000 — в городе Ровно. Демонстранты требовали закрытия Хмельницкой и Ровенской атомных электростанций, находящихся в 120 километрах одна от другой. Протестующие, в большинстве своем украиноязычные местные жители, несли плакаты с лозунгами, направленными в основном против русского и русскоязычного персонала обеих электростанций. В Нетишине они попытались силой прорваться на территорию АЭС, но были остановлены охраной. Нетишинских протестующих поддержали рабочие местного бетонного завода: они прекратили поставки бетона для строительства нового энергоблока Хмельницкой АЭС и призвали рабочих других предприятий присоединиться к забастовке. Развитие событий обеспокоило КГБ, который предупредил партийное начальство в Киеве об опасности массовой безработицы, грозившей Нетишину в том случае, если власти пойдут на уступки и остановят Хмельницкую АЭС [19].

Украинские власти выбрали компромиссное решение. Летом 1990 года демократически избранный Верховный Совет сделал следующий шаг в направлении, заданном решением о закрытии Чернобыльской АЭС, и ввел пятилетний мораторий на строительство новых реакторов. Кроме того, парламентарии учредили специальную комиссию для рассмотрения вопросов, связанных с Чернобыльской аварией, и расследования роли московского и киевского руководства в сокрытии информации о ее опасных последствиях. Экологическое движение, таким образом, достигло своей главной цели. Впереди была трудная работа по поиску и распределению ресурсов, необходимых для реабилитации населения и территорий, пострадавших от воздействия радиации. Но лидеры массового экологического движения, пробившиеся в большую политику на волне спровоцированных Чернобылем протестов против атомной энергетики, теперь направили свои усилия в другое русло.

В октябре 1990 года в Киеве состоялся Второй всеукраинский съезд «Руха». Его председателем был переизбран Иван Драч, депутат республиканского Верховного Совета, начинавший путь в политике как активист-эколог. При этом съезд внес изменения в программу

«Руха»: из его полного названия было исключено упоминание перестройки, а обозначенной в уставе главной целью движения стало достижение независимости Украины. Экологическая часть программы осталась почти неизменной, но экология перестала быть единственной темой, мобилизующей людей на массовые политические действия. Политические свободы, завоеванные под знаменем эконационализма, позволили новым политическим лидерам открыто поднять вопрос о независимости республики. До того, как ударная волна Чернобыльского взрыва разрушит основы Советского Союза, оставалось совсем недолго [20].

Глава 20
Атом и распад СССР

Теплым летним утром 24 августа 1991 года у здания Верховного Совета в центре Киева собрались несколько тысяч человек. День был субботний, выходной для большинства киевлян. Кроме них, на площади было много приезжих с разных концов Украины. Митинг проходил под лозунгами «Долой КПСС!», «Украина выходит из СССР» и «Нет фашистскому Союзу!» [1].

Пятью днями раньше, 19 августа, сторонники жесткой линии во главе с шефом КГБ Владимиром Крючковым отстранили от власти Михаила Горбачева и создали Государственный комитет по чрезвычайному положению, который должен был повернуть вспять демократические реформы. Заговорщики изолировали Горбачева на даче в Крыму, но не решились арестовать его политического соперника, харизматичного президента России Бориса Ельцина, призвавшего москвичей на защиту свободы и демократии. Войска отказались разгонять людей, вышедших на столичные улицы, и к вечеру 22 августа с путчем было покончено. Ельцин вернул Горбачева обратно в Москву, но не стал делиться с ним властью, приобретенной в результате победы над путчистами. Еще не оправившегося от шока Горбачева он вынудил уволить министров силового блока и заменить их своими ставленниками. Кроме того, российский президент запретил деятельность Коммунистической партии, лишив Горбачева последней опоры [2].

В результате удачного контрпереворота самой сильной фигурой в Москве стал Ельцин. Это вызвало тревогу у украинской партийной элиты; лидеры оппозиционных сил, в свою очередь, опасались, что сторонники жесткой линии предпримут новую попытку переворота. Оставаться в подчинении Москвы не хотелось ни тем ни другим. Как и в случае с Чернобыльской аварией, у руководства республики и оппозиции обнаружился общий враг — Москва. Вопрос заключался в том, что лучше ему противопоставить: автономию или независимость. Получив автономию, украинцы могли бы относительно самостоятельно устраивать свои внутренние дела, оставаясь при этом внутри советской системы; независимость означала полный и окончательный выход из Советского Союза. Сторонники «Руха» настаивали на независимости, партийная верхушка

колебалась. Сторонники демократических реформ, собравшиеся у стены Верховного Совета Украины 24 августа, требовали от коммунистического парламентского большинства объявить о полной независимости от Москвы. Раздавались и требования призвать коммунистические власти Украины к ответу за то, что во время путча они не поддержали Ельцина, а заняли выжидательную позицию.

Тем временем в зале заседаний председатель Верховного Совета Леонид Кравчук, которого непосредственно касались обвинения в проявленной во время путча нерешительности, дал слово Владимиру Яворивскому, писателю, одному из основателей «Руха» и председателю комиссии Верховного Совета Украины по вопросам Чернобыльской катастрофы. Перед этим лидеры Народной рады — демократической оппозиции коммунистическому парламентскому большинству — передали Кравчуку несколько законопроектов с тем, чтобы он поставил их на голосование. Среди этих законопроектов была декларация независимости Украины, написанная Левко Лукьяненко, диссидентом и правозащитником, больше четверти века проведшим в заключении и ссылке. Коммунисты заявили, что проекта декларации не видели, и отказались его обсуждать. Тогда Яворивский решил воспользоваться возможностью, которую предоставил ему Кравчук, и с трибуны зачитать написанный Лукьяненко текст.

Он начал свою речь с призыва к единению: «Уважаемые депутаты, уважаемые гости, дорогой наш украинский народ! Давайте мы скажем, что сегодня не момент мести, а момент истины. Давайте скажем о том, что здесь собрались не победители и побежденные, а что, собственно говоря, все мы с вами побежденные. Сегодня нам выпал шанс прекратить распри». Вслед за этим Яворивский зачитал проект декларации, суть которой заключалась в словах: «Верховный Совет Украинской ССР торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства — Украины». Для многих представителей коммунистического большинства они прозвучали как гром среди ясного неба. Но депутаты-коммунисты не стали ни возмущаться, ни протестовать. Вместо этого они попросили объявить перерыв, удалились посовещаться, а снова вернувшись в зал заседаний, объявили, что готовы поддержать проект декларации. Кравчук поставил вопрос о независимости на голосование.

Результат оказался неожиданным для всех: 346 депутатов проголосовали за, 2 — против и 5 воздержались. После того как 1 декабря 1991 года Акт провозглашения независимости Украины был подтвержден на всеукраинском референдуме, Украина, вторая по размеру республика Советского Союза, стала независимым государством [3].

Автор декларации Левко Лукьяненко позже утверждал, будто честь зачитать ее текст на заседании Верховного Совета была доверена Яворивскому только потому, что Кравчук решил, будто у Яворивского, который сам до 1990 года был коммунистом, больше шансов склонить в ее пользу коммунистическое большинство. «Кто такой Лукьяненко? Националист, дважды под судом, рецидивист, — много лет спустя говорил Лукьяненко, вспоминая, как люди из окружения Кравчука объясняли решение председателя парламента. — Коммунисты кто такие? Те, кто ловил националистов, садил в тюрьму националистов, и конечно смотрят на националиста Лукьяненко как на врага <…> А Яворивский — человек из большинства. Практически он близок к большинству. И поэтому, если Лукьяненко будет читать, то много коммунистов может не проголосовать. А на Яворивского все посмотрят: свой человек, ближе к ним. И поэтому вернее наберется конституционное большинство». Сам Кравчук позднее отрицал, что предпочел Яворивского из политических соображений. Так или иначе, но в тот знаменательный момент у микрофона оказался именно Яворивский [4].

Писатель и общественный деятель Владимир Яворивский возник на украинской политической сцене осенью 1989 года, выступив одним из основателей «Руха». Весной 1990 года он участвовал в выборах в Верховный Совет с программой, в которой осуждал ущерб, нанесенный Украине Чернобыльской аварией.

Противником атомной энергетики Яворивский был далеко не всегда. В своем первом романе «Цепная реакция» (1978) он воспевал строительство Чернобыльской атомной станции как триумф коммунистической модернизации и символ вступления Украины в современную эпоху. Опасения в связи с небезопасностью атомных реакторов он объявлял беспочвенными: по его мнению, они были вызваны болезненной реакцией на американские бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, но

оправданны только в применении к капиталистическому миру. Подобно нескольким другим украинским писателям, в частности, председателю «Руха» Ивану Драчу, после Чернобыльской аварии из энтузиаста ядерной энергетики Яворивский превратился в убежденного борца с ней. В романе «Мария с полынью в конце столетья» (1987), написанном после двух с лишним месяцев символического покаяния, проведенных в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС, Яворивский демонстрирует возросший интерес к теме личной ответственности, к тому, как человек отвечает за свои поступки перед семьей, перед родиной и в конечном итоге перед народом. Олесь Гончар, самый известный в то время украинский писатель, писал Яворивскому после выхода романа: «Вашим словом из Чернобыльской эры донесла миру боль и свои надежды сама Украина» [5].

В Верховном Совете Яворивский сосредоточился на проблеме Чернобыля и возглавил созданную по его инициативе парламентскую комиссию по вопросам Чернобыльской катастрофы. Комиссия занялась расследованием роли партийного и советского руководства Украины в сокрытии масштабов аварии и ее последствий для населения. КГБ, принимавший непосредственное участие в сокрытии правды о Чернобыле, теперь докладывал председателю комиссии Яворивскому о проблемах на станции и зараженных территориях. Одним из первых адресатов обвинений со стороны Яворивского стал бывший директор Чернобыльской АЭС Виктор Брюханов. Пламенный оратор и публицист, обвиняемый оппонентами в популизме, Яворивский позволял себе много спорных высказываний. В частности, он заявил, что ночь аварии Брюханов провел с любовницей в лесном домике, а затем в нарушение своих директорских обязанностей скрыл масштаб случившегося от начальства и широкой общественности [6].

У Брюханова — он вышел на свободу досрочно, в сентябре 1991 года, отбыв пять лет заключения из десяти, — слова Яворивского вызвали негодование. «Яворивский создал себе имидж, выпустив скоропалительно книгу, — позднее рассказывал Брюханов. — Написал выдумки всякие… Я с того времени фамилию Яворивский не переношу». Большую часть срока Брюханов провел в лагере на Востоке Украины. Там он был местной знаменитостью: когда его привезли, заключенные приходили из других бараков посмотреть на человека, признанного виновным в самой страшной в истории техногенной катастрофе. Лагерная администрация хотела назначить

его бригадиром, но Брюханов отказался и стал работать простым слесарем. Досиживал свой срок он уже ближе к дому, в Центральной Украине. После освобождения Брюханов впервые увидел свою пятилетнюю внучку — она родилась вскоре после Чернобыльской аварии [7].

Нелегко пережив заключение — «процентов 95 из тех, кого я там видел, трудно считать людьми», говорил он позднее, — Брюханов пребывал в относительно добром здравии. После освобождения он снова устроился на Чернобыльскую АЭС, а потом перешел на работу в «Укринтерэнерго» — государственную компанию, занимающуюся экспортом, импортом и транзитом электроэнергии. Большинству его подельников повезло меньше. Бывший главный инженер станции Николай Фомин не смог оправиться от вызванного аварией психологического потрясения. В 1988 году его перевели из колонии в психоневрологическую лечебницу для заключенных, а оттуда — в гражданскую психиатрическую клинику. Его заместитель Анатолий Дятлов, отвечавший за тест турбогенератора 4-го энергоблока, психологических проблем не испытывал и свою вину так и не признал. Он перенес лучевую болезнь в тяжелой форме и в 1990 году был освобожден в связи с состоянием здоровья [8].

В конце лета 1991 года, когда Украина объявила о своей независимости от рассыпающегося Советского Союза, а Брюханов условно-досрочно вышел на свободу, уже мало кто считал Брюханова, Фомина и Дятлова главными виновниками аварии. В ноябре 1991 года экспертная группа советских физиков-ядерщиков во главе с новым директором Курчатовского института Евгением Велиховым пришла к выводу, что у аварии были и другие причины. Группа поддержала заключение, содержавшееся в докладе Комиссии Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и атомной энергетике: «Недостатки конструкции реактора РБМК-1000, эксплуатировавшегося на 4 блоке Чернобыльской АЭС, предопределили тяжелые последствия чернобыльской аварии. Причиной чернобыльской катастрофы являются выбор разработчиками реактора РБМК-1000 концепции, в которой, как оказалось, не были достаточно учтены вопросы безопасности» [9].

Осенью 1991 года Яворивского и его парламентскую комиссию Брюханов уже не интересовал: в поисках виновников Чернобыльской аварии они нацелились на гораздо более крупную дичь —

руководство партии и правительства Украины. Владимир Щербицкий умер в феврале 1990 года, но в сфере досягаемости комиссии оставались другие представители руководства, в том числе бывший глава республиканского правительства и председатель чернобыльской оперативной группы украинского политбюро Александр Ляшко. С поста председателя правительства он ушел в июле 1987 года во время суда над Брюхановым и другими работниками станции. Ляшко гордился своей ролью в преодолении последствий аварии: это он настоял на эвакуации Припяти вопреки позиции, занятой его партийным начальником Владимиром Щербицким и председателем правительственной комиссии Борисом Щербиной.

Яворивскому роль Ляшко виделась иначе. «Какие действия предприняли правительство и ЦК Коммунистической партии Украины, когда стало известно об аварии?» — спросил он Ляшко, который по вызову комиссии явился в Верховную раду. «Дело было ночью, я был дома, — отвечал Ляшко, имея в виду звонок председателя советского правительства Николая Рыжкова. — Какие могли быть действия?» Яворивскому ответ не понравился, и он язвительно спросил Ляшко: «То есть вы крепко выспались и поехали на работу?» Ляшко рассказал комиссии о том, как он мобилизовал городской транспорт для эвакуации Припяти, о том, как действовало республиканское правительство в первые дни и недели после аварии. Допрос продолжался два часа и закончился на дружественной ноте; двое членов комиссии даже проводили семидесятипятилетнего Ляшко до его дома в центре Киева. Бывший председатель украинского правительства был уверен: расследование — во всяком случае в том, что касалось его самого, — закончено. Но его ждал неприятный сюрприз [10].

11 декабря 1991 года, через десять дней после референдума, на котором украинский избиратель поддержал принятый парламентом Акт провозглашения независимости Украины, и через день после того, как Верховная рада ратифицировала прекратившее существование СССР Соглашение о создании Союза Независимых Государств, подписанное от России Борисом Ельциным, от Украины — Леонидом Кравчуком и от Белоруссии — Станиславом Шушкевичем, украинские парламентарии собрались, чтобы заслушать доклад комиссии Яворивского.

В соглашении по СНГ, под которым стояли подписи Ельцина, Кравчука и Шушкевича, заявлялось, что «стороны осознают планетарный характер Чернобыльской катастрофы и обязуются объединять и координировать свои усилия по минимизации и преодолению ее последствий». Однако пока что все три страны разбирались с последствиями Чернобыльской аварии по-своему. Каждая самостоятельно определяла, насколько широко и открыто средства массовой информации могут освещать связанные с ней экономические, социальные, медицинские и экологические проблемы, меры по преодолению ее последствий и степень ответственности за случившееся бывшего коммунистического руководства [11].

В Украине парламент взялся за бывших представителей руководства гораздо жестче, чем новые власти других пострадавших от радиации республик бывшего СССР. Украинский эконационализм все еще пользовался широкой поддержкой населения. Но если раньше он подстегивал стремление к независимости, то теперь стал оружием в борьбе за будущее страны между национал-демократами и растерянными функционерами коммунистического режима, которые контролировали правительство. Отчаянный натиск на бывших членов республиканского руководства, замешанных — или только заподозренных — в сокрытии информации о Чернобыле, вел Яворивский. Он не щадил посткоммунистическую элиту, которая, в отличие от той же Литвы, где в свое время возник первый на территории СССР очаг этнонационализма, в Украине по-прежнему цеплялась за власть.

Свой доклад Яворивский начал с того, что Чернобыльская авария — это, прежде всего, национальная трагедия Украины. «Библейская Звезда Полынь упала на нашу землю и отравила не только наши хлеб, воду и воздух, но и нашу с вами кровь», — сказал он, развивая темы, прозвучавшие в выступлениях украинских писателей (в том числе и самого Яворивского), опубликованных вскоре после аварии. Чудовищным образом, продолжал он, катастрофа превратила украинцев в избранный народ: «Теперь уже ясно, что мы — отмеченный Богом народ. Может, хоть в этом нам не откажут наши соседи».

Кто же несет ответственность за национальную трагедию? Яворивский всю вину возложил на Коммунистическую партию Советского Союза и ее «малороссийский филиал» — украинскую

Компартию. С точки зрения Яворивского, имперский коммунизм и милитаризм стремились совместными усилиями уничтожить низведенную до положения колонии Украину. Средством уничтожения должен был послужить сконструированный с грубыми ошибками реактор, помещенный в междуречье трех украинских рек — Днепра, Припяти и Десны. Яворивский отверг поддержанную Горбачевым версию, согласно которой во всем были виноваты операторы станции. Вопреки своим прежним утверждениям, Яворивский фактически реабилитировал руководителей и инженеров АЭС, в 1987 году осужденных коммунистической властью в зоне отчуждения, представив их скорее жертвами, а не преступниками. Вместо них он обрушился с критикой на «должностных лиц, которые замалчивали масштабы аварии, скрывали ее от народа и не приняли мер для защиты людей от радиации и тем совершили огромных масштабов преступление».

Далее Яворивский зачитал фрагменты показаний, полученных комиссией в ходе опроса бывших руководителей Украины, в том числе бывшего председателя Совета министров Александра Ляшко, бывшего председателя Президиума Верховного Совета Валентины Шевченко и бывшего министра здравоохранения Анатолия Романенко, который в апреле и мае 1986 года молчал о пагубном влиянии аварии на здоровье людей, за что украинцы ненавидели его сильнее всех других чиновников. По словам Яворивского, комиссией было установлено, что с первых дней после аварии республиканские власти имели доступ к информации об уровне радиации в Припяти и прилегающих к ней районах, но не сообщали населению об опасности, которой оно подвергалось. Яворивский настаивал на том, что даже если власти не могли правильно оценить и интерпретировать поступавшую к ним информацию, это не смягчает, а, напротив, усугубляет их вину. «И их вина заключается не только в том, что они были беспросветно некомпетентны, возглавляя ядерную державу, их вина в том, что они и не стремились, не хотели знать правду, а тем более — донести ее до людей, — говорил Яворивский. — Для руководителей такого ранга это — преступление, граничащее с геноцидом собственного народа».

В преступлении против украинского народа Яворивский обвинял не только бывших, но и действующих представителей руководства Украины, многие из которых присутствовали на заседании Рады. Выступая после Яворивского, они возражали ему, оправдывали собственные

действия и перекладывали ответственность на Москву. Одним из них был бывший заместитель прокурора Украинской ССР Михаил Потебенько, который в свое время попал в больницу с симптомами лучевой болезни, заработанной за несколько недель, проведенных в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС. Он заявил, что сделал все возможное для того, чтобы виновники катастрофы понесли заслуженное наказание, но вышестоящая инстанция, Генеральная прокуратура СССР, помешала ему довести дело до конца. Начальник политуправления Киевского военного округа генерал-лейтенант Борис Шариков, принимавший активное участие в ликвидации последствий аварии, призвал Яворивского быть менее эмоциональным в своих оценках. Во многих ответных выступлениях звучала мысль, что преступление действительно имело место, но преступными были действия, совершенные не после аварии, а до нее.

Примирить и успокоить парламентариев попытался новый председатель Верховной рады Иван Плющ (он сменил на этом посту Леонида Кравчука, несколькими днями ранее избранного президентом Украины). «Все мы были воспитаны в том духе, что вскоре будем отапливать квартиры атомными котлами», — сказал он, объясняя неосведомленность бывших руководителей республики о рисках, связанных с атомной энергетикой. «Я за то, чтобы комиссия продолжила работу и узнала еще больше о Чернобыльской катастрофе, ее причинах и последствиях, — излагал свою позицию Плющ. — Не только для того, чтобы кого-то лишить свободы, а для того, чтобы напомнить руководителям всех уровней об их чрезвычайной ответственности перед своим народом». Завершил он свое выступление словами: «Получилось так, что те, кто, по сути, вызвал эту аварию, стали судьями над другими. Поэтому, чтобы расставить точки над „i“, чтобы выяснить, кто виноват, определить степень вины каждого, надо спросить: а кто будет судьями?»

Зал взорвался аплодисментами. Плющ явно имел в виду обвинительный приговор, который летом 1987 года назначенные из Москвы судьи вынесли Виктору Брюханову, Николаю Фомину и Анатолию Дятлову. В то же время его слова можно было истолковать как упрек Яворивскому. Кто он такой, чтобы судить Плюща, который уже 26 апреля был на месте аварии, организовал эвакуацию Припяти и получил дозу радиации 50 бэр, в два раза превышающую допустимую? И разве сам Яворивский в своих произведениях не приветствовал приход в Украину атомной

энергетики? Взяв слово после Плюща, Яворивский высказался очень осторожно: «Уважаемые коллеги! Мы продумали постановление, мне кажется, оно спокойное. Пусть разбирается прокуратура. Мы же дали только политическую оценку» [12].

Человека, которого слова Яворивского задели больнее всего, в зале заседаний Верховной рады в тот день не было. Бывший председатель украинского правительства Александр Ляшко прочитал его доклад в газете только несколько дней спустя. А накануне заседания, на котором прозвучал этот доклад, Ляшко похоронил скончавшуюся от рака дочь. Больше всего его обидели утверждения Яворивского, что после ночного звонка Рыжкова, сообщившего ему об аварии, он якобы спокойно лег спать и что утром 26 апреля первым делом позвонил не министру, ответственному за атомную энергетику, а в Министерство иностранных дел — узнать, известно ли там об аварии. Яворивский и в самом деле исказил слова Ляшко, который, отвечая на вопросы комиссии, говорил про Министерство внутренних, а не иностранных дел.

Но на этом неприятности Ляшко не закончились. Некоторое время спустя его вызвали в Генеральную прокуратуру, которая начала расследование по материалам, собранным комиссией Яворивского. Ляшко написал длинное письмо председателю Верховной рады Ивану Плющу. Он утверждал, что не имел отношения к приказу провести в Киеве первомайскую демонстрацию и не знал о повышенном радиационном фоне — его жена, дети и внуки вместе с другими киевлянами участвовали в демонстрации. Ляшко обвинял заместителя министра здравоохранения в том, что он не предоставил необходимую информацию, и подчеркивал свою ведущую роль в организации эвакуации населения Припяти, а затем — беременных женщин и детей из Киева. В завершение он просил председателя Верховной рады вернуть вопрос об ответственности за Чернобыльскую аварию в парламентскую повестку дня и провести слушания с участием его самого и других лиц, занимавших во время аварии руководящие посты.

Иван Плющ на письмо не ответил, но после того как Ляшко пригрозил разослать копии письма всем депутатам Рады, согласился на личную встречу. «Я знаю, что Яворивский наговорил много такого, что не заслуживает внимания, и это дело кончится ничем», — заверил Плющ бывшего главу правительства. Он организовал Ляшко встречу с заместителем генерального

прокурора Украины, который подтвердил, что уголовное дело заведено для проформы и будет благополучно закрыто, а после этого спросил у Ляшко совета: стоит ли заводить уголовное дело против членов советской правительственной комиссии под председательством Бориса Щербины? Ляшко ответил, что большого смысла в этом нет: комиссия принимала решения на основе поступавшей к ней информации. К тому же Советского Союза больше не существовало, Генеральная прокуратура СССР несколько лет назад уже дала свою оценку событиям, связанным с аварией, а суд вынес приговор ее виновникам [13].

Генеральная прокуратура Украины послушала совета Ляшко и не стала возбуждать дело против общесоюзного руководства. Однако с самого Ляшко и других бывших украинских лидеров, в том числе покойного Владимира Щербицкого и председателя Президиума Верховного Совета УССР Валентины Шевченко, обвинения в повлекшем тяжкие последствия «злоупотреблении властью и служебными положением» сняты не были. Ляшко признать вину отказался, а вскоре за тем уголовное дело было закрыто за истечением срока давности. Дело было заведено 11 февраля 1992 года и закрыто 24 апреля 1993-го, через семь лет после аварии. Пятилетний срок, в течение которого государственным чиновникам можно предъявлять обвинения в халатном отношении к служебным обязанностям, истек 26 апреля 1991 года, то есть еще до того, как Генеральная прокуратура открыла дело, обернувшееся чистой пиар-акцией с целью успокоить парламентскую оппозицию и неравнодушную украинскую общественность [14].

Попытки активистов «Руха» и эконационалистов не только доказать вину руководителей советской Украины в сокрытии сведений о Чернобыльской аварии, но и привлечь их за это к уголовной ответственности, потерпели неудачу. Зато они добились от правительства независимой Украины правды о воздействии аварии на территорию и население республики.

Общественное обсуждение причин и последствий Чернобыльской аварии сделалось в Украине инструментом государственного и национального строительства, средством мобилизации противников бывшего имперского центра, развития общественной солидарности, укрепления легитимности нового государства в глазах собственных граждан и всего мира. Благодаря

общественному давлению и деятельности комиссии Яворивского Украина приняла более демократичные законы о социальной защите пострадавших от Чернобыльской аварии, чем другие республики бывшего Советского Союза. Почти 90 000 украинских граждан были признаны жертвами Чернобыля, наиболее пострадавшими в результате аварии и потому сильнее всех нуждающимися в социальной защите. В России в эту категорию были включены 50 000 человек, а в Белоруссии, на территорию которой пришлась большая часть радиоактивного выброса, — всего 9000. В категорию ликвидаторов, которым также полагалась социальная поддержка, в Украине попало более 500 000 человек, тогда как в России — 200 000, а в Белоруссии — чуть больше 100 000. Кроме того, украинские законодатели отменили советскую постчернобыльскую норму, по которой допустимая доза радиации, поглощенная на протяжении всей жизни, составляла 35 бэр. Подобно российским и белорусским коллегам они установили допустимый порог в 7 бэр — такой же, как в США.

Эти решения имели громадные социальные и экономические последствия. Для покрытия возникших в связи с ними расходов был введен так называемый чернобыльский налог в размере 12 процентов от прибыли предприятий. Существование в качестве независимого государства Украина начинала с большими ожиданиями и более чем скромным ВВП в 1300 долларов на душу населения. В условиях экономического кризиса и высокой инфляции послесоветского периода экономика Украины теряла от 10 до 23 процентов ВВП в год, и в результате в 1994 году ВВП страны сократился почти вдвое по сравнению с первым годом независимости. В середине 1990-х 5 процентов бюджета Украины расходовалось на преодоление последствий Чернобыльской аварии, а 65 процентов средств, выделенных на социальную поддержку граждан, уходили на помощь 3,3 миллиона пострадавших от взрыва реактора [15].

Многим в стране статус пострадавшего помог справиться с колоссальными трудностями, вызванными упадком экономики, ростом безработицы и сокращением государственного финансирования многочисленных действовавших с советских времен программ социального обеспечения. «Если человеку нужно лекарство, это значит, что ему нужны деньги. Каждый поставленный нами диагноз — это деньги», — говорил врач, лечивший переселенцев из

зараженных районов. Программы поддержки жертв Чернобыля стали продолжением советской системы социального обеспечения и защиты — и дополнительным серьезным препятствием для восстановления экономики независимой Украины [16].

Освобождение от империи позволило наконец раскрыть правду о Чернобыле, но империя при этом оставила Украину с огромными неоплаченными счетами. Многие считали, что страна сможет начать расплачиваться по ним, только если вернется к использованию атомной энергии. Вскоре после объявления независимости так и случилось. Тот же парламент, который принял массу чрезвычайно щедрых законов о статусе жертв Чернобыльской аварии и для выявления ее виновников создал комиссию Яворивского, теперь был готов забыть о проблемах экологии и поставить во главу угла интересы экономики. Другого пути уберечь население от голода, а молодую независимую страну — от распада украинские законодатели не видели.

В феврале 1990 года Верховный Совет Украины принял решение вывести Чернобыльскую АЭС из эксплуатации в 1995 году. После того как в октябре 1991 года на втором энергоблоке произошел пожар, вызванный неисправностью изоляции турбины и частично разрушивший кровлю машинного зала, депутаты проголосовали за то, чтобы немедленно закрыть второй, а по-прежнему дававшие ток первый и третий энергоблоки вывести из эксплуатации в 1993 году, на два года раньше намеченного срока. Однако осенью 1993 года, за несколько месяцев до запланированного вывода из эксплуатации первого и третьего энергоблоков, депутаты отменили свои прежние решения. Они сняли объявленный в августе 1990 года мораторий на строительство новых атомных электростанций и постановили, что Чернобыльская АЭС будет эксплуатироваться до тех пор, пока два оставшихся на ней реактора не выработают своего ресурса. Рассматривалась даже возможность запуска горевшего в 1991 году второго энергоблока. Эконационализм уступал место ядерному национализму. Историю Чернобыльской АЭС ждал новый неожиданный поворот [17].

Глава 21
Глобальное укрытие

Осенью 1994 года Юрий Щербак, основатель и глава первой в Украине экологической организации «Зеленый мир» был назначен послом Украины в США. Одной из его первых задач стала подготовка визита украинского президента в Вашингтон для переговоров по ядерным вопросам. Именно Щербак, делегат Съезда народных депутатов, в августе 1991 года объявил высшему органу государственной власти СССР о том, что Украина провозгласила независимость. Это, по словам Щербака, был счастливейший момент в его жизни. В 1991–1992 годах он занимал пост министра охраны окружающей среды, после чего перешел на дипломатическую работу — был назначен послом сначала в Израиле, а затем в США. Его уход с внутриполитической сцены в 1992 году совпал с упадком экологического движения — как в Украине, так и на всей территории бывшего Советского Союза, поделенной теперь между пятнадцатью независимыми республиками [1].

Как и все остальные республики бывшего СССР, Украина в тот период жила в условиях существенного снижения ВВП и галопирующей инфляции. В России к осени 1993 года конфликт между президентом и парламентом перерос в конституционный кризис, разрешившийся только после того, как верные президенту Ельцину войска подавили вооруженный мятеж, поднятый вице-президентом и председателем парламента. В Украине на досрочных выборах 1994 года президентом был избран пятидесятишестилетний конструктор-ракетчик и бывший директор крупнейшего в Европе предприятия по производству ракет Леонид Кучма. Он обещал избирателям экономические реформы и обратился за помощью к западным правительствам. Запад изъявил готовность помочь, но при этом западные лидеры высказали пожелание, чтобы Украина отказалась от своего ядерного потенциала. В Вашингтон Кучма направлялся как раз для того, чтобы обсудить, на каких условиях Украина могла бы это сделать [2].

В наследство от Советского Союза, прекратившего свое существование в декабре 1991 года, Украина получила 1800 ядерных боеголовок, которые была готова передать России. Процесс

передачи должен был завершиться к концу 1994 году, но Верховная рада выдвинула ряд условий отказа от ядерного оружия, в том числе денежную компенсацию за содержащийся в боеголовках оружейный уран. После того как правительство США пообещало оказать финансовую помощь, Украина согласилась полностью избавиться от ядерного потенциала, третьего в мире по величине после американского и российского. Договор о передаче оружия был подписан в январе 1994 года, однако депутаты Рады потребовали для безъядерной Украины гарантий безопасности и территориальной целостности — и получили взамен ни к чему юридически не обязывающие обещания. В ноябре 1994 года, за несколько дней до запланированного визита в Вашингтон, Кучма все-таки уговорил Верховную раду принять условия сделки: заверения в безопасности и финансовая помощь в обмен на отказ от ядерного оружия.

Билл Клинтон радушно принял в Вашингтоне украинского президента. 22 ноября 1994 года в честь Кучмы был дан салют из шестнадцати орудий, а Клинтон в ходе одной из встреч сравнил его — имея в виду глубокий экономический кризис, который переживала Украина и другие постсоветские страны, — с президентом Франклином Рузвельтом, возглавившим страну в разгар Великой депрессии. Американский президент высоко оценил смелость, с какой Кучма «устраняет угрозу применения ядерного оружия и закладывает фундамент эпохи мира». Украине была предложена программа помощи на сумму 200 миллионов долларов. Две недели спустя, 5 декабря, Клинтон и Кучма поставили свои подписи под Будапештским меморандумом, в соответствии с которым США, Россия и Великобритания заверяли Украину в государственной безопасности и территориальной целостности. Такие же заверения были даны Казахстану и Белоруссии — двум другим республикам бывшего СССР, отказавшимся от ядерного оружия. Отдельно письменные гарантии безопасности дали трем странам Франция и Китай. Украина, Казахстан и Белоруссия присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве безъядерных государств [3].

В длительной перспективе эти договоренности окажутся для Украины роковыми. Два десятилетия спустя, в марте 2014 года, безъядерная Украина подверглась агрессии со стороны одного из подписантов Будапештского меморандума: Россия аннексировала украинский Крым и

развязала гибридную войну в Донбассе на Юго-востоке Украины. Верховная рада обратилась за помощью к другим участникам Меморандума, но успеха не добилась, поскольку Меморандум не требовал от них применения военной силы. США и их европейские союзники ограничились экономическими санкциями против России. Чтобы прекратить российскую агрессию и восстановить территориальную целостность Украины, этого было далеко не достаточно [4].

На момент подписания соглашений в 1994 году ситуация выглядела иначе. Украина получала дипломатическую поддержку, финансовую помощь и гарантии того, что в обмен на ядерные боеголовки Россия продолжит поставки топлива для украинских атомных электростанций, в том числе для Чернобыльской, работавших исключительно на российском обогащенном уране. Чернобыльской станции было уделено значительное внимание в ходе вашингтонских переговоров Кучмы и Клинтона. «Президент Клинтон обратил внимание на… необходимость в самое ближайшее время получить от Украины гарантии того, что все чернобыльские реакторы будут остановлены», — говорится в совместном заявлении участников саммита. Соединенные Штаты хотели, чтобы Украина придерживалась принятого ее парламентом в 1990 году решения вывести станцию из эксплуатации в 1995-м. Но в условиях углубляющегося экономического кризиса Украина отказалась от этого решения и планировала продлить эксплуатацию Чернобыльской АЭС на неопределенно длительный срок. Как следует из того же совместного заявления, Кучма не поддался давлению со стороны американского президента. Вместо этого он всего лишь «заверил президента Клинтона, что Украина со всей ответственностью воспринимает озабоченность международного сообщества продолжающейся эксплуатацией Чернобыльской атомной электростанции». При этом Кучма отметил, что необходимо «свести к минимуму социальные последствия для персонала станции и обеспечить производство недорогой электроэнергии для внутренних потребностей Украины». Клинтон понял, что имел в виду Кучма: Украина в ситуации экономического кризиса не может себе позволить остановить два работающих реактора Чернобыльской АЭС, не получив за это денежной компенсации. Президенты договорились обсудить этот вопрос вместе с членами «Большой семерки» наиболее экономически развитых стран [5].

За безопасность ядерных реакторов отвечают в первую очередь те страны, которым реакторы принадлежат. Однако правительства стран «Большой семерки» поручили заняться вопросами безопасности ядерной энергетики Всемирному банку и Европейскому банку реконструкции и развития, в котором они в 1993 году открыли специальный Счет ядерной безопасности. На этом счете аккумулировались средства для помощи восточноевропейским странам, по-прежнему эксплуатирующим советские реакторы, а также другим профильным организациям. Руководители западных атомных энергетических компаний опасались, что еще одна авария в Восточной Европе нанесет непоправимый ущерб репутации атомной энергетики на Западе. Поэтому они лоббировали принятие правительственных программ модернизации восточноевропейских реакторов при финансовой и технической поддержке Запада [6].

Несмотря на щедрые денежные посулы и политическое давление со стороны Запада, украинское правительство откровенно тянуло время. В условиях обвального падения экономики и инфляции, лишившей людей всех сбережений, в стране сложилась настолько серьезная ситуация, что специальный раздел, посвященный украинской экономике, был включен в официальное коммюнике состоявшегося в августе 1994 года в Неаполе саммита «Большой семерки». Правительство Украины утверждало, что не может просто так взять и закрыть станцию, вырабатывающую 6 процентов всей производимой в стране электроэнергии. В таком случае многочисленный персонал станции потерял бы работу в разгар экономического кризиса, сравнимого с американской Великой депрессией. Киев, пусть неохотно, расставался с ядерным оружием, но за Чернобыльскую АЭС держался изо всех сил. Остальному миру его упорство казалось непостижимым: молодая страна, сильнее большинства других пострадавшая от ядерной аварии, не просто не выводит из эксплуатации действующие атомные электростанции, но отказывается закрыть станцию, расположенную в загрязненной зоне, работать в которой опасно для здоровья. Кроме работающих реакторов тревогу вызывал ветшающий саркофаг, который, как сообщил Кучма Клинтону в ноябре 1994 года, нуждался в ремонте.

Правительства западных стран настаивали на своем. Европейский союз показал, насколько серьезно он воспринимает ситуацию с Чернобылем, отложив предоставление Украине финансовой помощи в размере 85 миллионов долларов до тех пор, пока не будут сделаны реальные шаги для закрытия Чернобыльской АЭС. В апреле 1995 года на встрече с делегацией Евросоюза и «Большой семерки», которую возглавлял французский министр охраны окружающей среды Мишель Барнье, Кучма, остро нуждавшийся в деньгах, все-таки заявил, что станция будет закрыта. Сергей Парашин, в момент аварии секретарь парткома Чернобыльской АЭС, ставший затем ее директором, отнесся к его заявлению скептически. В интервью украинскому телевидению Парашин жаловался на политическое давление со стороны Запада и утверждал, что его подчиненным доподлинно известно: Чернобыльская АЭС не опаснее любой другой станции в Украине [7].

Парашину и его подчиненным закрытие станции грозило личным финансовым крахом — потерей высоких по украинским меркам зарплат, позволяющих выживать в условиях рыночной экономики с ее чрезвычайно высокими ценами. Работники продолжали трудиться на станции даже после того, как получали большие дозы радиации, о которых не рассказывали врачам. «Они цепляются за Зону», — сказал один чернобыльский врач американской аспирантке, исследовавшей последствия Чернобыльской аварии. Пока атомная станция функционировала, рабочим и инженерам было чем кормить семьи; в случае ее закрытия они оказывались на улице [8].

Лидеры стран «Большой семерки» пытались изыскать средства для экономической и социальной реабилитации работников Чернобыльской АЭС. «Отдавая себе отчет в том, каким экономическим и социальным бременем ляжет на Украину закрытие Чернобыльской АЭС, мы продолжим на международном уровне поддерживать проекты в сфере производства и рационального использования энергии, а также обеспечения безопасности ядерных объектов в Украине. Помощь в выборе источника электроэнергии, альтернативного Чернобыльской АЭС, будет иметь под собой четкую экономическую, экологическую и финансовую аргументацию», — говорилось в коммюнике саммита западных лидеров, проходившего в канадском Галифаксе в

июне 1995 года. Западные эксперты выступили против задуманного украинским правительством строительства на зараженных территориях газовых электростанций — и дали украинцам понять, что на неограниченную финансовую поддержку рассчитывать не стоит: деньги будут выделяться только на проекты, одобренные западными организациями [9].

В декабре 1995 года представители «Большой семерки», Евросоюза и Украины подписали меморандум, по условиям которого Запад предоставлял Украине финансовую помощь для вывода из эксплуатации Чернобыльской АЭС, завершения строительства двух реакторов на других атомных станциях и реконструкции нескольких угольных электростанций, которые должны были компенсировать дефицит электроэнергии, который возникнет из-за закрытия Чернобыльской станции. Правительство Украины рассчитывало получить на эти цели 4,4 миллиарда долларов, но западные правительства и финансовые организации выделили только 2,3 миллиарда. Почти полмиллиарда из этой суммы предоставлялись безвозмездно на закрытие атомных электростанций, а 1,8 миллиарда — в кредит на постройку новых реакторов для Хмельницкой и Ровенской электростанций на Западной Украине. Согласно меморандуму, Чернобыльская АЭС должна была закрыться в 2000 году [10].

Этот меморандум мало способствовал преодолению противоречий между Украиной и ее западными донорами. Представители украинского правительства жаловались на недостаточный объем безвозмездных субсидий и на то, что западная сторона не уделила должного внимания вопросу о строительстве нового укрытия над четвертым энергоблоком. Международные организации и страны Запада (а также Япония) не спешили выделять деньги на строительство двух новых реакторов. Эксперты Европейского банка реконструкции и развития, одного из главных спонсоров связанных с Чернобылем проектов, считали, что вместо строительства новых разумнее потратить средства на модернизацию уже имеющихся реакторов. Кроме того, по их мнению, с учетом сократившейся потребности украинской экономики и промышленности в электроэнергии, введение в строй новых энергопроизводящих мощностей могло замедлить реформу энергетического рынка Украины и внедрение энергосберегающих технологий [11].

Но украинские власти настаивали на том, чтобы закрыть Чернобыльскую АЭС только после начала эксплуатации двух новых реакторов. Многие на Западе полагали, что украинцы блефуют. Подозрения только окрепли, когда после долгих проволочек, осенью 1996 года, Украина остановила первый энергоблок. В июне 1997 года на техническое обслуживание был остановлен третий энергоблок. С учетом того что второй энергоблок так и не был запущен после пожара, летом 1997 года станция была фактически выведена из эксплуатации. Это выглядело так, будто Украина закрыла ее, не дожидаясь поступления средств на постройку двух новых реакторов. Но украинцы и не думали лишать свою атомную промышленность Чернобыльской электростанции. В октябре 1997 года широко отмечалось ее двадцатилетие. Когда бывший директор станции Виктор Брюханов поднялся на трибуну, чтобы выступить перед ее сотрудниками, они устроили ему овацию. «Зал весь поднялся, хлопали так, что у меня заложило уши», — вспоминает жена Брюханова Валентина [12].

Чтобы показать серьезность намерений продолжить эксплуатацию Чернобыльской АЭС, в июне 1998 года украинцы запустили и подключили к сети остановленный было третий энергоблок, заявив, что он способен безопасно работать до 2010 года. Вслед за тем Украина обратилась к России, чтобы та помогла достроить два реактора, поскольку Запад с оказанием помощи медлил. Правительства западных стран были крайне озадачены внезапным поворотом Украины на восток, что было чревато продлением эксплуатации Чернобыльской АЭС на неопределенный срок, ослаблением стандартов безопасности на других украинских атомных станциях и финансовыми потерями западных компаний, которые рассчитывали принять участие в строительстве реакторов.

Страны Запада в этой ситуации не проявили единства. Французское и финское правительства под давлением национальных лидеров ядерной промышленности выразили готовность достроить украинские реакторы, тогда как правительство Германии было связано постановлением бундестага, запрещающим финансирование проектов в области атомной энергетики. Несмотря на возражения Германии и некоторых других стран, 7 декабря 2000 года Европейский банк реконструкции и развития принял решение предоставить кредит размером 215 миллионов

долларов на завершение строительства двух украинских реакторов. Это решение сделало возможным выделение более чем полумиллиардного кредита от Европейской комиссии. Чернобыльскую АЭС можно было наконец закрыть [13].

15 декабря 2000 года, через восемь дней после того, как Европейский банк реконструкции и развития решил предоставить кредит, президент Кучма официально заявил об окончательном закрытии Чернобыльской АЭС. Выступая в Киеве перед международными делегациями, прибывшими на мероприятия по закрытию станции, он заверил слушателей, что впредь от Украины не будет исходить ядерной угрозы, и тут же добавил: «Мы верим, что Украине не придется раскаиваться в принятом решении». В самой Украине решение закрыть Чернобыльскую АЭС было воспринято крайне неоднозначно. За десять дней до заявления Кучмы Верховная рада проголосовала за то, чтобы в связи с возрастающей зимой потребностью в электроэнергии продлить срок эксплуатации третьего энергоблока до 2011 года. Лидер многочисленной коммунистической фракции в Раде высказал мнение, что решение о выводе станции из эксплуатации — «не государственное, а чисто политическое решение, направленное во вред национальным интересам страны». Но тяжелее всех закрытие станции переживали люди, которые на ней работали. Накануне закрытия, когда Кучма посетил третий энергоблок в компании российского и белорусского премьер-министров, а также министра энергетики США Билла Ричардсона, инженеры станции в знак протеста надели на рукава своих белых халатов черные повязки.

Александр Новиков, в то время начальник отдела ядерной безопасности Чернобыльской АЭС, вспоминает:

> *Эмоциональное состояние тех, кто находился на БЩУ-3 [блочном щите управления 3-м энергоблоком] в тот день, было очень тяжелым. Мужики, которые прошли огонь, воду и медные трубы, плакали навзрыд — это о многом говорит… Было, не боюсь признаться, чувство растерянности: я лично не понимал, чем я буду заниматься дальше… Второе чувство — чувство обиды… Третья составляющая — эмоциональная пустота, потому что*

проходило это все с каким-то недостойным пафосом, громко, можно даже сказать, празднично, но черные повязки на рукавах оперативного персонала, на мой взгляд, расставляли все на свои места в части нашего отношения к этому событию [14].

Противники закрытия Чернобыльской АЭС утверждали, что она прошла модернизацию и вполне может эксплуатироваться до 2011 года, принося сотни миллионов долларов прибыли от продажи электроэнергии, тогда как до окончания строительства реакторов на Хмельницкой и Ровенской атомных электростанциях было еще очень далеко. Действительно, они были достроены и дали первый ток только в 2004 году. Но, так или иначе, 15 декабря 2000 года история существования Чернобыльской атомной электростанции подошла к концу.

В новое тысячелетие мир вступал без Чернобыльской АЭС, оставившей после себя долгую недобрую память. Россия, Украина и Белоруссия, три молодых государства, наиболее пострадавших от Чернобыльской аварии, оценили совокупный ущерб от нее в сотни миллиардов долларов.

В Украине радиоактивному заражению подверглись почти 38 000 квадратных километров — более 5 процентов территории страны, на которых проживало около 5 процентов ее тогдашнего 54-миллионного населения. Еще хуже пришлось Белоруссии: там от радиации пострадали более 44 000 квадратных километров, или 23 процента территории республики, где проживало 19 процентов населения. Из трех стран самые большие площади — около 60 000 квадратных километров — были поражены радиацией в России. Учитывая размеры страны, они составили всего 1,5 процента ее территории, на которых проживал 1 процент населения. Все три страны понесли большие расходы в связи с переселением людей и реабилитацией пострадавших от радиации переселенцев из зараженных областей и сотен тысяч ликвидаторов.

Исходя из количества непосредственных жертв, Чернобыльская ядерная катастрофа представляется не такой уж разрушительной. Если, как принято считать, непосредственно от атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки пострадали около 200 000 человек — из них

больше 100 000 были убиты, а остальные ранены, — то непосредственно от взрыва реактора Чернобыльской АЭС погибли два человека, и еще 29 человек умерли в течение следующих трех месяцев от вызванной им лучевой болезни. Всего из Припяти в Москву для лечения в специализированной больнице было доставлено самолетами 237 человек. Симптомы острой лучевой болезни были выявлены у 134. Как считается, в общей сложности от лучевой болезни умерли 50 человек; и еще 4000 могли умереть впоследствии от отложенных эффектов радиационного воздействия. Но окончательное число жертв Чернобыля может оказаться значительно выше. По нынешним оценкам, оно колеблется в диапазоне от 4000, насчитанных ООН, до 90 000 — эту цифру называет Greenpeace International [15].

В первые пять лет после аварии заболеваемость раком среди детей выросла в Украине более чем на 90 процентов. В первые двадцать лет после аварии в России, Белоруссии и Украине было зарегистрировано приблизительно 5000 случаев рака щитовидной железы среди тех, кому на момент аварии было меньше 18 лет. По оценке Всемирной организации здравоохранения, с Чернобыльской аварией было связано около 5000 смертей от онкологических заболеваний, но многие эксперты с этой оценкой не согласны. В 2005 году в Украине 19 000 семей получали государственную помощь в связи с потерей кормильца, смерть которого признавалась связанной с Чернобыльской аварией. Заметное место среди медицинских последствий аварии занимают генетические повреждения. Особенную тревогу у ученых вызывают случаи микросателлитной нестабильности — состояния, влияющего на способность ДНК реплицировать и восстанавливать себя, — выявленные у детей, чьи отцы в результате аварии подверглись воздействию радиации. Похожие изменения наблюдались у детей советских военнослужащих, получивших дозу радиоактивного излучения в ходе испытаний ядерного оружия [16].

Цена катастрофы была огромна, и всем трем странам так или иначе приходилось ее платить. Все три выбрали похожую схему, выделив самые зараженные районы, жители которых нуждались в переселении или материальной помощи, и определив категории наиболее пострадавших граждан, которым полагалась денежная компенсация и льготное медицинское обслуживание. Компенсацию за нежелательные последствия Чернобыльской аварии получили в общей

сложности почти семь миллионов человек. Но численность групп, имевших право на помощь, и размер денежной компенсации разнились в трех странах и определялись сочетанием политических и экономических факторов.

Россия с ее нефтегазовыми богатствами достаточно легко преодолела постчернобыльский кризис, чего нельзя сказать о бедных ресурсами Украине и Белоруссии. Обе эти страны в начале 1990-х ввели специальный «чернобыльский» налог. В Белоруссии по нему отчислялось 18 процентов фонда заработной платы всех несельскохозяйственных предприятий. В общем же правительство Белоруссии, продолжая советскую традицию, старалось скрыть истинные последствия катастрофы. При том что Белоруссия сильнее всех пострадала от Чернобыльской аварии, в республике так и не возникло антиядерного движения, сравнимого по масштабам с украинским, а Белорусский народный фронт никогда не был таким же влиятельным, как украинский «Рух». Белорусскому правительству и парламенту не хватило политической воли и, что важнее, ресурсов, чтобы, признав реальный масштаб катастрофы, эффективно бороться с ее последствиями. В 1993 году парламент Белоруссии принял закон, повышавший верхний допустимый порог радиоактивного загрязнения почвы, после которого местность считается опасной для проживания. Но несмотря на существенное уменьшение числа тех, кому полагались социальные льготы, правительство выделило на чернобыльские программы менее 60 процентов того, что требовал парламент [17].

В том, что касается помощи Запада, бóльшая ее часть пришлась на долю Украины, поскольку именно ей досталась в наследство Чернобыльская АЭС с разрушенным четвертым энергоблоком. После того как станция была закрыта, западная помощь была нужна в первую очередь для возведения нового укрытия над саркофагом, наскоро построенным над реактором в первые месяцы после взрыва. В 1992 году украинское правительство объявило международный конкурс на лучший проект укрытия. В июне 1997 года страны «Большой семерки» выделили 300 миллионов долларов на реализацию выигравшего проекта, общая стоимость которого оценивалась в 760 миллионов долларов. По их инициативе для того, чтобы собрать недостающие

средства — что оказалось непростой задачей, — был образован Фонд Чернобыльского укрытия, управляемый Европейским банком реконструкции и развития.

Первоначально планировалось, что новое укрытие будет готово к 2005 году, но контракт на проектирование и строительство арки над саркофагом — стальной конструкции массой более 30 000 тонн, 110 метров в высоту, 165 в длину и 257 в ширину — был подписан только в 2007 году. Он достался французскому консорциуму Novarka, образованному компаниями Vinci Construction Grands Projets и Bouygues Travaux Publics. Возведение арки, рассчитанной на 100 лет эксплуатации, началось в 2010 году; сдать ее планировалось в 2012 году, но затем срок сдачи несколько раз переносился — на 2013-й, 2015-й и, наконец, на 2018 год. Арка в итоге обошлась в 1,5 миллиона евро, а совокупная стоимость объекта под названием «Новый безопасный конфайнмент» превысила 3 миллиарда евро [18].

Должно было пройти девять лет с развала СССР, прежде чем Чернобыльская АЭС была окончательно закрыта, и больше четверти века — прежде чем над взорвавшимся реактором появилось новое надежное укрытие. Международное сообщество в конце концов добилось своего. Взаимоотношения двух главных действующих лиц постчернобыльской драмы, западных финансовых организаций и украинского правительства, в чем-то напоминали отношения между родителями и подростком, который обещает прекратить опасные выходки при условии, что ему будут давать больше карманных денег. Некоторые специалисты даже называли поведение Украины «экологическим шантажом» [19].

При всем при том сюжет с закрытием Чернобыльской АЭС и возведением нового укрытия нельзя понимать исключительно как историю о том, как бедная страна вымогала деньги у богатых на ядерные нужды. Это прежде всего иллюстрация конфликта между потребностью отдельных стран в экономическом развитии и требованиями глобальной безопасности; это свидетельство угрозы, какую представляет для всего мира политическая и экономическая деградация ядерных держав и неопределенное будущее постимперских государств.

Москва, бывшая столица империи, которая спроектировала, построила и эксплуатировала аварийный реактор, оказалась теперь в другой стране и предоставила разбираться с

последствиями аварии в Украине международному сообществу. Но российское вторжение в Украину в 2014 году привело к тому, что боевые действия шли всего в 322 километрах от города Энергодара, где расположена самая крупная в Европе Запорожская АЭС, имеющая в своем составе шесть энергоблоков. Кроме того, война разрушила ядерный топливный цикл, в рамках которого Украина получала ядерное топливо из России и отправляла обратно отработанное топливо. В 2016 году Украина начала строительство собственного хранилища отработанного ядерного топлива и заявила о планах сократить зависимость — почти полную — от российских поставок, приобретая 40 процентов необходимого ей ядерного топлива у американской компании Westinghouse Electric. Война и разрыв налаженного ядерного топливного цикла добавили проблем переживающей тяжелые времена украинской экономике, но атомная промышленность Украины на еще один важный шаг отдалилась от советского наследия [20].

Однако долгосрочные последствия Чернобыльской аварии остаются неизменными — их не исправить ни за счет внутренней мобилизации, ни с помощью извне. Оценка фактического воздействия радиации на человеческое здоровье все еще является предметом дискуссий, но то, что украинское общество травмировано аварией на много десятилетий вперед, сомнению не подлежит. У каждого шестого взрослого украинца есть проблемы со здоровьем — в соседних странах этот показатель значительно ниже. Среди тех, кто подвергся радиационному воздействию в результате Чернобыльской аварии, уровень занятости ниже, а отработанное время меньше, чем в среднем по Украине. Сохраняются и проблемы экологии. Несмотря на новое укрытие над четвертым энергоблоком, земли вокруг атомной станции будут непригодны для нормальной жизни еще не одно поколение [21].

В апреле 2016 года, когда мир отмечал тридцатую годовщину Чернобыльской аварии, казалось, что можно вздохнуть с облегчением по крайней мере по одному поводу. Период полураспада цезия-137, одного из самых опасных радионуклидов, выброшенных взрывом реактора, равен приблизительно тридцати годам. Это самый долгоживущий изотоп цезия, способный вредно воздействовать на здоровье как за счет внешнего облучения, так и изнутри организма. Остальные смертельно опасные изотопы, попавшие в результате аварии в

окружающую среду, период полураспада прошли уже давно: йод-131 за восемь дней, цезий-134 — за два года. Цезий-137 остался последним из этого смертельного трио. Но пока конца пагубному воздействию аварии не видно. Исследования показали, что в окрестностях Чернобыльской АЭС цезий-137 распадается медленнее, чем ожидалось, и теперь ученые полагают, что этот изотоп продолжит отравлять все вокруг еще минимум 180 лет. Другие радионуклиды останутся в тех местах практически навсегда. Период полураспада плутония-239, следы которого обнаружены даже в Швеции, составляет 24 000 лет [22].

Эпилог

Сегодня туры в Чернобыль из Брюсселя, Амстердама и Берлина стоят меньше пятисот евро. Клиентам обещают безопасность, комфорт и яркие впечатления от посещения места, где 26 апреля 1986 года взрыв реактора четвертого энергоблока положил конец одной эпохе и дал старт новой. Город Припять вместе с зоной отчуждения превратился в капсулу времени.

В 2015 году на волне Революции достоинства Верховная рада Украины проголосовала за снос всех имеющихся в стране памятников Ленину и другим деятелям коммунистического режима, установленных на улицах и площадях страны. Зона отчуждения в одночасье оказалась еще и заповедником коммунистического периода. В центре Чернобыля по-прежнему возвышается памятник Ленину, а когда на тридцатилетие аварии в Чернобыль приезжал президент Украины, местные власти замаскировали установленный на въезде в город знак с изображением ордена Ленина. Сейчас этот знак выкрашен в цвета украинского флага — синий и желтый. В 1986 году он был красным, а сама Чернобыльская атомная станция носила имя Ленина [1].

Новое высокотехнологичное укрытие над старым саркофагом четвертого энергоблока, которое, попадая в зону отчуждения, видят туристы, служит памятником рухнувшей советской политической системе и идеологии. Но это еще и предостережение странам, которые стремятся к военным и экономическим успехам в ущерб экологии и здоровью людей. В апреле и мае 1986 года пожарные, ученые, инженеры, рабочие, военнослужащие и милиционеры, угодившие в ядерный Армагеддон под названием Чернобыль, не жалели сил на то, чтобы погасить пламя ядерной преисподней. Некоторые из них пожертвовали при этом жизнью, многие — здоровьем и благополучием. Они придумывали самые невероятные способы борьбы со стихией. С вертолетов сбрасывали в жерло реактора тысячи тонн песка. Вручную копали тоннели, чтобы заморозить почву под реактором. Строили дамбы по берегам рек, чтобы не дать зараженным радиацией водам попасть в Припять, а оттуда в Днепр и дальше — в Черное море, в Средиземное, в Атлантический океан.

Казалось, они сделали невозможное — усыпили полыхавший реактор. Но даже сегодня мы не знаем, какие из этих мер сработали, а какие нет. Не исключено, что какие-то могли навредить. Ученые и инженеры не понимают, почему прекратилось извержение ядерного вулкана, точно так же как сначала не могли понять, отчего реактор взорвался. И если причины взрыва со временем стали ясны, то к приручению ядерной реакции мы все еще только движемся. Непредсказуемые события по-прежнему приводят к ядерным авариям вроде той, что случилась в марте 2011 года на японской атомной электростанции Фукусима, когда в результате землетрясения и последовавшего за ним цунами произошло частичное разрушение активной зоны не одного, как в Чернобыле, а сразу трех реакторов, сопровождавшееся выбросом радиоактивных веществ прямо в Тихий океан [2].

Мир становится больше, но не безопасней. В 1986 году Землю населяло около 5 миллиардов человек, сейчас на ней живет больше 7 миллиардов, а к 2050 году население Земли может достигнуть 10 миллиардов. За каждые двенадцать-четырнадцать лет на планете прибавляется по миллиарду жителей. Свободного места остается все меньше, природные и энергетические ресурсы истощаются. Если население Европы становится меньше, а Северной Америки растет очень медленно, то в Азии и Африке оно увеличивается настолько стремительно, что африканское население, выросшее за 50 лет более чем в два раза, к середине века, как ожидается, превысит два миллиарда. То есть основной прирост населения происходит в странах, которым уже и в наши дни с трудом удается накормить своих граждан и обеспечить их электроэнергией.

Казалось бы, атомная энергия открывает простой путь выхода из нарастающего демографического, экономического и экологического кризиса. Так ли это на самом деле? Большинство атомных реакторов в настоящее время строятся за пределами Западного мира, который научился обеспечивать их относительную безопасность и надлежащую эксплуатацию. Сразу 21 реактор сейчас сооружается в Китае, 9 — в России, 6 — в Индии, 4 — в Объединенных Арабских Эмиратах и 2 — в Пакистане. При этом США строят 5 реакторов, а Великобритания — один. Африка — новая огромная территория, освоение которой атомная энергетика начала с

Египта: эта нестабильная в политическом отношении страна строит два своих первых реактора. Можно ли быть уверенным, что все эти реакторы достаточно надежны, что при их эксплуатации будут неукоснительно соблюдаться техника безопасности и что авторитарные режимы, правящие в большинстве перечисленных стран, не будут рисковать безопасностью своего народа и всего мира ради того, чтобы получить больше энергии и денег для укрепления своей военной мощи, ускорения экономического развития и предотвращения общественного недовольства? Можно ли быть уверенным, что не повторится все то, что случилось в Советском Союзе в 1986 году?

Непосредственной причиной Чернобыльской аварии стал сбой во время испытаний турбогенератора. Но на более глубоком уровне катастрофа была обусловлена сочетанием крупных недостатков советской политической системы и советской атомной отрасли. Одним из таких недостатков было военное происхождение атомной энергетики. В основе конструкции реакторов, использовавшихся на Чернобыльской АЭС, лежала технология наработки оружейного плутония для атомных бомб. При определенных физических условиях реакторы проявляли нестабильность, но это не помешало официально признать их безопасными. Использование таких реакторов особенно рьяно продвигали руководители советского военно-промышленного комплекса, впоследствии снявшие с себя всякую ответственность за аварию. Другой недостаток заключался в нарушении техники безопасности персоналом, который уверовал в миф о безопасности атомной энергетики и привык действовать по принципу «сделаем во что бы то ни стало». Тем же принципом руководствовалось советское государство, когда отчаянно пыталось сравняться с Западом в экономической и военной сферах. Сразу же после аварии авторитарный советский режим жестко ограничил распространение любых сведений о случившемся, чем поставил под угрозу жизнь и здоровье миллионов людей в СССР и во всем мире, и это привело к многочисленным случаям радиоактивного поражения, которых при ином подходе можно было избежать.

В наше время риск нового Чернобыля растет из-за того, что технологии производства ядерной энергии под предлогом заботы об экологии получают в свое распоряжение правители, которым они на самом деле нужны для воплощения амбициозных геополитических проектов или

ускорения экономического развития страны, необходимого для преодоления энергетического и демографического кризиса. В то время как внимание мирового сообщества сосредоточено на проблеме нераспространения ядерного оружия, не меньшая опасность исходит от ненадлежащего обращения с «мирным атомом» в развивающихся странах. Пример Чернобыля указывает на необходимость усилить международный контроль за строительством и эксплуатацией атомных электростанций и серьезно заняться разработкой новых ядерных технологий вроде тех, какими занимается компания TerraPower Билла Гейтса, — технологий, которые позволят строить более дешевые, безопасные и экологически чистые реакторы. Инвестиции в такого рода научно-исследовательскую работу, финансовой отдачи от которых придется ждать долгие годы, а то и десятилетия, — необходимое условие того, что мир сумеет пережить нынешний энергетический кризис и демографический бум [3].

Возможно ли в наши дни повторение ядерного Армагеддона наподобие чернобыльского? Чем больше времени проходило после аварии, тем громче звучали голоса оптимистов, отрицавших такую возможность. И действительно: режим обеспечения безопасности на станциях совершенствовался, советские реакторы типа РБМК выводились из эксплуатации, а новые обеспечивали уровень безопасности, о каком в 1986 году инженеры-ядерщики и не мечтали. Но в 2011 году, спустя четверть века после Чернобыля, случилась Фукусима. Авария на атомной электростанции Фукусима-1 выявила уязвимость ядерных реакторов в другой области. У будущих аварий вроде Чернобыльской или Фукусимской могут быть самые разные причины — нарушение дисциплины персоналом станции, изъян в конструкции реактора или землетрясение. Помимо этого, растет опасность террористических атак на атомные станции — одну такую попытку бельгийские власти расследовали в марте 2016 года. Еще одна угроза — хакерские кибератаки вроде той, что в июне 2017 года вывела из строя системы контроля радиационной обстановки в Чернобыльской зоне отчуждения. Власти Украины считают, что она была осуществлена с российской территории.

Остановка Чернобыльской АЭС и сооружение нового саркофага над разрушенным реактором закрыли самую трагическую страницу в истории атомной энергетики. Но сделать правильные

выводы из Чернобыльской аварии еще только предстоит. Необходимо осознать, как важно противодействовать ядерному национализму и изоляционизму; обеспечить тесное сотрудничество между странами, развивающими атомную энергетику. Это особенно актуально сейчас, когда все больше сторонников приобретают популистские, националистические и антиглобалистские силы, в то время как человечество все больше полагается в производстве энергии на ядерные технологии.

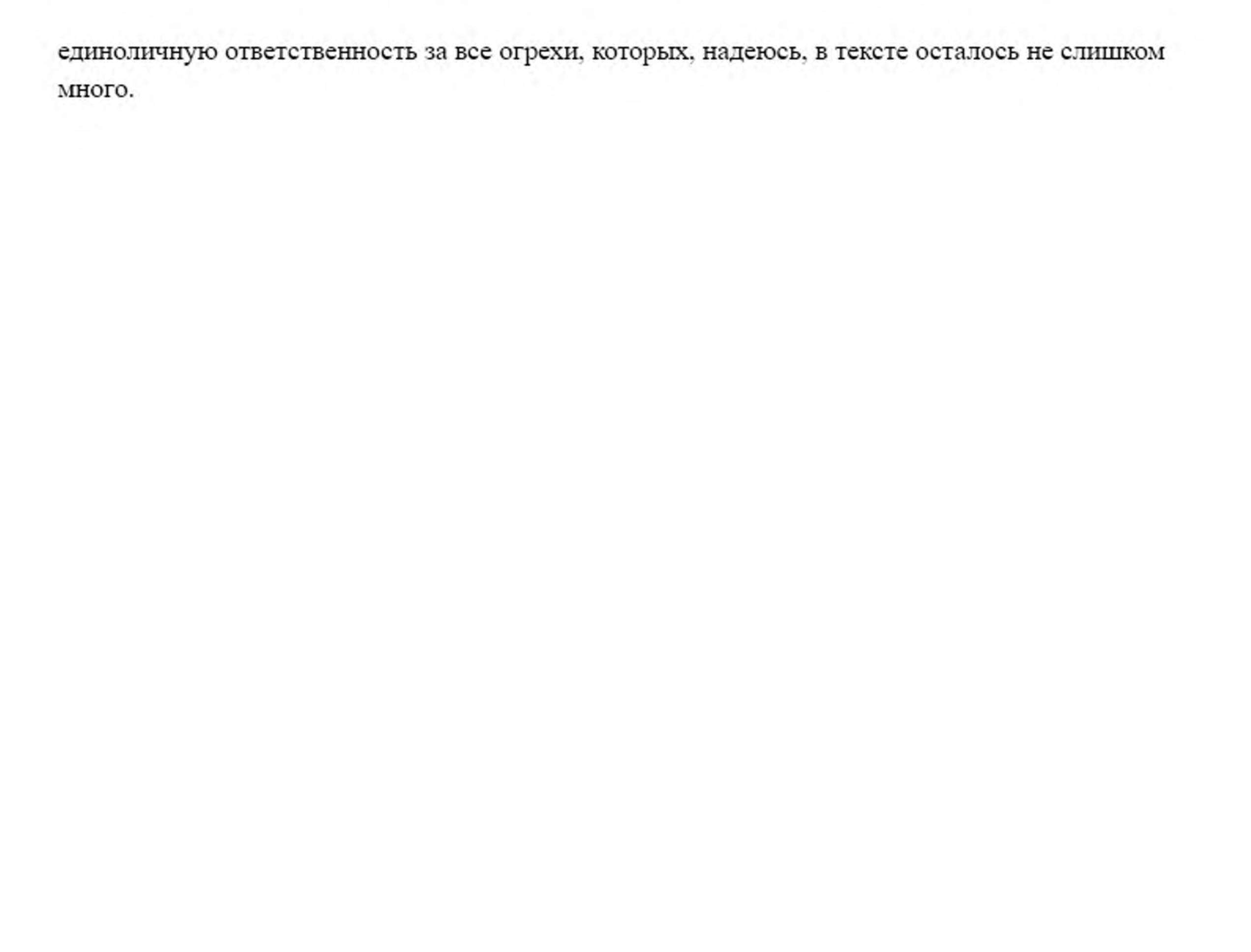
Миру с лихвой хватило одного Чернобыля и одной зоны отчуждения. Еще одна такая трагедия нам не по силам. Мы обязаны извлечь урок из того, что произошло в Чернобыле 26 апреля 1986 года.

Благодарности

В первую очередь я хочу поблагодарить тех, кто больше всех помог мне с этой книгой. Моя жена Елена и мой литературный агент Джилл Нирим с самого начала поверили в мой замысел. Геннадий Боряк из Института истории Украины и Ольга Бажан из Центрального государственного архива общественных объединений Украины помогли мне получить доступ к документам из архивов Коммунистической партии и правительства советских времен. Андрей Когут и Мария Панова оказали столь же неоценимую помощь в получении доступа к относящимся к Чернобыльской аварии архивным документам КГБ. Орест Гриневич, управляющий директор Украинского института современного искусства в Чикаго, в прошлом инженер-ядерщик, помог мне составить начальное представление об отрасли, которой посвятил значительную часть своей жизни. Ольга Бертельсен, в 2016–2017 годах постдокторант Украинского научного института Гарвардского университета, прочла рукопись от начала до конца и сделала ряд ценных замечаний. Мирослав Юркевич, как всегда, мастерски отредактировал мой текст. Завершить работу над книгой мне помогли гранты Департамента истории, Украинского научного института и Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета; Кори Полсен из Департамента истории и М. Дж. Скотт из Украинского научного института сделали все возможное, чтобы я получил эти гранты.

Мне снова выпала возможность работать с Ларой Хеймерт и ее замечательной командой из Basic Books, в том числе с Брайаном Дистельбергом, Роджером Лабри и Алией Массуд. Я также хочу поблагодарить Колина Трейси и Кэти Стрекфус из Perseus Books. Они проделали большую работу по редактированию книги и сопровождали ее на всех стадиях издательского процесса.

В заключение я хотел бы поблагодарить Сергея Лунина и Дмитрия Карельского за чудесный перевод книги на русский язык. Профессионализм и тщательность при сверке текста с первоисточниками, проявленные Сергеем Луниным, помогли уберечь русское издание не от одной неточности. Моя особая признательность — Евгении Лавут, с которой мы работаем уже не над первой моей книгой, за помощь в подготовке рукописи перевода к изданию. Разумеется, я несу

единоличную ответственность за все огрехи, которых, надеюсь, в тексте осталось не слишком много.

[1] «XXVII съезд КПСС». 1986, опубликовано на YouTube 1 мая 2015 года [www.youtube.com/watch?v=DFtuqNiY4PA].

[2] *Посохин М.* Кремлевский дворец съездов. М., 1965; *Можаев А.* Вторая свежесть // Архнадзор. 2007. 2 марта [www.archnadzor.ru/2007/03/02/vtoraya-svezhest].

[3] *Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. New York, 2004; *Harrison M.* Soviet Economic Growth Since 1928: The Alternative Statistics of G.I. Khanin // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. № 1. P. 141–167.

[4] *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1997. P. 24–129; *Grachev A.* Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge, 2008. P. 9–42.

[5] *Горбачев М.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1, ч. 2, гл. 9; *Болдин В.* Крушение пьедестала: штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 158.

[6] *Лисниченко И.* Застолья партийной элиты // Брестский курьер. 2013. Март.

[7] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 40–42.

[8] *Болясний О.* Прискорення тривалістю вісім років // Київська правда. 1985. 1 грудня; *Болясный А.* Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7.

[9] *Куліков І., Шанюк В.* Від нашого новаторського пошуку // Київська правда. 1986. 4 березня; *Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В.* Плани партії — плани народу // Київська правда. 1986. 8 березня; *Лісовий В.* Грані характеру // Прапор перемоги. 1986. 25 лютого; *Болясний О.* Ця буденна романтика // Київська правда. 1986. 26 лютого.

[10] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 3.

[11] *Лошак В.* Съезд бурных аплодисментов // Огонек. 2016. 2 февраля.

[12] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 23–121.

[13] Там же. С. 130–168.

[14] На вершинах науки и власти: К 100-летию Анатолия Петровича Александрова // Природа. 2003. № 2. С. 5–24.

[15] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 169–174.

[16] *Насонов В.* Славский Ефим Павлович // Министры советской эпохи [www.minister.su/article/1226.html]; «Славский Е.П.: Прощание с саблей». Ч. 1, опубликовано на YouTube 21 апреля 2009 года [https://youtu.be/KURboEWtWLk].

[17] Бывший замдиректора ЧАЭС: Мы стали делать такие АЭС из-за Аркадия Райкина // Интерфакс. 2016. 23 апреля.

[18] *Осипчук И.* Легендарный академик Александров в юности был белогвардейцем // Факты. 2014. 4 февраля; *Аккерман Г.* Чернобыль сделал меня другим человеком // Новая газета. 2006. 2 марта.

[19] *Semenov B.* Nuclear Power in the Soviet Union // IAEA Bulletin. 1983. Vol. 25. № 2. P. 47–59.

[20] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 29, 54, 139.

[21] Там же. С. 94–98.

[22] Там же. С. 141–142.

[23] *Болясный А.* Указ. соч.; *Болясний О.* Діловитість, реалізм // Київська правда. 1986. 28 лютого.

[1] *Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В.* Плани партії — плани народу // Київська правда. 1986. 8 березня.

[2] *Василь М.* Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Если бы нашли для меня расстрельную статью, то, думаю, расстреляли бы» // Факты. 2000. 18 октября.

[3] *Самоделова С.* Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля; *Шуневич В.* Бывший директор ЧАЭС Брюханов: «В день взрыва в Припяти была моя беременная дочь» // Факты. 2019. 21 июня.

[4] *Шуневич В.* Указ. соч.; *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 41–42; *Болясний О.* Прискорення тривалістю вісім років // Київська правда. 1985. 1 грудня.

[5] Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 676–677; *Heilmeyer M.* Ancient Herbs. Los Angeles, 2007. P. 15–18; *Wright C.W.* Artemisia. London, 2002; Откровение 8: 10–11; *Cannon L.* President Reagan: The Role of a Lifetime. New York, 1991. P. 860.

[6] Listy Aleksandra i Rozalii Lubomirskich. Kraków, 1900; *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864. С. 144–151; Чернобыль // Электронная еврейская энциклопедия. 1999 [eleven.co.il/diaspora/communities/14672].

[7] Czarnobyl // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. T. I. S. 752–754; *Похилевич Л.* Указ. соч. С. 144–151; Чернобыль // Электронная еврейская энциклопедия.

[8] Національна книга пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні: Київська область. Київ, 2008. С. 17, 1126–1131; Книга памяти жертв Голодомора // Чернобыль и чернобыляне [chernobylpeople.ucoz.ua/publ/istorija_chernobylja_i_rajona/golodomor/kniga_pamjati_zhertv_golodomora/31-1-0-97]; MAPA: Digital Atlas of Ukraine [harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=f7592aad617f486390d086f91bb24be3].

[9] Чернобыль в годы Отечественной войны. Город в годы немецкой оккупации. Битва за Чернобыль // Чернобыль, Припять, Чернобыльская АЭС и Зона отчуждения [chornobyl.in.ua/chernobil-war.html].

[10] *Лащенко П.* Из боя — в бой. М., 1972.

[11] *Борейко В.* История охраны природы Украины, X век — 1980 г. Киев, 2001. Гл. 9.

[12] Вибір майданчика // Чорнобильська АЕС [chnpp.gov.ua/uk/history-of-the-chnpp/chnpp-construction/9-2010-09-08-09-57-419]; *Борейко В.* Указ. соч.; *Ярошинская А.* Чернобыль: 20 лет спустя. Преступление без наказания. М., 2006. С. 238; *Шелест П.* Справжній суд історії ще попереду: Спогади, щоденники, документи, матеріали. Київ, 2003. С. 465–466; Чернобыльская атомная электростанция: Генеральный план поселка. М., 1971. С. 10.

[13] *Медведев Г.* Чернобыльская тетрадь: Документальная повесть. Киев, 1990. С. 28.

[14] *Мышляев К.* Первый бетон на Чернобыльской атомной // Правда Украины. 1972. 16 августа; Проєктування та будівництво // Чорнобильська АЕС [chnpp.gov.ua/uk/history-of-the-chnpp/chnpp-construction/11-2010-09-08-10-40-3911].

[15] *Брюханов В.* Енерговелет працює на комунізм // Радянська Україна. 1985. 30 грудня.

[16] *Дятлов А.* Чернобыль: Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 29–30.

[17] *Лісовий В.* Грані характеру // Прапор перемоги. 1986. 25 лютого; В городском комитете компартии Украины // Трибуна энергетика. 1986. 31 января.

[18] *Дворжецкий В.* Припять — эталон советского градостроительства. Киев, 1985.

[19] Чернобыльская атомная электростанция. С. 13.

[20] *Щеглов И.* Эталонный советский город: воспоминания припятчанина // РИА Наука. 2009. 24 апреля [ria.ru/20090424/169157074.html]; *Шигапов А.* Чернобыль, Припять, далее нигде… М., 2010 [royallib.com/read/shigapov_artur/chernobil_pripyat_dalee_nigde.html#0].

[21] *Шуневич В.* Бывший директор Чернобыльской атомной электростанции Виктор Брюханов: «Ночью, проезжая мимо четвертого блока, увидел, что верхнего строения над реактором… нету!» // Факты. 2006. 28 апреля.

[22] *Шигапов А.* Указ. соч.; *Шуневич В.* Указ. соч.; *Болясный А.* Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7.

[23] *Шуневич В.* Указ. соч.

[24] *Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В.* Указ. соч.

[1] Обращение коллектива строителей и эксплуатационников Чернобыльской АЭС // Трибуна энергетика. 1986. 21 марта.

[2] *Волошко В.* Город, погибший в 16 лет // Зона ЧАЭС [chernobyl.clan.su/publ/3-1-0-3].

[3] *Малиновская Е.* Есть 140 миллиардов // Трибуна энергетика. 1986. 17 января; Почему не выполнен план 1985 года по АЭС // Там же; *Tarnizhevsky M.* Energy Consumption in the Residential and Public Services Sector // Energy. 1987. Vol. 12. October–November. P. 1009–1012.

[4] Кизима Василий Трофимович // Герои страны [www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=16214]; MAPA: Digital Atlas of Ukraine [harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=f7592aad617f48639od086f91bb24be3]; *Волошко В.* Указ. соч.

[5] *Шигапов А.* Чернобыль, Припять, далее нигде… М., 2010 [royallib.com/read/shigapov_artur/chernobil_pripyat_dalee_nigde.html#0].

[6] *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 31.

[7] *Болясный А.* Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7; *Цибульський А.* За шістдесят кроків від реактора // Київська правда. 2016. 26 квітня [www.facebook.com/KiivskaPravda/posts/1257118560979876].

[8] *Цибульський А.* Указ. соч.; *Филипчук Н.* Вы строите станцию на проклятом месте, — предупреждала местная бабка // Голос України. 2007. 26 сентября.

[9] *Филипчук Н.* Указ. соч.

[10] Протокол совещания, созванного заместителем председателя Совмина СССР В.Э. Дымшицем 1 апреля 1980 г. // ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2124. Л. 51–54; Записка А.А. Титаренко В.В. Щербицкому от 21 мая 1980 г. // Там же. Л. 46–47.

[11] *Болясный А.* Указ. соч.

[12] *Станиславская Л.* Не частное дело: дисциплина и качество поставок // Трибуна энергетика. 1986. 21 марта.

[13] В городском комитете компартии Украины // Трибуна энергетика. 1986. 31 января; *Дятлов А.* Чернобыль: Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 33.

[14] *Дятлов А.* Указ. соч. С. 33.

[15] *Комаров Б.* Кто не боится атомных электростанций // Страна и мир (Мюнхен). 1986. № 6. С. 50–59.

[16] *Доллежаль Н., Корякин Ю.* Ядерная электроэнергетика: достижения и проблемы // Коммунист. 1979. № 14. С. 19–28.

[17] *Александров А.* Научно-технический прогресс и атомная энергетика // Проблемы мира и социализма. 1979. № 6. С. 15–20.

[18] *Медведев Г.* Чернобыльская тетрадь: Документальная повесть. Киев, 1990. С. 41.

[19] Спеціальне повідомлення УКДБ при РМ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ при РМ УРСР про систематичні порушення технології провадження будівельно-монтажних робіт на окремих ділянках будівництва Чорнобильської АЕС. 17 серпня 1976 р. // З архівів ВУЧК–ГПУ–

НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. № 1. Спецвипуск: «Чорнобильська трагедія в документах і матеріалах». С. 27–30.

[20] *Воронов В.* В предчувствии Чернобыля // Совершенно секретно. 2015. 4 января.

[21] *Дмитриев В.* Авария 1982 г. на 1-м блоке ЧАЭС // Причины Чернобыльской аварии известны [accidont.ru/Accid82.html]; Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до Другого головного управління КДБ СРСР та 2-го управління КДБ УРСР про аварійну зупинку 9 вересня 1982 р. енергоблока № 1 Чорнобильської АЕС, 10 вересня 1982 р. // З архівів. 2001. Т. 16. № 1. С. 45–46; Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ СРСР та КДБ УРСР про результати розслідування причин аварійної ситуації, що склалася на Чорнобильській АЕС 9 вересня 1982 р., 10 вересня 1982 р. // Там само. С. 47–48.

[22] *Руденко М.* Нужна ли реабилитация бывшему директору ЧАЭС? // Взгляд. 2010. 29 апреля.

[23] Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про порушення технології провадження будівельних робіт при спорудженні 5-го енергоблока Чорнобильської АЕС, 26 лютого 1986 р. // З архівів. 2001. Т. 16. № 1. С. 64–65.

[24] Всесоюзное совещание // Трибуна энергетика. 1986. 28 марта.

[25] *Marples D.* Chernobyl and Nuclear Power in the USSR. Edmonton, 1986. P. 117.

[26] *Медведев Г.* Указ. соч. С. 15.

[27] Там же. С. 31; *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 45–46; *Карпан Н.* Чернобыль: месть мирного атома. Киев, 2005. С. 444.

[28] *Ковалевська Л.* Не приватна справа: до всесоюзної наради з проблем постачання // Літературна Україна. 1986. 28 березня.

[29] *Терней Е.* Живая легенда мертвого города // Зеркало недели. 1995. 28 апреля.

[1] XI Съезд Социалистической единой партии Германии: Выступление товарища Горбачева М.С. // Правда. 1986. 19 апреля; В Политбюро ЦК КПСС // Правда. 1986. 25 апреля.

[2] *Эсаулов А.* Праздник труда // Трибуна энергетика. 1986. 25 апреля; *Петрусенко А.* С полной отдачей // Там же; На уровень масштабных задач: На пленуме Припятского горкома компартии Украины // Трибуна энергетика. 1986. 18 апреля.

[3] *Недельский И.* Нерест рыбы // Трибуна энергетика. 1986. 25 апреля.

[4] У лісників району // Прапор перемоги. 1986. 26 квітня; Хід садіння картоплі: зведення // Там само.

[5] *Верменко Ю., Кулиба В.* Нови сорти картоплі для Київської області // Прапор перемоги. 1986. 26 квітня.

[6] *Самоделова С.* Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля.

[7] *Муха С.* Информационное сообщение КГБ УССР в Центральный комитет Коммунистической партии Украины за 8 апреля // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1113. Л. 9.

[8] На уровень масштабных задач; *Карпан Н.* Чернобыль: месть мирного атома. Киев, 2005. С. 423–424.

[9] *Давлетбаев Р.* Последняя смена // Чернобыль. Десять лет спустя: Неизбежность или случайность? М., 1995. С. 367–368.

[10] *Борец В.* Как готовился взрыв Чернобыля // Копчинский Г., Штейнберг Н. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М., 2001. С. 188–195.

[11] Акт комиссии по физическому пуску о завершении физического пуска реактора РБМК-1000 IV энергоблока Чернобыльской АЭС // Причины Чернобыльской аварии известны [accidont.ru/phys_start.html]; *Дмитриев В.* Концевой эффект // Там же [accidont.ru/PS_effect.html].

[12] *Борец В.* Указ. соч.

[13] *Медведев Г.* Ядерный загар. М., 2002. С. 206; *Sternglass E.* Secret Fallout: Low Level Radiation from Hiroshima to Three Mile Island. New York, 1981. P 120.

[14] Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про основні інженерно-технічні недоліки діючих енергоблоків

Чорнобильської АЕС, жовтень 1984 р. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. № 1. С. 58–60.

[15] *Борец В.* Указ. соч.

[16] *Карпан Н.* Указ. соч. С. 326, 440.

[17] Правофланговий п'ятирічки // Київська правда. 1985. 29 грудня.

[18] И. Казачков // Щербак Ю. Чернобыль: документальное повествование. М., 1991. С. 366.

[19] Там же. С. 34–35.

[20] Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про можливі негативні наслідки знижень потужності енергоблоків Чорнобильської АЕС, 4 лютого 1986 р. // З архівів. С. 62–63.

[21] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38.

[22] Там же. С. 36–38; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 444.

[1] *Дятлов А.* Чернобыль. Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 29.

[2] *Борец В.* Как готовился взрыв Чернобыля // Копчинский Г., Штейнберг Н. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М., 2001. С. 188–195; *Карпан Н.* Чернобыль: Месть мирного атома. Киев, 2005. С. 440.

[3] В. Орлов, А. Крят, В. Грищенко // Воспоминания об Анатолии Дятлове [pripyat-city.ru/publications/34-vospominaniya-ob-asdyatlove.html].

[4] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Чернобыль: документальное повествование. М., 1991. С. 38; Р. Давлетбаев // Медведев Г. Ядерный загар. М., 2002. С. 242.

[5] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 330, 354.

[6] Л. Акимова // Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 148–149; Топтунов Леонид Федорович 16.08.1960–14.05.1986 // Офіційний сайт Славутицької загальноосвітньої школи № 1; Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 39.

[7] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38–39.

[8] *Давлетбаев Р.* Последняя смена // Чернобыль. Десять лет спустя: Неизбежность или случайность? М., 1995. С. 381–382.

[9] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 40–41; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 326–335, 350.

[10] *Дятлов А.* Указ. соч. С. 38–39; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 477, 478, 479.

[11] *Medvedev G.* Op. cit. P. 67–76; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 476.

[12] *Давлетбаев Р.* Указ. соч. С. 370; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 336.

[13] *Карпан Н.* Чернобыль. С. 482; *Дятлов А.* Указ. соч. С. 40.

[14] *Cullen R.B., DeFrank Th.M., Strasser S.* Anatomy of Catastrophe: The Soviets Lift Lid on the Chernobyl Syndrome // Newsweek. 1986. September 1. P. 26–28; Sequence of Events: Chernobyl Accident, Appendix 1 // World Nuclear Association. 2019. June [www.world-nuclear.org/information-library/safety-and-security/safety-of-plants/appendices/chernobyl-accident-appendix-1-sequence-of-events.aspx]; Xenon Poisoning // HyperPhysics [hyperphysics.phy-astr.gsu.edu/hbase/nucene/xenon.html].

[15] *Давлетбаев Р.* Указ. соч. С. 371; Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 41–42.

[16] *Medvedev G.* Op. cit. P. 85–88.

[1] В Политбюро ЦК КПСС // Правда. 1986. 25 апреля; *Капралов А.* Не смыть клейма позора // Известия. 1986. 25 апреля.

[2] ТВ на будущей неделе // Известия. 1986. 19 апреля.

[3] *Ковтун Г.* Я писатиму тобі щодня: Повість у листах. Київ, 1989. С. 42.

[4] Л. Телятников, Л. Шаврей // Щербак Ю. Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 49–50; *Ковтун Г.* Указ. соч. С. 52–54.

[5] *Лаба А.* Пожарный-чернобылец Шаврей: Мы просто выполняли свой долг // РИА Новости Украина. 2016. 26 апреля [rian.com.ua/interview/20160426/1009035845.html].

[6] И. Шаврей // Губарев В. Зарево над Припятью. М., 1987. С. 5; *Черненко А.* Владимир Правик. М., 1988. С. 87; *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 53.

[7] Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 53–55.

[8] В. Прищепа // Губарев В. Указ. соч. С. 5–6; Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 54.

[9] Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 54; *Medvedev G*. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 87.

[10] *Алексиевич С*. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М., 2013. С. 11.

[11] Г. Хмель // Щербак Ю. Указ. соч. С. С. 57–58.

[12] Л. Телятников // Там же. С. 51.

[13] Л. Телятников, Л. Шаврей // Там же. С. 50, 54; *Ковтун Г*. Указ. соч. С. 52–54.

[14] Л. Телятников // Губарев В. Указ. соч. С. 6–9; *Ковтун Г*. Указ. соч. С. 62.

[15] *Токарев С*. Быль о пожарных Чернобыля // Смена. 1986. № 17 (1423); В. Белоконь // Щербак Ю. Указ. соч. С. 62–63.

[16] В. Белоконь // Щербак Ю. Указ. соч. С. 62–63.

[17] Там же. С. 63–64.

[18] *Губарев В*. Указ. соч. С. 7–9.

[19] *Лаба А*. Указ. соч.

[20] *Токарев С*. Указ. соч. С. 1.

[21] Г. Хмель // Щербак Ю. Указ. соч. С. 59; *Токарев С*. Указ. соч. С. 1.

[22] *Алексиевич С*. Указ. соч. С. 11–12.

[23] *Ковтун Г*. Указ. соч. С. 63–64.

[1] *Василь М*. Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Если бы нашли для меня расстрельную статью, то, думаю, расстреляли бы» // Факты. 2000. 18 октября; *Шуневич В*. Бывший директор Чернобыльской атомной электростанции Виктор Брюханов: «Ночью, проезжая мимо четвертого блока, увидел, что верхнего строения над реактором… нету!» // Факты. 2006. 28 апреля; *Самоделова С*. Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля; *Возняк В., Троицкий С*. Чернобыль: Так это было. Взгляд изнутри. М., 1993. С. 163.

[2] С. Парашин // Щербак Ю. Чернобыль: документальное повествование. М., 1991. С. 76–77.

[3] *Бабаков С.* «С предъявленными мне обвинениями не согласен…» // Зеркало недели. 1999. 27 августа; Показания Брюханова В.П. // Карпан Н. Чернобыль: месть мирного атома. Киев, 2005. С. 419–420.

[4] Показания Рогожкина Б.В. // Карпан Н. Указ. соч. С. 461–465; С. Парашин // Щербак Ю. Указ. соч. С. 75–76.

[5] *Дятлов А.* Чернобыль: как это было. М., 2003. Гл. 5. С. 62–63.

[6] *Давлетбаев Р.* Последняя смена // Чернобыль. Десять лет спустя: Неизбежность или случайность? М., 1995. С. 371.

[7] *Дятлов А.* Указ. соч. С. 63; *Давлетбаев Р.* Указ. соч. С. 372.

[8] Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 42–43.

[9] Ю. Трегуб // Там же. С. 43–44.

[10] *Дятлов А.* Указ. соч. С. 63–69; Показания Дятлова А.С. // Карпан Н. Указ. соч. С. 446–456; Показания свидетелей // Там же. С. 488; *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 179.

[11] С. Парашин // Щербак Ю. Указ. соч. С. 76; *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 165, 179; Показания Брюханова В.П. // Карпан Н. Указ. соч. С. 429; *Дятлов А.* Указ. соч. С. 69–70.

[12] С. Парашин // Щербак Ю. Указ. соч. С. 78; Показания Брюханова В.П. // Карпан Н. Указ. соч. С. 427; V. Smagin // Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 132.

[13] В. Смагин // Medvedev G. Op. cit. P. 132–133.

[14] Показания Брюханова В.П. // Карпан Н. Указ. соч. С. 427; А. Усков // Щербак Ю. Указ. соч. С. 69–72; *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 181.

[15] В. Смагин // Medvedev G. Op. cit. P. 130–131.

[16] Ibid.; А. Усков // Щербак Ю. Указ. соч. С. 73–74; С. Парашин // Щербак Ю. Указ. соч. С. 77.

[17] *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 150.

[18] *Бабаков С.* «Вначале мне не поверил даже сын…» // Зеркало недели. 1999. 23 апреля.

[19] С. Парашин // Щербак Ю. Указ. соч. С. 77; *Бабаков С.* «Вначале мне не поверил даже сын…»; *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 157.

[20] *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 74–89; *Haynes V., Bojcun M.* The Chernobyl Disaster. London, 1988. P. 32.

[21] *Бабаков С.* «С предъявленными мне обвинениями не согласен…»

[22] *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 35; В. Яворівський // Засідання сорок шосте: Сесійний зал Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року [iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[23] Г. Петров // Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 88–89.

[24] Ibid.

[25] Л. Ковалевская // Щербак Ю. Указ. соч. С. 86–87.

[26] *Хамьянов Л.* Чернобыль: Радиационная обстановка в первые дни // Карпан Н. Указ. соч. Прил. 1.

[27] В. Смагин // Medvedev G. Op. cit. P. 172–173.

[1] *Аккерман Г.* Михаил Горбачев: «Чернобыль сделал меня другим человеком» // Новая газета. 2006. 2 марта; ср.: *Gorbachev M.* Memoirs. New York, 1996. P. 189.

[2] *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3. На ступенях власти. Ч. 2. С. 342–343; *Новоселова Е.* Хроника молчания. Николай Рыжков: «Раздался звонок правительственной связи — на Чернобыле авария» // Российская газета. 2016. 25 апреля.

[3] Срочное донесение первого заместителя министра энергетики и электрификации А.Н. Макухина в ЦК КПСС об аварии на Чернобыльской АЭС, 26 апреля 1986 // Чернобыль: 26 апреля 1986 — декабрь 1991: Документы и материалы. Минск, 2006. С. 27.

[4] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sacharov. New York, 1991. P. 128, 151–155; *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 1 // Электронная библиотека RoyalLib.Com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0].

[5] М. Цвирко // Medvedev G. Op. cit. P. 152.

[6] Г. Шашарин // Ibid. P. 154–155, 157.

[7] Ibid. P. 157–158.

[8] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1; С. Парашин // Щербак Ю. Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 76–77.

[9] В. Шишкин // Medvedev G. Op. cit. P. 159–160.

[10] В. Шишкин // Ibid. P. 162–165; Б. Прушинский // Ibid. P. 165–166.

[11] Б. Прушинский // Ibid. P. 165–166.

[12] *Андриянов В., Чирсков В.* Борис Щербина. М., 2009.

[13] *Новоселова Е.* Указ. соч.

[14] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1.

[15] Там же.

[16] Там же; Е. Игнатенко // Возняк В., Троицкий С. Чернобыль: Так это было. Взгляд изнутри. М., 1993. С. 187.

[17] Г. Шашарин // Medvedev G. Op. cit. P. 166–167.

[18] Борис Ефимович Щербина // Дьяченко А. Чернобыль: Долг и мужество. Научно-публицистическая монография. М., 2001. Т. 2; В. Филатов // Medvedev G. Op. cit. P. 179–180.

[19] *Хамьянов Л.* Чернобыль: Радиационная обстановка в первые дни // Карпан Н. Чернобыль: Месть мирного атома. Киев, 2005. Прил. 1; А. Абагян // Возняк В., Троицкий С. Указ. соч. С. 213.

[20] *Хамьянов Л.* Указ. соч.

[21] А. Абагян // Возняк В., Троицкий С. Указ. соч. С. 219–220; *Хамьянов Л.* Указ. соч.

[22] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1; И. Плющ // Засідання сорок шосте: Сесійний зал Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року [iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[23] И. Плющ // Засідання сорок шосте. Сесійний зал Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року; *Новоселова Е.* Указ. соч.; А. Перковская // Щербак Ю. Указ. соч. С. 92.

[1] *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3: На ступенях власти. Ч. 2. С. 435.

[2] В масштабе эпохи: Современники об А.П. Ляшко / Сост. В.И. Ляшко. Киев, 2003.

[3] Чорнобильська катастрофа в документах, фактах та долях людей, 1986–2006 / Ред. В.М. - Миколюк та ін. Київ, 2006. С. 83–84; *Киянский Д.* «Пусть наш музей будет единственным и

последним» // Зеркало недели. 2000. 29 апреля.

[4] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 162–163; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 91–93.

[5] Чорнобильська катастрофа в документах. С. 83; *Бабаков С.* «Вначале мне не поверил даже сын...» // Зеркало недели. 1999. 23 апреля; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року [rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[6] *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви // Українська правда. 2011. 25 квітня; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року; Повідомлення МВС УРСР ЦК Компартії України про аварію на ЧАЕС і перші заходи щодо ліквідації її наслідків. 27 квітня 1986 року // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. Київ, 1996. № 55.

[7] *Ляшко А.* Указ. соч. С. 347.

[8] Там же. С. 348; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року.

[9] Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року; Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ СРСР та КДБ УРСР про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 26 квітня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. № 16. С. 65–66; Повідомлення КДБ УРСР до КДБ СРСР про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 26 квітня 1986 року // З архівів. С. 67–68.

[10] Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року; *Литвин В.* Політична арена України: Дійові особи та виконавці. Київ, 1994. С. 178; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 205; Повідомлення Міністерства автотранспорту УРСР ЦК Компартії України про заходи щодо евакуації населення м. Прип'яті. 27 квітня 1986 року // Чорнобильська трагедія. № 56.

[11] *Medvedev G.* Op. cit. P. 162–163; *Ляшко А.* Указ. соч. С. 325–355; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року.

[12] *Ковтун Г.* Я писатиму тобі щодня. Київ, 1989. С. 64.

[13] *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 55–56.

[14] Там же. С. 56.

[15] *Алексиевич С.* Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М., 2013. С. 12–13.

[16] *Medvedev G.* Op. cit. P. 169–173.

[17] *Возняк В., Троицкий С.* Чернобыль: Так это было (взгляд изнутри). М., 1993. С. 207–208; *Brown K.* Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. New York, 2013. P. 172–176.

[18] *Chandler D.L.* Explained: Rad, Rem, Sieverts, Becquerels: A Guide to Terminology About Radiation Exposure // MIT News. 2011. March 28 [news.mit.edu/2011/explained-radioactivity-0328].

[19] Acute Radiation Syndrome: A Fact Sheet for Clinicians / Centers for Disease Control and Prevention [emergency.cdc.gov/radiation/arsphysicianfactsheet.asp].

[20] Последствия облучения для здоровья человека в результате Чернобыльской аварии. Нью-Йорк, 2012. С. 12.

[21] *Medvedev G.* Op. cit. P. 173.

[22] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 82–83.

[23] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 13.

[24] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 83–84; *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 207–208.

[25] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 109–110.

[26] *Мельниченко Н.* Припять. 1986. Эвакуация: Воспоминания очевидца // Таймер. 2013. 26 апреля.

[27] *Medvedev G.* Op. cit. P. 138, 141, 149.

[28] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 1 // Электронная библиотека RoyalLib.Com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0]; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 204–209.

[29] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 84–86.

[30] «Снято в 26 апреля 1986 года в городе Припять». YouTube, опубликовано 14 апреля 2011 года [www.youtube.com/watch?v=jpEmaiId7v4]; «Припять: эвакуация. 27.04.1986», YouTube,

опубликовано 25 апреля 2011 года [www.youtube.com/watch?v=xAxCWNNyCpA].

[31] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 90; *Бабаков С.* Указ. соч.; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 207.

[32] «Снято в 26 апреля 1986 года в городе Припять».

[33] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 90; *Ковалевская Л.* Преодоление // Чернобыль. Дни испытаний: Книга свидетельств. Киев, 1988. С. 77; «Снято в 26 апреля 1986 года в городе Припять».

[34] *Новоселова Е.* Хроника молчания. Николай Рыжков: «Раздался звонок правительственной связи — на Чернобыле авария» // Российская газета. 2016. 25 апреля.

[35] Повідомлення МВС УРСР ЦК Компартії України про хід евакуації населення із зони аварії. 28 квітня 1986 року // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. Київ, 1996. № 58; *Иллеш А.* В трудный час // Чернобыль. Дни испытаний. С. 121.

[36] Інформаційне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 28 квітня 1986 року // З архівів. С. 69–70.

[1] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 192–193.

[2] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 3 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0].

[3] *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3. На ступенях власти. Ч. 2. С. 354; *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 88–89; *Medvedev G.* Op. cit. P. 193; *Возняк В., Троицкий С.* Чернобыль: Так это было (взгляд изнутри). М., 1993. С. 235.

[4] *Ляшко А.* Указ. соч. С. 356; *Medvedev G.* Op. cit. P. 194–195; *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 56; *Барановская Н.* Испытание Чернобылем. Киев, 2016. С. 35.

[5] *Воскресенская А.* Вертолетчик-ликвидатор: «Мы встали в карусель смерти» // Защищать Россию. 2016. 26 апреля [defendingrussia.ru/a/vertoletchiklikvidator_avarii_na_chernobylskoj_aes-5793].

[6] *Medvedev G.* Op. cit. P. 194.

[7] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1; *Medvedev G.* Op. cit. P. 201–202.

[8] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1.

[9] *Федуленко В.* Кое-что не забылось // Вклад курчатовцев в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. М., 2012. С. 74–83.

[10] Там же; *Medvedev G.* Op. cit. P. 201–202.

[11] Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 28 апреля 1986 // Пихоя Р. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 429–431.

[12] *Medvedev G.* Op. cit. P. 194; *Барановская Н.* Указ. соч. С. 35–36.

[13] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 154.

[14] *Барановская Н.* Указ. соч. С. 31–32.

[15] Рапорт заместителя начальника Припятского ГОВД, капитана милиции Стельмаха А.П. // Чорнобильська катастрофа в документах, фактах та долях людей, 1986–2006 / Ред. В.М. Миколюк та ін. Київ, 2006. С. 425–426.

[16] Вклад курчатовцев в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С. 78.

[17] *Хамьянов Л.* Москва — Чернобылю. М., 1998; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 277.

[18] Вклад курчатовцев в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С. 83.

[19] *Возняк В., Троицкий С.* Указ. соч. С. 205; *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 233.

[20] *Хамьянов Л.* Указ. соч.; Чорнобильська катастрофа в документах. С. 277.

[21] *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви // Українська правда. 2011. 25 квітня.

[22] *Щербак Ю.* Чернобыль. С. 104.

[23] *Кушнір Л.* Указ. соч.

[1] *Medvedev Zh.* Nuclear Disaster in the Urals. New York, 1980; *Brown K.* Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. New York, 2013. P. 231–246; *Kostyuchenko V., Krestinina L.* Long-Term Irradiation Effects in the Population Evacuated from the East-Urals Radioactive Trace Area // Science of the Total Environment. 1994. Vol. 142. № 1–2. P. 119–125.

[2] Чернобыльская атомная электростанция: Культурное и жилищно-бытовое строительство. Генеральный план поселка. М., 1971. С. 11.

[3] 25 Years After Chernobyl, How Sweden Found Out // Radio Sweden — News in English. 2011. April 22 [sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=4468603]; *Schmemann S.* Soviet Announces Nuclear Accident at Electric Plant // New York Times. 1986. April 29. P. A1.

[4] Первое упоминание о Чернобыльской аварии на советском телевидении, 28 апреля 1986 года; опубликовано на YouTube 29 апреля 2011 года [www.youtube.com/watch?v=4PytcgdPuTI]; *Mulev S.* The Chernobyl Nightmare Revisited // BBC News. 2006. April 18 [news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4918742.stm].

[5] Чернобыльская трагедия // Пихоя Р. Советский Союз: История власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 429–431.

[6] *Gorbachev M.* Memoirs. New York, 1996. P. 189; *Новоселова Е.* Хроника молчания. Николай Рыжков: «Раздался звонок правительственной связи — на Чернобыле авария» // Российская газета. 2016. 25 апреля.

[7] *King W., Weaver W., Jr.* Briefing: Airline Business as Usual // New York Times. 1986. April 21; *Eaton W.J.* PanAm and Aeroflot Resume Direct US-Soviet Air Service // Los Angeles Times. 1986. April 30.

[8] Festive Flight to Moscow Resumes US-Soviet Air Service // New York Times. 1986. April 30.

[9] *Schmemann S.* Op. cit.

[10] Statement by Principal Deputy Press Secretary Speaks on the Soviet Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. May 3, 1986 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum, Public Papers of the President [www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/50386a.htm]; Implications of the Chernobyl Disaster // CIA Memo. 1986. April 29 [www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/17/19860429.pdf].

[11] Implications of the Chernobyl Disaster.

[12] Nuclear Disaster: A Spreading Cloud and an Aid Appeal; U.S. Offers to Help Soviet in Dealing with Accident // New York Times. 1986. April 30; *Brummer A.* Reagan Offers U.S. Help // Guardian. 2005.

April 25 [www.theguardian.com/world/2005/apr/25/nuclear.uk].

[13] Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Soviet Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. May 1, 1986 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum, Public Papers of the President [www.reaganlibrary.gov/archives/speech/statement-principal-deputy-press-secretary-speakes-soviet-nuclear-reactor-1].

[14] *Whitington L.* Chernobyl Reactor Still Burning // United Press International. 1986. April 29 [www.upi.com/Archives/1986/04/29/Chernobyl-reactor-still-burning/9981572611428]; Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster Creates Radiation Scare // ABC News. 1986. April 30 [abcnews.go.com /Archives/video/chernobyl-disaster-nuclear-reactor-fallout-1986-9844065].

[15] *Фронин В.* То взлет, то посадка… // Чернобыль: Дни испытаний и побед: Книга свидетельств. Киев, 1988. С. 125–129.

[16] *Schmemann S.* Op. cit.; *Jarmas C.* Nuclear War: How the United States and the Soviet Union Fought over Information in Chernobyl's Aftermath // GeoHistory. 2015. August 31 [geohistory.today/information-chernobyl-us-soviet].

[17] От Совета Министров СССР // Правда. 1986. 30 апреля.

[18] *Муха С.* Інформаційне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 28 квітня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Vol. 16. № 1. P. 69–70; *Гончар О.* Щоденники. Київ, 2004. Т. 3: 1984–1995. С. 90.

[19] Витяг з доповідної записки голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому про підготовку до урочистостей, присвячених святкуванню 1 травня. 29 квітня 1986 року // Чорнобильське досьє КГБ: Суспільні настрої. ЧАЕС у поставарійний період: Збірник документів про катастрофу на Чорнобильській АЕС. Київ, 2019. С. 26–27.

[20] *Муха С.* Інформаційне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 28 квітня 1986 року.

[21] *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви // Українська правда. 2011. 25 квітня.

[22] Докладная записка КГБ в ЦК Коммунистической партии Украины. 28 апреля 1986 года // ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2337; Чорнобильська катастрофа в документах, фактах та долях людей: 1986–2006 / Ред. В. Миколюк та ін. Київ, 2006. С. 258; *Китраль А.* Горбачев — Щербицкому: «Не проведешь парад — сгною!» // Комсомольская правда в Украине. 2011. 26 апреля; *Новоселова Е.* Указ. соч.

[23] От Совета министров СССР // Правда. 1986. 1 мая.

[24] *Ярошинская А.* Чернобыль: Большая ложь. М., 2011. С. 313.

[25] *Китраль А.* Указ. соч. Ср.: *Добровольський Л.* Заходи з ліквідациею наслідків аварії на Чорнобильської АЭС: Хронікі надії // Журнал з проблем медицини праці. 2011. № 1. С. 7.

[26] *Китраль А.* Указ. соч.; *Шеремета Е.* Рада Щербицкая: «После Чернобыля Горбачев сказал Владимиру Васильевичу: „Если не проведешь первомайскую демонстрацию, то можешь распрощаться с партией“» // Факты. 2006. 17 февраля.

[27] *Лисниченко И.* Александр Ляшко: «Когда Яворивский читал доклад с обвинениями в мой адрес, я стоял у гроба дочери… И не мог его слышать» // Факты. 2001. 27 апреля.

[28] См. фотографии: *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви; *Халтурина К.* Первомай: от первой стачки «за работу» до бесплатного труда. Что отмечаем сегодня? // TopKyiv. 2016. 1 мая [topkyiv.com/news/pervomaj-ot-pervoj-stachki-za-rabotu-do-besplatnogo-truda-chto-otmechaem-segodnya].

[29] *Халтурина К.* Указ. соч.

[30] Там же; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року [rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[31] *Гончар О.* Указ. соч. С. 91; Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 року; Витяг з інформаційного повідомлення голови КДБ УРСР С. Мухи до ЦК КПУ про виявлення напередодні першотравневих свят листовок у Києві. 1 травня 1986 року // Чорнобильське досьє КГБ. С. 35.

[32] *Аккерман Г.* Михаил Горбачев: «Чернобыль сделал меня другим человеком» // Новая газета. 2006. 2 марта.

[1] *Пасишнеченко Е.* Мы на РАФе с мигалками // Рабочая газета. 2012. 26 апреля.

[2] *Черных Е.* Егор Лигачев: «Странно, конечно, что Горбачев не съездил в Чернобыль» // Комсомольская правда. 2011. 28 апреля; *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3: На ступенях власти. Ч. 2. С. 358; *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 1 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0].

[3] *Ляшко А.* Указ. соч. С. 358; *Новоселова Е.* Хроника молчания. Николай Рыжков: Раздался звонок правительственной связи — на Чернобыле авария // Российская газета. 2016. 25 апреля.

[4] *Бабаков С.* С предъявленными мне обвинениями не согласен… // Зеркало недели. 1999. 29 августа; *Василь М.* Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Если бы нашли для меня расстрельную статью, то, думаю, расстреляли бы» // Факты. 2000. 18 октября; *Ляшко А.* Указ. соч. С. 359.

[5] Интервью с Борисом Качурой // Розпад Радянського Союзу: Усна історія незалежної України, 1988–1991 [oralhistory.org.ua/interview-ua/360].

[6] *Новоселова Е.* Указ. соч.

[7] *Ляшко А.* Указ. соч. С. 360.

[8] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 1.

[9] *Сінько В.* Чорнобильський рубець // Сільські вести. 2013. 26 квітня.

[10] *Шеремета Е.* Виталий Масол: «Мы тихонечко готовились к эвакуации Киева» // Факты. 2006. 26 апреля; *Сінько В.* Указ. соч.

[11] *Петров Ю.* За паролем «блискавка»: Спогади участників ліквідації наслідків аварії на Чорнобильській АЕС // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. С. 372–380; *Пасишнеченко Е.* Указ. соч.

[12] *Муха С*. Інформаційне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ про вибух 4-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 28 квітня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. № 1. С. 69–70; От Совета министров СССР // Правда. 1986. 1 мая; Інформація Міністерства охорони здоров'я УРСР для Ради міністрів та ЦК Компартії України про радіаційну обстановку і вміст радіоактивних речовин у навколишньому середовищі та продуктах харчування. 3–4 травня 1986 року // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. Київ, 1996. № 77–79; Стенограма засідання № 1 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 3 травня 1986 року // Чорнобиль: Документи Оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988. Київ, 2017. С. 28–35.

[13] Стенограма засідання № 1 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 3 травня 1986 року; *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 144–149.

[14] Прапор перемоги. 1986. 29 апреля, 1 мая, 3 мая.

[15] Стенограма засідання № 1 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 3 травня 1986 року; Стенограма засідання № 2 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 4 травня 1986 року // Чорнобиль: Документи Оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988. Київ, 2017. С. 40–49.

[16] Стенограма засідання № 2 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 4 травня 1986 року.

[17] *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 57–59.

[18] *Сінько В.* Указ. соч.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 97–100.

[22] *Сінько В.* Указ. соч.

[23] *Medvedev Zh.* Op. cit. P. 79.

[24] Повідомлення Опергуп КДБ СРСР та КДБ УРСР про хід робіт з ліквідації наслідків аварії на Чорнобильській АЕС. 1 травня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. С. 71–72;

Довідка 6-го Управління КДБ УРСР про хід робіт з ліквідації наслідків аварії на Чорнобильській АЕС. 4 травня 1986 року // З архівів. С. 73–74; *Сінько В.* Указ. соч.

[1] *Cherniaev A.* Gorbachev's Foreign Policy: The Concept // Turning Points in Ending the Cold War / Ed. by K. Skinner. Stanford, 2007. P. 128–129.

[2] *Ярошинская А.* Чернобыль: Большая ложь. М., 2011. С. 288.

[3] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 203–204.

[4] The China Syndrome. 1979. DVD / Sony Pictures Home Entertainment. 2004.

[5] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 3 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0]; Постановление ЦК КПСС «О ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и мерах по усилению этих работ» // National Security Archive [nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1986-05-05.Memo.pdf].

[6] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3.

[7] *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 58–59; *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3.

[8] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3; *Medvedev G.* Op. cit. P. 203.

[9] *Самоделова С.* Белые пятна Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 25 апреля; *McGinty S.* Lead Coffins and a Nation's Thanks for the Chernobyl Suicide Squad // The Scotsman. 2011. March 16; *Легасов В*. Указ. соч. Текст с кассеты 3.

[10] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3; *Medvedev G.* Op. cit. P. 223–224.

[11] Евгений Велихов о себе в программе «Линия жизни» / Российский телеканал «Культура» [tvkultura.ru/person/show/person_id/110366]; *Нузов В.* Интервью с академиком Евгением Велиховым // Вестник. 2001. 23 октября. Т. 281. № 22 [www.vestnik.com/issues/2001/1023/koi/nuzov.htm].

[12] *Легасов В*. Указ. соч. Текст с кассеты 1; *Андреев Ю.* Несчастья академика Легасова // Лебедь. 2005. 2 октября. № 445 [lebed.com/2005/art4331.htm].

[13] *Medvedev Zh.* Op. cit. P. 57–59.

[14] *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 157.

[15] *Шеремета Е.* Виталий Масол: «Мы тихонечко готовились к эвакуации Киева» // Факты. 2006. 26 апреля.

[16] Интервью с Борисом Качурой // Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України, 1988–1991 [oralhistory.org.ua/interview-ua/360].

[17] Довідка 6-го Управління КДБ УРСР про можливі причини аварії на Чорнобильській АЕС. 5 травня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. С. 58–50.

[18] Докладная записка председателя Исполнительного комитета Киевского городского совета народных депутатов Валентина Згурского на имя первого секретаря ЦК КПУ Владимира Щербицкого. Май 1986 // ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2337. Л. 5; Стенограма засідання № 5 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 8 травня 1986 року // Чорнобиль: Документи Оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988. Київ, 2017. С. 71–79.

[19] Интервью с Борисом Качурой.

[20] *Колпаков Г.* Он быстро разбирался в этих радиационных вещах // Газета.ru. 2014. 23 января; *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: «Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви» // Українська правда. 2011. 25 квітня; *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3: На ступенях власти. Ч. 2. С. 372–375.

[21] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3; *Medvedev Zh.* Op. cit. P. 61.

[22] Интервью с Борисом Качурой; *Кушнір Л.* Валентина Шевченко: «Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви»; Стенограма засідання № 5 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 8 травня 1986 року.

[23] *Шеремета Е.* Виталий Масол: «Мы тихонечко готовились к эвакуации Киева»; *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3.

[24] *Medvedev Zh.* Op. cit. P. 61–62.

[1] *Medvedev G.* The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 223–224.

[2] *Губарев В., Одинец М.* Город, море и реактор // Правда. 1986. 8 мая; Интервью с Борисом Качурой // Розпад Радянського Союзу. Усна історія незалежної України, 1988–1991 [oralhistory.org.ua/interview-ua/360].

[3] *Губарев В., Одинец М.* Указ. соч.

[4] *Грабовский М.* Атомный аврал. М., 2001. С. 129; *Митюнин А.* Атомный штрафбат // Атомная стратегия XXI века. 2005. № 1 [www.seu.ru/programs/atomsafe/books/AShtrafbat.pdf].

[5] *Митюнин А.* Указ. соч.

[6] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 мая 1986 г. № 634–188, цит. по: Сборник информационно-нормативных документов по вопросам преодоления в Российской Федерации последствий Чернобыльской катастрофы. Ч. 1, 2: Материалы 1986–1992 гг. М., 1993. С. 21.

[7] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 2 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0]; *Тараканов Н.* Чернобыльские записки, или Раздумья о нравственности. М., 1989. С. 136–172; *Митюнин А.* Указ. соч.

[8] *Скляров В.* Завтра был Чернобыль. М., 1993. С. 169.

[9] *Шеремета Е.* Виталий Масол: «Мы тихонечко готовились к эвакуации Киева» // Факты. 2006. 26 апреля; *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3; Стенограма засідання № 6 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 10 травня 1986 року // Чорнобиль: Документи оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988, Київ, 2017. С. 83–89.

[10] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3.

[11] *Левин Д.* Чернобыль глазами очевидцев спустя почти четверть века после аварии; цит. по: [vnmazurenko.blogspot.com/2011/07/vrossii.html]; ЧАЭС: Ликвидация аварии // Чернобыль, Припять, Чернобыльская АЭС и зона отчуждения [chornobyl.in.ua/licvidacia-avarii.html].

[12] *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 202.

[13] *Алексиевич С.* Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М., 2013. С. 14–15.

[14] Там же. С. 15–17.

[15] *Щербак Ю.* Указ. соч. С. 129–132.

[16] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 18–25.

[17] *Ivanov V., Gorski A., Maksioutov M., Tsyb A., Souchkevitch G.* Mortality Among the Chernobyl Emergency Workers: Estimation of Radiation Risks (Preliminary Analysis) // Health Physics. 2001. Vol. 81. № 5. P. 514–521; *Rahu M., Rahu K., Auvinen A., Tekkel M., Stengrevics A., Hakulinen T., Boice D., Inskip P.D.* Cancer Risk Among Chernobyl Cleanup Workers in Estonia and Latvia, 1986–1998 // International Journal of Cancer. 2006. Vol. 119. P. 162–168.

[1] Выступление М.С. Горбачева по советскому телевидению 14 мая 1986 года // Правда. 1986. 15 мая.

[2] *Whitington L.* Chernobyl Reactor Still Burning // United Press International. 1986. April 29 [www.upi.com/Archives/1986/04/29/Chernobyl-reactor-still-burning/9981572611428]; *Scott Ingram W.* The Chernobyl Nuclear Disaster. New York, 2005. P. 56–59.

[3] *Reagan R.* Radio Address to the Nation on the President's Trip to Indonesia and Japan. 1986. May 4 [www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/50486c.htm].

[4] *Nelson J.* Reagan Criticizes Disaster Secrecy // Los Angeles Times. 1986. May 4; *Reynolds D.* Summits: Six Meetings That Shaped the Twentieth Century. New York, 2007. P. 383–385.

[5] Statement on the Implications of the Chernobyl Nuclear Accident. 1986. May 5 / G7 Tokyo Summit. Ministry of Foreign Affairs of Japan [www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/past_summit/12/e12_d.html].

[6] Доповідна записка голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому про оперативну ситуацію у зв'язку з аварією на ЧАЕС. 16 травня 1986 року // Чорнобильске досьє КГБ. Суспільні настрої у поставарійний період: Збірник документів про катастрофу на Чорнобильській АЕС. Київ, 2019. С. 69–74.

[7] *Daniloff N.* Of Spies and Spokesmen: My Life as a Cold War Correspondent. Columbia, MO, 2008. P 347–348; Доповідна записка Міністерства закордонних справ УРСР в ЦК Компартії України про

відвідування союзного міністерства іноземними дипломатами у зв'язку з аварією на ЧАЕС // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. Київ, 1996. № 64.

[8] *Daniloff N.* Op. cit. P. 347–348; Информационное сообщение КГБ УССР в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 11 мая 1986 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1113; *Муха С.* Информационное сообщение КГБ УССР в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 12 мая 1986 г. // Там же; Доповідна записка голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому про оперативну ситуацію у зв'язку з аварією на ЧАЕС. 16 травня 1986 року // Чорнобильське досьє КҐБ. С. 69–74.

[9] *Daniloff N.* Op. cit. P. 343–344; Спеціальне повідомлення голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому щодо реакції іноземців, які перебувають в СРСР, у зв'язку з аварією на ЧАЕС. 30 квітня 1986 року // Чорнобильське досьє КҐБ. С. 28–30.

[10] *Муха С.* Информационное сообщение КГБ УССР в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 5 мая 1986 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1113; Доповідна записка голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому про оперативну ситуацію у зв'язку з аварією на ЧАЕС. 16 травня 1986 р.

[11] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 3 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0].

[12] *Christensen A.* The Area Around the Chernobyl Nuclear Plant Was Not Evacuated Until 36 Hours After a Fiery Explosion // United Press International. 1986. May 6 [www.upi.com/Archives/1986/05/06/The-area-around-the-Chernobyl-nuclear-power-plant-was/1746515736000]; *Daniloff N.* Op. cit. P. 344–345; *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 67–68.

[13] *Губарев В., Одинец М.* Станция и вокруг нее: Наши специальные корреспонденты передают из района Чернобыльской атомной электростанции // Правда. 1986. 6 мая; От Совета Министров СССР // Там же; Сообщение ТАСС // Там же; News Summary // New York Times. 1986. May 6.

[14] Стенограма засідання № 3 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 5 травня 1986 року // Чорнобиль: Документи Оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988. Київ, 2017. С. 52–59;

Стенограма засідання № 5 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 8 травня 1986 року // Там же. С. 71–79; *Taubman P.* Residents of Kiev Warned to Guard Against Radiation // New York Times. 1986. May 9.

[15] *Taubman P.* Residents of Kiev Warned to Guard Against Radiation; *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3: На ступенях власти. Ч. 2. С. 357; *Daniloff N.* Op. cit. P. 343.

[16] *Darst R.G.* Smokestack Diplomacy: Cooperation and Conflict in East-West Environmental Politics. Cambridge, 2001. P. 149–152.

[17] *Велихов Е.* Я на саночках поеду в 35 год // Вклад курчатовцев в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. М., 2012. С. 71–72; *Nazaryan A.* The Russian Massive Radar Site in the Chernobyl Exclusion Zone // Newsweek. 2014. April 18.

[18] *Велихов Е.* Указ. соч. С. 71–72; *Mayr W.* Chernobyl's Aftermath: The Pompeii of the Nuclear Age. Part 3: A Dramatic Increase in Birth Defects // Spiegel International. 2006. April 17; Пресс-конференци в Москве // Правда. 1986. 11 мая; Soviets Gaining Control at Chernobyl, Panel Says // Los Angeles Times. 1986. May 11; *Дубровин Б.* Благородные цели // Правда. 1986. 27 мая; *Medvedev G.* Op. cit. P. 68.

[19] *Арбатов Г.* Бумеранг // Правда. 1986. 9 мая.

[20] Выступление М.С. Горбачева по советскому телевидению 14 мая 1986 года.

[21] *Palazchenko P.* My Years with Gorbachev and Shevardnadze. University Park, 1997. P. 49.

[22] *Murray J.* The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin: Behind the Paper Curtain. Cheltenham, 1994; *Велихов Е.* Указ. соч. С. 71–72.

[23] Gorbachev Willing to Continue Talks // Observer-Reporter. 1986. May 16.

[24] Doctors Predict Chernobyl Death Toll Will Climb // Observer-Reporter. 1986. May 16; Doctor Foresees More Chernobyl Deaths // Standard Daily. 1986. May 16.

[25] Bone Marrow Specialist Returns to Moscow // Los Angeles Times. 1986. May 25; *Eaton W.J.* Gale Says Toll at Chernobyl Increases to 23 // Los Angeles Times. 1986. May 30; *Marples D.* The Social

Impact of the Chernobyl Disaster. Edmonton, 1988. P. 34–35; *Roark A.C.* Chernobyl “Hero”: Dr. Gale — Medical Maverick // Los Angeles Times. 1988. May 5.

[26] *Nelson J.* Reagan Criticizes Disaster Secrecy: Soviets “Owe World an Explanation” for Chernobyl Blast, President Says // Los Angeles Times. 1986. May 4.

[27] *Jarmas C.* Nuclear War: How the United States and the Soviet Union Fought over Information in Chernobyl’s Aftermath // GeoHistory. 2015. August 31 [geohistory.today/information-chernobyl-us-soviet].

[28] Ibid.; Chernobyl: Law and Communication. Transboundary Nuclear Air Pollution / Ed. by P.J. Sands. Cambridge, 1988. P. xxxvii.

[1] Укрытие для реактора / Интернет-музей «У Чернобыльской черты» [museum.kraschern.ru/razdely-muzeya/uchastie-krasnoyartsev/ukrytie-dlya-reaktora.php].

[2] Укрытие для реактора; *Губарев В.* Современные пирамиды: Укрытие для землян // Литературная газета. 2001. 12 декабря; *Сафонов Ю.* Система Славского // Зеркало недели. 1996. 19 апреля.

[3] *Сафонов Ю.* Чернобыль: Десятый год трагедии // Зеркало недели. 1995. 24 ноября.

[4] Повідомлення ОГ КДБ УРСР та КДБ СРСР у м. Чорнобилі до КДБ СРСР про радіаційну обстановку та хід робіт з ліквідації аслідків аварії на Чорнобильській АЕС 4 липня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. С. 118–119.

[5] Стенограма заседання № 32 Оперативної групи Політбюро ЦК Компартії України. 5 липня 1986 року // Чорнобиль: Документи Оперативної групи ЦК КПУ, 1986–1988. Київ, 2017. С. 338–346; *Барановская Н.* Испытание Чернобылем. Киев, 2016. С. 40; *Сафонов Ю.* Система Славского; Укрытие для реактора; Повідомлення ОГ КДБ УРСР та КДБ СРСР у м. Чорнобилі до КДБ СРСР про радіаційну обстановку та хід робіт з ліквідації аслідків аварії на Чорнобильській АЕС 24 липня 1986 року // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. С. 124–125.

[6] *Medvedev Zh.* The Legacy of Chernobyl. New York, 1990. P. 178.

[7] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 1 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0]; *Федуленко В.* 22 года Чернобыльской катастрофе [pripyat.com/articles/22-goda-chernobylskoi-katastrofe-memuary-uchastnika-i-mnenie-eksperta-chast-1.html].

[8] *Федуленко В.* Указ. соч.; *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 181–186.

[9] Чернобыльская трагедия // Пихоя Р. Советский Союз: История власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 434.

[10] *Бабаков С.* С предъявленными мне обвинениями не согласен… // Зеркало недели. 1999. 29 августа; *Шуневич В.* Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Когда после взрыва реактора моя мама узнала…» // Факты. 2010. 1 декабря; *Шуневич В.* Бывший директор Чернобыльской атомной электростанции Виктор Брюханов: «Ночью, проезжая мимо четвертого блока, увидел, что верхнего строения над реактором… нету!» // Факты. 2006. 28 апреля [pripyat-city.ru/publications/8-intervyu-s-viktorom-bryuxanovym.html].

[11] *Яковлев А.* Сумерки. М., 2003. С. 388.

[12] *Аккерман Г.* Горбачев: «Чернобыль сделал меня другим человеком» // Новая газета. 2006. 2 марта; *Емельяненков А.* Чернобыль до востребования // Российская газета. 2016. 25 апреля.

[13] Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 г. // Сайт Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонда) [www.gorby.ru/userfiles/protokoly_politbyuro.pdf].

[14] Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 г.

[15] *Ярошинская А.* Чернобыль: Двадцать лет спустя. Преступление без наказания. М., 2006. С. 444–452; Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 г.; *Карпан Н.* Чернобыль: Месть мирного атома. М., 2005. С. 393–396.

[16] *Легасов В.* Указ. соч. Текст с кассеты 3 [пересказ]; *Астахова А.* Тайны чернобыльской катастрофы: зачем КГБ выкрал секретный доклад МАГАТЭ // Украина криминальная. 2015. 27

апреля [cripo.com.ua/?sect_id=2&aid=192439].

[17] Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 года.

[18] *Patterson W.* Chernobyl: The Official Story // Bulletin of the Atomic Scientists. 1986. Vol. 42. № 9. P. 34–36; *Diamond S.* Experts in Vienna Outline New Plan for A-Plant Safety // New York Times. 1986. August 30.

[19] Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и ее последствиях, подготовленная для МАГАТЭ // Атомная энергия. 1986. Vol. 61. № 5 [elib.biblioatom.ru/text/atomnaya-energiya_t61-5_1986/go,4].

[20] *Астахова А.* Указ. соч.

[21] Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 г.; Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 2 октября 1986 г. // Сайт Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонда).

[22] Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 3 июля 1986 г.

[23] Укрытие для реактора; *Губарев В.* Указ. соч; *Сафонов Ю.* Система Славского.

[24] *Троицкий А.* Энергетика страны и люди из власти: Воспоминания, хроника, размышления. М., 2013. С. 155; *Сафонов Ю.* Система Славского.

[25] Перевод Н. Ушакова.

[26] Документальный фильм «Славский Е.П. Прощание с саблей», опубликовано на YouTube 17 сентября 2013 года [www.youtube.com/watch?v=bFGxtpRshHI]; *Скляров В.* Завтра был Чернобыль. М., 1993. С. 6–11.

[1] *Андреев Ю.* Несчастья академика Легасова // Лебедь. 2005. 2 октября [lebed.com/2005/art4331.htm]; *Василь М.* Фамилию академика Легасова, «заработавшего» лучевую болезнь во время семи командировок на аварийную ЧАЭС, трижды вычеркивали из списка награжденных Звездой Героя // Факты. 2001. 28 апреля.

[2] *Богданов К.* Физики vs. лирики: к истории одной «придурковатой» дискуссии // Новое литературное обозрение. 2011. № 5 (111).

[3] *Андреев Ю.* Указ. соч.

[4] *Легасов В., Демин В., Шевелев Я.* Нужно ли знать меру в обеспечении безопасности? // Энергия и экология. 1984. С. 9–17; *Василь М.* Указ. соч.; *Станцо В.* Академик Валера // Химия и жизнь. 1991. № 4 [hij.ru/read/2549].

[5] *Василь М.* Указ. соч.

[6] *Легасов В.* Из сегодня — в завтра: Мысли вслух. Чернобыль и безопасность. М., 1996. С. 146; *Василь М.* Указ. соч.

[7] *Легасов В.* Об аварии на Чернобыльской АЭС. Текст с кассеты 1 // Электронная библиотека RoyalLib.com [royallib.com/read/legasov_valeriy/ob_avarii_na_chernobilskoy_aes.html#0]; *Андреев Ю.* Указ. соч.

[8] *Reason J.* Managing the Risks of Organizational Accidents. London, 1997. P. 15.

[9] *Василь М.* Указ. соч.

[10] *Шмараева Е.* Радиоактивный процесс: 30 лет назад обвиняемых по делу об аварии на Чернобыльской АЭС судили прямо в зоне отчуждения // Медиазона. 2016. 26 апреля [zona.media/article/2016/26/04/chernobyl].

[11] *Карпан Н.* Чернобыль. Месть мирного атома: Исторический обзор этапов развития атомной науки и техники. Анализ причин событий Чернобыльской катастрофы. Киев, 2005. С. 426.

[12] *Возняк В.* От Тюмени до Чернобыля (записки Чернобыльского министра). М., 2016. С. 130; *Бабаков С.* «С предъявленными мне обвинениями не согласен…» // Зеркало недели. 1999. 29 августа.

[13] *Самоделова С.* Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля.

[14] Там же.

[15] *Шмараева Е.* Указ. соч.

[16] *Бабаков С.* «С предъявленными мне обвинениями не согласен…»; *Дятлов А.* Чернобыль: Как это было. М., 2003. Гл. 9.

[17] *Карпан Н.* Указ. соч. С. 427; *Шмараева Е.* Указ. соч.; *Самарин А.* Чернобыль никого и ничему не научил // Однако. 2010. 26 апреля [rostovkino.ru/viktor-bryuhanov-iz-partii-menya-isklyuchili-pryamo-na-zasedanii-politbyuro-ck.html]; *Шуневич В.* Виктор Брюханов: «Из партии меня исключили прямо на заседании Политбюро ЦК КПСС» // Факты. 2012. 7 июля.

[18] *Карпан Н.* Указ. соч. С. 443, 445.

[19] Там же. С. 464–471; *Дятлов А.* Указ. соч. Гл. 11.

[20] *Дятлов А.* Указ. соч. Гл. 11. С. 162; *Самарин А.* Указ. соч.; Бюллетень Верховного суда СССР. М., 1987. Вып. 20; цит. по: *Бабаков С.* «С предъявленными мне обвинениями не согласен…»; *Карпан Н.* Указ. соч. С. 516–524.

[21] *Бабаков С.* Указ. соч.; *Шуневич В.* Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Когда после взрыва реактора моя мама узнала…» // Факты. 2010. 1 декабря; *Василь М.* Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Если бы нашли для меня расстрельную статью, то, думаю, расстреляли бы» // Факты. 2000. 18 октября.

[22] *Легасов В.* Из сегодня — в завтра // Правда. 1987. 5 октября.

[23] *Василь М.* Указ. соч.

[1] Записка первого секретаря Национального союза писателей Украины Юрия Мушкетика в ЦК Коммунистической партии Украины, 20 января 1988 г. // ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2996. Л. 3–4.

[2] Доповідна записка голови КДБ УРСР С. Мухи першому секретареві ЦК КПУ В. Щербицькому про антирадянську кампанію закордонних центрів ОУН у зв'язку з аварією на ЧАЕС. 2 червня 1986 року // Чорнобильське досьє КҐБ. Суспільні настрої у поставарійний період: Збірник документів про катастрофу на Чорнобильській АЕС. Київ, 2019. С. 81–85.

[3] Докладная записка председателя КГБ УССР Степана Мухи первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Щербицкому «О пребывании корреспондентов США». 20 ноября 1986 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1114; *Edwards M.* Ukraine; Chernobyl — One Year After: Photographs by Steve Raymer // National Geographic. 1987. Vol. 171. № 5. P. 595–631.

[4] Алесь Адамович предсказал страшные последствия Чернобыля и спас Беларусь от ядерных боеголовок // TUN.BY. 2007. 26 апреля [news.tut.by/society/86832.html].

[5] *Гончар О.* Собор. Київ, 1968. С. 14–15; *Solchanyk R.* Introduction // Ukraine: From Chernobyl to Sovereignty. New York, 1992. P. xiii.

[6] *Гончар О.* Щоденники. Київ, 2004. Т. 3: 1984–1995. С. 99, 107; *Возна М.* Екологічні мотиви в «Щоденниках» Олеся Гончара // Технологія і техніка друкарства. 2006. № 3. С. 136–145.

[7] Мистецтво України: біографічний довідник / Упоряд. А.В. Кудрицький, М.Г. Лабінський, за ред. А.В. Кудрицького. Київ, 1997. С. 357; *Левада О.* Здрастуй, Прип'ять! Київ, 1974. С. 69.

[8] Перевод Д. Седых.

[9] *Левада О.* Указ. соч. С. 56.

[10] *Драч І.* Корінь і крона. Київ, 1974. С. 27–31.

[11] Здесь и далее перевод Ю. Мезенко.

[12] *Драч І.* Чорнобильска Мадонна // Вітчизна. 1988. № 1. С. 46–62; *Zaleska-Onyshkevych L.M.* Echoes of Glasnost: Chornobyl in Soviet Ukrainian Literature // Echoes of Glasnost in Soviet Ukraine / Ed. by R. Bahry. North York, 1989. P. 151–170.

[13] *Литвин В.* Політична арена України: Дійові особи та виконавці. Київ, 1994. С. 110–111; *Драч І.* Політика: Статті, доповіді, виступи, інтерв'ю. Київ, 1997. С. 334.

[14] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. Стенографический отчет: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 31.

[15] Информационное сообщение председателя КГБ УССР Степана Мухи в Центральный комитет Коммунистической партии Украины за 17 июля 1986 года. С. 3 // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1114; Информационное сообщение председателя КГБ УССР Николая Голушко в Центральный комитет Коммунистической партии Украины за 29 июня 1987 года. С. 2 // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1117.

[16] *Shcherbak I.* Chernobyl: A Documentary Story / Foreword by David R. Marples. Edmonton, 1989; *Литвин В.* Указ. соч. С. 182.

[17] Информационное сообщение за 16 апреля 1987 года председателя КГБ УССР Степана Мухи первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Щербицкому; Обращение в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Министерство атомной промышленности СССР и газету «Правда» // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1116.

[18] Информационное сообщение КГБ УССР в ЦК КПУ от 25.04.1988 г. «О готовящейся активистами т.н. „украинского культурологического клуба" антиобщественной акции» // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 14. Пор. 4. Л. 189; Выступление Олеся Шевченко на заседании Верховной Рады Украины 11 декабря 1991 [rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[19] *Marples D.R.* Ukraine Under Perestroika: Ecology, Economics and the Workers' Revolt. New York, 1991. P. 137–141.

[20] Інформаційне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ від 14.11.1988 р. «О состоявшемся в г. Киеве митинге по проблемам экологии» // Електронний архів українського визвольного руху [avr.org.ua/viewDoc/11231].

[21] *Marples D.R.* Op. cit. P. 141–142; *Овсієнко В.* Макар Іван Іванович // Віртуальний музей «Дисидентський рух в Україні» [archive.khpg.org/index.php?id=1184058826]; *Мельник І.* Перший мітинг у Львові: Спогади очевидця // Збруч. 2013. 13 червня.

[22] Докладная записка председателя КГБ Украинской СССР Николая Голушко первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Щербицкому «О создании инициативной группы в поддержку перестройки в Союзе писателей Украины». 24 ноября 1988 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1120; *Драч І.* Політика. С. 334.

[23] Письмо Владимира Щербицкого в ЦК КПСС, 7 января 1989 г. // ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2671. Л. 1–3.

[1] Вспоминая Чернобыльскую катастрофу [sites.google.com/site/kloynpetryshka/home/cernobyl].

[2] *Голушко Н.* Спеціальне повідомлення КДБ УРСР до ЦК КПУ про основні інженерно-технічні та організаційні проблеми ліквідації наслідків аварії на Чорнобильській АЕС. 6 грудня 1988 р. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2001. Т. 16. № 1. С. 370–371.

[3] *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1997; *Miller Ch.* The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill, 2016.

[4] *Кипиани В., Федорин В.* «Щербицкий сказал — какой дурак придумал слово „перестройка“?» // Історична правда. 2011. 11 вересня.

[5] Докладная записка председателя КГБ Украинской СССР Николая Голушко первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Щербицкому «Об откликах на встречу Генерального секретаря ЦК КПСС с группой писателей». 27 февраля 1989 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1122; *Гарань О.* Від створення Руху до багатопартійності. Київ, 1992.

[6] Програма Народного Руху України за перебудову // Літературна Україна. 1989. 16 лютого. Program of the Popular Movement for Restructuring of Ukraine // Towards an Intellectual History of Ukraine: An Anthology of Ukrainian Thought from 1710 to 1995 / Ed. by R. Lindheim, G.S.N. Luckyj. Toronto, 1996. P. 353–354.

[7] *Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D., Larin V.* The Environmental History of Russia. Cambridge, 2013. P. 274–284.

[8] *Marples D.* Ukraine Under Perestroika: Ecology, Economics and the Workers' Revolt. New York, 1991. P. 155.

[9] *Ярошинская А.* Босиком по битому стеклу: Воспоминания, дневники, документы. Житомир, 2010. Т. 1; *Кіпіані В.* Ярошинська, що ти робиш у Народицькому районі!? // Українська правда. 2006. 29 квітня.

[10] *Ярошинская А.* Чернобыль: Большая ложь. М., 2011. С. 1–40; ср.: *Yaroshinskaya A.* Chernobyl: Crime Without Punishment. New Brunswick, 2011. P. 1–23.

[11] Выступление Виталия Карпенко на заседании Верховной Рады Украины 11 декабря 1991 г. [iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html]; Выступление Владимира Яворивского на заседании Верховной Рады Украины 11 декабря 1991 // Там же; *Yaroshinskaya A.* Op. cit. P. 46–47.

[12] *Yaroshinskaya A.* Op. cit. P. 25.

[13] *Адамович А.* «Честное слово, больше не взорвется», или Мнение неспециалиста // Новый мир. 1988. № 9. С. 164–171; Алесь Адамович предсказал страшные последствия Чернобыля и спас Беларусь от ядерных боеголовок // TUT.by. 2007. 26 апреля [news.tut.by/society/86832.html].

[14] *Marples D.* Op. cit. P. 50–52.

[15] *Yaroshinskaya A.* Op. cit. P. 32–45; *Ярошинская А.* Босиком по битому стеклу. Т. 2. С. 7–55; Докладная записка председателя КГБ Украинской ССР Николая Голушко первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Щербицкому «Об обстановке в Народическом районе Житомирской области». 16 июня 1989 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1123.

[16] *Marples D.* Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe. London, 1996. P. 121–122.

[17] *Dawson J.I.* Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Durham, 1996. P. 59–60.

[18] *Литвин В.* Політична арена України: Дійові особи та виконавці. Київ, 1994. С. 214-215.

[19] Докладная записка председателя КГБ Украинской ССР Николая Голушко первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Владимиру Ивашко «О протестах, связанных со строительством и эксплуатацией АЭС в республике». 29 апреля 1988 г. // ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1125; Докладная записка председателя КГБ Украинской ССР Николая Голушко председателю Совета министров Украины Виталию Масолу «О неблагополучной обстановке, складывающейся вокруг Хмельницкой АЭС». 11 мая 1990 г. // Там же. Д. 1126.

[20] *Гончарук Г.* Народный Рух Украины: История. Одесса, 1997; *Efremenko D.* Eco-nationalism and the Crisis of Soviet Empire, 1986–1991 // Irish Slavonic Studies. 2012. Vol. 24. P. 17–20.

[1] 1991 рік: перші дні усвідомлення. Фоторепортаж // Укрінформ. 2013. 23 серпня [www.ukrinform.ua/rubric-other_news/1536034-1991_rik_pershi_dni_usvidomlennya_fotoreportag_1856500.html].

[2] *Плохий С.* Последняя империя: Падение Советского Союза. М., 2016. С. 111–198.

[3] Верховна Рада України / Официйний веб-портал. Стенограма пленарного засідання 24 серпня 1991 року [iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4595.html].

[4] Чому акт проголошення незалежності України зачитав комуніст. Громадське радіо. 25 серпня 2016 року [hromadske.radio/podcasts/kyiv-donbas/chomu-akt-progoloshennya-nezalezhnosti-ukrayiny-zachytav-komunist]; Интервью автора с Леонидом Кравчуком. 21 ноября 2016 г. Гарвардский университет.

[5] *Яворівський В.* Марія з полином у кінці століття. Київ, 1988 (журнальная публикация — 1987); *Гончар О.* Листи. Київ, 2008. С. 301.

[6] Лист голови КДБ УРСР М. Голушка голові комісії ВР УРСР з питань Чорнобильської катастрофи В. Яворівському про шляхи перетворення об'єкта «Укриття» на екологічно безпечну систему. 23 травня 1991 року // Чорнобильське досьє КҐБ. Суспільні настрої. ЧАЕС у поставарійний період: Збірник документів про катастрофу на Чорнобильській АЕС. Київ, 2019. С. 889–892; *Яворівський В.* Усі ми — жертви і винуватці катастрофи // Ойкумена. 1991. № 2; *Яворівський В.* Правда Чорнобиля: коло перше // Ойкумена. 1991. № 5; *Яворівський В.* Хто запалив зорю Полин? // Наука і суспільство. 1991. № 9.

[7] *Шуневич В.* Бывший директор Чернобыльской атомной электростанции Виктор Брюханов: «Ночью, проезжая мимо четвертого блока, увидел, что верхнего строения над реактором… нету!» // Факты. 2006. 28 апреля [pripyat-city.ru/publications/8-intervyu-s-viktorom-bryuxanovym.html].

[8] *Шуневич В.* Виктор Брюханов: «Из партии меня исключили прямо на заседании Политбюро ЦК КПСС» // Факты. 2012. 7 июля; *Дятлов А.* Чернобыль: Как это было. М., 2003.

[9] INSAG-7: Чернобыльская авария: Дополнение к INSAG-1. Доклад международной консультативной группы по ядерной безопасности. Вена, 1993. С. 100.

[10] *Барановская Н.* Испытание Чернобылем. Киев, 2016. С. 221–222; *Ляшко А.* Груз памяти. Киев, 2001. Кн. 3: На ступенях власти. Ч. 2. С. 436, 439–440.

[11] Соглашения о создании Содружества Независимых Государств // Распад СССР: Документы и факты, 1986–1992 гг.: В 2 т. М., 2009. Т. 1: Нормативные акты. Официальные сообщения. С. 1028–

1031; *Плохий С.* Указ. соч. С. 378–472.

[12] Верховна Рада України / Офіційний веб-портал. Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України. 11 грудня 1991 р [iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/4642.html].

[13] *Ляшко А.* Указ. соч. С. 442–454.

[14] Уголовное дело против руководителей Украины. Чернобыльская авария. Ч. 4: Вина доказана, но дело закрыть… Расследование // Хроники и комментарии. 2011. 21 апреля [operkor.wordpress.com/2011/04/21]; *Ярошинская А.* Чернобыль: Двадцать лет спустя. Преступление без наказания. М., 2006. С. 464–492; *Барановська Н.* Архівні джерела вивчення Чорнобильської катастрофи // Архіви України. 2006. Т. 259. № 1–6. С. 170–184.

[15] *Sutella P.* The Underachiever: Ukraine's Economy Since 1991 // Carnegie Endowment for International Peace. 2012. March 9 [carnegieendowment.org/2012/03/09/underachiever-ukraine-s-economy-since-1991-pub-47451].

[16] *Фросевич Л.* Володимир Яворівський: «Саме з княгині Ольги я би починав історію України» // Вечірній Київ. 2016. 2 травня; *Барановская Н.* Указ. соч. С. 185–192; *Petryna A.* Chernobyl's Survivors: Paralyzed by Fatalism or Overlooked by Science? // Bulletin of the Atomic Scientists. 2011. Vol. 67. № 2; *Petryna A.* Life Exposed: Biological Citizens After Chernobyl. Princeton, 2002. P. 4, 23–25.

[17] *Удовиченко В.* Україна — світ — Чорнобиль: проблеми та перспективи // Науковіта технічні аспекти міжнародного співробітництва в Чорнобилі. Київ, 2001. № 3. С. 664–665.

[1] *Shcherbak Y.* The Strategic Role of Ukraine: Diplomatic Addresses and Lectures, 1994–1997. Cambridge, MA, 1998; *Плохий С.* Последняя империя: Падение Советского Союза. М., 2016. С. 232–238.

[2] *Harasymiw B.* Post-Communist Ukraine. Edmonton, 2002; *Kuzio T.* Ukraine: State and Nation Building. London, 1998; *Wolczuk K.* The Molding of Ukraine: The Constitutional Politics of State Formation. Budapest, 2001; *Плохий С.* Врата Европы: История Украины. М., 2018. С. 440–458.

[3] *Костенко Ю.* Історія ядерного роззброєння України. Київ, 2015. С. 369–399; *Greenhouse S.* Ukraine Votes to Become a Nuclear-Free Country // New York Times. 1994. November 17; *Lew K.*

Ukraine's President Arrives for State Visit to U.S., U.S. Promises Additional $200 Million in Assistance // Ukrainian Weekly. 1994. November 27. P. 1; For the Record: President Clinton's Remarks Welcoming President Kuchma // Ibid. P. 3; Ukraine, Nuclear Weapons and Security Assurances at a Glance // Arms Control Association [www.armscontrol.org/factsheets/Ukraine-Nuclear-Weapons].

[4] Budapest Memorandum on Security Assurances // Council on Foreign Relations. 1994. December 5 [treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/52241/Part/I-52241-08000002804011fbb.pdf]; Ukrainian Parliament Appeals to Budapest Memorandum Signatories // Interfax Ukraine. 2014. February 28 [en.interfax.com.ua/news/general/193360.html]; Editorial Board: Condemnation Isn't Enough for Russian Actions in Crimea // Washington Post. 2014. February 28; *Grant T.D.* The Budapest Memorandum and Beyond: Have the Western Parties Breached a Legal Obligation? // European Journal of International Law. 2015. February 18 [www.ejiltalk.org/the-budapest-memorandum-and-beyond-have-the-western-parties-breached-a-legal-obligation].

[5] Joint Summit Statement by President Clinton and President of Ukraine Leonid D. Kuchma // White House, Office of the Press Secretary. 1994. November 22 [www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-summit-statement-the-presidents-the-united-states-and-ukraine].

[6] *Darst R.G.* Smokestack Diplomacy: Cooperation and Conflict in East-West Environmental Politics. Cambridge, MA, 2001. P. 164–167.

[7] Ibid. P. 177; Ukraine: Chernobyl Plant Could Be Closed Down // Associated Press. 1995. April 13 [www.aparchive.com/metadata/youtube/f4d94438a 4ca1ea9d078a2472ea6612e]; *Kolomayets M.* Ukraine to Shut Down Chornobyl by 2000 // Ukrainian Weekly. 1995. April 16. P. 1, 4.

[8] *Petryna A.* Life Exposed: Biological Citizens After Chernobyl // Princeton. 2002. P. 92–93.

[9] Halifax G-7 Summit Communiqué. 1995. June 16 [www.g8.utoronto.ca/summit/1995halifax/communique/index.html]; Chernobyl Closure Agreed, But Who Foots the Bill? // Moscow Times. 1995. April 15; Talks Open on Pulling Plug on Plant // Reuters. 1995. November 2.

[10] Memorandum of Understanding Between the Governments of the G-7 Countries and the Commission of the European Communities and the Government of Ukraine on the Closure of the

Chernobyl Nuclear Plant // University of South Carolina Research Computing Facility [viterbi-web.usc.edu/~meshkati/G7.html].

[11] *Darst R.G.* Smokestack Diplomacy. P. 179–180.

[12] *Самоделова С.* Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля.

[13] *Darst R.G.* Smokestack Diplomacy. P. 181–183; Nuclear Power in Ukraine // World Nuclear Association. 2016. October [www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/ukraine.aspx]; EBRD Approves K2R4 Loan — Campaign Continues // Nuclear Monitor. 2000. December 15. P. 540 [www.wiseinternational.org/nuclear-monitor/540/ebrd-approves-k2r4-loan-campaign-continues].

[14] *Руденко М.* Чернобыльская АЭС: десять лет после часа «Ч» // Gorod.cn.ua. 2010. 20 декабря [www.gorod.cn.ua/news/gorod-i-region/22424-chernobylskaja-aes-desjat-let-posle-chasa-ch.html].

[15] *Marples D.* Nuclear Power Development in Ukraine: Déjà Vu? // New Eastern Europe. 2016. November 14 [neweasterneurope.eu/old_site/articles-and-commentary/2186-nuclear-power-development-in-ukraine-deja-vu].

[16] *Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D., Larin V.* An Environmental History of Russia. Cambridge, 2013. P. 267; Health Effects of the Chernobyl Accident and Special Health Care Programmes // World Health Organization. 2006. April [www.who.int/ionizing_radiation/chernobyl/backgrounder/en]; *Petryna A.* Chernobyl's Survivors: Paralyzed by Fatalism or Overlooked by Science? // Bulletin of the Atomic Scientists. 2011. Vol. 67. № 2; *Baverstock K., Williams D.* The Chernobyl Accident 20 Years On: An Assessment of the Health Consequences and the International Response // Environmental Health Perspectives. 2006. Vol. 114. № 9. P. 1312–1317; *Marples D.* Nuclear Power Development in Ukraine: Déjà Vu?

[17] *Marples D.* Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe. London, 1996. P. 46–52; *Josephson P. et al.* Op. cit. P. 263–266.

[18] *Darst R.G.* Op. cit. P. 179; NOVARKA and Chernobyl Project Management Unit Confirm Cost and Time Schedule for Chernobyl New Safe Confinement // European Bank for Reconstruction and

Development. 2011. April 8 [archive.li/w2pVU]; Chernobyl Confinement Reaches Final Stage, But Funds Need Boost // World Nuclear News. 2015. March 17; Chernobyl Donor Conference Raises Extra $200 Million for New Safe Confinement Project // Russia Today. 2015. April 30 [www.rt.com/news/254329-chernobyl-sarcophagus-project-funding].

[19] *Darst R.G.* Op. cit. P. 135.

[20] *Marples D.* Nuclear Power Development in Ukraine: Déjà Vu?

[21] *Lehmann H., Wadsworth J.* Chernobyl: The LongTerm Health and Economic Consequences CentrePiece. 2011. Summer [cep.lse.ac.uk/pubs/download/cp342.pdf]; *Lallanilla M.* Chernobyl: Facts About the Nuclear Disaster // LiveScience. 2019. June 19.

[22] *Madrigal A.* Chernobyl Exclusion Zone Radioactive Longer Than Expected // Wired. 2009. December 15 [www.wired.com/2009/12/chernobyl-soil]; *Plokhy S.* Chornobyl: A Tombstone of the Reckless Empire // Harvard Ukrainian Research Institute. 2016. April 21 [huri.harvard.edu/news/chornobyl-tombstone-reckless-empire-serhii-plokhii].

[1] *Motyl A.J.* Kiev's Purge: Behind the New Legislation to Decommunize Ukraine // Foreign Affairs. 2015. April 28.

[2] *Lochbaum D., Lyman E., Stranahan S.Q., The Union of Concerned Scientists*. Fukushima: The Story of a Nuclear Disaster. New York, 2014.

[3] *Conca J.* Bill Gates Making Progress on Next Generation of Nuclear Power — in China // Forbes. 2015. October 2.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)634
П39

авторизованный перевод с английского Дмитрий Карельский (главы 8–21, Эпилог), Сергей Лунин (Введение, Пролог, главы 1–7)

редактор Евгения Лавут

научный редактор Сергей Лунин

дизайн Юрий Остроменцкий, Дарья Яржамбек

фотография на обложке Уильям Дэниелс

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за Свободу (Германия)

This edition published by arrangement with Basic Books, an imprint of Perseus Books, LLC, a subsidiary of Hachette Books, New York, New York, USA.

Плохий С.

Чернобыль: История ядерной катастрофы / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2021. — 382 с. — (Новая история)

ISBN 978-5-98379-255-5

Самая большая техногенная катастрофа в истории, авария на Чернобыльской АЭС унесла тысячи жизней, обрушила главный религиозный культ XX века — веру в технический прогресс и стала символом несостоятельности всего советского проекта. Детальная история катастрофы и ее экологических и политических последствий — в новой книге профессора Гарвардского университета Сергея Плохия.

Сергей Плохий

Чернобыль

История ядерной катастрофы

Выпускающий редактор
Татьяна Григорьева

Корректор Светлана Крючкова

Верстка Ильяс Лочинов

Производство Семен Дымант

Новое издательство

123022, Москва

Столярный переулок, дом 3,
корпус 1

e-mail info@novizdat.ru

http://www.novizdat.ru

Подписано в печать
1 марта 2021 года